Créme de la Créme

Герард Реве

ПИСЬМА СИМОНУ К.

•

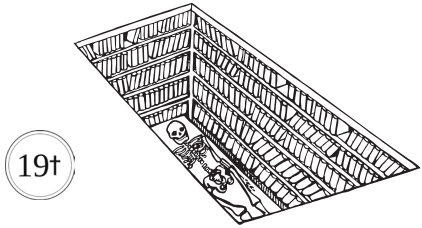
перевод с нидерландского Ольги Гришиной

Kolonna Publications
Митин Журнал

ББК 84.4 Нид

Gerard Reve

Brieven aan Simon C.



Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка и верстка: Ольга Сазонова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Copyright © Veen, 1982
Перевод © Ольга Гришина, 2014
© Kolonna Publications, 2014

ISBN 978-5-98144-190-5

СИМОН КАРМИГГЕЛТ И ГЕРАРД РЕВЕ – ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ

Симона Кармиггелта и Герарда Реве разделяла разница в 10 лет: Кармиггелт был 1913 года рождения, Реве – 1923. Десять значительных лет, поскольку, когда разразилась Вторая мировая война, Кармиггелт был уже взрослым мужчиной, а Реве – семнадцатилетним мальчиком. Тем не менее, познакомились они именно в военные годы, между прочим, в сопротивлении.

Кармиггелт, так же, как и его отец, работал в редакции подпольной сопротивленческой газеты «Пароль». Реве к тому времени исполнился 21 год, он был обучен типографскому делу и вместе с Кармиггелтом в числе прочих подготовил последние подпольные номера в амстердамской типографии Йессе. «Я едва знал его», – говорил Кармиггелт позже. Он вспоминал, что Реве написал для «Пароля» небольшую статью о хлебе, который шведы сбрасывали над Нидерландами – что, впрочем, оказалось мифом.

После войны, когда «Пароль» продолжил свое существование как обычная газета, Кармиггелт и Реве познакомились ближе. Началось с происшествия, которое Кармиггелт прекрасно помнил 35 лет спустя. Главный редактор газеты Ван Хейвен Гудхарт решил, что недурно было бы устроить для работников редакции капустник[1] в каком-нибудь кафе. Самый молодой должен был держать речь. Им оказался Герард. «Стало быть, все расселись по местам, и тут встает Герард, – рассказывал Кармиггелт. – Ван Хейвен Гудхарт обратил к нему благосклонный взгляд: мол, сейчас речь произнесет… и вот Герард произносит: «Э-э… да… праздник… не люблю я такие вещи… но, надо сказать… это довольно мило…» Реве вновь уселся на место, а Ван Хейвен Гудхарт проводил его ошарашенным взглядом. Кармиггелт спустя столько лет по-прежнему от души хохотал. «В те времена такие вещи были совершенно не приняты», – объяснял он.

В первые послевоенные годы в «Пароле» Кармиггелт был наставником Реве. «Основа краткости, характерной для моей прозы, заложена в те годы, писал Реве. – Я не задаю читателю загадок,

---

1 Зд.: праздник по поводу уборки кудрявой капусты *(здесь и далее прим. перев.)*

и этим я по большей части обязан журналистскому обучению в «Пароле», Кармиггелту – моему руководителю и учителю. (...) Письма, которые я написал ему и его жене Тини за последние годы, являются, кроме рассказов о том, что у меня на душе, в тоже время чем-то вроде литературного отчета. «Видишь, что получается из того, чему я у тебя научился».

Первое письмо Симону и Тини Реве отправил 1 мая 1971 г. из Венендала, где жил тогда у своего друга Хенка ван Манена (Мышонка) и его матери. В течение двадцати лет до того Кармиггелт и Реве встречались довольно редко, поскольку Реве через несколько лет ушел из «Пароля», чтобы посвятить себя писательству. В те же годы он развелся с женой, Ханни Михаэлис, и начал вступать в гомосексуальные связи. Не подлежит сомнению, что в сентябре 1955 у Кармиггелта и Реве еще раз состоялась пространная беседа. Кармиггелт тогда посетил Реве в его квартире на Галерее[I] в Амстердаме, чтобы взять у него интервью по поводу только что вышедшей на английском[II] книги «Акробат и другие истории»[III]. Реве назвал «Осеннюю паутину»[IV] своим лучшим рассказом, «поистине жемчужиной». «Когда я его перечитываю, мне с трудом верится, что это написано мною. И я смиренно склоняюсь пред Творцом».

Кармиггелт дал ему прочесть интервью, и Реве внес одну поправку: прописную «т» в слове «творец» он заменил на строчную. «А то подумают еще, что у меня мания величия», сказал он.

В 1971 г., шестнадцатью годами позже, состоялась новая, продолжительная встреча. Реве был у зубного врача, Кармиггелт жил неподалеку, и Реве зашел к нему без предупреждения. Реве в то время приходилось туго, он писал «Язык любви», находился в депрессии и искал поддержки. «Мы говорили о его книге, – рассказывал потом Кармиггелт, – и... э-э... сидел он... разговор не клеился. И тогда мы стали переписываться».

Кто был инициатором переписки? Мы этого не знаем, но я предполагаю, что Герард Реве, постоянно искавший корреспондентов, на которых мог бы оттачивать свой эпистолярный талант.

I Галерея 14, ряд магазинов. Верхние этажи сдавались под жилье. Реве и Михаэлис жили там с 1949 по 1957 г. Здания более не существует.

II В авторизованном переводе Ханни Михаэлис на нидерландский язык: «Vier wintervertellingen».

III Русский перевод в сборнике «Меланхолия», 2008 г.

IV В сб. «Меланхолия», пер. О. Гринвуд.

Он не стремился ближе узнать своих адресатов. Конечно, он много и откровенно писал о собственных чувствах, но у него не было надобности постигать внутренний мир другого. Ему прежде всего было важно исследовать письмо как литературный жанр. Письма должны были составить отдельную часть сочинений, эквивалентную его романам и рассказам.

Кармиггелт в письмах к Реве не стеснял себя рамками обязательств, ему не нужно было превращать письмо в литературу. Из своих писем к Реве он отдал в печать лишь малую толику, поскольку «не особо о них заботился»[I].

По всей вероятности, была еще одна причина, по которой он не опубликовал большинство писем. Из ответов Реве временами явствует, что Кармиггелт открыто писал о своих депрессиях. Но у него, в отличие от Реве, не было большой потребности обнародовать свою духовную жизнь. Поэтому перед публикацией в сборнике «Носом в книжку»[II] он подверг собственные письма цензуре. Прежде всего изъял пассажи о своей депрессии. Пример такой купюры – отрывок из письма от 3 мая 1971 г.: «Возможно, когда вы вернетесь из Франции, я опять совершенно расклеюсь, и жизнь мне будет не мила. Тогда разговоры не имеют смысла, потому что во время моих депрессий, граничащих с твоим отчаянием, я совершенно замыкаюсь в себе и в беседе способен только на «да» или «нет», что не особо ее поощряет».

Неопубликованные письма Кармиггелта порой, должно быть, разочаровывали Реве. 25 ноября 1971 Реве пишет ему: «Странно, что это письмо, при всем твоем расстройстве, навязчивее, отчетливее и разрушительнее по отношению к человечеству».

Реве несколько раз замечал, что Кармиггелт крайне мало думает о своей работе. Реве подбодрял его, расхваливая некоторые фельетоны и поэтический сборник, давал литературные советы. Это мелкая рябь на море эгоцентрических писем, но тем она заметнее. Константа этих советов – то, что Кармиггелт в своих фельетонах слишком стремится к острой концовке, сильному заключительному аккорду. Реве даже увещевает его: «Пересмотри при составлении сборника эти строки, эту реплику».

Кармиггелт, в свою очередь, пытается воодушевить Реве. «Каждый писатель страдает от депрессий, которых заслуживает, – пишет

I Опубликованные письма Кармиггелта см. на стр. 265.

II «Met de neus in de boeken», S. Carmiggelt en Peter van Straaten, 1979 г.

он Реве. – Твои тебе по размеру. Но если это не мешает тебе писать «Здоровую жизнь»[I], они, на мой взгляд, не должны создавать особых проблем. Только для тебя самого как «частного лица» и для окружающих. Но не для тебя, как писателя, и не для меня, как читателя».

Далее в опубликованных письмах Кармиггелт остается верным своему лаконизму. Тут комплимент, там забавная история и лишь изредка резкое излияние: «Большинство литераторов – завистливые язвы. Я предпочитаю актеров»[II].

У Реве и Кармиггелта, при всем их несходстве, имелось много общего. Оба писателя были виртуозными стилистами и утонченными острословами. Оба начинали в журналистике и выбрали писательство, принесшее им признание вплоть до премии П. С. Хофта. К тому же оба страдали алкоголизмом, и, упоминая об этом в письмах, выражали друг другу сочувствие.

В годы работы в «Пароле» Кармиггелт был наставником Реве. Двадцать лет спустя об этом уже не могло быть и речи. Не то чтобы они поменялись ролями, но всё же я чувствую в письмах Кармиггелта некое приглушенное чувство литературной неполноценности. Кармиггелт пишет Реве: «Ты – и это абсолютная метафора – любимчик дам, а я – любимчик пожилых дам. Я играю венские вальсы в период их климакса. Ты же – оркестр в концертном зале».

Кармиггелт предчувствовал, что отсвет вечности будет лежать на работах Реве дольше, чем на его собственных. Реве с этим не соглашается, он отвечает Кармиггелту четко и обстоятельно: «Мы с тобой друг над другом старшие. Я над тобой старший как стилист. Ты надо мной – как драматург». Однако похоже, что Реве полагает себя более преданным писательскому делу. «Ты – большой талант, – пишет Реве, – но твое существование, в отличие от моего, не отравлено безграничными амбициями: то, что я ставлю себе целью написать, должно по меньшей мере послужить спасению человечества».

Последнее письмо Реве написал Кармиггелту 19 сентября 1975 г. За эти четыре с половиной года мы наблюдаем расцвет и упадок дружбы. На самом ее пике Реве предлагает Кармиггелту ежемесячно встречаться в Амстердаме, а также приглашает его с женой погостить у них во Франции. Из этого ничего не вышло. Реве лишь изредка наезжает в Амстердам, Кармиггелта дача во Франции не

I См. письмо Реве от 1 мая 1971 г.

II См. письмо Кармиггелта от 1 августа 1971 г.

интересует. Возможно, оба они интуитивно чувствовали, что различий у них, в конце концов, больше, нежели сходства. Переписка с самого начала содержит зачатки разлада, который столь болезненно проявится впоследствии. Уже в 1971 г. Реве пишет: «Герой моего рассказа питает определенные гомо-садистские чувства по отношению к черным. А этого нельзя». Кармиггелт отметает этот страх как «необоснованный», хотя и замечает: «Пойми меня правильно, если ты всерьез будешь выступать в защиту превосходства белой расы над черной, я сочту это нелепостью, идущей вразрез с твоей верой».

Однако страх остракизма у Реве вовсе не столь необоснован. Несколько месяцев до того, 7 июля 1971 г., он написал Кармиггелту пресловутое письмо, в котором хотел бы «суринамскую и кюрасао-антильскую шайку (...) посадить на чуки-чуки-пароход, и без обратного билета в Джунгли Такки Такки». Чуть раньше он уже выказал раздражение по поводу текста, который Кармиггелт написал о выставке «Сонсбек вне рамок». «Я в самом деле не понимаю, отчего ты так мягко о ней пишешь. Мне вот было чудовищно стыдно».

Неизвестно, как отреагировал Кармиггелт на этот выпад. Уклончиво, пожав плечами, я подозреваю, и это злило Реве всё больше и больше. Когда Реве набрасывается на Партию Труда («Это партия Футбола и черни»), Кармиггелт вступается за Ден Эйла, Полака и Самкалдена[I], считая их выдающимися деятелями. Еще более сомнительным находит Кармиггелт просьбу Реве помочь опубликовать его расистское стихотворение «Для нашего наследия»:

Наших кассиров грабят на дорогах;
У стариков средь бела дня
Вырывают сумки со сбережениями;
Наших молочно-белых дочерей бесчестят.
Куда ты идешь, Родина моя?
О Нидерланды, проснитесь!
Выкиньте это черное отребье:
Наша страна – для нас!
Вперед, к Белой Власти!

I Полак и Самкалден: см. письмо от Реве 17 авг. 1971 г. Ден Эйл: см. прим. III на стр. 10.

Реве определенно был привязан к этому стихотворению, поскольку неоднократно просит Кармиггелта посодействовать его публикации. Годы спустя Кармиггелт скажет в интервью, что публикацию он Реве отсоветовал. «Не думаю, что ты действительно им дорожишь».

Причина, по которой переписка Реве и Кармиггелта в 1975 г. прекратилась, не ясна. Месяц спустя они дали продолжительное двойное интервью «Холландс Дип»[I], ни словом не упомянув о разрыве. Но при внимательном чтении этого интервью и нынешнем знании о положении дел заметно, что господа, невзирая на очевидную дружбу, глубоко расходятся во мнениях. Они проявляют несогласие друг с другом в отношении В. Ф. Херманса[II], Ден Эйла[III], злоупотребления социальными льготами, Партии Труда (сызнова), Франко, АВРО[IV], Ремко Камперта[V] и современной нидерландской литературы. Кармиггелт разделывается с некоторыми замечаниями Реве лаконично, но веско: «чепуха».

Я полагаю, что после этого интервью разрыв был неизбежен. Два года спустя, в 1977 г., еженедельник «Де Тейд»[VI] просит Реве написать статью по случаю присуждения Кармиггету премии П. С. Хофта. Реве отказывается. В письме в редакцию он называет Кармиггелта «истинным другом человека, при условии, что речь этого человека вульгарна и тюрьма по нему плачет». В первый раз он нападает на Кармиггелта в открытую. После этого наступает продолжительное затишье. До тех пор, как Баудевейн Бюх[VII] в январе 1983 г. не опубликовал в «Пароле» сенсационнейшее интервью, некогда взятое у Реве. В нем Реве теряет всякое самообладание. Словно одержимый, он нападает на женщину-политика из Партии Труда Йоке Свибел[VIII],

---

I Журнал, посвященный вопросам культуры и литературы.

II Willem Frederik Hermans (1921–1995) – романист, эссеист и философ.

III Johannes Marten (Joop) den Uijl (1919–1987) – политик.

IV (AVRO) Либеральное Протестантское Радиовещание.

V Remco Wouter Campert (1929) – поэт и писатель.

VI “De Tijd” (Время), общественно-политический журнал.

VII Boudewijn Maria Ignatius Büch (1948–2002) – поэт, писатель и телепрезентатор.

VIII Joke Swiebel (1941) – член Европейского парламента.

Харри Мулиша и Яна Волкерса[I], которым, по его мнению, место в концлагере, где их (Свибел, по крайней мере) нужно до смерти забить палками. Было бы замечательно, считает Реве, если бы Вим Полак, амстердамский бургомистр еврейского происхождения, уничтожил государство Израиль и «всех евреев на свете, поскольку социализм – «антисемитский». В конце концов под топор попадает и Кармиггелт. По словам Реве, тот в одном из интервью «Врей Недерланд»[II] сказал, что старики подлежат избиению. Разумеется, ничего подобного Кармиггелт не говорил. Он сказал, что старики более не в чести, и что в фильме «Заводной апельсин» избиение старика было встречено в кинозале восторженным воем. В глубине души Кармиггелт отвергал подобный сорт насилия.

Бюх с изумлением отреагировал на эту тираду. «Что произошло между вами и Кармиггелтом?» – спрашивает он. «Да что об этом говорить! – отвечает Реве. – Кармиггелт – человек, желающий быть в дружбе со всем и каждым, желающий быть популярным любой ценой. Если решение за чернью, он выберет чернь. Тут он ничего поделать не может. А так он – приятный человек, но ни разу не написал ни одного стоящего письма».

Этот выпад в некоторой степени напоминает иск, предъявленный журналу «Де Тейд» шестью годами раньше. Поведение Кармиггелта, должно быть, все эти годы стояло Реве поперек горла. Он считал Кармиггелта слабаком и оппортунистом. Сам Реве в этот период ступил на путь правого радикализма, возможно, даже экстремально правого. Ему хотелось повсюду трубить о своих политических убеждениях. Отсюда и его расистское стихотворение, отсюда нападки, в числе прочих, на Кармиггелта, который был весьма умеренным сторонником Партии Труда.

Кармиггелт был озадачен. «Мне кажется, что Реве в этот день несколько погорячился», сказал он колумнисту Нико Схепмакеру[III]. Во «Времени» он не хотел об этом распространяться. «Это превращается в вавилонское смешение языков. (...) Мои отношения с Реве идут волнами. Я жду момента, когда волна перекатится».

I Harry Kurt Victor Mulisch (1927–2010) – писатель. Ян Волкерс – см. прим. II к письму Реве от 5 мая 1971 г.

II “Vrij Nederland” (Свободные Нидерланды) – левый общественно-политический еженедельник.

III Nico Scheepmaker (1930–1990) – спортивный журналист, поэт, переводчик и колумнист.

Этого не произошло. Правда, Реве утверждал, что Бюх его неточно процитировал, но на следующей неделе, в интервью с Адом ван ден Хейвелем[I] в шоу «Всё совсем иначе» сказал буквально то же самое. Он жаловался, что никогда не получал ответов на вопросы по ряду дел, которые хотел обсудить. «Однажды он дал мне полезную литературную оценку по проблеме формы, – сказал Реве, – но я не думаю, что у него есть мнение о принципиальных вещах. Это тот сорт разочарования, которым заканчивается дружба: я глубоко ошибался. Я говорю, и кричу, и не изменяю своим убеждениям».

Он «глубоко ошибался». После этого высказывания было совершенно ясно, кто оборвал дружбу. Сын Кармиггелта, Франк, позже сказал мне, что его отец не имел понятия, отчего Реве прекратил отношения. Я думаю, что единственной причиной было неизбежное, роковое столкновение политической умеренности (Кармиггелта) и политической ярости (Реве). «Политику нам лучше более не затрагивать», – пишет Реве Кармиггелту уже в 1974 г. Действительно, так было бы лучше. Довольно часто политические высказывания Реве принимают за иронию, в то время как для него это было крайне серьезно.

Год спустя после интервью с Бюхом Кармиггелт осознал, что отношения с Реве уже никогда не наладятся. Он за 10000 гульденов продал все письма Реве издателю Яну Полаку. Деньги он вложил в установление статуй Вима Кана и Корри Фонк[II] на Лейдсеплейн в Амстердаме.

Дружба навеки осталась в прошлом. Мастера иронии выкинули иронию за борт и расстались окончательно.

По случаю 65-летия Реве в 1988 г. Тини Кармиггелт написала в «Элсевир»[III] открытое поздравление. Симон умер годом раньше.

I Aad van den Heuvel (1935) – журналист, телепрезентатор и писатель.

II Супружеская чета, друзья Реве.
Willem Cornelis (Wim) Kan (1911–1983) – артист кабаре.
Cornelia Diederika (Corry) Vonk (1901–1988) – артистка ревю и кабаре.

III «Elsevier» – общественно-политический еженедельник с правым уклоном.

«Дорогой Герард, прошло уже много лет с нашей последней встречи, и с тех пор многое изменилось (...). Но, к счастью, ссор между нами не было никогда. И, конечно же, я тебя не забыла. Как ты сейчас выглядишь? Целы ли еще твои волосы? Герард, я желаю тебе того, что ты сам полагаешь лучшим для тебя. С любовью, Тини Кармиггелт».

Фриц Абрахамс[1]

1 Лекция Фрица Абрахамса, прочитанная 30 ноября 2007 г. в Публичной библиотеке Амстердама.

ОТ АВТОРА

Симон Кармиггелт, с которым я познакомился во времена немецкой оккупации, во многих отношениях был моим учителем. Мой отец, так же как и Кармиггелт, работал в подпольной сопротивленческой газете «Пароль». Все сотрудники рисковали жизнью, но издание газеты было самым опасным делом. Центр печати приходилось постоянно переносить с места на место. Я был обучен типографскому делу, и это знание пригодилось; вместе с другими, и Симоном Кармиггелтом в том числе, мы в Голодную зиму[1] изготовили последние подпольные номера.

После освобождения «Пароль» сделался легальной газетой, и я работал в нем попеременно городским и судебным репортером, редактором по внутренним делам, и в то же время писал рецензии для кабаре и любительских спектаклей.

Начинал я, не имея ни малейшего опыта, и Кармиггелт был моим наставником. Фундамент краткости, отличающей мою прозу, заложен в тот период. С бумагой было сложно и, следовательно, пространства для текста не хватало; только то, что можно было уложить в минимальное количество слов, имело шанс попасть в печать. В те годы я научился отдавать абсолютный приоритет факту, новости и информации, а не стилистической эстетике и не относящейся к делу пустопорожней болтовне: *что* случилось? *когда* это случилось? *как* это случилось?

Благодаря моему обучению в те годы моя работа сохранила отличительную черту: информация, точная информация, и четкая информация. Я не задаю читателю загадок, и этим я в большой степени обязан журналистскому обучению в «Пароле» и Симону Кармиггелту, моему шефу и учителю.

Письма, которые я написал ему и его жене Тини за 1971-75 гг. содержат, кроме рассказов о том, что со мной происходило, еще и нечто вроде ответственности: «Смотри, я делаю это благодаря тому ремеслу, которому выучился у тебя».

Герард Реве,
Троица 1982

---

1 В 1944 г. от голода в Нидерландах погибли около 18 тысяч человек.

Симон Кармиггелт и Герард Реве
на выставке Кармиггелта в Амстердаме 11 февраля 1975

ПИСЬМА СИМОНУ К.

Венендал[I]*, 1 мая 1971*

Глубокоуважаемый собрат по перу, дорогая Тини,

Прилагаю первую главу «Хорошей жизни»[II], которая появится в литературном ежемесячнике «Сома»[III]. Вернете его мне потом? Мы теперь живем по адресу: п/я Х. Л. ван М.[IV], —лаан, Венендал.

В четверг мы отбываем во Францию, на длительное время, – возможно, более чем на два месяца. Можете связываться со мной по адресу, который я вам дал в прошлый раз.

Мне очень хотелось бы знать, понравилась ли вам «Хорошая жизнь» (а может, я назову ее «Здоровый образ жизни»). Следующая глава, я ее еще дописываю, тоже будет про задницу. У большинства писателей в основном про передницу, но я значительной разницы не вижу. Возможно, тут особенность в *ревизме*, который еще не вполне принят.

Я бросил пить и принимать успокоительные и потому постоянно пребываю в некоторой тоске и депрессии вместо того, чтобы то преисполняться энтузиазма, то вновь терзаться дикими Страхами. На месте стоять нельзя, но вот вопрос: «Куда дальше?»

Мы очень рады, что вы нас вчера приняли. Беседа меня малость подбодрила. (Я частенько паникую, что никогда уже не смогу

I Veenendaal – город и община в Нидерландах, в провинции Утрехт.

II Речь идет о первой главе романа «Язык любви» (русский перевод в сборнике «Милые мальчики», 2006), которая впоследствии была названа «Здоровый образ жизни».

III «Soma», литературный журнал, издававшийся в Нидерландах в 1969–1972 гг. Первый фрагмент «Языка любви» был напечатан в №№ 15/16, (май-июнь 1971) под названием «Господь во Франции».

IV Henk van Manen (Мышонок), один из партнеров Реве в 1969–1974 гг. В 1971 г. Реве, Мышонок, его мать (Маман) и Willem Bruno van Albada (Тигра) жили вместе в фризской деревне Греонтерп, в доме «Трава», принадлежавшем Реве, где он писал роман «Язык любви».

писать). Вечно что-нибудь этакое. С огромным теплом, и пусть внучок поправляется. Мышонок, Тигра и Серый Волк

Герард.

22

Венендал, среда 5 мая 1971

Глубокоуважаемый собрат по перу, дорогая Тини,

Огромное спасибо за позавчерашнее письмо, которое я получил сегодня утром. Я, конечно, сильно подозревал о том, что ты время от времени подвержен глубочайшим депрессиям, но о таких вещах не спрашивают: они относятся к разряду «бессмысленных разговоров». Тебе в разных отношениях, по крайней мере, в отношении общественном, немного легче, чем мне. Ты – большой талант, но твое существование не отравлено безграничными амбициями, в отличие от моего: то, что я ставлю себе целью написать, должно по меньшей мере послужить спасению человечества. Я романтик, ты – болтун, хохотун, кабаретист, колумнист, хотя и на очень высоком литературном уровне: какая-то часть твоей работы остается жить. Единственное, что мне в твоем жребии кажется ужасным, это то, что тебе приходится иметь дело с обычными, «нормальными» людьми. (К черту «Аякс»! К черту «Фейенорд»! Смерть рабочим! Жаль, что в футбольном матче обеим командам нельзя проиграть одновременно, и слишком мало при этом бывает жертв).

Публика узнает меня в лицо, и это мало-помалу начинает страшно доставать. Я бы предпочел сильнее прославиться и срубить побольше бабок, но только чтобы меня не узнавали на улице.

У меня такое ощущение, что в жизни очень мало что можешь решать сам. Почти всё, что происходит, делается без твоего контроля и вмешательства. И потом, когда стареешь и Смерть уже не за горами, осознание того, что ты тленен, тебя не радует. Мало кто может с этим примириться. Религия немного направляет и отводит это недовольство в нужное русло и пытается придать Смерти некий смысл путем объяснения – очень красивая и крайне отважная мысль – что Господь желал быть смертным с нами, дабы мы

обрели бессмертие с Ним. (От этого хуже не будет). Но ты тем временем сидишь старый и пьяный и плюешь в потолок. По словам моего крестного, Господь Бог тоже весьма неслабо за воротник закладывает.

Мы теперь уже точно оседаем в В<енендале>, и, если удастся, еще в этом году продадим Дом «Трава»[I]. Это очень комфортабельная дача, но постоянно жить мы там не можем – чересчур уединенно и одиноко.

Когда будете в Стеге[II], мы сможем отвезти и привезти вас, хоть в тот же самый день. Если это хлопотно, то здесь имеется весьма спокойный и приличный отель, «Ла М». Леса тут вечно пустынные, даже в хорошую погоду и по праздникам: люди уже не вылезают из своих автомобилей. Наблюдатели социальных служб на это сетуют в различных статьях, но по мне – так просто благодать.

Я всё чаще замечаю, что страх утратить способность писать книги и картины, сочинять музыку и т. д. преследует всякого художника. Так что не бери в голову. Кстати, твое счастье, что ты хорошо спишь. Я уже который год бываю до смерти рад, если мне удается проспать часов 5-6, поскольку по большей части получается гораздо меньше.

Я никогда не пишу про обычных людей. Я вообще их никогда в жизни не встречал. То, о чем я пишу, затрагивает и переходит – впрочем, я к этому не стремлюсь – привычные границы. И писательство это никогда не было моим любимым занятием. Вправду сказать, я также не верю, что это пишу я, – но некто или нечто во мне управляет моим пером и словом. (В удачных пассажах, я имею в виду). Я пытаюсь от этого ускользнуть, как Иона, но выходит по-другому. К счастью, этот некто или нечто весьма непорочен и скромен, и моя работа таким образом нередко довольно странна, а для многих и шокирующа, но никогда в ней не отсутствует вкус,

---

I Дом Реве во фризской деревне Греонтдорп, первоначально – «Дом «Алгра». С 1964 г. Реве жил там с Виллемом Бруно ван Албада, в 1969 г. к ним присоединился Хенк ван Манен. В 1971 году трио переехало в Венендал, затем в Верт.

II De Steeg – одна из семи деревень в муниципалитете Реден в провинции Гелдерланд.

в отличие от той продукции, которую гонит зверолюб и голопупый бегун с кислым леденцом на причинном месте, Ян***[I].

Завтра в четыре утра мы уезжаем, D.V.[II], во Францию. Я, как всегда перед поездкой, совершенно вымотан и весь на нервах. Иногда покой и одиночество вдохновляют, а иногда парализуют. Чего бы мне больше всего хотелось, это умереть и никогда больше не браться за перо, да кто ж мне позволит. Современная жизнь кажется мне весьма опасной и нагнетающей страх. Прежде всего массификация и возрастающее отсутствие индивидуальной точки зрения или личных суждений, восславление «групповщины», – от этого у меня просто мурашки по коже.

Нам пора к столу. С любовью к вам и вашим любимым – Тигра, Мышонок и Серый Волк

Герард.

Шован[III]*, 9 мая 1971*

Дорогие Шимон & Тини,

Чувствую, что не достаточно серьезно воспринял твое письмо. Следующее чисто между нами. Знай, что я в глубочайшей депрессии и столько пил все эти годы, что белку ловил не раз, а самая сильная горячка была в 1966 от Рождества Христова. Депрессии и делириумы, конечно, в значительной мере определяются конституциональными особенностями – многие запойные алкоголики никогда не маются депрессиями и даже не страдают от белой горячки – но ухудшению их состояния способствует развивающийся из-за злоупотребления алкоголем дефицит витамина B. От нехватки его возникают воспаления и расстройства нервной систе-

I Jan Hendrik Wolkers (1925–2007) – писатель, скульптор и художник, известный не только своими смелыми романами, но и шокирующими фотографиями. В молодости работал в университетской лаборатории Лейдена, где ухаживал за животными. Реве неоднократно язвительно высказывался о нем.

II Deo volente *(лат.)*: «Если угодно будет Господу». Иак. 4:15.

III Les Chauvins – город во французском департаменте Рона-Альпы.

мы. Утром в день Королевы[I] я заметил, как сильно у тебя дрожат руки. (Вскинь руку, как в гитлеровском салюте, и раздвинь пальцы. Если лапа сильно затрясется, придется тебе вкалывать витамин В.) Две бутылки в три четверти литра вина за вечер – по-моему, это чересчур. Начинай попозже и попробуй ограничиться одной бутылкой с третью, в целом – литром. Знатоки полагают, что это вполне приемлемо.

Понимаю, что положенье у тебя не ахти. Читатели думают, что ты неистощим и бессмертен. Проблема в том, что всякий раз нужно что-то из себя выдавливать. А секрет, разумеется, в том, чтобы ты, гонимый отчаянием и воздержанием, раз в неделю высирал шестисложную говешку, – тверденькую и белесую, словно нанизанную на нитку, – такие бывают порой у собак, страдающих запором.

Я вновь отложил свое самоубийство на неопределенное время. Это никогда не поздно: отложить дело не значит отказаться от него.

Здесь мы решили всё делать не спеша. Одна комната в нашем французском доме – жилая, с окном, раковиной и крышей, которая нигде не протекает. Я в течение 22 лет обустроил одно за другим пять жилищ[II]. Теперь же мы оставляем всё, как есть. Расчищаем руины, напоминающие совиный вольер в Артисе[III], и убираем коллекцию позеленевших автомобильных шин, битых бутылок, консервных жестянок, обломков корзин и вёдер и прогнивший домашний скарб. У нас есть выбор: привозить воду в 7-8 канистрах по 20 литров каждая или починить в подвале водяную цистерну и провести новые водостоки. Второй вариант влечет за собой непомерную каторжную работу и нескончаемые капиталовложения. Если ты не урожденная бомба-вонючка, можешь прожить в чистоте и опрятности без водопровода: это вопрос дисциплины и ловкости. Дымоход всё еще в отличном состоянии, и большая кухонная плита, которую можно топить и дровами, и углем (две сменных жаровни) горит день и ночь, и у нас всегда есть горячая вода. Ведь настоящая зима здесь длится не более шести недель в году.

I Национальный праздник в Нидерландах, отмечаемый 29 или 30 апреля.

II С 1922 по 1971 г. Реве обжил и перестроил не пять, а шесть жилищ (см. «Письма к Вими» и «Письма к Йозин М.»).

III Королевский зоопарк в Амстердаме.

Завтра я надеюсь отослать тебе текст, который ты можешь включить в свою рубрику. Я буду здесь до 18-го включительно. Потом мне нужно по делам в родные пенаты, примерно на месяц. В Нидерландах п/а Х. Л. ван М., —лаан **, В. – теперь наш единственный адрес. Дом «Трава» мы собираемся продавать, но это пока секрет.

Любезные наши соседи привезли вчера на своей машине двух автостопствовавших голландских девиц. Они думают, мы тут сидим и только их и дожидаемся. Нигде больше нет покоя. А всё потому, что я подарил бургомистру экземпляр *Les Soirs* (французское издание моей популярной книги «Вечера»). Бургомистр, ко всему прочему, в этой долине содержит гостиницу, и каждому туристу теперь эту книгу показывает. Это всё я, дурак, виноват. Как можно быть таким болваном? – я себя имею в виду. Бургомистр уже раз восемь принимался за эту книгу, но она для него ужасно сложная. У разных людей об одних и тех же вещах различные мнения. Я частенько интересуюсь у моего Ученого Брата[1], что в так называемой «легкой музыке», по сути дела, можно назвать легким.

Однако не стану занудствовать. Мы все в пути. Кто-то смертельно боится Смерти, но при этом жаждет ее и докапывается до нее, как до драгоценного клада. Я спрашиваю себя, приносит ли Смерть покой. Прежде я считал, что со смертью будешь от всего свободен. Теперь же полагаю, что нам придется оттрубить еще много тысячелетий, прожить много жизней, прежде чем отделаться от существования и разделить Ничто с Господом. И это сызнова ставит нас перед выбором: обрести вечный покой с Ним или вновь сделаться существом, отдельным от Него (ну, конечно, не исключено, что и от Нее) и преисполненным тревоги. И с нашей стороны было бы довольно глупо желать нового существования и быть разлученным с Ним, и жить, и страдать в отчаянии. Вот такие дела. Я буду молиться за вас через день, если найдется время. Когда стареешь, всё больше людей вокруг тебя умирает. Но существует также и цветущая жизнь. У себя в поместье мы посадили или распорядились посадить 4 яблони, 2 груши, 7 ореховых деревьев, 1 миндальное, 1 абрикосовое и 1 вишню. Благородным каштанам, которые там растут, лет примерно 700.

---

1 Karel van het Reve (1921–1999), старший брат Герарда Реве, славист.

Я потихоньку продвигаюсь в работе. Стремлюсь писать где-то по главе в месяц. «All art is quite useless»[I]. Горячие приветы от Хенка, его матери, Тигры и Серого Волка

Герарда.

27

Шован, 16 мая 1971[II]

Дорогие Тини и Симон,

Я невыразимо благодарен за твое письмо от 7 мая касательно главы «Здоровый образ жизни». Я умею писать, но не вижу ни одной традиции или школы, к которой имел бы какое-либо отношение. Я должен писать, но вместе с тем мне нужно самому определять собственные критерии в отношении эстетики, построения драмы, внутреннего устройства космоса и т. д и т. д. Это и делает «процесс созидания» таким трудным для меня. Размышления в колонке ежедневника – неувядающий жанр, чему имеются различные примеры. Большинство из того, что было написано ранее, – сплошные сопли и вопли, но ты можешь разглядеть недостатки и извлечь из них уроки. Опираясь на эту традицию фельетона ты сумел достичь вершин – поскольку ты их достиг, тебя и будут читать до тех пор, пока существует нидерландский язык. Мне же приходится ворочать мозгами, не опираясь на традиции, ибо я не могу проверить, как такой-то и такой-то описывает истязания Мальчиков или с такой-то и такой-то картинкой в голове орудует своей Штуковиной. Я сам – традиция, в этом весь ужас: «La littérature, c'est moi!»[III] (Сомнительная привилегия – вылупиться из лебединого яйца.) Из-за того, что я не придерживаюсь традиции и нигде не могу найти сравнимого материала, я нередко становлюсь жертвой отчаяния.

I Всякое искусство совершенно бесполезно *(англ.)* – Оскар Уайльд, «Портрет Дориана Грея».

II См. письмо Кармиггелта от 20 мая 1971.

III Литература – это я! *(фр)*.

Немалая часть моей Возлюбленной Публики ликует, на мой взгляд, только потому, что думает, что я – революционер и должен быть против «истеблишмента» – а это оттого, что я описываю то, что не является насущным вопросом для общества. Однако я вовсе не имею ничего против истеблишмента! Я – за Церковь & Государство & Порядок & Власть & наш Царствующий Дом, и против пролетариев. (Я считаю, что рабочие должны жить в специально обо-

собленных кварталах, которые им разрешалось бы покидать только для выхода на работу & далее строго по специальным пропускам. Ну да шут с ними.) Недоразумение возникает из того обстоятельства, что нет традиции, на которую можно было бы сослаться – во всяком случае в ближайшем прошлом & в этой стране – что к ней, дескать, примыкает моя работа. Резюмирую: я вне всяких отечественных традиций и потому слыву мятежником и подрывателем устоев. Заблуждение, со временем начинающее раздражать. Я – плодотворный, созидающий художник; истинному художнику необходим порядок, покой и бесперебойность в работе, а не революция. Кстати, нет другого искусства, кроме буржуазного. Только буржуазия породила что-то в области искусства. Так называемый пролетариат в состоянии лишь сбиваться в толпу, которая с упоением пялится на публичные экзекуции.

С моей обособленностью сопряжены еще и другие недостатки: у меня нет последователей или учеников, которые – например, после того, как я набросаю контуры, – выдадут мне содержание. Правда, я однажды прочел парочке молодых людей часовую лекцию о том, как, по моему мнению, нужно писать, однако так и не увидел сносного результата и по-настоящему достойной чтения работы, которую принесли бы эти старания.

Мы оба очень Одиноки и должны вселять друг в друга мужество и сохранять единогласие. Я хотел бы постепенно поведать тебе целую уйму всего, ибо сижу в окружении ста двадцати семи рюкзаков, набитых двухместными палатками тоски. (Выше голову, приятель по цеху!)

Что-то не получается изящного письма. Я все еще крепко маюсь нервами & депрессией. И по-прежнему живу и дышу без алкоголя и лекарств. Я жажду вечера, когда смогу принять полтаблетки снотворного. Почти всё меня страшит: концепция следующей главы, хлопоты с продажей Дома «Трава», обратная дорога, следующая поездка сюда и т. д. и т. д. Но, возможно, я еще разок снова

всплыву на поверхность. Знаешь ли ты тайное средство против депрессий? Или какой-нибудь способ, какой-нибудь ритм, идею? Сейчас я иду к Мессе, вниз, в деревню. Тут бывает обедня, но всего раз в месяц, каждое третье воскресенье, а служат ее бродячие священники, разъезжающие в старых искалеченных автомобильчиках; Тело и Кровь Господни они таскают с собой в чем-то вроде хлебной жестянки, какие в ходу у Красного Креста. В церковь приходит не более 27-30 человек, и никто уже не причащается, кроме двух-трех пожилых женщин и меня. Господь не мертв, но очень серьезно болен. Но сказано же: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»[I]. И мне нужно за это держаться. Возможно, Господь так же несчастен и испуган, как и я. Мы не должны бросать друг друга на произвол судьбы, ибо тогда всё потеряно. Я рад, что больше не живу в городе, пусть даже вся эта трепотня и сплетни, разносящиеся из него, и дают, вероятно, некое обманчивое утешение, которым на время можешь удовлетвориться.

Я размышляю над одним текстом, из которого ты можешь коечто почерпнуть. Это о *Зверюшках*[II]. Во вторник ночью мы с матерью Мышонка выезжаем поездом в Нидерланды. Оба Мальчика незадолго до этого уехали отсюда примерно на две недели в Рим, на автомобиле. Всё это время я пребываю в смертельном страхе, но они обещали, что будут вести машину только в дневное время и не станут отмахивать безрассудно длинные расстояния.

Я невыносимо жажду глотнуть чего-нибудь. Был бы я действительно стар, и врачи махнули бы на меня рукой, мне можно было бы пить что угодно. Как дурно и неблагодарно это брюзжание с моей стороны.

С любовью от Мышонка, его матери, Тигры и
Герарда.

I Мф. 18: 19-20.

II Время от времени Реве дарил свои тексты Кармиггелту, которые тот помещал в своей рубрике. В данном случае речь идет о кошках Реве, для которых он искал временного пристанища, поскольку собирался уезжать из Фрисландии.

Венендал, 21 мая 1971

Дорогие Тини и Симон,

Позавчера вечером, по возвращении на Родину, я был слишком утомлен, чтобы писать тебе, и мне пришлось удовольствоваться тем, что я отнес на почту письмо, подготовленное еще во Франции. Очень хочется узнать, что ты думаешь о моей искренней попытке привнести вклад в дело твоей жизни.

Завтра в 8 (восемь) утра меня заберут из дому. Не Погребальная Служба, – хотя она уже частенько бывала в опасной близости от нас, – а мой маклер, который вместе со мной собирается осмотреть Дом «Трава» и Летний Дворец[1]. Вообще-то у меня ни к чему душа не лежит. Но надо.

Собрат по перу, я хочу, чтобы ты абсолютно не тревожился о Смерти. В этом нет совершенно никакого смысла. Господь призывает тебя, но ты не слышишь Его, потому что спишь. И Господь вопрошает Ангела, в чьих руках находится дело: «Ну, что там такое?» И Ангел отвечает: «Повелитель Вечности, Ты хорошо призывал. Он спит сном праведника». И Господь говорит: «Всё равно, забирай, пусть себе спит. Только не буди его».

Что ты такого находишь в замотанных в домотканые диванные чехлы и скатерти девицах, на которых засматриваешься на улице, я так и не могу понять. Я имею в виду, не в состоянии проникнуться. Я, конечно, могу заметить, что женщина красива, и почувствовать нечто вроде плотского влечения, но того настоящего, глубокого желания, того отчаянного, одинокого рока, которое зовется влюбленностью или даже Любовью, – этого в отношении женщин я не знаю. Многим другим мужчинам, как я заметил, оно известно. Неприятность в том, что всё время нужно это объяснять и отстаивать. В основном, приходилось прежде. Сейчас уже нет. По-моему, это всё равно, – или очень хорошо, или очень плохо. Подозреваю, что очень плохо: всё нечисто и греховно, если только не спасает милость Божья. В полдень выпил умеренно, потом основательно добавил. *In Vino Veritas*. Да, ребята, я настоящую школу прошел. Поступил бы я в Высшую Текстильную Школу, всё бы иначе сложилось. Тогда бы я заглядывался на девиц в одеялах. Вечером в 9 часов мне нужно позвонить маклеру, узнать, умер ли уже его отец.

---

1 Домик Реве в Греонтерпе.

Если умер, завтра мы никуда не едем. Не знаешь, как оно лучше. Я имею в виду: я с его отцом вовсе не знаком. Нежнейшие приветы от твоего полумертвого собрата по перу

Герарда.

31

Венендал, 29 мая 1971

Дорогие Тини и Симон,

Да пребудет с вами Милость Господня чрез Сына и Мать Его. Я опять в одной из моих бездн. Мои испражнения вчера и сегодня издавали столь мерзкую вонь, что я даже перепугался: в точности ощущение, что это кто-то другой постарался. Не к добру это. Мне кажется, я пишу вам для того, чтобы малость взбодриться. Очень хотелось бы думать, что мое письмо принесет вам некую отраду, и тогда оно имеет смысл. Сожалею, что в среду вечером позволил втянуть себя в телевизионную программу о футболе и поучаствовать в четырехразрядном развлечении. В конце моего выступления мне захотелось кричать: «Долой «Аякс»! Долой «Фейенорд»! Смерть рабочим!» Но я, конечно же, опять струсил. Я вовсе не такой храбрец, как думает некоторая часть моей Возлюбленной Публики.

Это достопамятный день, поскольку нынче канун Троицы. Нужно знать, что Сын Божий умер, потом ненадолго вернулся, но, в конце концов, более-менее окончательно смылся (Вознесение). Но перед этим Он сказал: «Я дам вам другого Утешителя, да пребудет с вами до скончания мира»[1]. Я очень много раздумываю над этим. Завтра будут праздновать то, что Утешитель открылся и излил дух свой на учеников и проповедников. (Утешителя нередко отождествляют с Богородицей: Церковь это всегда отрицала как ересь, которая мне весьма симпатична.) Всё это ни к чему вас не обязывает. Рассматривайте мое письмо как нарисованную ртом открытку. Съешьте его.

---

1 «И я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами навек», Иоан. 14: 16.

Порой мне не хочется жить. Всё так ужасно, и столько шума. Я почти не притрагиваюсь к еде, а вино раздражает и вызывает оскомину. И задаешься самыми разными вопросами. Не знаю, видел ли ты вчера, в пятницу, небольшие объявления в газете «Пароль»[1]. Одно из них гласило: *«Хюйб унес фотопленку»*. И всё. Я ломаю над этим голову. Или же меня разбирает невыразимая похоть от: *«Частн. лиц. сдается яхта 16 м² с палубным тентом, возм. с инструктором (17 лет)»*. Насколько обширны будут инструкции 17-летнего? Не знаешь, что и подумать.

Мальчики в эту пятницу D.V. возвращаются домой. Как только появится время и мы разделаемся с обоими домами во Фрисландии, организуем здесь, в В<енендале>, спокойный денек. Могу рассказать тебе историю, какой ты еще не слыхал, – ты не сможешь пустить ее в дело, но она действительно произошла, причем случилось это со мной.

Слава Богу: солнце уходит. Солнце в выходные преумножает неприятности. Тут кто-то из соседей в четверть седьмого утра запустил сенокосилку. Это кошмар нынешнего времени: никто больше не желает подождать с делом или от чего-то отказаться ради ближнего своего. Нынешняя эпоха Рыб, которая начинается с самой Рыбы – Христа, уже почти завершилась, и мы вступаем в эпоху Водолея. Характерная черта Водолея такова: он – пуп земли. Поэтому новая эпоха столь чужда мне. Вообще-то я не могу рассматривать жизнь как имеющую смысл в самой себе. Я всегда воспринимаю вещи как нечто подчиненное чему-то большему, безграничному. Ни одна вещь не может означать что-то сама по себе, если только она не свидетельствует о безграничном, не разъясняет его или не символизирует. Бог – единственное, что есть нечто Само по Себе. Но для чего всё это? Понимаешь ли ты в этом что-нибудь? Я – нет. Меня мотает из стороны в сторону, и я отдаюсь греховному сомнению в Господе, но после 1½ стаканов Его Крови вновь верую в Воскресение Мертвых. Лучше в этом не сомневаться. Я имею в виду: если они не воскресают, лучше все-таки верить, что воскресают, поскольку тогда жизнь выглядит уютнее и не столь несущественной. *«Желаете закусить?» – «Нет, напротив»*.

---

1 «Het Parool» – ежедневная газета с социал-демократическим уклоном, основанная Сопротивлением в годы Второй Мировой войны. С 2004 г. – таблоид.

О чем мне, в сущности, еще написать, собрат мой по перу? Матери моей больше нет, и от этого еще тяжелее. Не хочу тебя расстраивать. Мне в этом году еще надо с Божьей помощью в Лурд, поскольку я дал обет прямо перед экзаменом по вождению, который сдал успешно. И еще кирпичную раку в доме, ибо я обещал Ей. Обещание связывает. Я верю, что ты – один из немногих, кто не треплется об этом направо и налево, покатываясь от хохота.

Хочешь, я тебе подарю гробик, весом примерно 154 кг, дубовая доска толщиной 43 мм, модель 17-ого века, длина примерно 185 см, так что можешь там всласть трепыхаться; он сколочен не железными гвоздями, а деревянными нагелями, стоимость 672 гульдена включая НДС? Другим только не проболтайся. Не то чтобы я хотел избавиться от него любой ценой. Если надо будет, я и сам его в лучшем виде употреблю[1]. С горячей любовью от вашего преданного

Герарда-К-ван-хет-Реве.

Венендал, 9 июня 1971

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за ваше письмо от 6-ого. Мои воистину землистого цвета депрессии теперь странным образом сменились мимолетными вспышками буйного веселья. На середине разъяренного письма в Центральную редакцию газеты «П<ароль>» насчет моей физиономии цвета давленой малины (...) я чуть не лопнул от хохота. Много ли надо для счастья: я не мог удержаться от смеха

I В конце 1969 г Реве страдал от тяжких депрессий. Он даже написал Хендриксу, что «заказал себе старомодный дубовый гроб». (Эскиз гроба выполнил Мартин Копрей, с которым ван Бладел жил до Реве). «Мартин снял с Реве мерку и сделал заказ гробовщику в районе Греотерпа. Солидный гроб был доставлен Реве, но тот не осмелился лечь в него, чтобы убедиться, что гроб подходит по размерам. Однако другим предлагал». (Согласно Хюсу ван Бладелу, см. прим. III на стр. 392).

При переезде из Греонтерпа Реве пришлось оставить гроб там, после неудачных попыток пристроить его Симону Кармиггелту. В конце концов гроб, некоторое время служивший баром (буфетом), был отдан соседям, которые распилили его и использовали для украшения каминной полки.

при мысли, что кому-то не посчастливилось рыгнуть во всю глотку, и вот он и выходит из себя, а мне на это насрать с высокой колокольни. Далее самые разные вариации: он – дважды рыгнет, я трижды пердну; я рыгну раза три, потом пердну разок; я буду только пердеть, непрерывно, всё быстрее или всё медленнее, потом стану только попукивать. Я ржал и никак не мог угомониться.

Я завел новые очки для чтения, поскольку, похоже, у меня косоглазие: в любом случае глаза работают неважно, и новые очки помогают. Я читаю и пишу теперь почти без затруднений. Читать легче, нежели писать, потому что то, что пишешь, должен сам сочинять. Не каждый об этом задумывается.

Скоморох Р. де Г., о хмельном визите которого ты пишешь, всегда был мне весьма симпатичен. Меня неизменно подбадривал его незатейливый, потешный *stosz*, с которым он выступал на телевидении. Алкоголь, без него ни шагу. Я уже не так хорошо, как прежде, переношу его, но поддать винца я всегда весьма уважал. Теперь мне можно пить только по случаю торжеств и по всякому Р.-К.[I] празднику, и всё. К счастью, праздников гораздо больше, чем можно предположить.

Кто в этом мире не страдает манией преследования, кто не алкоголик? Это очень хорошо, что ты распрощался с Кругом[II]. Я вышел оттуда, думается мне, лет шестнадцать-семнадцать – или больше – тому назад. Во-первых, чтоб ты знал, я терпеть не могу деятелей искусства, и, сверх того, пить я предпочитаю дома, один или с теми немногими, кому доверяю. Я никогда особенно не любил весь этот гам и дым. Да и ложиться поздно – вовсе не полезно для здоровья.

На праздники я тоже годами не хожу, только если не явиться было бы в самом деле невежливо.

В пятницу 18 июня в «Ханделсблад» появится объявление о продаже Дома «Трава» и другого, поменьше, того, что расположен за пределами деревни, – соответственно 45000 и 10000 гульденов. Прежде всего, цена первого низковата, но, похоже, сейчас выставленные на продажу довоенные дома определенно в переизбытке. Недурная покупка для того, кто ищет второй дом, год напролет остающийся сухим и теплым – даже в ревущую бурю при 12 граду-

---

I Римско-Католическому.

II Амстердамская ассоциация Художников, основанная в 1922 г. и просуществовавшая до 1980 г. См. письмо Кармиггелта от 27 июня 1971 г.

сах ниже нуля – внизу три комнаты, ванная, парадная кухня, два коридора, две передних двери на улицу, а наверху – две спальни и два крепких чердака. Внутри ничего не слышно даже при несмолкающем ветре, потому что там двойные рамы. Порой при мысли о прощании с домом у нас щемит сердце, но так надо: если жить там постоянно, от всего и всех отдаляешься.

Этим нашим жильем в В<енендале> мы очень довольны. На этот раз нет необходимости бесконечно вкладывать в него деньги. Позади дома будет пристроена деревянная застекленная веранда, которая соединит жилой дом, и мастерская. Кроме того, нам везде установят газовые печки и основательно подновят интерьер.

Очень хорошо, что ты тратишь свои деньги. Мне это всё еще дается с трудом: на вложения в счет будущего – ладно, но не на сиюминутные наслаждения, которые, разумеется, гораздо важнее. И я никогда этому не научусь. Мне бы только сильные книги писать.

Вот даты, которые нам подходят: 23, 24, 25 и 26 июня. Мы вас заберем и привезем обратно в С<тег>. Если в тот же вечер не уедете, можете заночевать в гостинице «М». Она расположена отсюда минутах в десяти пешим ходом, на опушке леса. Там довольно тихо. Посетители толкутся непрерывно, однако гостиница никогда не бывает переполнена. Её по праву – или наоборот – считают шикарной. В любом случае вас там любезно обслужат и ничего не станут навязывать. Ни в одном заведении я не чувствую себя непринужденно, но там – вполне.

Я уже и тут подрался, в Венендале, я имею в виду. Прицепился ко мне один мужик в большом универсаме, начал обзываться, хотя потом меня одолели сомнения, действительно ли он это говорил или мне прислышалось. Вот всё ломаю голову. Ну, я ему врезал, но тип этот был гораздо сильнее & тут же уложил меня на обе лопатки! Ну что же, задним числом так оно гораздо лучше, чем наоборот. Ну, может, у него были серьезные проблемы, большое горе, а я об этом понятия не имел. О сложных обстоятельствах ближнего своего мы нередко знаем очень мало. И всё же неслабый тип, да. Полиция, дело улажено, я, разумеется, неправ – с юридической точки зрения. Быстренько прикидываем: 100 гульденов – штраф, 50 гульденов – возмещение ущерба, и всё-таки к полицейскому судье тащиться аж в самый Арнем[1]. Нежелательная огласка. (Мне не назначили строго определенной даты. Лучше «бороться в одиночку», молча

1 Arnhem, город на востоке Нидерландов.

страдать & постоянно трястись, как заячий хвост. Таким образом в тебе проявляется обычная человечность. Нужно производить доброе и приятное впечатление, но не выступать слишком смело и слишком честно.) Я заплатил мужику 150 гульденов за разодранную одежду, потерянный рабочий день и за глаз, расплывшийся, как блуждающая почка. (Если это сравнение приведет тебя в восторг, можешь им распорядиться по своему усмотрению). При этом обоюдные жалобы – оскорбление & насилие – взяты назад. Вот бы так везде, тогда уж точно было бы меньше войн.

(Возможно, что я всё-таки неправ, и перед своей Возлюбленной Публикой следует быть не героем, но и не человеком, а в некотором роде животным. В телеящике я всегда пытаюсь держать голову как-то набок, по-собачьи.)

Название вашей гостиницы в С. меня интригует. Что оно означает? Думаешь: это спорт такой, что ли, или прогрессирующая болезнь, от которой нет исцеления? Потому что столько новых болезней появилось, для них даже организуют центры, прямо как для «молодежного туризма».

Я сижу над заковыристой частью моей книги, – там я рассказываю Мышонку, что охотно отдал бы ему Джованни Л., с тем чтобы он вышеупомянутого Джованни разок как следует и т. д. Нужно отрешиться от сюжета. Художник, творец, – куда это годится? Как-то давно беседовал я с неким отцом К., папашей того самого Лео К., который строит куда более лучшее общество, если еще не подавился своими хриплыми воплями. Художник-любитель, который к тому же и улицы подметал, этот отец К. Однажды он мне говорит: «Знаешь, что очень трудно писать?» – «Нет, что?» – «С-с-с-снежный пейзаж. И еще знаешь что очень трудно писать? С-с-с-солнечный закат». (Еще и заика вдобавок). – «А знаешь, что я сейчас пишу?» (Немая тишина). – «С-с-с-солнечный закат в с-с-с-снежном пейзаже». Он изобрел машину для очистки улиц от всяческих нечистот, но инженеры городской мусороуборочной службы его высмеяли. «Две недели с-с-с-спустя у них появилась такая машина: якобы из Англии!» Говорят, что он и впрямь изобрел такой совочек для собачьих какашек, прямоугольный кусок листового железа, крепящийся внизу на черенке метлы. У него в мошонке была всего одна штуковина. Таким он уродился или уже потом потерял. Но что-то я не туда.

Бесплатный доступ к ярмарочным аттракционам за то, что ты так здорово пишешь – какая прелесть. Такого со мной никогда

не случается, поскольку мелкие лавочники & рабочее сословие в общем меня почти не читают. Мне нужно нечто вроде прослойки: безработные учителя; заключенные, осужденные за сексуальные преступления; недовольные чиновники от науки; ворчуны с дипломами или без оных, которые они в грош не ставят, и т. д., короче, разряд людей, коих, к счастью, становится всё больше и покупательная способность их растет, иначе мне пришлось бы лапу сосать. Но невыразимо скучны они и неинтересны, судя по корреспонденции, которая от них поступает. Не помню, чтобы хоть раз получил по почте какую-нибудь полезную идею или шутку. Всё исходит из сокровищницы моего собственного духа.

Тут рядом имеется христианская школа, а в ней – учитель-толкователь Библии, который здорово дерет глотку, слышно за полквартала. Теперь он орет: И ВОТ ИИСУС ПОШЕЛ ЗНАЧИТ К МЫТАРЮ!!! ОН ПРИШЕЛ К МЫТАРЮ В ДОМ!!! И ЛЮДИ ОНИ ВИДЕЛИ КОНЕЧНО ВСЁ И СКАЗАЛИ КАК МОЖЕТ ОН ВХОДИТЬ В ДОМ К ТАКОМУ ЧЕЛОВЕКУ?!! Иногда этот рев перемежается гимнами, которые исполняет не учитель-толкователь библии, а класс. Юношеский хор сползает с каждым куплетом на октаву вниз, хоть я ничего и не понимаю в музыке. В основном, это песнопения о Господе, благодарности, и о том, что Господь пребывает в непрерывных заботах о нас. С ума сойти. Чем мы провинились? Напишу-ка я в школьную дирекцию, что высоко ценю исполнение гимнов и псалмов, но что оценил бы еще больше, если бы разок они проорали *Ave Maria* Шуберта или Гуно. К ним же должны существовать несложные аранжировки.

Между делом подумай еще разок насчет того гробика. «Графский гроб» это теперь называется, весьма благопристойно. Мы вообще-то можем его и кому-нибудь другому подарить, но это должен быть кто-то, кто получит от него истинное удовольствие и сможет им воспользоваться. А здесь, видишь ли, с этим сложно, поскольку у матери Хенка уже один гроб в доме имелся в 1953 году. И этот гроб с начинкой было уже не вынести из передней, потому что нельзя было поставить его на попа, как при вносе. Так что они выставили одну раму на фронтоне; тогда только он пролез.

Вот опять с темнотой подступает депрессия. Я пытаюсь уклоняться от творчества и ищу обходных путей. Тебе это, разумеется, тоже знакомо. Но у тебя есть преимущество: ты можешь сделать

многое за считанные удачные часы. Я же увяз в этой бесконечно длинной растянутой композиции, в которой некто предается раздумьям, созерцая из окна дома сад, который наводит его на мысли о другом садике, – вид на него, я имею в виду, столько-то и столько-то лет назад. И к тому же я должен тщательнейшим образом изложить, что имя того или другого мальчика от него, героя, по той или иной причине отчасти ускользает. Но в любом случае новая глава для «Сомы» («Язык любви») готова.

Со временем я опять стану работать как бешеный: буду писать гораздо быстрее; по возможности, выдавать на гора по книге в год.

Мальчиков обуревает неуемная энергия, и они частенько вытаскивают меня из моих бессмысленных терзаний. Сегодня они уехали на пару дней во Фрисландию, чтобы закончить там ремонт и отделку.

Более мне ничего не известно. Я обещал Мальчикам – никакого алкоголя. Хотя порой это чрезвычайно приятно. И не знаешь, нужно ли абсолютно буквально воспринимать подобные обещания. Иногда я впадаю в совершенный восторг, граничащий с безумием, от всех этих кассисов, виноградного сока, яблочного флипа[I], тоника и лимонада.

Возможно, сначала мне нужно сделать над собой усилие и взяться за работу.

Я чудовищно страшусь всего – всякого контакта, всякой поездки, известия или встречи. Однако сохраняю присутствие духа. Мое предыдущее письмо утратило силу. Я имею в виду то, что там было написано, в основном.

С большой любовью от всех нас.

Ваш попрыгун

Герард.

I Десерт, приготовляемый из яблочного мусса, йогурта, сливок и корицы.

Венендал, 12 июня 1971[I]

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за скорый ответ на мое письмо в Гостиницу «X». Мы сразу же зарезервировали для вас номер. «Ла М.»[II] уже которую неделю переполнена – надо полагать, оттого, что у них там слишком мало комнат и на первом месте ресторан. Нам порекомендовали гостиницу в Ренене. Затруднение я нашел в расстоянии: Р. хоть и близко, но всё же нужно проделать довольно сложный и опасный участок пути на машине. Мышонку пришла в голову идея: просто наведаться в большую, отвратительно безобразную, новенькую с иголочки гостиницу в Венендале. на деревенской площади. Мы явились туда в самый разгар кутерьмы – автомобили, мопеды и рынок, – но ваша комната, с ванной и балконом, третий или четвертый этаж, выходит окнами в город, и шум его доносится лишь как очень отдаленный, смутный рокот, так что меня, настоящего невротика, страдающего от грохота, он не беспокоил. А это было примерно в середине дня. В этой комнате тоска меня отпустила. Номер ее – 13, но в Италии он считается счастливым, а официант, показывавший нам комнату, был итальянец. (Существуют люди, которые уже с самого начала предугадывают последующее). Смотрите, до гостиницы можно добраться пешком, если все мы поздно вечером разомлеем от плодов винной лозы. Дверь запирают без четверти час, но если вовремя предупредить, что вернешься поздно, тебе выдадут ключ. (Прямо как раньше. У них тут всё еще Индия)[III].

Мать Хенка передает вам привет и спрашивает, любите ли вы нази. Она готовит невероятно вкусные нази и бами: не клейкие и не жирные, как в столь многих платных общепитах.

Сегодня вернулись из Рима все мои четыре длинных письма к Мальчикам. Я прочел их, затаив дыхание. Я показался самому себе очень милым и заботливым. И в определенных местах настоящим юмористом, черт подери!

I См. письмо Кармиггелта от 15 июня 1971.

II Гостиница «La Montagne» в Венендале.

III Реве имеет в виду те времена, когда Индонезия была колонией Нидерландов.

До сего времени я получил всего одно анонимное письмо по поводу драки и любезного освещения оной в некоей утренней газете. И всего одно было явление – вчера, на тротуаре перед нашим садиком у крыльца малыш примерно четырех с половиной лет, в сером шерстяном комбинезончике – он, тяжело дыша, громко крикнул нам четверым, собравшимся в гостиной на обед: «Вы – гадкая семейка!», и, спотыкаясь, задал панического стрекача.

Я очень одобряю, что твой выход из Круга и причины, по которым это произошло, попали в прессу. Нам нужно было бы поднять гораздо больше шума, но тогда мы уже не смогли бы вернуться к настоящей работе.

Мышонок говорит, что мы с тобой должны подготовить телепрограмму, – по очереди дурачиться, бухтеть, читать вслух и швыряться друг в друга тарелками. Ты – смех, я – слёзы. Это, конечно, забавно, однако бессмысленно. Мы постоянно *должны*, в определенное время, и в этом весь ужас. Староваты мы для этого, – я, во всяком случае; – ты-то еще сохранил в себе нечто юношеское, живое.

Останемся верны вину. Я позабочусь о наглядном ассортименте. Поищу доброго rosé для Тини. Пить – ужасно, не пить – кошмар. Днем попробую творить. Спрашиваешь себя: для чего, для кого? Так вот и идет всё своим неспешным чередом, в нашем местечке на Северном море, среди гигантских городов мира. Теперь я прекращаю, поскольку опять завожусь. Я переполнен всевозможными великолепными идеями. Сжигаю себя, как свечу. Мы ожидаем вас в пятницу 25-ого в пять часов или раньше. Между 6-ю и 7-ю перекусим. Ничего, вправду ничего организовывать не будем. Может быть, прогуляемся в лесу, но тот, кто предложит пешую экскурсию, будет побит дубинками.

Как знать, может, скоро еще напишу.

С горячей любовью от Хенка, его матери, Тигры и

Герарда.

Венендал, 15 июня 1971

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за открытку. Приглашение принимается с удовольствием.

Снова в страшной тоске. Сначала очень обрадовался этой погоде, был просто без ума от ликующего солнца, но теперь оно вновь меня раздражает. В доме рабочий люд устанавливает газовые печи и умывальники, народ проворный и сноровистый, но свистят день напролет, очень громко и очень фальшиво. Однако это, разумеется, еще ничто по сравнению с транзистором. Сейчас четверть пятого дня. В шесть часов я ожидаю Мальчиков из Фрисландии, они там должны были еще кое-что подлатать в Доме «Трава». Больше всего мне бы хотелось сейчас выпить вина. Вино в доме есть, но мне нельзя. Не ужас ли, молодой человек ...-ти лет, который в собственном доме не смеет выпить, когда ему захочется? В конце концов, я всё могу оплатить: выпивку, женщин, автомобили, всё! Моя машина и водительские права у Мальчиков; женщины более на меня не заглядываются; и выпивать запрещено. Лежать в постели и пить, вот роскошь! Для меня это уже отдаленное воспоминание. Сидеть, попивая, в горячей ванне – нет уже совсем ничего лучше, кроме разве что, когда кто-то, по которому ты истекаешь слюной, почесывает и массирует тебе голову. И чтобы обожаемое существо задало тебе взбучку, тоже недурно. Много есть чего, но многое становится немногим, когда стареешь. Давай поддерживать друг друга. Давай всё это время как можно больше утешать друг друга и не говорить ни о нашей работе, ни о нас самих, ни о наших головах, – какие они дурные. («Это голова», говорят они обо мне. Всю жизнь здоров как бык.) Единственное – это Искусство. Я имею в виду, это единственное, что дает удовлетворение. Телесная любовь, вино, – они подавляют всё. Искусство дает опору ввиду своей полнейшей никчемности. И Церковь, конечно, покуда она не имеет смысла и не ввязывается в общественные перебранки, в которых до сих пор с безошибочной уверенностью отдавала предпочтение убийцам, гангстерам и черни (так же, как ныне постепенно начинает влюбляться в красных нацистов и заплечных дел мастеров). Приверженцы римско-католической церкви тут в меньшинстве, – оно незначительно, но люди порядочные; церковное здание у них

современное, вполне сносное. В прошлое воскресенье священник (по моему впечатлению – милый, добродушный человек, который несколько лет назад очень поддержал Мышонка и устроил ему консультацию у психиатра в связи с его, Мышонка, «греческими принципами») прочел обращение епископа, в коем в который раз всплывшая ересь касаемо природы Христа вежливо, но решительно опровергалась, к моему большому облегчению и удовольствию.

Это касается глупой, скучной и лишенной фантазии идеи, по которой Христос должен быть только и единственно человеком. В высшей степени предосудительное заблуждение, смею тебя заверить. Надо бы разок задать им перцу. (Смотри: когда христианская религия формально и догматически очертила свои границы, она привела доводы, что Бог и Человек во Христе едины. Но некоторое время спустя стали появляться слухи о всяческих вынюхивателях, которые, будучи увлечены софизмами некоего Ария, священника из Египта, утверждали, что Христос, так и быть, весьма значительное и милостивое создание, но никак не Бог. В конце концов Церковь это официально опровергла на Никейском Соборе, где Христос был провозглашен в там же испеченном теплом милом Символе веры «Светом от Света, Богом от Бога» и «Богом истинным от Бога истинна». Позже стали склоняться к другой крайности: по подстрекательству некоего «весьма благочестивого» не то русина, не то римлянина, в общем, какой-то карпатской рожи, в большом масштабе было провозглашено, что Христос был исключительно Богом. Если он представал в человеческом обличье, это было всего лишь символической игрой или маскарадом. Видишь, в обоих случаях присутствовали расово чуждые заграничные элементы, покушавшиеся на истину. Сызмальства стоим мы, преданные вере, сплотившись вокруг нашего Правящего Дома. Однако с наплывом десятков тысяч иноземцев, которые разрушают и топчут наши обычаи и наше здоровье, также и в области духовной, начинается упадок веры и морали. В любом случае необходимо было тогда охранить от посягательств человеческую сущность Господа. Век за веком продолжались эти качания то в одну, то в другую сторону, пока Церковь на Эфесском соборе – (что само по себе примечательно, ибо это тот самый город, из которого продавцы серебряных статуй Дианы изгнали апостола Павла) – раз и навсегда упрочила двойную природу Христа, провозгласив Марию theotokos – Богоматерью, или Матерью Божией, как угодно. Век за веком это длилось, стоило милли-

онов человеческих жизней и неслыханных войн, поскольку люди всегда сбивались в толпы, думали, что вера – есть нечто, постигаемое разумом, и хотели иметь всё и сразу. То есть всякий раз был этот скулеж: Он – человек. Или Он – Бог. До тех пор, пока не додумались: Он – и то, и другое. Оба предыдущих пункта были неверны в своей односторонности.)

Раньше они крепко зажимали вонючие пасти ворчунам и нытикам. Тогда еще истину защищали! Знаешь, в чем проблема? Все духовные усилия, похоже, напрасны. Написаны исполненные глубочайшего смысла книги, телевидение и радио вертятся вокруг старого доброго шарика, но студенты цитируют красную-От-и-Син-книжечку Мао[1], словно там есть что цитировать.

Отправляю сейчас это бодрое письмо, оно еще успеет уйти с ночной почтой. С горячей любовью, ваш

Герард.

Венендал, 17 июня 1971

Дорогие Тини и Симон,

«Бабочка в юности, в старости червь». Огромное спасибо за твое двойное письмо, оно пришло этим утром. Меня мучит безумное, почти безудержное желание выпить.

Вот уже четвертый день рабочие стоят лагерем в нашем доме. Обойщик, настилающий на лестнице и в вестибюлях светло-зеленую дорогущую бордельную дорожку, сегодня несколько часов кряду точил лясы с водопроводчиками. Нет, ты понимаешь, зачем люди, находясь фактически нос к носу, должны так орать? Сортир расположен примерно посередине обойщикова поприща. Срёшь буквально ему на голову – в любом случае вонища от твоего говна ударяет ему прямо в физиономию, поскольку в рабочем помещении ветер гонит вонь через окно уборной сквозь весь дом, вместо того чтобы высасывать ее на улицу. Со временем сходишь с ума от подавления всех естественных функций. Я содрогаюсь при мысли о тех, кто, обладая чувствительным и творческим духом, томится

1 Реве сравнивает цитатник Мао Цзэдуна с популярной в Голландии детской книжкой о мальчике Отто и девочке Франсине.

в тюрьмах и богадельнях. Русские студенты вчетвером или более в одной комнатушке; солдаты и матросы по четырнадцать человек в казармах или корабельных каютах. Гонимые, томящиеся тоской по дому и, на грани безумия от страха быть обнаруженными, играющие в одинокие любовные ночные игры. Иногда я просто не могу больше – слишком многое принимаю к сердцу.

Сначала я думал, что гостиница в В. не имеет названия, потому что казалось, что его просто нет. Однако, кажется, она называется «К».

Я основательно запасся болгарским красным вином у душелюба Х.[I] Далее мы тут договорились: можно всё. Под этим подразумевается: депрессия – пожалуйста, и никто не будет через силу изображать буйное веселье.

С газетой «Пароль» отношения вновь восстановились.

Да, я ужасно тщеславен. Твое заявление, согласно которому фотография есть *искусство*, и посему писатель Герард Корнелис ван хет Реве выглядит на ней как давленая малина,[II] кажется мне весьма правдоподобным. Не знаю, видел ли ты последний номер телепрограммки с «The Byrds» на обложке. На второй странице – два брюзгливых письмеца в редакцию насчет моего выступления по телевидению. Под ними – комментарий редакции: «Герард Корнелис ван хет Реве – крупный, популярный писатель». Наконец-то знаю, кто я такой.

Видел твою рожу в Телеящике пару дней назад, ты там читал «Сардины». Теперь этот рассказ не показался мне неоспоримо высшим культурным достоянием западноевропейского просвещения. Меня другое восхищает. Что ты такое делаешь, что они все сидят, прилипнув к ящику, как намагниченные? Ты полностью отказываешься от всякого привлечения зрителя на свою сторону или малейшей попытки добиться его благосклонности? Что-то в этом роде должно быть. По случайному совпадению я должен подготовиться к телевыступлению. Было бы крайне интересно узнать, сколько за это можно запросить. Ты не мог бы сугубо конфиденциально сообщить мне это в письменной форме, или в пятницу известить устно?

Я бы очень хотел целиком заполнить эту страницу, но силы мои

I Алберт Хайн, крупнейшая сеть супермаркетов в Нидерландах.

II Фотография Шарля Влека вызвала негодование Реве. Он даже собрался порвать с «Паролем», но Кармиггелт предложил ему этого не делать, а просто не давать больше интервью.

иссякли. Принял сегодня пол-литра красного, – всего-то ничего, а словно гриппом подкосило. Отвык малость.

Покамест горячие приветы от Хенка, его матери, Виллема и Герарда.

Венендал, 20 июня 1971

Дорогие Тини и Симон,

Надеемся, что у вас всё хорошо. У Мальчиков точно всё хорошо, а вот у меня опять так себе. Сегодня большую часть дня пролежал в постели. Не из-за алкоголя, поскольку в последние дни выпивал мало или совсем не пил, а что-то сил нет душевных.

Мы всё еще заняты переездом. Мальчики практически всё взяли на себя, время от времени им помогает брат Мышонка, Лекс, у которого есть фургон. Я ничего не делаю, в том-то и штука. Это, как я подсчитал, мой двенадцатый переезд за двадцать четыре года, и теперь мне он больше не по силам. Мальчики просто пышут энергией. Конечно, можно с полным правом сказать: «Ты пишешь, размышляешь, переживаешь, страдаешь, хлопочешь о публикациях, поддерживаешь корреспонденцией контакт с внешним миром и т. д.; пусть другие теперь займутся таскании тяжестей и перестройкой, пусть ломают шкафы и снова их собирают». Вот если бы хоть в одной святой книге было сказано, что тебе больше не нужно в двенадцатый раз самому заботиться о переезде, а без зазрения совести переложить это на чужие плечи. Как-то мне неловко.

Что касается твоего предложения насчет винных бокалов: порой их недостает, когда мы собираемся более чем впятером. Я иногда бью бокалы в кухне, когда наливаю и рука дрожит. (А когда исподтишка открываю бутылку, у меня всегда пробка ломается. У тебя тоже? Удивительный феномен.) Мальчики бьют гораздо меньше. Они часто проливают и нередко сильно стукают горлышком бутылки по краю бокала, но почти никогда ничего не разбивают. У меня же то и дело посуда выскальзывает из рук, особенно при мытье.

Я прикупил 24 бутылки хорошего красного вина, к легкой панике Тигры и Мышонка, которые боятся, что я опять возьмусь за старое. Им трудно с этим мириться. Я по доброй воле отдался под их присмотр. В целом, вообще-то, это благодать, и прежде всего утром, после того, как я вечером тщетно вымаливал глоточек, настроение у меня просто дивное. Порой я, однако, чуть не схожу с ума от воздержания. Я – алкоголик почище чем ты, и более того, мне с этим труднее бороться. Как ни пытайся разрешить ситуацию, жизнь остается кошмаром. Без алкоголя она малость здоровей и дешевле, и шанс на то, что напишешь что-нибудь хорошее, гораздо больше. Важное соображение далее, что я могу стать невыносимым до неузнаваемости, если буду продолжать пить – в лирику или экзальтацию я уже не впаду.

В этом доме почти все удобства уже готовы. Это мне обойдется в общем и целом где-то в *** гульденов. Ну, ясно, жуткая куча денег, но да будет вам известно, что несколько месяцев назад нам попалась превосходная довоенная вилла в 16 комнат плюс домик садовника, в целом 750 м². и в прекрасном состоянии, кажется, на —лаан 2, в Р <енене>[1], и мы хотели было ее купить (за сто тыщ гульдей!). Слава Богу, дальше разговоров не пошло. Я потом подсчитал, что такой проект встанет в 15% выплаты от суммы покупки в год, до самой смерти, – короче, за собственный дом таким образом будешь выкладывать двенадцать-пятнадцать сотен гульденов в месяц. Мы празднуем теперь тот факт, что в порыве здравомыслия угнездились тут, а не в Р. Оттого и всё это швыряние деньгами, – поскольку это оно и есть, если вспомнить страшнейшее крохоборство моего детства и юности. Дорожки на лестницах и в вестибюлях обошлись, думается мне, в 862 гульдена. Подозреваю, что мать Хенка по ночам, когда мы все спим, выбирается из своей спальни и неслышно ползает на четвереньках по ковровому покрытию, то и дело потирая щеку о ступеньки. Всю жизнь готовить на трехфитильной керосинке, топить углем, есть вместе со всеми из одной миски. Никаких кранов, сами за водой к роднику, в любую погоду. Весьма опрятная и добродетельная бедность. Теперь у нее плита и, кроме того, под ней – духовка, с лампочкой за двойными стеклами, между которыми кухонный термометр, а за стеклом подрумянивается курочка. Бог знает, сколько это стоит, но и то и другое весьма практично. Когда всё это было смонтирова-

1 Rhenen, муниципалитет и город в провинции Утрехт.

но и готово к работе, я сказал: «Могли вы когда-нибудь подумать, что у вас будет столь состоятельный зять, который подарит вам такую дорогущую плиту?» – «Нет, никогда». – «А знаете, почему так вышло?» – «Нет…» – «Потому что вы всегда вели столь добропорядочную жизнь». – «Ну что, ж, и впрямь, так оно и есть». И через несколько минут в комнате она внезапно гордо произносит: «Я за всю свою жизнь только одного мужчину знала». Что скажешь на это, собрат по перу? Хоть ты и зубоскал и шут гороховый, ничего не говори. Сердце разрывается, когда глумятся над подобными заявлениями.

Твоя вещь «Страсть», как обычно, великолепна. Ты, кажется, никогда еще не писал ничего такого, что разыгрывалось бы в кафе и было бы неудачным. В хаосе и безликой сумятице кабака ты, очевидно, принужден к наведению порядка. Заведение сие – твой крах, но описанием ты его укрощаешь. Король Алкоголь при тебе – вице-король. Если не передумали, ожидаем вас около пяти часов, в пятницу, и обедаем в половине седьмого или без четверти семь вшестером в «Ла М.»

С любовью от нас четверых,

Герард.

Венендал, воскресенье 27 июня 1971[1]

Дорогие Тини & Симон,

Мы все очень довольны вашим визитом и надеемся, что и вы немного развлеклись. Теперь я один в доме, прочел в первом томе собрания сочинений Тургенева от страницы 189 до верха страницы 199. («Дворянское гнездо»). Тронут. Я пытаюсь писать нечто в этом духе, но *так* – никогда не смогу. Чувствую себя как немецкий учитель музыки Лемм. Глава моей новой книги, которую я вам посылаю на рецензию, чтобы вы развеялись, вообще-то мне удалась в некоторых местах, но едва ли в полном объеме выражает то, что я должен был сказать – и не сказал. Могу ли я, после того, как вы

1 См. письмо Кармиггелта от 27 июня 1971 г.

с ней ознакомитесь, получить ее обратно? Дело, вообще-то, обстоит следующим образом. Существуют два печатных экземпляра. Раньше, при отпечатке пробных экземпляров, ты получал одну копию. Теперь это уже не так. Теперь, когда запрашиваешь копию, говорят, что она «утеряна». Мало-помалу я обнаружил, что не только мои целиком написанные от руки письма, но и отпечатанные тексты с моими, от руки же, правками, стоят денег, – во всяком случае, за ними весьма охотятся. Копия, стало быть, исчезает, но я всегда сохраняю идентичный экземпляр. Текст, который я вам посылаю, понадобится мне в дальнейшем для правки оттисков. Вы можете спросить: отчего ты с этим миришься? Какой писатель позволит воровать свои копии? Я. Это смесь мазохизма и тщеславия. Я чувствую себя польщенным, и нервы мои щекочет мысль о том, что редакторы литературного журнала разыгрывают в орлянку мои рукописи.

Утром мы с Мышонком ходили к Мессе. Здешняя церковь – довольное милое здание, приятно традиционное в смысле архитектуры, двенадцати-пятнадцатилетней давности. И всё же толку от этого нет.

Мать Хенка что-то перенервничала, когда вчера вечером 18-летний хулиган несколько раз с громким треском промчался на мотоцикле по аллее мимо дома с воплями: «Пидоры!» Ни ты, ни Тини, ни я этого не слышали. Три семейства по нашей улице настроены против нас, но они живут в некотором отдалении. Все три – люди нецерковные; это совершенно согласовывается с моей теорией о том, что мне не стоит страшиться ни единой группы с определенно обозначенными убеждениями – как бы ни противоречили они моим собственным – но всего лишь аморфной Серости. Как бы там ни было, у меня такое ощущение, что здесь я в большей безопасности и надежности, нежели во Фрисландии. Что-то подсказывает мне, что ничего мне не угрожает, но я всё же не смею целиком положиться на это чувство.

Жизнь немного сложнее, если ты еврей, гомосексуалист, художник и всякое такое, но в нашей стране выражения ненависти и презрения, на мой взгляд, всё-таки относительно умеренные. Мать Хенка пережила очень много горя, но подобный сорт развлечений для нее – нечто совершенно новое. Она прожила на —лаан лет тридцать-сорок, и, разумеется, кое о чем говорит тот факт, что некоторые вдруг перестали с ней здороваться. Возможно, это сумасшествие вскоре пройдет. В сущности, я больше тре-

вожусь за Виллема и Хенка – что к ним начнут цепляться. (Впрочем, это знаменательно: тот 18-летний ругатель – один из четырех братьев, они старше него, самому старшему аж 34, и все трое не женаты.)

Как бы там ни было, для меня это мало что меняет. Я всё же постоянно чувствую себя затравленным, униженным, непризнанным и под угрозой, и смертельно боюсь звонка в дверь или по телефону. Возможно, было бы неплохо, если бы я регулярно появлялся на экране телевизора. Тогда обретаешь некую неприступность, как у тех парней, что снимают показания счетчика, у нотариуса, министра или футболиста. Торговля и Спорт, вот достопочтеннейшие области занятий. Не искусство и не *альтернативный* ропот. Аккуратная стрижка. Надеемся, что вскоре снова увидим Вас. Гостиница «К.» оказалась пристойной? Судя по твоему рассказу, дрянь порядочная. В любом случае довольно страшненькое с виду здание, как изнутри, так и снаружи, нижний этаж уж точно. Я всё еще раздумываю над какой-нибудь матерщиной, которая могла бы тебе пригодиться. С горячей любовью,

Твой мрачный собрат по перу

Герард.

Венендал, 7 июля 1971

Дорогие Тини и Симон,

От вашего письма от 2 июля состояние мое заметно улучшилось. Возможно, вам это покажется ненормальным. (Я уже живу в Могиле etc.) Это письмо я пишу первым делом, чтобы снова расшевелиться. Вчерашнее утро я начал, неосторожно заявив: «Сегодня я ничего не делаю, никаких писем, ни буквы, никому». Это мне дорого обошлось. Вчерашний вечер – мрачное, бессильное беспокойство. Если я сутки напролет так или иначе не берусь за перо, чувствую себя жалким и потерянным и в когтях Сатаны.

Теперь парочка практических вопросов. Да, можешь оставить

«Зверюшек»[I] себе. Твой рассказ о голом прыгуне-самоубийце просто великолепен. Удивительно, однако, что подобные выкрутасы совершенно неприменимы в литературе. (Помнится, когда я работал городским репортером[II], жили на Тведе Ван Свинденстраат два брата-близнеца. Они не желали влачить стариковское существование после 40-ка, и в канун своего сорокалетия надели себе на головы картонные коробки, нечто вроде перевернутых водолазных колоколов, и присоединили их резиновыми шлангами к крану с ядовитым – в то время – газом. О том, что они проявили заботу об окружающих, свидетельствует записка, приколотая на двери: *«С открытым огнем не входить!»*).

Меня вновь одолевают сильные сомнения, но я в некоторой степени благодарен и счастлив, что мы спустя четверть века вновь встретились, и совершенно по-иному. До чего же всё это чудесно! Если, например, представить себе, что лед точно при нуле градусов Цельсия превращается в воду & та же самая вода точно при 100 градусах Цельсия закипает, – ни градусом меньше, ни градусом больше! Это не может быть случайностью: тут Божья воля.

Мне бы хотелось быть очень богатым – тогда я наслаждался бы покоем. Я давно уже не богат, но этого и не нужно. Быть богатым влечет за собой кучу хлопот.

Мы оба уже так стары, что словно лишились возраста. Сегодня на полдник мы ели бедняцкую семгу[III], 2 штуки за 1,15 гульденов в пластиковой упаковке, но каждый получил только по одной. На десерт были красные бедняцкие гномиковые вишенки с сахаром[IV], – мы выуживали их вилкой из путаницы зеленых хвостиков. Веселая и праздничная картина. К тому же на улице настолько прекрасная погода, что я то и дело разражаюсь ликующим пением.

Я весьма интересуюсь историей о «гомосексуалисте из Блумендала». Возможно, она «наведет меня на мысли обо мне самом, безотносительно к этой истории». (Так как это вновь деспотические воспоминания из того времени, когда я был в молодежном лагере. Об одной девочке, которая любила слушать сказки. Они заставляли тебя «задумываться о самом себе, хотя не имели к тебе отноше-

---

I Рассказ Реве, подаренный им Кармиггелту (см. прим. II на стр. 29).

II В 1945-47 гг. для газеты «Пароль».

III Селедку.

IV Красная смородина.

ния»; это был тот самый лагерь, в котором мальчик читал вслух из трудной книжки о небесных телах: «Хвала морскому судоходству»)[I].

В доме опять, уже с позавчерашнего дня, хлопочут водо- и электрокороли. Воду – в законченный между тем каркас веранды, электричество – в сарай, для керамической печи.

Надеюсь, что внуки ваши благополучно добрались до Италии.

Я очень рад твоей доброжелательной оценке главы «Языка любви». Интересно, что сам я совершенно не замечаю сильной ненависти, сквозящей в моих текстах. Поверхностные люди называют ее «агрессией», но это просто модный пиздеж. Сила моего текста может, конечно, скрываться в том, что высказывание конечного мнения я оставляю читателю. Этот читатель ненавидит Петера З.[II] куда больше, чем я. К счастью, всякий раз, работая над новым куском прозы, я ни о чем таком не подозреваю и почти или совсем не допускаю мысли о ненависти. Возможно, это наполовину умышленная утонченность, не знаю. Однако иногда мне удается решить одну древнюю задачу литературного оформления: не спускать тетиву, не давать подсказок, никогда не разъяснять мысль до конца и т. д. Читатель должен с нарастающей яростью спрашивать: «Но зачем всё-таки этот прекрасный сочинитель драматических книг общается с таким-то и таким-то мерзавцем?»

Это очень благоразумно: дать кому-то другому сделать окончательный выбор из твоей работы. Иначе рехнешься. Я почти всегда заболеваю, перечитывая собственный труд, вышедший из печати. Мне он всякий раз кажется нарочито остроумным, хвастливым и педантичным. Лишь немногое заслуживает моего благосклонного признания: в общей сложности, думается мне, не более чем 10-20 страниц. Нужно просто продолжать жить и работать и не ломать себе голову. Какой у тебя суммарный тираж? Сколько экземпляров всех книг в год?

Я читал в газете «П.» интервью с министром Гертсема[III], взятое Клаасом П. Я был очень доволен, что голосовал за Гертсема. Народная Партия за Свободу и Демократию – единственная партия, которая что-то будет делать для меньшинств. Но об этом в следующий раз.

I Русский перевод в сборнике «Вертер Ниланд», 2009.

II Немецкий юноша, любовник Тигры (см. в сборнике «Милые мальчики», 2006).

III Willem Jacob (Molly) Geertsema (1918–1991) – политик, выступавший за равноправие сексуальных меньшинств.

Эта погода ужасна. Для меня она неразрывно ассоциируется с грохотом, & так оно и есть, невзирая на тот факт, что шум тут, даже летом, довольно-таки терпим. Это как у страдающего сенной лихорадкой, который, увидев на экране цветущие травы и облака пыльцы, начинает испытывать недомогание, даже если это не сезон. Мне нравится пасмурная, прохладная, но сухая погода, с недолгими эпизодическими ливнями, чтобы народ сидел под крышей и не забывал свое место. У людей в последнее время слишком много стало самомнения. Раньше было по-другому. Тогда мы кое-что значили, и были мировой империей, но тогда-то как раз вели себя скромно! В сущности, как ни прискорбна потеря, всё же хорошо, что Индия больше нам не принадлежит. Теперь отделаться бы от этой Суринамской и Кюрасао-Антильской шайки. Я очень за то, чтобы эти прекрасные народы как можно скорее получили независимость и не сидели бы у нас на шее, так что мы сможем их всех, всучив им мешок зеркалец и бус, посадить на чуки-чуки-пароход, и без обратного билета в Джунгли Такки Такки, судари мои! Вот что я об этом думаю, можете спокойно отразить это в вашей газете. Хотя пока что не надо. Сначала я должен закончить книгу. Как ты знаешь, из-за обвинений в «расизме», которыми поливали меня несколько лет назад[I], продажа моих книг сильно возросла. Не так уж я примитивен, и слишком умен, чтобы быть расистом, но обвинения и их лукративный эффект заставили меня призадуматься. Мне достаточно ввести хотя бы один красочный персонаж, который пустится в кичливые рассуждения о всяких черножопых кокосоедах и начнет вступаться за честь «наших девушек и молодых женщин», – и деньги потекут ко мне. Черные деньги. Полагаю, что эти злопыхатели – сами расисты, но не могут от расизма отделаться. Главный злопыхатель в любом случае поднимает в своей книге шумиху вокруг гомосексуалистов. Всё это довольно знаменательно. Сам-то он ублюдок, рожденный на свет альпийским горо-горо, годы просидевшим в тюряге, и огонь-вода женщиной из Йемена. В помесях на передний план выходят наихудшие свойства спаривающихся, это известно. Мулы не способны производить потомство. Поэтому он и не пишет больше ничего. Его имя об этом тоже говорит, я полагаю. Я наводил справки[II].

Мы очень скучаем по вас. Не устраивать ли нам время от вре-

I Травлю спровоцировало стихотворение «Для нашего наследия».

II См. опубликованные письма Кармиггелта см. на стр. 265.

мени неофициальные встречи? Я имею в виду одну встречу, для чего мы вас на половину или ¾ дня заберем из С.? Ну ладно, там видно будет.

Я страстно жажду вина. Мы обнаружили потрясающее белое вино, белого брата того красного, которое вы пили у нас. Теперь Алкоголь у меня почти под контролем, но при этом я чуть ли не схожу с ума.

Возможно, мы с Мышонком примкнем 8 августа к однодневному паломничеству, что организует тут Р.-К. Церковь – в храм Св. Марии в Кевеларе[I], недалеко от немецкой границы; храм этот воспел Гейне в своем (кажется, так) *Die Wallfahrt nach Kevlar*[II].

Ну, я заканчиваю. Держись бодрее. Через полчаса, в десять вечера, придет давняя подружка Хенка по гимнастическому залу, пресимпатичнейшая девушка, собирающаяся стать ветеринаром. Я переоденусь псом и явлюсь к ней с жалобами на боли внизу живота. Потом мы посидим в саду и выпьем вина. Увидишь, как мы всё обновили. С любовью, все мы. Преданный вам собрат по перу

Герард.

Венендал, 15 июля 1971

Дорогие Тини и Симон,

Огромное спасибо за твое душераздирающее письмо. Я бы не вынес таких разговоров с опиумной девицей на террасе[III]. Думаю, что я этого никогда не выносил, но всегда чувствовал себя под угрозой из-за хаоса «хиппующего» или «клевого» мира. Да будет тебе известно, что я нахожусь в глубочайшей депрессии. Хочу уехать отсюда, жить где-нибудь в одиночестве и никого не видеть. У меня нет сил. В сущности, мне больше не хочется жить. Вообще

I Кевелар (*нем.* Kevelaer) – город в земле Северный Рейн-Вестфалия, знаменитое место паломничества. Храм Св. Марии – Marienheiligtum.

II Паломничество в Кевелар (*нем.*).

III См. письмо Кармиггелта от 13 июля 1971 г.

ничего не хочется. Вчера мы были на выставке «Сонсбек[1] вне рамок». Я в самом деле не понимаю, отчего ты так мягко о ней пишешь. Мне вот было чудовищно стыдно. Я боялся, что меня остановят и начнут спрашивать: а вы, часом, не художник? Не знаю, что мне показалось хреновее и позорнее: надувной тент, закрытый «по техническим причинам», или тент, где ты под галдеж, раздражающий не только слух, но и всю нервную систему, должен созерцать одновременно четыре-пять нагроможденных друг на друга или установленных рядом телевизора с разными программами. Мне всё это показалось страшно глупым, дурацким и очень, очень постыдным. И какая наглая дерзость, этот из корабельной стали спотыкач примерно 8-9 сантиметров высотой, да еще с острейшими концами по обеим сторонам. Для чего служит этот железный король? Чтобы народ себе в потемках лодыжки переломал? Единственное, что не вызвало моего раздражения, это конструкция из стальных кабелей и трубок, – симпатичная демонстрация мастерства чтобы, например, устанавливать при входе на фабрику кабелей и трубок. Но кроме этого, ничего. Я вовсе не так уж против выставок, подтрунивающих над искусством. Искусство может этому прекрасно противостоять, точно так же, как и религия. Но нужно что-то иметь в голове, если хочешь добиться остроумного, изобретательного или трогательного результата. А это всё – доказательство бессилия бесплодных. Ты, вне всяких сомнений, видел выставку «Движущееся движение» в Амстердамском городском музее. Вот это – как глоток воздуха. В этом было нечто освобождающее.

Пока что заканчиваю. Пожалуйста, не сердись.

Ваш

Герард.

1 Sonsbeek – знаменитый парк в Арнеме.

Венендал, 17 июля 1971

Дорогие Тини и Симон,

Доктор говорит, что я «психически очень неустойчив». Это письмо возможно только милостью Божьей. Я намереваюсь приступить к Творчеству, и письма придется на время отложить. Писание писем – это попытка увильнуть от поставленной задачи. Далее: да будет тебе известно, что я в течение двух дней находился в тяжкой депрессии, во время которой не желал вставать с постели и отказывался от еды. Не психоз, а «обычная» невротическая депрессия, по словам доктора. Оба мы сошлись на том, что он не должен выписывать мне ни одного из девяти новехоньких антидепрессантов. Весьма сообразительный парень этот врач. Такие редко встречаются. Задаешься вопросом, как долго можно такое выносить – принимать всерьез жалобы пациентов, выслушивать, обдумывать и давать стоящие, полезные советы – пока либо не свихнешься, либо не очерствеешь совершенно. Еще мы говорили о Жизни и Смерти. Что касается Смерти, он считает, что люди не отдают себе отчета – или не в полной мере отдают – «как нужно дальше». В наши дни такое не часто можно услышать. Я был удивлен. После смерти «нужно жить дальше», по его мнению. Глубоко в душе я с этим всегда был согласен. Следует к этому основательно готовиться, иначе придется не знаю сколько сидеть в грязном зале ожидания или проходить мешкотнейшие курсы переквалификации. А славная это у тебя вещица, вчерашняя, про человека, который «спасся», вовремя переключившись с можжевеловки на красное[1]. От Искусства нет совершенно никакого проку. Но этот твой рассказик причиняет много вреда. В общем-то, я считаю, это можно – причинять вред. Но все алкоголики, которые до сей поры наливались коньяком, виски или джином & имели по этому поводу крупные неприятности дома, и согласились на ограниченное потребление или, по обстоятельствам, бросили совсем или периодически глотали таблетки, теперь с воплями восторга наливаются красным вином, поскольку ты и доктора это одобряют. Последнее утверждение – чуть меньше, чем полуправда. Фармацевтический справочник Де Хана и Хандовского утверждает, что осуществляемое вином содействие работе кишечника, главным образом резорбции жира,

1 См. письмо Кармиггелта от 21 июля 1971 г.

действительно «кое-что значит», и что благотворное влияние вина, сильно преувеличиваемое южными народами, здесь несколько недооценивается. Но то, что справочник далее на многих страницах повествует об Алкоголе, как-то не ободряет. Употребление его может в любой момент привести к «серьезной драке». Впрочем, у меня ни к чему более нет охоты. К моменту пробуждения и подъема я уже чувствую смертельную усталость. Проходя по *** переулку, всякий раз хочу броситься под тяжелый грузовик, но всегда был и остаюсь слишком для этого трусоват. И, возможно, шофер как раз очень милый, дюжий и всё же застенчивый юноша, который может прийти в совершенное замешательство или даже попасть в аварию при попытке избежать столкновения. И тогда, обливаясь слезами, он склонится надо мной & тут-то я и увижу, какой он красивый & милый в своей кожаной куртке, но всё, я отхожу в Мир Иной, и взор мой уже погас. Ай, ладно. Ты можешь терпеть шум и хаос, я – нет. Теперь придумали такую штуковину для мопедов, она не дает смолкать так называемому «спортивному глушителю» (использование которого запрещено, а продажа – нет): посередине якобы обычного демпфера проходит собственно выхлоп, предположительно, судя по наконечнику, старая газовая трубка. Эта конструкция производит пулеметный грохот. Я видел, как такая машина неподвижно стояла рядом с полицейским и грохотала, а тот, казалось бы, не находил в этом ничего особенного. Удивительно, что марафонский вопрошалец и друг народа ден Эйл еще ничего не спросил об этом у министра. Однако он считает, что при формировании нашего нового кабинета «избиратель приходится некстати». Что бы это такое он имел в виду? Хочет ли он сказать, что этот кабинет есть власть, правящая без парламента(рного большинства)? Партия Труда проявляет, однако, возрастающую схожесть с довоенным Национал-Социалистическим движением в Нидерландах (НСД) тридцатых годов! Короче говоря, не стану я распаляться по этому поводу. Неприятность только в том, что от этого зависит мой заработок.

Мы очень, очень рады вашему приглашению. Не знаю, буду ли я в надлежащей форме. Я не смею даже спускаться вниз, выходить из комнаты и вообще из дома.

Попробую засесть за работу. Хотел бы когда-нибудь пристроить за рабочим местом собственный уголок, примерно два на четыре метра, но это не хорошо, Бог знает почему. Мальчики не разрешают. Хочу умереть.

Господин Пастор – я имею в виду священника – заходил позавчера навестить нас. Доброжелательный человек, но в прошлое воскресенье он в своей проповеди рассуждал о том, что молодежь «из-за авторитарной власти» терпит такие трудности. У меня скорее ощущение, что как раз молодежь терроризирует взрослых. С этим мой врач (ему третий десяток), впрочем, был полностью согласен. Однако я полагаю, что проповедь есть некий ротаторный оттиск, на который ты подписываешься и можешь выбирать из трех видов: один – на полудебильного священника, другой – на священника, умеющего хотя бы читать фразы с запятыми и выделять в них придаточные предложения, и третий – на истинного целителя душ, действительно умеющего писать и читать. Чушь в такой проповеди присутствует почти всегда, под копирку или будучи плодом собственных умственных усилий. Господь выдуман для того, чтобы подавлять трудящиеся массы. Поэтому я тоже верю в Него & боготворю Его, и пытаюсь служить Ему, постоянно преклоняя колени, молясь и тревожа свою плоть. Пастор еще сказал мне, что лозунг «Бог мертв» – пустые вопли, когда тебе больше бзднуть нечем. Абсолютно верно. Мертвый или живой, Он владычествует: для нас это в высшей степени важно, для Него – разница ничтожная. Вот что я имею в виду. Я хочу писать книги, в которых возьму сторону обеих партий, дабы повысить мой дебет. Можно ли совместить это в одной книге, вот вопрос. Но я смогу, например, издать один и тот же рассказ в двух версиях. Одна версия – «прогрессивно-католический роман на марксистско-ленинском базисе», где «буржуазные» молодые полицаи из хороших домов на допросах мучают, пытают, бичуют, дубасят, истязают и бьют граждански настроенных молодых рабочих, призывающих пролетариат к восстанию. Так, в сущности, должно быть в целом мире. А рядом версия, в которой у власти «трудящиеся», и в которой молодые светловолосые полицейские милашки рабочего происхождения заставляют молодых, красивых, тупоголовых мальчиков богатых родителей из Вассенара и Арденхаута[1] снимать свою дорогущую одежду и терзают их половые органы. Так ведь это называется? Как знать, это может отлично вписаться в одну книгу. Каждая вторая глава, например – перемена власти. Я могу также описать, как великолепные светлокожие, белокурые германские римско-католические,

1 Фешенебельные предместья Гааги и Блумендала в Южной и Северной Голландии.

божественно прекрасные жандармы в свою очередь обнажают и на допросах бьют, истязают, дубасят, бичуют, пытают и мучают всяких черномазых тунеядствующих соотечественников, которые постоянно пытаются содрать дорогие одеяния с головокружительно красивых девичьих тел наших кремово-белых дочерей. В общем, полистай энциклопедию. А рядом еще версия – или альтернативная глава – в которой молодые черные полицейские князи тьмы на допросе обвиняют прекрасных, невинных юных белых школяриков во всяческих выдуманных провинностях и, обнаженных, подвергают истязаниям и обесчещивают, в то время как их дружки в другой камере с приоткрытой дверью всё это слышат. Это очень жутко, и я не вполне представляю, как смогу склонить свое перо к таким вещам. Может быть, две разные книги всё же лучше одной. Одна в белой обложке (или белой с желтым), другая – в черной. Какой-нибудь макаке, которая вздумает купить книгу, достаточно будет всего лишь подержать руку над обложкой, и она поймет, что именно ей нужно. Ты посмотришь, как я на этом разбогатею. Тогда-то я, наконец, заведу себе Ягуара. Они невероятно милые зверюшки в качестве домашних животных, но им нужен простор & хорошая и довольно дорогая пища.

Бодлер не был педерастом, хотя болтал об этом направо и налево. Бог был, по его словам, “l’être le plus prostitué”[1], но также и «единственное Существо, не нуждающееся (нуждавшееся) в существовании для того, чтобы господствовать». Красиво сказано, не находишь? Я тоже направо и налево болтаю, что я педераст, но я педераст и есть. Однако я еще и стихи пишу. Никогда нигде не прочтешь, как те солдаты с вечера четверга до пятничного утра мучили, пытали, бичевали, дубасили, истязали и били нашего собственного Господа Бога Иисуса. И обесчещивали, естественно. Писание, конечно, повествует о том, сколько кисточек, шнурочков и палок имелось в занавесочках Храма, но об Этом умалчивает. Ты не думаешь, что они всю ночь по очереди исполняли с ним свое противоестественное желание?

Будь добр, поставь за меня где-нибудь свечу Богородице. Обещаешь?

С любовью, все мы.

Ваш

Герард.

I Самое проституированное существо *(фр.)*.

Венендал, 19 июля 1971

Дорогие Тини и Симон,

Твое письмо от 13-ого я перечитывал много раз. Это могло бы стать текстом одного из твоих наипрекраснейших и наимрачнейших фельетонов. Не для газеты, это я как раз понимаю, хотя бы из-за бедняги Х.Х. Да пребудет с ним Господь во время его финишного рывка. Неполадки с его мочевым пузырем не были правильно и вовремя диагностированы. Он годами писал всем о своей весьма необычной хвори невинного рода, которую именовал *schrompelblaas* или *Schrumpfblase*[1] & и которую пытался приписать и мне, поскольку я, согласно некоему интервью в некоей клеветнической газетенке, частенько бегаю отливать. Он уже годами жаловался, но, поскольку человек состоит по преимуществу из жалоб, должного внимания на это не обратили. Поэтому я столь экономно пользуюсь консультациями моего врача. Многие полагают, что доктор – это нечто вроде штопора или точильного камня.

Между тем: терпение! Еще чуток, и мы на небесах. Вчера я ходил к мессе. На странице 1 служебничка написано: *Время отпусков в разгаре. Гостить у знакомых или самим принимать гостей у себя дома вновь сделалось нормой. Гостя хочется побаловать. Гость приносит что-нибудь для хозяина и хозяйки, частенько даже известия и разные приятные новости от семьи и друзей. И мы сегодня – гости за священным Столом; мы принимаем здесь дорогого гостя: самого Господа. У него тоже имеется добрая весть для нас. А именно та, что мы можем рассчитывать на вечную жизнь, нескончаемый отпуск. Это будет мечта.*

Что скажешь, собрат по перу? Тебе не кажется, что мужик был под мухой, когда это писал? Во всяком случае, заложил неслабо. Мечтатель, – что-то в этом человеке есть от поэта. Это не тот самый, который составляет расписания поездов, осмелюсь поручиться. В любом случае у меня по жилам тепло растеклось. Я подумал: круг замкнулся.

Стало быть: выше голову, эй! С горячей любовью от всех нас. Ваш

Герард.

---

1 Сморщенный мочевой пузырь *(нид., нем.)*.

Венендал, 21 июля 1971

Дорогие Тини и Симон,

Я держусь, особенно после твоего короткого, однако весьма ободряющего письма.

Завтра еду в Амстердам, проведать мою бывшую хозяюшку[I], поэтессу Х(анни) М(ихаэлис). Потом у матери Хенка день рождения, и она, Виллем и Хенк поедут навестить во Фрисландии брата Хенка, Лекса, его жену и детей, – они проводят выходные в Летнем Дворце. Для меня это «слишком суетно». Только что снова приходил доктор. Я сказал ему, что продолжаю жить. Не могу же я с этим постоянно ко всем приставать. «Хорошего все равно ждать не приходится». «Да, я тоже в это не верю, г-н ван хет Реве». Вот так. Я думаю, что это звучит куда лучше, нежели завывания типа «А ну-ка, выше голову, г-н ван хет Реве! Совсем вы с ума сошли! Такой человек, как вы, такой известный, такой знаменитый – и депрессия!» Этот парень здорово фишку сечет, слава Тебе Господи.

Интересная новость: хорошенько поразмыслив, мы решили всё же не продавать Дом «Трава». Закончим отделку и вновь полностью обставим одну комнату внизу, а наверху – одну спальню. Немного погодя мы можем вас туда забрать, если пожелаете, и оставить там на сколько захотите, а потом отвезем обратно. Коли загрустишь, то уж точно там материал на 24 очерка: горизонт, деревья, люди, как две капли воды похожие друг на друга, и т. д. Это исторический дом. Можешь работать в маленькой каморке под крышей, где я написал «Ближе к Тебе»[II]. Подставка для пера, которым была написана эта трогательная книга, украдена, не знаю кем, но каморка на месте, и чердачное окно, в котором проносятся облака. Или ты не станешь совсем ничего писать, или же напишешь такое, что поразит весь обитаемый мир. Такова по сю пору была моя истерзанная жизнь, собрат по перу: всё или ничего.

I Hanny Michaelis (1922–2007) – поэтесса, с 1948 по 1959 – жена Реве. После развода они сохранили дружеские отношения.

II В сборнике «По дороге к концу», пер. С. Захаровой, 2006 г.

Между тем я занят проектированием совершенно нового и гораздо лучшего мирового порядка, нежели тот, в котором мы в настоящее время существуем; так что по сравнению с нынешним устройством мира можно говорить о порядке. Среди всего прочего он включает в себя возрождение рабства. Но об этом, наверное, в следующий раз. У меня часто возникают великолепнейшие идеи, но они почти всегда наталкиваются на грубейшее непонимание. Сейчас поднялась невероятная шумиха по поводу якобы проблемы орфографии. Орфография должна быть по возможности фонетической и как можно более логичной. Совершенно & абсолютно фонетическая – это невозможно, поскольку слово *is*[I] – не звук, а лишь его символ. Испанский язык очень логичен. Орфография его недвусмысленно обозначает произношение, а произношение совершенно безошибочно указывает на орфографию. В Нидерландах же всё остается незаконченным и нелогичным. Человеческая способность занимать себя квази-проблемами развилась в огромной степени. Подозреваю, что это условие жизни. В тысячу раз важнее орфографии синтаксис, который, с исчезновением родов и склонений артиклей – это было неизбежно, и я ни в коей мере не брюзжу по этому поводу, – сделался весьма затруднительным в сложных предложениях. У нас нет отдельного персонального местоимения для животных и неодушевленных предметов, тогда как у англичан есть: *it*. Нидерландская фраза «Ян привел пса к Питу и дал *ему* пинка» – двусмысленна. Я как-то в течение сорока пяти минут пытался изложить эту проблему величайшему после Эразма носителю культуры профессору Гармту Стаювелингу[II], но мне это не удалось. Я предложил ввести слово *den* в качестве английского *it*. «…и дал *den* пинка», то есть псу, как это ни ужасно. Пример множественного числа: *dene*. «Он дал Яну свой велосипед, и он *(den)* пропал». «Он отдал Яну и Питу свои поместья и больше их *(dene)* не видел». Ну и нефиг раздавать направо-налево. Стаювелинг меня едва ли не высмеял. Что из этого выйдет, один Господь разберет, но это не нидерландский язык, по-моему. Уж лучше помереть. Ну да ладно.

Возможно, мы в сентябре на несколько недель поедем во Францию, в Шован, в наш тайный Замок, в котором я еще не все комнаты обошел. А также мы, надеюсь, съездим в Лурд. Мне рассказывали, что там можно брать сколько угодно воды из источника.

I Форма глагола «быть» 3-его л. наст. вр.

II Garmt Stuiveling (1907–1985) – поэт и литератор.

Я слыхал про людей, которые привезли оттуда литровую бутыль, и вот в конце концов в ней осталось чуть-чуть на донышке. Хозяйка дома вовремя успела долить ее *(den)* водой из-под крана, потому что «тогда ведь это распространяется на всю бутылку».

Я чертовски рад, что солнце ушло, но атмосфера, на мой взгляд, по-прежнему неприятно давит, несмотря на дождь. Для меня всё еще недостаточно прохладно.

Теперь, когда я чувствую себя лучше, прихворнул Мышонок. Вчера у него было 37.4, сегодня 37.8. Он легко подхватывает бронхит. Раньше у него была еще и астма, и такая пш!- пш!- пшикалка, но теперь я ее запретил. «Хворого дружка я могу где хочешь найти».

Тетя Стина вернулась с каникул, которые провела в гостинице в Эпе.[1] Тетя Стина – еще живая сестра умершего отца Мышонка, который похоронен на кладбище в Венендале рядом с 18-летним мальчиком, утонувшим в Рейне; на его громадной синей могильной плите начертано: «Здесь ждет наш любимый Сын и Брат». Но это так, к слову, речь не о том. Тетя Стина бесконечно мила и с придыханием повествует о своих приключениях, следуя весьма фрагментарной системе, которую трудно объяснить. Например, некто несется сломя голову в машине, в которой сидит она, и вдруг перед ними «свет, я так вздрогнула и говорю ему ты что делаешь парень включаешь свет а теперь снова выключил…» Первый «свет» относится к фарам внезапно возникшего перед ними встречного автомобиля, второй – к попеременному переключению собственных фар с дальнего света на ближний. Во всём, что она говорит, имеется – чисто с точки зрения языкознания – четырехсложное значение, но если поддерживать с ней беседу, развиваешь в себе способность, этакий лингвистический радар, улавливающий смысл или, по крайней мере, то, что к нему очень близко. Из-за внушительного количества своих болезней она умеет четко отличать большие белые таблетки от маленьких и «розовые таблетки с желобком», которые не маленькие, а «вот такие маленькие» или «ну такие малюсенькие», причем показывает их диаметр, сближая большой и указательный пальцы. Все эти таблетки нельзя путать со среднего размера снотворными пилюлями или с очень крупными растворимыми таблетками величиной с гульден и вдвое толще него – я видел их своими глазами; она выхлебывает их пять раз в день,

---

1 Ере, муниципалитет и город в восточных Нидерландах.

растворяя в стакане воды. Приходя к ней – она живет через три дома отсюда – я тоже всегда принимаю одну таблетку, к ее бурному и неугасимому веселью. На вкус они, когда растворятся, напоминают очень слабый малиновый лимонад, поставленный в летнем домике в шкафчик под кухонной раковиной и забытый до следующих каникул. Живешь для других. Ее рассказы довольны трагичны по содержанию, но свободны от всякого элемента несправедливости. Она в паническом веселье летит впереди Смерти и всякий раз стоит, дрожа и хохоча, вжавшись в стену подъезда, когда Смерть снова пронеслась мимо. В гостинице обнаружилось, что она оставила снотворные пилюли дома. К счастью, у одной из постоялиц, дамы из номера II, имелись при себе такие же среднего размера снотворные пилюли и тоже с мятным привкусом, но в свою очередь эта дама позабыла свои собственные «конфетки». У тети Стины было с собой «о, полно» таких «конфеток», и дама ежедневно снабжала ее желанной снотворной пилюлей. Так что всё образовалось само по себе, без врачей, полиции или патологоанатомов. Если бы могли народы и многие охваченные ненавистью и раздором правительства и партии мира объединиться подобным образом!

Тетя Стина, хотя и весьма потрепанная жизнью, тоже однажды по истинной благосклонности Провидения удостоилась радости: когда четыре года назад Хенк пришел ее навестить, в саду сидела розоватая, с легким оранжевым оттенком канарейка, которую Хенку удалось поймать, накрыв полотенцем. Канарейка всё еще живет у тети Стины в клетке, где устроено нечто вроде садика с растениями. Птичка никогда не поет, но временами громко чирикает и воркует, и при этом ее корм и засохшие испражнения разлетаются вокруг на несколько метров.

Солнце уже зашло. Наступает ночь. («Молчи о Тьме, о песня Света!») Я вновь пишу Стихи, одно получилось весьма недурно. С горячей любовью от всех нас. Ваш

Герард.

Венендал, 24 июля 1971[I]

Дорогие Тини и Симон,

64 Огромное спасибо за твое письмо от 21-ого. Мне слишком много нужно тебе написать, и я буду фонтанировать, покуда не иссякну. Всё, что останется еще упомянуть, сообщу в следующем письме.

С чердака мы снова всё убрали, в том числе и спасенную мною алюминиевую кружку Хенка, из которой я сейчас, обжигая губы и пальцы, пью кофе. *(Pour un plaisir, mille douleurs.)*[II] Корзину с книгами и непонятные детали от телевизора и радио. «Электронный ежегодник» за 1956 г., изданный «Обществом Издателей DE MUIDERKRIMG»; «Неопознанная женщина» Миньон Эберхарт[III]; ребристая овальная серая вазочка; «Ведьма из Ритхука» А.М. де Йонга; «Земля обетованная» Александра Неверова, издательство «Рабочая пресса», 1931, которая начинается так: «Дед умер, бабка умерла, потом – отец. Остался Мишка только с матерью да с двоими братишками. Младшему четыре года, среднему – восемь. Самому Мишке – двенадцать. Маленький народ, никудышный»[IV]; написанные не кем иным, как Яном Й. Мейереном и Й. Х. ван Франкенхаюзеном «Арифметика», «Контрольные задания по арифметике» и «Бухгалтерия», все три – книжки для экзаменов на диплом торгового среднего учебного заведения; «Торговое право» Р. Шанса (восемнадцатое издание); «Практическая торговая корреспонденция для владельцев магазинов»; черно-белая, слегка запачканная репродукция «Карнавала» Яна Стена[V], в рамке, стекло не повреждено; без обложки: «Наследство» Эдмонда Николаса, «Посвящается Трезе, Лиз и Шарлю, Сюзанн и Юпу». «Эта история появилась в несколько иной форме как фельетон в «Гаагской почте» в 1953/54 гг. Все лица вымышлены, все обстоятельства высосаны

I См. письмо Кармиггелта от 1 августа 1971 г.

II За удовольствия нужно платить *(фр.)*.

III Mignone Eberhardt (1899–1996) – американская писательница, автор детективов.

IV «Ташкент – город хлебный» (1923) – повесть А. Неверова (1886–1923).

V Jan Havickszoon Steen (ок. 1626 – ок. 1679) – живописец.

из пальца, все совпадения имен случайны. Иными словами, никто не должен обнаруживать портрет там, где не имелось в виду никакого сходства». Тем не менее, я его ищу. «Наследство» начинается захватывающе: «В нашем городе осталось лишь несколько красивых старинных аристократических домов. Большинство из них снесены в прошлом веке и заменены отвратительными пирожками из неровного природного камня и жуткого красного кирпича. Потому так хорошо, что дом Ренне сохранился»; один номер «Сигнала», 3-й выпуск номер 6, март 1961, а именно «Периодика для учеников средней школы» и «Исходящие сообщения движения студентов-кальвинистов совместно с Объединением Распространения Святого Писания». На стр. 17: «*Реклама.* Одна сигаретная фабрика разослала ученикам средней школы пачки сигарет с запиской: «Мы посылаем Вам пачку наших лучших сигарет. Надеемся, что Вы ими довольны и пожелаете получить больше...» Один мальчик ответил: «Большое спасибо Вам за сигареты. Я ими очень доволен. Я распустил их в ведре воды и опрыскал наши розы, которые заела тля. Вся тля передохла. Ваши сигареты – отличный яд!»

Примечательно, что я – единственный алкоголик в Западной Европе, который практически не пьет: один-два стакана вина в день. Я ни в какие рамки не вписываюсь. Как писатель я чувствую себя совершенно чужим на собрании или конгрессе собратьев по перу. Как член редакции гомосексуалистского спецоргана «Диалог» я во время обсуждений несчетное количество раз ловлю себя на безысходной мысли: «Но я же ни с кем из этих людей не имею ничего общего!» То же самое в отношении моего римского католичества, в церкви во время Службы. Я бы очень хотел хоть где-то быть своим. У меня есть самые разные предложения и идеи, в высшей степени религиозные и даже мистические, но в настоящее время они идут вразрез с течением времени. С другой стороны утешительно, что Церковь ни к чему не принуждает и ни в чем не ограничивает. (Церковь, в которой я вырос – я имею в виду коммунистическую партию – не делала и не делает ничего, только попирает, подавляет, уродует, разрушает и преследует всё, что пишется и читается.) Р.-К. Церковь – наша старая, больная Мать-спасительница, готовая, но не умеющая точно понять, что ты имеешь в виду, и сама распускающая бестолковые сплетни о несчастных случаях и болезнях в окрестностях, заканчивает выводом: «Ты не знаешь». И между тем получаешь кофе, который

невозможно пить, часами томившийся на плите, от которой пахнет нищетой, бельем и торфом. Ах нет, это дурно, грешно и достойно порицания, что я так о ней говорю. Я должен записаться у г-на *Диргарде*[I], если хочу 8 августа совершить паломничество в Кевелар. Нет, Церковь всё же полнейший цирк. Реальность узнаешь по ее неправдоподобности. Не знаю, читал ли ты во вчерашней газете «Пароль» заметку о том, как некто в автобусе откусил голову крысе? Газету я уже выкинул, но цитирую по памяти: «Одна женщина упала в обморок, другие были явно шокированы, когда мужчина в автобусе откусил голову крысе. Крыса, которую этот человек держал в качестве домашнего животного (с исчезновением падежей здесь имеется некоторая двусмысленность)[II], укусила его за палец». Величайшая невероятность сего сообщения является залогом его правдоподобности. Такие вещи уместны только в рассказах В<иллема> Ф<редерика> Х<ерманса>.

(Кстати, я прочел у его издателя сигнальную копию весьма ревностно охраняемого текста из новой книги Херманса, которая должна выйти в сентябре этого года; она будет называться «Ангел-Хранитель» или «Облако незнания»[III]. Мне не понравилось: сначала – напор с огромной претензией, а дальше ничего, кроме ворчания, которое скоро приедается. Чрезвычайно неудачное подражание Луи-Фердинанду Селину, что касается военных сцен. Селин бесконечно более чувствителен. Х. не глуп, но талант его начинает разваливаться на куски: почти всё одинаково слабо и, прежде всего, неуклюже, всё то, что тебе до бесконечности разжёвывают.) Смотри: то, что некто держит крысу в качестве домашнего животного, не есть что-то исключительное. Также и то, что кто-то может рассердиться на зверюшку и убить ее. Невероятность начинается с того, что животному откусывают голову. Абсолютно неприемлемым это становится благодаря тому факту, что событие происходит в автобусе. Теперь мы с тобой знаем совершенно точно, что это действительно случилось, поскольку никто, как бы изобретателен и богат на выдумку он ни был, сам такого сочинить не сумеет.

I Зоосад *(нид.)*.

II В оригинале фраза может быть прочитана двояко: «Крыса, которую этот человек держал в качестве домашнего животного…» и «Крыса, державшая этого человека в качестве домашнего животного».

III Правильно: «Воспоминания ангела-хранителя: облако незнания», 1971.

Что касается моего писательского уголка, дело улаживается. Либо мы устроим позади ателье простенькое сооружение, примерно 2 x 3½ м., например, из бетонных свай, плит и шиферной крыши – довольно обычная и не слишком броская конструкция; там видно будет. Я один временно занимаю маленькую комнату наверху, в конце коридора; большая, там же, станет комнатой Тигры и Мышонка, а в темной комнате будем проявлять фотографии; до сих пор для этого служила маленькая комната. Я, вообще говоря, не люблю работать в больших помещениях. В маленькой, как и в большой, имеется горячая и холодная вода и газовая печь. Я располагаюсь над кухней, и потому мне не нужно принимать участие в разговорах с посетителями внизу, в гостиной. Строительство сарайчика в саду вновь влечет за собой проблемы с отоплением, светом, где отлить – поскольку мне приходится часто отливать, хотя и не так часто, как X. – а местечко тут не особо укромное, ибо народ нередко ходит окольными путями.

Нас многое объединяет, но также кое-что и разъединяет. Ты – мягкий и либеральный, я, вообще говоря, весьма нетерпим и авторитарен. Мне не нравятся работы Ада В.[I] Для меня они слишком посконные и слишком теплые – человечные. Мне подавай Гойю или Босха. Притом я испытываю безумную ненависть ко всем, чья речь неправильна или вульгарна. Подозреваю, что это пережитки моей юности. Дом был постоянно набит людьми, которые точно знали, чего миру не хватает для счастья, но изъяснялись на весьма примитивном амстердамском диалекте и ненавидели всякую истинную мысль и всякое истинное творчество[II]. В мире созидательного искусства еще встречаются пожилые парнишки такого типа, рьяно отстаивающие свою безграмотность и бескультурие. (И вечно загадочные недостачи в кассе их Союза. Ну, я-то знаю, где денежки оседают: в трактире, сударь!) Никогда нигде до конца не доучиться & не знать различия между «одеть» и «надеть», «класть» и «положить» – это, возможно, и не позор, но уж точно не добродетель. Знай, что я чувствую для себя смертельную угрозу со стороны этих людей, переворачивающих всё с ног на голову и полагающих, что социальный крах есть первое условие истинного мастерства. Положа руку на сердце, признаюсь, что кое-кого подозреваю в подобном образе мышления.

I Aad Veldhoen (1934) – художник, друг Кармиггелта.

II Родители Реве были убежденными коммунистами.

(Интермеццо: М-к по уши втрескался в 16-летнего амбоинского или южно-моллукского Мальчишку, очень красивую и милую, худощавую золотисто-смуглую игрушечку в каштаново-коричневой вельветовой курточке и парусиновых брюках. Теперь уж точно придется нам строить этот сарайчик в саду, чтобы М-к со своим цветным милашкой-рабом мог непотревоженно исполнять там свое желание. Договоренность насчет знака в виде зажженной свечи за окном, etc. Мальчишке всё кажется потрясающим, и это разгоняет скуку, но в остальном он никакой. М-к стонет, что с ним не о чем разговаривать. Через пару дней у него день рождения: ему исполняется 17, поскольку он – Лев. В этом беда пылкой крови: редко удерживается такая человечная вещь, как дружба. Чудно́, а говорят, что я против цветных, но стоит мне увидеть этого золотистого, бронзового котеночка – и действительно, его зовут Феликс: тут точно рука Господня – я просто таю от умиления и нежности и, прежде всего, от тревоги о том, что ему выпадет в жизни и что придется вынести от сливочно-белых голландцев. Он ради М-ка подстригся: очень мило с его стороны. До того у него на голове колыхалась целая башня).

Между тем я вновь полон желания, которое имеет больше общего с течкой, нежели с нежностью или любовью, к одной школьной подружке Мышонка. В ней есть нечто спонтанное и жизнеутверждающее. Не думаю, что она не спит по ночам из-за сонета Хофта[I] или из-за *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*[II] или из-за того, что не может выбрать между Фомой, Кантом и Шопенгауэром. Она учится на ветеринара. Потому-то она тоже такой красивый зверь. Полагаю, что я только из грешного любопытства снова хочу снова попробовать спереди, чтобы лучше осознать, как прекрасно то, чем я обладаю сейчас. Более чем позорно – всё это. Никому не рассказывай, – развяжет войну в моем браке. Люблю я рыть яму себе самому. Кстати, на днях я вдруг заметил на Амбахтстраат, кажется, белую эмалированную именную табличку – с полумесяцами по сторонам, через которые проходили дешевые плоские железные шурупчики, каждый из которых оставил вертикальную полоску ржавчины – и это была определенно довоенная табличка с выпуклыми черными по белому буквами: *H.OORLOG*[III].

I Pieter Corneliszoon Hooft (1581–1647) – поэт, драматург.

II «Рождение трагедии из духа музыки» *(нем.)*, Ф. Ницше.

III Война *(нид.)*.

Вот ведь имя какое великолепное. Если бы меня звали не ван хет Реве, я бы хотел зваться *Орлог*. А ведь есть и далеко не столь благозвучные имена. Так что я благодарен за то, что у меня такое дивное имя. Вот *Херманс*, это же не фамилия, а лишь родительный падеж для имени собственного. «Сын германца», «сын немца», стало быть. А из знаменитых членов семьи (братьев) только зеленщик и более чем посредственный комик. Никогда ничего из тебя не выйдет с таким именем: никогда ты не прославишься и не будешь чествуем. Я из благородных и происхожу по совершенно прямой, непрерываемой линии от этрусского принца. Оттого у меня столь великий дар владения языком.

С горячей любовью, ваш

Герард.

Венендал, 27 июля 1971

Дорогие Тини и Симон,

Огромное спасибо за твое письмо от 24-ого[I], в котором ты извещаешь о вашей прогулке в Фрисландию. Всё лучше, нежели сидеть в Амстердаме, я полагаю. Надеюсь, что вы там немного отдохнете. Это у нас в некоторой степени общее: стремимся к покою и ищем непокоя. Мы сами навлекаем на себя кучу проблем, хотя я мало-помалу становлюсь мудрее. Но Амстердам сейчас, в разгар лета и с «хиппующей» кучей шаркающих, инертных дегенератов – такого ни один человек не вынесет. Это гигантский театр, но громкое выражение радости – не притворство. Самым неприятным я нахожу зрелище – к счастью, наблюдаемое всё реже и реже – красиво одетых красивых Мальчиков под это неумолчное тарахтенье мопедов.

В прошлый четверг я ездил электричкой в Амстердам, в гости. Я, наверно, полгода уже там не был, если не считать двух посещений зубного врача и тот скоропалительный визит к вам, в день Королевы. Я хорошо подготовился к тому, чтобы перенести шум

I Это письмо при составлении сборников Кармиггелта «Прекрасный подарок» и «Носом в книжку» и книги Реве «Язык любви» было изъято.

и тоску, и потому поездка прошла сносно. Мне хотелось проверить, что там изменилось: город, человеческая жизнь, «молодежь», дорога или я. Я сел в поезд из Утрехта на Зандворт в половине десятого утра. Мне бросилось в глаза, что царит в точности такой же шум, то же несносное монотонное карканье и та же невоспитанность (входящих пассажиров, мешающих выходящим), что двенадцать-пятнадцать лет назад, и что это я изменился. Шум не сделался намного неприятнее, но тогда это меня не волновало.

Я посетил в упомянутый четверг мою бывшую женушку Ханни Михаэлис и подумывал за день до того и еще утром на следующий день позвонить вам и поинтересоваться, не найдется ли у вас днем времени для меня. Но не рискнул. А вдруг бы вы ответили утвердительно, в то время как вам было недосуг. Кроме того, я боялся слишком тяжело и слишком рано размякнуть, хотя красное вино – недурное питье. Надравшись, я могу впасть в ничтожество, и только этого вам и не хватало. Лучше, когда ход событий регламентирован, и Мальчики, например, могли бы в определенное время приехать и утащить меня.

День с Ханни – она в отпуске – был неплох. Ты, насколько мне известно, никогда не состоял в разводе, стало быть, не знаешь, каково это. Мы видимся регулярно, я даю ей советы на разные случаи жизни, насколько хватает моей компетенции. Мы пили кофе, потом я сопровождал ее за покупками, мы съели три копченых селедки с хлебом, а в полдень отправились на станцию. Там мы спустились под мост, в туннельчик на Стасьонплейн, строительство которого стоило 400000 гульденов, но им практически никто не пользуется, и вышли на Эйзейде. Там мы сели на паром и переправились на ту сторону, я думаю, метров 60-80 от берега, в «ван Хет ***». Не знаю, знакомо ли тебе это заведение. Мощный парк со старинными, неохватными деревьями – я имею в виду каштаны. Железные круглые столики и стулья с металлическими сетками. Как Ханни и предсказывала, в это время, с половины третьего до примерно половины пятого, там никого, кроме нас, не было. Я сообщаю тебе об этом месте на тот случай, если вы, будучи в Амстердаме, захотите посидеть в тишине. Туда можно дойти пешком или добраться на общественном транспорте. В любом случае, у них есть половинная лицензия[1], поскольку они наливают пильзенское.

---

1 Разрешение на продажу спиртных напитков.

Ханни иногда тарахтит, как электропила, но сердце у нее золотое. Мы говорили о прежних временах. Как всегда, сошлись на том, что ничего исправить было уже нельзя, но было хорошо. К вечеру мы прогулялись обратно, и она накормила меня простой, но вкусной едой, состоявшей из салата, жареной картошки и свиной отбивной. В половине девятого я сел в поезд на Венендал, она махала мне вслед, стоя на перроне, полном несуразнейших пассажиров, навьюченных бурдюками и плетенками, ладаном и миррой. Мое посещение, я заметил, доставило ей большое удовольствие, и она была рада тому, что я пробыл с ней целый день. Вскорости она приедет на денек в В. Я встречу ее с машиной на станции и немного покатаю по дивным окрестностям. Стаканчик тоника на Рейнтеррас. Пообедаем у нас. Днем еще где-нибудь посидим, потом она вернется в Амстердам. Квартал и здание, в котором Ханни всё еще живет, теперь кажутся мне мрачными, но тут уж ничего не поделаешь. Собственно, я с некоторых пор нахожу таковым весь Амстердам. Странно: я в нем родился и вырос, но никогда не чувствовал там себя дома.

Я узнал от Ханни, что устрашающая болезнь Х. (враг народа №1) перейдет в статус «стационарной». Я много думал о постепенно перерастающей в зловещую идее Дома Розы Спир[I]. Анни Ромейн-Версхор[II] исполняет там роль цензора в библиотеке. Книгам Карела туда нельзя[III]. Но помимо этого: я думал, что Д.Р.С. был учрежден для престарелых и нуждающихся в помощи *художников*. Какое отношение имеет Анни Р.-В. к искусству? Мне вспоминаются мои гимназические годы, когда она вводила меня в курс (тогда это было необходимо) пользования Университетской Библиотекой, на полном серьезе предупредив, что я не должен злоупотреблять этим пользованием, чтобы читать (я буквально помню это уничижительное словцо) «романчики». Еще я отлично помню отвращение дяди Яна[IV] и тети Анни к музыке. У них в доме никогда не было аппарата, который имел бы дело с музыкой или музыкальной

I Центр для престарелых деятелей искусства в г. Ларен (Северная Голландия), идея создания которого принадлежит арфистке Розе Спир.

II Anna Helena Margaretha (Annie) Romein-Verschoor (1895–1978) – писательница и историк, придерживавшаяся марксистских взглядов.

III Карел ван хет Реве после 1948 г. резко переменил свои прокоммунистические взгляды.

IV Jan Marius Romein (1893–1962) – историк, муж Анни Ромейн-Версхор.

продукцией, но она знала – как истинные марксисты имеют представление обо всем, во что ни на секунду не погружались: искусство, любовь, религия, всякое такое – какая ужасная гадость эта музыка. Поговорка “bête comme un musicien”[I] не сходила у нее с языка, и мне помнится, что где-то в одной своей статье или эссе она писала (и при удобном случае с удовольствием цитирует), что «по лицу певца можно сразу понять, что музыка происходит из его живота, а не из головы». «Немузыкальные», называл их Прессер[II], этих Ромейнов. *А-музыкальные, анти-музыкальные,* вот так. Кальвинизм; христианство a là Толстой с его поощряющим, возвышающим человечество искусством versus извращение; коммунизм: всё это одна туго натянутая, несгибаемая линия. Я читал то, что сохранилось от переписки Толстого с Тургеневым. (И перечитываю все сочинения Тургенева.) Вот тогда замечаешь, какой гнусный, глупый наглец и варвар был Толстой, и какой (до сих пор остающийся в тени) гений был Тургенев. Согласно Толстому простые, неграмотные, не испорченные роскошью и праздностью люди могут понять всю ценность настоящего произведения искусства. Ну да, конечно. Поистине законченный нацист или коммунист этот Толстой с его привычной, звериной фанатической нетерпимостью, присущей вегетарианцам, трезвенникам и пацифистам. Опять я завожусь. Не в ладах я с этой жизнью.

Не падай духом. В том, что Амстердам вас довел до ручки, вы не виноваты. Когда установится нормальная погода и спадет волна современного туризма, всё наладится. Я ничего не пишу об упомянутом тобой кабаретье С. Х., поскольку для меня он – лишь имя, на которое я иногда наталкиваюсь в газете. У нас есть телик, но я всё никак не могу его наладить. Не знаю, в чем дело. Раньше я и смотрел, и слушал, и порой ходил в театр, в кино или на «устроенный» другими праздник. Теперь я хожу только к Мессе, в воскресенье утром или субботним вечером, и даже это не всегда переношу. Тем не менее, в субботу вечером 24 июля 1971 г. кто-то декламировал здесь, в Сальваторкерк, текст из Писания, – прямо как обычный человек.

Вчера дописал полстраницы. Сегодня ничего, ни буковки.

С любовью от нас четверых, ваш

Герард.

I Глуп как музыкант (приписывается Вольтеру).

II Jack Presser (1899–1970) – историк и учитель Г. Реве (см. роман «Мать и Сын»).

Венендал, 1 августа 1971

Дорогие Тини и Симон,

Мне немного тревожно за вас. Что я могу сделать? Как только вы обустроитесь в С. и будете в состоянии принимать гостей, я приеду, приплясывая и припеваючи, и привезу восторги. Неужто Симон два дня подряд не работал? Он дал хороший совет: каждый день что-нибудь писать: изложение, рассказ, письмо. Я придерживаюсь этого правила.

Если Симон чувствует себя вялым, изнуренным и разбитым без видимой причины, попросите доктора назначить ему прежде всего инъекции витамина В. Это тоже будет способствовать облегчению болей в спине у Тини: состояние сразу улучшится.

У меня больше не осталось разборчивого черновика рассказа «Благодарность»[1], а я хочу через пару дней подарить его, аккуратно переписанный, в день рождения одному малышу. Можете вы пару дней обойтись без оригинала? Дети – святое. Это для девятилетнего сына моего шурина, у него разбита коленка.

С бесконечной любовью к вам от всех нас,

Герард.

Венендал, 2 августа 1971

Дорогие Тини и Симон,

В четверг утром мне покупают новую одежду. Я уже годами хожу в обносках, в то время как сыновья мои разгуливают в великолепных, сияющих, модных вельветовых игривых костюмчиках, броских сапожках и бриджах. Неприятность всегда в том, что я не очень-то понимаю, что мне идет и что нет. Мне нравится «приличное»,

1 Сказка Реве.

строгое, праздничное и старообразное, и я ненавижу так называемую модную выходную одежду. После покупок мы здесь в Венендале на скорую руку перекусим и потом отправимся к вам. Это будет где-то около половины третьего. Мы предвкушаем встречу.

Сегодня, набравшись храбрости, я изложил тутошнему электрокоролю, что́ я имею против энтузиазма его рабочего, который всё крушит и ломает в доме. Единственный монтер в Западной Европе, который так впивается электрическим буром в стену, что в куски разлетается не только этот кирпич, но сразу три кирпича наполовину вываливаются из облицовки. Он ставит предложенный ему (с предписанным по отношению к рабочим раболепием) лимонад или фруктовый сок на ковер и тут же опрокидывает стакан, ничего не сказав об этом и даже не попросив тряпку. Втаптывает в циновку обрезки протянутого кабеля, – нечто вроде чрезвычайно клейкой резиновой пасты, – и даже не думает отчистить. Всё разрушает. Налегает всем своим пивным мелкообывательским брюхом на дрель и превращает в щепки панель вместо того, чтобы просверлить в ней дырочку диаметром в 1 см.

Продолжение, 3 августа 1971.

Большое спасибо за твое позавчерашнее письмо. Мы очень рады предстоящей встрече. Тини получит в подарок первую керамическую выпечку Мальчиков; что именно, пока секрет, но мне это уже представляется чем-то прелестным и нежным по форме; я хотел бы, честно говоря, оставить это себе, и они пообещали, что в следующий раз сделают такую же вещицу для меня. Их мастерская называется «Единорог», а продукция пользуется большим спросом и уже теперь за нею очереди. Как же это всё-таки замечательно – иметь детей!

Мне никогда не предлагали сделаться членом Ротари-клуба, ибо, хоть я и знаменит, доходы мои не превышают 50000 гульденов в год. У тебя, должно быть, выдался удачный год, иначе я это не могу объяснить. Что-нибудь периодически вместе праздновать, это я могу себе представить без отвращения, но еженедельные совместные ланчи – нет, для меня это абсолютно неприемлемо. Артельные пьянки по ночам в каком-нибудь Замке – это я тоже могу представить, но у этих людей нет замков. Да, если у тебя есть предприятие, которое строится прежде всего на связях, требующих

весьма конкретных рекомендаций – тогда да, приходится принимать членство, поскольку связи имеют некоторое влияние. Но нам, собрат по перу, кустарям-одиночкам, держащимся на плаву исключительно благодаря жалкой трепотне обнищавших мелких торгашей и замороченных ширпотребом столяров, на что нам такой клуб? Франкмасонство или религия, те еще имеют смысл, поскольку заключают в себе утешительную загадку и целительную драму. Я теперь припоминаю, что однажды получил приглашение стать членом какого-то общества гениев – так, разумеется, они не назывались, но это, конечно, имелось в виду. «Менса»[1], говорит Тигра, вот как назывался этот союз. Нужно было обладать неслыханно и болезненно высоким коэффициентом умственного развития, чтобы вступить туда, но меня приняли бы и без этого. Мне они показались так или иначе симпатичными ребятами. А вот что было бы действительно полезным, так это, к примеру, общество, занимающееся проблемами детей с ущербным из-за слишком высокого уровня интеллекта духовным развитием. Ибо в школе они на уроках спят, и потому их принимают за дебилов. (Эйнштейн в школе считался «недоразвитым», Эдисон – чуть ли не слабоумным). Но это сообщество показалось мне прежде всего организацией людей, в высшей степени довольных собой.

Грозящее тебе одиночество – не шутка. Не уверен, что я бы с этим справился. Но, как знать, можно выстоять, если связь с усопшим была хорошей, глубокой и полной. Так дети, имеющие прочную, полноценную связь со своими родителями, не испытывают тоски по дому, в отличие от других детей. Я об этом догадывался, но некоторые исследователи уже более-менее научно это подтвердили. Страдающие тоской по дому имеют сомнительную, непрочную или неблагополучную связь с родителями. Преданность благоговейной памяти возлюбленного покойного помогает держаться, как это мне представляется. В 1963 г., в Испании, я несколько месяцев кряду жил в одиночестве. Но я, как одержимый, писал письма. Написанное слово может мне очень многое заменить. Каждый день я пишу в среднем по одному пространному письму. Сколько я их разослал в своей пропащей жизни, одному Богу известно, но никак не меньше десятка тысяч. Многие, должно быть, пошли

---

1 Организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта.

в корзину. (Только годы спустя я узнал, что лондонский друг П.[1] все мои письма после прочтения выкидывал. Теперь я больше не пишу ему подробных писем. А в те времена: события, приключения, тоска, влюбленности, перестройки в доме, всё. Наверняка 400, может даже 500 писем было, по 1000 слов в каждом. Всё в помойку, сударь.)

Я писем не выбрасываю. Ну да, редакционные восковки чудовищно депрессивных газетенок на скверном нидерландском, предлагающие 44 вопроса, – те да. Но груды прочего идиотизма всё еще лежат, распиханные по большим ящикам и чемоданам, коих не меньше дюжины. Возможно, в сортировке, классификации и издании этих писем сокрыта музыка.

Я сейчас получаю гораздо меньше почты, и, слава Богу, почти никто не заходит. Из-за последнего я настрадался. Уклоняться от ненужных людей – почти профессия, и на то, чтобы овладеть ею, уходит полжизни, или даже вся жизнь. Избегать всего – самое, я заметил, надежное. Категорически не принимать новых, незнакомых людей, не известивших заранее о своем визите. Так я поступаю теперь. Но всякий раз вновь слабею духом и впускаю кого-нибудь, кто практически всегда доводит меня до белого каления, причем сам после «приятной» для него беседы уходит по меньшей мере таким же бодрячком, каким и явился, а мне остается потерянный день, или бессонная ночь, или то и другое. Политика, Бог, Искусство, – вечно об одном и том же, и во всех трех аспектах я заранее согласен с каждым посетителем. Они думают, что я буду выступать против правительства, догм и традиций. С таким же успехом можно выступать против солнца, ветра и луны. Но да, конечно, каждый должен иметь право быть против солнца, ветра и луны.

Невнятный какой-то юноша приходил, тоже по имени Феликс, но белый, да и не привлекательный, хотя определенно исповедует Греческие Принципы. Запутанное, клочковатое происхождение. Сын фризского крестьянина, эмигрировал с родителями в Канаду – десять, двенадцать, пятнадцать (?) лет назад. Теперь свободно владеет двумя языками, но вербальных способностей нет, стало быть, двуязычие для него – бремя. Переводил меня (по крайней мере, частично) на английский. Не заметил, хотя и происходит из закоре-

---

1 Daniel Pickering (Perkin) Walker (1914–1985) – английский историк, автор нескольких работ по оккультизму в европейской истории.

нелых кальвинистов, что мое Древо Жизни из «По Дороге»[I] взято из Откровения 22(?)[II]. Очень многого не заметил. Леность ума. Глуп. Против всего. (Имеет право, но чего он этим добьется?). Золотые серьги и довольно длинные волосы. Был бы он красивым мальчиком, его серьги и длинные волосы пробудили бы во мне пылкую влюбленность и желание. А так – лишь тлеющая ярость и постоянная мысль: как мне из этого выпутаться, рот словно клейкой серой глиной набит. Ничего не поделаешь. До послезавтра. С любовью от нас четверых. Твой

Герард.

Венендал, 6 августа 1971

Дорогие Тини и Симон,

Мы вернулись домой усталые, но весьма довольные. Надеемся, что наш визит не слишком вас утомил. Большое спасибо за всё хорошее, за тепло и заботу.

Ваш лес куда красивее нашего. До чего прекрасны эти зеленые замшелые плиты дорожек. Тут определенно никто не ходит, иначе мох не разросся бы столь пышно.

Симон должен решительно не обращать внимания на так называемые протесты против введения в его рубрику артистических анекдотов. По-моему, тут нет ничего такого. Я нахожу это прелестным жанром. Да, кульминация принадлежит кому-то другому, но что, в сущности, можно придумать самому? Ведь мы всегда подаем чужой пиздеж в той или иной собственной обработке? Великий Бард (Эйвонский Лебедь) писал все эти очаровательные пьесы, черпая их из всяческой древней ерунды. Нет: собственная работа – это иллюзия, думается мне. Это же все в самом деле посылается сверху, от Бога? Не делай из мухи слона, ладно? Но вот в чем я с тобой согласен, это в том, что имеется много анекдотов, которые

I «…я неосознанно все это время искал Древо Жизни, между прочим, «двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой» и чьи листья способствуют «Исцелению Народов». Герард Реве, «По дороге к концу», пер. С. Захаровой.

II Откр. 22:2 (Реве не был уверен, из какой главы взята цитата).

опубликовывать нельзя, как, например, о нашем великом поэте Б. (†)[1], который, будучи (предположительно) антисемитом, «вввви-ду вввременных обсто-то-то-тоятельств сссссделался пппросемитом» во время немецкой оккупации.

Собрат мой по перу, посоветуй, как ответить на прилагаемое письмо с телевидения. Скажи мне категорично, что я должен говорить или делать. Я боюсь, что из тщеславия и страха что-нибудь забыть выставлю себя полным придурком. Этого можно избежать, если ты дашь мне очень строгие указания.

В начале или к середине сентября мы на несколько недель уезжаем и хотели бы к этому времени повидаться с вами, например, тут у нас. Заехать за вами и привезти сюда – невелика премудрость: С. гораздо ближе, чем мы думали, каких-то полчаса, если не меньше. Спешу. С горячей любовью от всех нас.

Герард.

Венендал, 11 августа 1971

Дорогие Тини и Симон,

Я бы хотел написать об очень многом, но придется выбирать, иначе на это уйдет полдня, если не весь день. Для начала – огромное спасибо за скорый совет насчет сотрудничества с Нидерландским Телевидением. Указания я внимательно проштудировал и кое-что почти заучил наизусть. Вот опять я, невзирая на весь свой опыт, настолько оказался глуп и тщеславен, что снова позволил себя во что-то втянуть. Поэтому я решил не давать завтра окончательного ответа. Всё это дело мне не очень по душе. Я сейчас работаю над главой, в которой рассказываю Мышонку, как я на борту теплохода «Л.» велел молодому красивому белокурому первому штурману учинить в каюте боцмана допрос с пристрастием одному юному матросу на основании совершенно лживых обвинений

1 Jakobus Cornelis (Jacques) Bloem (1887–1966) – поэт, эссеист. Был награжден различными почетными литературными премиями. Был подозреваем в антисемитизме и симпатиях к нацистам.

в краже. Если этого молоденького матроса достаточно долго подвергать наказанию, человечество будет Спасено, и книга – или, по крайней мере, глава, – закончена. (Кажется, французский живописец Курбе, а может, кто-то другой, заявил в 1870 г. пришедшим за ним офицерам из рекрутского набора: «Весьма сожалею, господа, но я не могу. Мне нужно закончить натюрморт». Это тоже прелестный натюрморт: обнаженный матрос, подвергаемый унижениям во время допроса с пристрастием.)

Не мог бы ты отложить для меня экземпляры «Гандалфа» и «Кэнди»[1] и прислать их мне? На эту пачкотню у меня не стоит, но безумно интересно, на что люди тратят свои кровные деньги. В будущем попробую сделать совершенно самостоятельную работу, но так, чтобы с виду она словно бы следовала моде. Я предвижу огромный интерес к романтизированному сексуальному насилию. Разочарование громоздится как оползень. Трудно предугадать, против чего обернется народная ярость: против евреев, против крупных универсамов и супермаркетов, против гомосексуалистов, против цветных или против негров. Я думаю, что против цветных, потому что они частично белые, и потому им могут навесить обвинения во «вторжении и осквернении белого общества», волшбе, ведовстве, стремлении к власти и т. д. Я хочу сказать: преследуемый объект должен быть чужим и в то же время своим. Южно-моллукские мальчики нередко кажутся мне очень красивыми, – я имею в виду тело, потому что эти их болтающиеся на головах копны шерсти вызывают омерзение. Странные, очень странные времена настали, собрат мой. Куда всё это катится?

В воскресенье мы втроем ездили в Кевелар, километров двадцать по ту сторону границы, где в 1641 г. простому купцу Хендрику Бусману был на вересковой пустоши голос Святой Девы, а жена его в то же время видела дома «странное сияние». На этом месте, посреди пустоши, возникла в 1643 г. часовенка, потому что Святая Дева пожелала всего лишь «маленькую часовню». Знаешь, что странно? Я формулирую содержание той или иной веры, даю ему название, сам нахожу это неимоверно смешным, и тут всякий раз заново выходит, что эта самодельная идея есть старая как мир, возведенная Церковью в догму или по другим причинам узнаваемая формула.

---

1 Нидерландские газеты, снискавшие скандальную славу благодаря эротическому содержанию. Реве, Кармиггелт и другие известные литераторы сотрудничали с ними.

(Теперь ты, возможно, тоже понимаешь, что подвигло меня заявить о том, что «самостоятельная» работа и «самобытность» – это иллюзии). Одно из имен Святого Духа – Утешитель. («Теперь оставляю вас, но дам вам Утешителя, да пребудет с вами вовек»)[I]. Теперь я думаю, что в сущности Мария должна именоваться «Утешительницей Страждущих», но Церковь определенно наложит запрет на то, чтобы свойство одного из трех персонификаций Бога было приписано Марии. Однако смотри: я приезжаю в Кевелар, стою перед ракой, в которой за бесчисленными слоями стекла надежно упакована чудотворная иконка, и читаю наверху на своде выведенное крупными золотыми буквами CONSOLATRIX AFFLICTORUM = Утешительница Скорбящих. И толпа несет бесчисленные фонарики с надписями “Trösterin der Betrübten, bitt für uns”[II]. Возможно, это вопрос глубины. В глубине талант становится универсальнее. Мой талант не простирается вширь. Жанр, которым я владею, в высшей степени ограничен, но проникает глубже, чем я обычно осмеливаюсь зайти. Многие мысли нагоняют на меня лишь страх, и я не сразу решаюсь записать их.

В глубине, которая почти непроницаемо черна, как бездна или сто лет назад заброшенная шахта, никто, кроме тех, кто там обитает, не может помочь тебе или указать путь. Ни газета, ни политика или социологическое сочинение, ни справочник, ни врач не могут ничего сделать для тебя, если ты совершенно опустился.

Я начинаю понимать, что то, о чем я толкую, не является чем-то новым и революционным, но старо как мир. Желать кого-то и стремиться к обладанию этим человеком – это довольно ново; опасная новизна. Желание принести этого человека в жертву обожаемому тобой третьему лицу, т.е. *ревизм*, это не новшество или извращение, но нечто извечное и устоявшееся. Изначально все удовлетворения человеческих желаний защищаются, оберегаются или обожествляются путем предохранительного ритуала. Лишь брак может полностью *санкционировать* любовную жизнь, а именно: освятить. Поскольку она должна быть так и иначе освящена, дабы стать полноценной и сделаться благодатью. (Потому и носим мы, – Тигра, Мышонок и я – золотые кольца с нашими тремя инициалами, и я намеренно обнародовал нашу свадьбу по Телеящику. Р.-К. Церковь права, если она продолжает крепко держаться

I Ср.: Иоан. 14:16.

II Утешительница Скорбящих, молись за нас *(нем.)*.

за святость и нерасторжимость брака. Этот принцип, как отправную точку, нужно соблюдать, но брак, не являющийся более браком, должен быть расторжимым, именно из-за святости брачных уз.) Даже в высшей эротике – общении с Богом – человек всегда защищен тепловым щитом символа: у Господа были имена, Ангелы, пророки (и даже Мать, на случай если он как простой человек желал по-домашнему обсуждать все события дня). Ныне мы оставлены на бессмысленную телесность и непосредственный божественный опыт, и то и другое для меня невыносимо, так же как и для многих других, впавших в апатию, пьющих, колющихся или поехавших умом. Я защищаю себя, с переменным успехом, путем выполнения обрядов ревизма, мессы и мариологии.

Теперь берусь за работу. С любовью от нас четверых. Ваш

Герард-К-ван-хет-Реве.

Венендал, 16 августа 1971

Дорогие Тини и Симон,

Сердечное спасибо за предостерегающее письмо от 12-ого, которое пришло сегодня. Я немного в депрессии, но пытаюсь из нее выбраться. Наши депрессии – родственники. Вот только ступор совершенно иной. Это означает: я очень хорошо могу реагировать и запоминать, чуть ли не до помешательства, но ничего не могу высказать, сформулировать, выразить словами. Как только у меня начинается депрессия, мои выразительные способности стремительно падают до очень низкого уровня. Единственный способ выкарабкаться – это попробовать работать, написать письмо, прочесть книгу.

Осы, о которых ты вчера с отвращением писал, являются проблемой для биологов, ибо не представляют собой звена в «цепочке». От живой твари обычно бывает польза, – относительная, конечно, потому что истинной пользы не приносит ничто; одна тварь дает жизнь другой, или же сохраняет ее семя в своем пупке, – поэтому можно ясно прочесть по ее коренным зубам: одно прорастает

через другое, стелется под ним, нарастает на нем. Но оса существует просто так. Ничего не будет нарушено или расстроено, если оса исчезнет. Оса для биолога – точно свобода воли для теолога. Является ли медоносная пчела улучшенным изданием осы, или же оса – это пчела-вырожденка? Ответ за наукой. Но они пакостно жалят, эти осы. Постоянно заползают Тигре за воротник, запутываются в фуфайке и кусают его.

«Ближе к Тебе» – довольно милая книга. Надо бы больше писать подобных книг – и войн никогда не будет.

Беседа с телекоролями прошла великолепно. (Нет, письмо на обороте отправлено не было). Они хотели совсем не того, о чем я думал. Они хотели, чтобы я писал письма и зачитывал их вслух. Желательно, письма к тебе. Ну-ну. Может быть, и ты захочешь писать мне письма, а потом их вслух зачитывать[1]. Клянусь тебе, собрат мой, Марией Богородицей, которая вчера была восславлена и чье тело и дух были вознесены в небеса, что я ко всей этой задуманной конструкции не имею ни малейшего отношения. Не предложу ли я это тебе? Да, конечно, предложу. Таким образом, всё еще хорошо кончилось, поскольку я уже несколько дней кряду «дико изводился» (как я однажды подслушал у одного молодого бельгийца, который к этому присовокупил: «Доктёр написаль мне указаниё»).

Ты же не хочешь, чтобы мы на телевидении читали друг другу наши личные письма? Я на всякий случай спрашиваю, мало ли что.

Их сложности я понимаю. Каждая программа должна отличаться от предыдущей. Я могу самостоятельно вести свою рубрику, – пожалуйста, ибо я прирожденный остряк. Но она должна отличаться от твоей. Они там не дураки. Они хотят, чтобы ты подготовил передачу специально для них, а не рассусоливал о чем-то давно опубликованном. Они правы. Мы, слава Богу, вступаем в длиннейший период размышлений. Возможно, меня осенит нечто, что я смогу делать без особых усилий. Но я не стану заключать никаких соглашений, пока книга не будет закончена. Твой совет я себе основательно втолковал.

Да, – то, что они там, в коммунистических странах, лямзят авторские права, должно, наконец, открыть глаза некоторому количеству влюбленных в эту систему собратьев по цеху. Да куда там. Думаю всё же, что подобное абсолютное и тотальное бесправие

---

1 См. письмо Кармиггелта от 18 августа 1971 г.

весьма братьям импонирует, и они без ума от этого режима, не *невзирая* на террор, но *из-за* террора.

Я абсолютно не в ударе. Пишу это письмо просто через силу. «С тишайшим взрывом». Знаешь это стихотворение Пьера Кемпа[1], написанное незадолго перед его смертью, когда он уже почти ослеп? Где-то год назад, в «Тираде». «Как тихо в улицах, поэзией объятых», – так, кажется, оно начинается.

Я всё еще страдаю от многочисленных травм, и многие раны кровоточат. Вчера у меня случился приступ паники, на тропинке вдоль Рейна. Слишком открытое и слишком незащищенное место, оно напомнило мне Фрисландию и тамошнее свинство соседей. (Пытка грохотом). Большего не скажу. Мне ведь тоже не нужно знать о ваших горестях на ***. Надеюсь, ты останешься хоть немного доволен этим письмом. Я этой ночью почти не спал, и теперь в сильном напряжении. С горячей любовью от нас четверых. Ваш

Герард.

Венендал, 17 августа 1971

Дорогие Тини и Симон,

По-моему, сегодня вторник. Как вы знаете, я не в своем уме. Только что пришла твоя посылка с журналами. Я попозже все их просмотрю. Со вступительным текстом при моем участии в октябрьском номере я согласен. (Не забудешь при вычитке пробного экземпляра «Зверюшек» исправить мой адрес на —лаан, **, В.)? Не то на меня опять нахлынут толпы инакомыслящих, раскольников и изобретателей вечного двигателя.) Я уже перелистал «Кэнди» и «Гандалф». Непосредственное впечатление: совершенная бездуховность. Буду это изучать.

Вчера вечером я совсем сдал. Принял двойную дозу снотворного, мне сделали укол. Я, например, не решался выходить на улицу, а утром, возвращаясь из Леса, задал крюка в добрые полчаса, поскольку на дороге то и дело попадались люди. Что со мной

1 Pierre Kemp (1886–1967) – поэт.

такое, не знаю. У тебя, похоже, не бывает приступов паники; по крайней мере, в твоих письмах я не встречал слова «страх». Я постоянно чувствую себя затравленным, ощущаю какую-то угрозу. В действительности шарахаться я стал в Амстердаме, из одной дыры в другую. Тысячи гульденов стоило это мне – и постоянная тягость. В конце концов, муниципалитет Амстердама почтил меня аж двумя премиями, по 2500 и 4000, якобы «не облагаемых налогом». Однако мне пришлось, конечно же, платить налоги, до тех пор, пока я совместно со своим консультантом М. после борьбы в налоговом управлении соответствующего суда и судебной палаты не выиграл дело. Ненавижу Амстердам и, прежде всего, тамошнего известного своей терпимостью бургомистра[I], который прогибается под чернь, но, в бытность министром юстиции, решительнейшим образом отказался предпринять что-либо для отмены печально знаменитой 248 бис[II]. Либерал, министр Полак, вот тот гуманизировал уложение о наказании сексуальных преступлений. Это основная причина, почему я на выборах голосовал за либералов, – Народную Партию за Свободу и Демократию. Такие, как Гертсема, осмеливаются навлекать на себя непопулярность и открыто заступаться за меньшинства вроде гомосексуалистов, чего от Партии Труда не дождешься. Это партия Футбола и черни. Амстердам – обреченный город. Вот так. Я должен был развязаться с ним.

О чем я хотел тебе написать? Забыл. Помню только, что в сущности ни с кем не могу разговаривать. Очень боюсь чего-то, что мне нужно написать и что должно стать шестой и последующими строчками страницы 12 черновика главы «Безымянная любовь»[III]. Предложение начинается: «Есть одна таинственная статуя (...)» Я хорошо знаю, как должно быть дальше, но тогда я должен буду переступить границу, которую еще ни разу не осмеливался нарушать. Пока что всё, на 15.8.1971.

I Ivo Samkalden (1912–1995), министр юстиции в 1955–1966 и бургомистр Амстердама в 1966–1977 гг.

II Статья о нравственности Нидерландского Уложения о наказании, принятая в 1911 и отмененная в 1971 г. гласила, что взрослый, совершающий развратные действия с несовершеннолетним лицом того же пола, возраст которого ему известен, подвергается наказанию в виде тюремного заключения сроком на 4 года. В те времена несовершеннолетними считались молодые люди до 21 года.

III Третья глава романа «Язык любви».

Я заканчиваю и немедленно отправляю это письмо, иначе выкину его или начну переписывать до бесконечности. Всякий раз, когда я получаю от вас весточку, у меня поднимается настроение. Да, пиши что-нибудь ежедневно. Никогда, никогда не бросай работу. Даже если это всего лишь пара коротких записей.

С горячей любовью от всех нас. Ваш

Герард.

Венендал, 19 августа 1971

Дорогие Тини и Симон,

Очень, очень благодарен за твое вчерашнее письмо. Твои письма меня в высшей степени ободряют. Тогда я чувствую, как если бы всё самое страшное осталось позади. Вчера я написал кое-что, чего очень давно не смел писать. Большое спасибо также за отпечатанные тексты, к которым я, возможно, вернусь еще в этом письме – в противном случае потом.

Мне очень даже удалось отодвинуть от себя угрожающие деловые споры. Сначала нужно закончить книгу, а уж потом заниматься второстепенными вещами. Производить – это целая проблема для художника. Я после этой книги уже задумал три рассказа. Видишь ли, я отныне не хочу более структуры в духе психологического романа конца 19 века или даже *roman fleuve*[I]. Я собираюсь писать всяческие безумные рассказы в манере *** *** ***.

Если пять, от силы шесть рассказов составят книгу, я выпущу ее в свет. Подумываю также о том, чтобы в некоторых рассказах, или в крайнем случае, только в одном из них, вывести мальчика и девочку, которые играют в папочку и мамочку или в доктора, – например, что-нибудь о красивом похотливом молодом минангкабаузском[II] ломбокце[III] с мопедом и цепями, в кожаной куртке и всё

I Роман-река (*фр.*), многотомное повествование.

II Минангкабау – народность, населяющая Падаганское нагорье и примыкающие к нему районы Западной и Центральной Суматры и другие районы Индонезии.

III Житель индонезийского острова Ломбок.

такое, но очень милом с виду (а в душе, естественно, довольно застенчивом и мягком), с аккуратно подстриженными и чистыми волосами, который по ночам тайком встречается в бетонном садовом сарае с красивой белой девушкой. Два красивых похотливых белокурых братца девушки узнают об этом и так прижимают цветного красавчика, что он вынужден – о, позорище – отдаться обоим для противоестественного телесного сношения, дабы удовлетворить их греховное желание. Для белых Мальчиков это только времяпрепровождение, но бедняга ломбоколух влюбляется в младшего из братьев. В самом конце – но сначала идет долгое развитие темы, иначе на 34 страницы не наберешь – он убивает старшего брата, а потом себя. Никакой недосказанности, иначе придется описывать весь судебный процесс.

Сначала, однако, нужно закончить книгу. Мне повезло, что в Нидерландах народ не особо переживает из-за политики. Мне работается немного лучше, если я вечером не читаю газет. Телевизор лишает меня сна, так что я практически никогда его не смотрю – по простым медико-гигиеническим причинам. Да, перемены в последние два года заметно ускорились. Вот уже пять лет минуло, как я примкнул к Р.-К. Церкви. Не знаю, решился ли бы я на это сейчас. С 1966 г. я не сильно изменился. С тех пор все пошло вкривь и вкось. Тогда, как и сейчас, догмы казались мне грандиозными и главным образом вдохновляющими и необходимыми для художника, но я немного спотыкался на мелочных и довольно ниспровергательных буквальных интерпретациях всех великих истин. Относительно истин я не сомневался и не сомневаюсь, поскольку они заключают в себе “quod semper, ubique, omnium creditur” («во что верили всегда, везде и все»). Что касается буквального изложения, я думал: этот аспект не имеет существенного значения, если все эти дела хорошо сформулированы на бумаге; порой они истолковываются буквально, порой – умозрительно. Главное, чтобы истины были хорошо оформлены в слова, одним текстом и на одном языке. Всё должно иметь простор и свободу для толкования, иначе Церковь расколется на секты. Так что я ни в коем случае не восставал против формулирования догм о Непорочном Рождении Христа, о его двойной природе, о присутствии Христа в Хлебе и Вине во время мессы, о восстании человека из мертвых и о Вечной Жизни. (Хотя временами меня раздражало как нежелание понимать, что непорочное рождение есть обычный

древний религиозный факт, а не исключительная собственность христианства, так и попытки внушить, что Христос, как историческая фигура, не был рожден от человека). И я ожидал, что скоро наступят времена для менее ограниченного, однако всеобъемлющего, т.е. мистического толкования догм. И что же происходит? Сами догмы сейчас высмеиваются: Христу предписано отныне быть исключительно человеком, непорочное рождение – сплошная чушь, и никаких тебе Воскрешений из Мертвых и Телесного Вознесения Марии. (Кстати, есть дивная картина Вознесения – думаю, у Веласкеса, сына безработного папиросника).

Всё это мое ворчание, думается мне, не новость. Меня как-то целым письмом к тебе на эту тему стошнило. Перемены есть, но их характер порождает отчаяние, да-да. Никто теперь не *знает* догм, которые, однако, заранее отрицает. Представь, что ты в отношении управления садом имеешь два мнения. Одна партия выступает за многолетние растения, другая предпочитает сажать однолетники. Я в Церкви в высшей степени сторонник многолетников, но если человеки предпочитают рассаду однолетников, я это принимаю. Но теперь, ни с того ни с сего, в саду вообще никаких растений, ни однолетних, ни вечнозеленых! Сада как такового больше нет, он завален старыми велосипедными шинами, пивными жестянками и пустыми баллончиками из-под лака для волос, а ты – реакционер, если продолжаешь упорствовать в том, что под всем этим хламом на самом деле скрывается сад. Нет, придется тебе в районное отделение, к тупым, злющим волосатым уродам, дабы подвергнуться процессу демократизации.

Кстати, о саде: сегодня в полдень я загорал в садике за домом и задремал. Вдруг на мою левую ногу сел воробей и принялся по ней скакать, с лодыжки до колена и обратно. Как только я выпрямился, мой пернатый дружок упорхнул. Вот что тут скажешь? Лучше уж пусть тебе воробьи ногу оттопчут, чем оса ужалит в веко, а то и в задницу.

В этой дальней комнатушке, где я сейчас пишу, наверху, для меня будет устроен в углу спальный гамак на расстоянии примерно 65 см. от потолка. Пространство комнаты в таком случае целиком освобождается, – расхаживай себе. Под гамаком можно стоять, выпрямившись во весь рост. Я обустрою комнату как корабельную каюту, с компасами и квазииллюминаторами. Теперь я сплю головой к окошку, рядом с печкой, в которой резонирует уличный

гомон. Что действительно приятно: я понемногу становлюсь менее чувствительным к шуму и сплю всё лучше и лучше. Теперь, когда я почти не употребляю Алкоголя и перестал принимать успокоительное – половина пилюли на ночь – меня крепко забирает, так что утром едва встаю с постели. Как только мне подвесят гамак, попробую засыпать совсем без таблеток. Полагаю, что мне это удастся. Паломничество в Кевелар мне здорово помогло, в точности как то, в 1968 г. к Пресвятой Богородице Всех Скорбящих Радости, и в 1969 (или 1970) к N.D. de Pauvres. (Я не беден, но ведь в любую минуту можно по миру пойти). Я как-то задумался, чем объяснить целительное действие паломничеств, если отвергаешь чудовищно инфантильное понятие божества, перечеркивающее собственные законы природы. У меня, однако, имеется подозрение. К этим местам отправляются люди, претерпевающие великую душевную муку, окончательно разорившиеся или изверившиеся. Они не в состоянии обрести душевный покой, поскольку современное человечество преследует лишь осязаемое, съедобное и измеримое. Человек – это не то, *что он есть, а то, чем он обладает,* кратко говоря. Так живут миллионы людей, и их существование продолжается до тех пор, покуда у них что-то есть, или же они могут что-то получить, или они это себе воображают. Но что до этого осязаемого 57-летней вдове, чей единственный сын «волею судьбы» лишился жизни из-за несчастного случая на дороге (как это всегда пышно именуют траурные объявления), и что могут дать или пообещать ей Маркузе, Маркс или «Омбудсмен»[I] по телеящику? Эта женщина отправляется в Кевелар и там обретает утешение. Я верю, что Матерь Божия, более чем сам Господь, есть символ глубочайшего человеческого Я, открывающий доступ к безграничному и вечному. Дойти к нему – целое путешествие, и это символизируется тем фактом, что люди драматизируют путешествие и представляют его фактической, настоящей дорогой по поверхности земли, которую им нужно пройти.

Я уже полностью ознакомился с печатным материалом. «Неустойчивое равновесие» просто прекрасная вещь, хотя и не столь напряженная, как «Кто боится Вирджинии Вульф»[II]. Перевод, на мой взгляд, весьма посредственный.

I Телепрограмма, посвященная разбору жалоб населения.

II Пьесы Эдварда Олби. Пьесу «Кто боится Вирджинии Вулф» Герард Реве в 1964 году перевел на нидерландский.

Я также внимательно проглядел «Кэнди» и «Гандалф». Характерно то, что там нет ни малейшей идеи. Изготовители этих газетенок – распущенные обыватели, которые всё еще несут бремя предрассудка, что сексуальность – это нечто низменное. На каждой странице телесная близость преподносится как что-то нелепое, и на каждого, кто в этом отношении пытается что-то делать, налепливают ярлык «ненормальный». Кто это покупает и почему? Кверулянтство также бросается в глаза, например, в репортажах о похоронах. Тон довольно брюзгливый, но считает ли автор в таком случае, что это должно происходить неэффективно, и что входящая и выходящая процессия должна сталкиваться лбами? Задаешься вопросом: «Чего он хочет?». Сообщают, что делаются попытки ускорить процесс разложения мертвых тел, для чего ставят опыты на трупах животных. Что можно возразить? Всё в этой статье превращается в бессознательный ропот. Возможно, автор страстно желает достойного чествования и объятий Смерти, но ни для кого это не очевидно. Сексуальные истории почти неопределимы из-за неумения из преподносить. Всё это в духе анекдотов, какие рассказывают восьмилетние дети: «Хотели однажды дядя с тетей поебаться». Сексуальности очень боятся и хотят укротить ее путем принижения и насмешек; так Ян ***[I] боится Бога и думает, что может свести с ним счеты тем, что пишет слово «бог» со строчной буквы. (Занятный, впрочем, феномен, издание этой глумливой книги «Иисус Христос»[II]. Для меня она подтверждает неизбежную силу символа, который господствует и покоряет нас и продолжает затмевать, иначе не было бы нужды делать целую книгу с издевательскими картинками, дабы увернуться от этой тени. Миф о Христе ни в малейшей степени не изжил себя и, по всей вероятности, будет жить, пока живет человечество). Дурацкая писанина всё это, и прежде всего: такая мелочная. В сущности, тут нечего оспаривать, всё равно как если бы ты стал опровергать «красную» или «альтернативную» клеветническую писанину, поскольку она кишит словами, которые за пределами религиозного мира сами по себе ничего не означают: «капитализм», «власть рабочих», «реакционер», «общество потребителей», «авторитарный».

«Гандалф» и «Кэнди» – макулатура и ничего более. Нельзя написать внятный текст, если отрицаешь божественность и священный

I Вероятнее всего, Волкерс.

II Возможно, книга К. Адама «Иисус Христос» (1961).

характер сексуальности. Я еще заработаю кучу денег на глупости и бездарности этих ребятишек. Я умею описывать плотскую любовь, и, пока я жив, у меня не будет никакой конкуренции. Я вижу то, что ускользает от всех этих ребят. Не вызовешь умиления, повествуя о «крайней плоти», «лиловой головке», «пенисе», «вагине», «клиторе» (он же «похотник») и «анусе». Когда такое читаешь, не можешь отвязаться от мысли, что описываемые личности лежат, раскинув ноги, в гинекологическом кресле, и шанс на поправку у них минимальный. Кто знает, может быть, издание «Кэнди» составит часть антисексуального ватиканского заговора: немецкий адрес редакции – *Postfach*[1] *1, Kevelaer!* С горячей любовью от всех нас. Потом получишь следующий урок закона божьего. Ваш

Герард.

Венендал, 31 августа (День Королевы) 1971

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за письмо, которое лежит в комнате, где оба Мальчика еще спят, словно две бельгийские овчарки в корзинке, и я не смею им мешать, поскольку сейчас только без четверти девять; дату письма я определил как позавчерашнюю, 29 августа. Спасибо за упоминание в твоем разделе о моей прекрасной книге.

Ты определенно привилегированный человек, раз твоя усталость вечером всегда сразу же трансформируется в сон. Далеко не всем так везет. Можно быть смертельно усталым и, тем не менее, глаз не сомкнуть. Сейчас мне грех жаловаться, поскольку я радуюсь тому, что мой сон находится в достаточном равновесии. Теперь я пью еще меньше прежнего. Нынче я выпиваю один-единственный стакан красного, примерно за час до сна, и полтаблетки снотворного – это 25 мг Сереста Форте. Так что сплю в любом случае несколько часов подряд, иногда аж семь часов, но порой и не более 3½. И всё же такой короткий сон не причиняет неприятностей. Лишь бы спать, лишь бы выключался свет и опускался

1 Абонентский ящик *(нем.)*.

занавес – по крайней мере, раз в сутки. Смотреть постановки по Пинтеру и Олби – восхитительно, но приходится уходить из зала и в положенное время возвращаться домой.

Мы стареем, болеем, потом умираем. Сегодня, похоже, письмо выйдет не таким хорошим, как другие. Думаю, что я, точно как Бавинк[I], очень серьезно отношусь к работе. В любом случае, работаю как одержимый, как погруженный в этот, как его, транс. Я часто боюсь своих мыслей, но всё равно записываю их. Критика и собратья по перу и моя Возлюбленная Публика: чтоб у них всех хуй под мышкой вырос, и чтобы поссать, так раздеваться. Нет, всё-таки не надо. Что касается критики и собратьев по перу, пожелание остается в силе, но моя Возлюбленная Публика, которая из года в год дарит мне свою любовь и доверие и вот уже почти четверть века покупает мои популярные книги, мне нравится. По меньшей мере 69% из них – замужние домохозяйки с детьми. Я велел навести справки. Я немало этим горжусь. Я пишу не для интеллектуалов или художников или других, испорченных праздностью маргиналов, но для матерей, которые без всякой шумихи, – можно сказать, молчаливо исполняют свой долг. Простые-то они простые, но именно они умеют оценить хорошую книгу, и я вознаграждаю это доверие тем, что пишу как можно лучше. Иди-ка денек повертись на кухне, или каждое утро хлопочи, чтобы отправить в школу чисто умытых, накормленных и прилично одетых детишек. Попробуй-ка разок вот так целый день покрутиться. Поди попробуй!

Всё упирается в вопрос имен. («Но тысячи имен найти для смерти. / И в песне вечной красоту воспеть». Герман Гортер[II]: «Школа поэзии», кажется.) У этого времени больше нет имен. Как только нечто обретает имя, оно заклято. Я много, очень много лет боролся с зеленым змием, но не знал, как это называется, и потому не смог выиграть битву. Я не умел доискиваться до имен. До тех пор, пока не осознал, что это был Сатана, – тот несчастный, что в отчаяньи своем хотел отлучить меня от Бога и заставить усомниться в нем. Теперь, когда я знаю его имя, он более надо мною не властен.

Огромный глухой лес, уходящий в бесконечность, и бесконечное море, непроницаемое в глубине, – вот откуда всё исходит, но этого так много, что оно может захватить тебя и увлечь за собой:

I Имеется в виду, по-видимому, Johan Herman Bavinck (1895–1964), нидерландский теолог и миссионер.

II Herman Gorter (1864–1927) – поэт.

кусты вцепляются в тебя мертвой хваткой и воды смыкаются над твоей головой. Но нареки его, и оно, благодарное за это имя, станет с тех пор служить тебе и питать тебя. Я зову это М. и зажигаю пред нею свечи, когда работаю. Поздно, слишком поздно я пришел ко всему этому. И всё же мне уже дано очень многое.

Я купил второй автомобиль, новый, его доставят примерно через неделю. Это греховная роскошь, но мне нужно иногда выезжать одному, а я не хочу лишать Мальчиков удобства. Самое лучшее было бы иметь автомобиль, в котором можно жить, – например, фургон, но это на потом. «Если у тебя есть фургон – ты сам себе караван». Или «Автомобиль – как мальчик: ему не нужно сильно гнать, если он прекрасен». Эти слова, если мое имя останется в веках, будут цитировать в школьных дневниках. Возможно, это воля Господня.

Тебе, должно быть, нравится шум города, террас, пивных, магазинов, улицы, от такси. Я же могу слышать только тогда, когда вокруг мертвая тишина, если ты понимаешь, что я имею в виду. Ну да, я преувеличиваю. Мне, естественно, как и тебе, нравится слушать всю эту хрень. Но я не могу писать, если вокруг не тихо. Вот, принесли кучу писем. Огромное спасибо за военную карту, которую мне сейчас передали. С горячей любовью от нас всех. Ваш

Герард.

Венендал, 6 сентября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Надеюсь, вы пребываете в добром здравии. У нас всё замечательно. Имею удовольствие известить вас, что добрался до 32-й страницы черновика главы «Безымянная любовь», листы сверху донизу заполнены мелким почерком. Не меньше чем 400 слов на страницу. Мне нужно, скорее всего, еще страниц восемь, а может, всего шесть-семь. Это не я пишу историю, – она уносит меня. Такого со мной еще не случалось. После паломничества в Кевелар я поистине в ударе. Страх внезапно иссякнуть навсегда, увы, никак

меня не оставляет, но с этим уж ничего не поделаешь. Я буквально схожу с ума, когда мне нужно записать первые слова, каждое утро, & всё-таки всякий раз мне опять это удается. Но меня пугает всё новое и незнакомое. Я тебе писал, что купил новый автомобиль, лично для себя, который доставят завтра-послезавтра, и сегодня он будет «оцинкован». Боюсь, что автомобиль будет отвлекать меня от работы, хотя он как раз для того и куплен, чтобы ей способствовать. Буду уезжать на нем по утрам в лес и там работать.

Я питаю отвращение ко всякой современной технике, хотя в то же время у меня к ней болезненный интерес, и никогда не пропускаю ни одной статьи о новых автомоделях: про Чистый Мотор A.D. 1975[I], разработанный в Америке, или о возможностях работы автомобилей на паре или электричестве, и т.д. и т.п. (Я боюсь комфорта, – боюсь, что больше не смогу обходиться без него, если вдруг вновь впаду в нищету.)

Прогуливаясь по кварталу, я часто встречаю собаку, которая, кажется, живет на Д—лаан; собака эта пробуждает во мне великую симпатию. Я имею в виду, что это собака в точности такая, какой и положено быть собаке. Короткошерстная, небольшая, белая, но вся правая половина головы – черная. Граница черного и белого разделена четко, как на шахматной доске. Это дворняга, бегает она несколько по диагонали: задние лапы не совсем точно попадают в след передних, а чуть левей. На каждом седьмом шагу задняя левая лапа слегка приподнимается и начинает почти незаметно, очень мелко дрожать. Хвост закручен наверх. Обычно из-под него должен виднеться большой, бесстыдный розовый зад, как у козла. У этой же псины зад весьма невелик и целомудрен.

Да, ты этому Игорю К.[II] хорошего щелчка дал. Но это лишь реклама для него, думается мне. Прежде я был настолько глуп, что вступал в полемику, ибо полагал, что нападки прессы мне нисколько не вредят. Я думал, что должен возражать против этих нападок. Но тем временем я понял, что то, что пишет пресса о моей работе и лично обо мне, не имеет ни малейшего влияния на продажи моих книг. Да, от некоторых еженедельников с цветными иллюстрациями

I Clean Power 1971.

II Igor Cornelissen (1935) – биограф, журналист еженедельника «Свободные Нидерланды», писатель. В своих мемуарах «Крестьянин за окном» он рассказывает о тайной связи Кармиггелта и Ренаты Рубинштейн (1929–1990) – писательницы и журналистки.

исходит определенное влияние, но на так называемую аналитическую прессу никто больше не обращает внимания, когда речь идет о писателях и книгах. Разозлить меня такая пресса может, это да, но навредить – нет.

Да, я продолжаю злиться, болван я этакий. Знаешь, что меня ужасает? Что всё почти буквально себя повторяет. Не прошло и двух веков, как взрослые, ученые люди вновь на полном серьезе стали думать, что всё отлично наладится, стоит только превратить монархию в республику. Короля низвергнуть (а лучше на всякий случай казнить), и счастье людям обеспечено. У меня такое ощущение, что, рационально устроенные люди с более чем средним уровнем интеллекта как раз наиболее бессильны перед властью подобных наипримитивнейших идей. (Профессор Нико Фрейда – психолог – желает усилить демократизацию в университетах тем, чтобы студенты вместо «профессор» обращались к нему «Господин Фрейда».) “Citoyen” вместо “Monsieur”, «товарищ» вместо «господин», а потом полетят отрубленные или простреленные головы. Это страшно: они учат факты в школе; факты для них очевидны; они с ними знакомятся, но по той или иной причине не умеют сравнить время, в котором живут, и свои действия с прошлым: похоже, они думают, что сами так или иначе стоят вне времени и выше истории. Не хватало еще, чтобы они, оккупировав университетское здание, начали отсчитывать историю с этого самого момента. Может быть, эта извечная глупость, эта неспособность при всех сомнениях критически рассматривать и собственные действия является жизненной необходимостью?

Весьма путаное письмо, но мне нужно было заполнить эти два листа, иначе неисписанные страницы будут действовать мне на нервы.

Я приеду за вами в С<тег> на своей новой машине. Продолжай работать. Пиши что-нибудь – хотя бы полфразы. Быть *при* работе и в ней – вот секрет: осязаемая продукция менее срочна, если ты хоть немного над ней работаешь. С любовью, с любовью от нас 4-х. Ваш

Герард.

Венендал, 7 сентября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Вообще-то я устал смертельно, но работаю как одержимый, пусть это и банально звучит. Уже тридцать пять густо исписанных листов. Утром рано в лесу, привычно усевшись на кирпичную стену полигона, написал 2¼ страницы, пока не окоченел от холода.

Через полчаса я должен забрать новый автомобиль. После этого – ликование, объезд машины и все обычные мероприятия из серии «Мальчики и Конструкторский набор». Завтра с утра мне нужно продолжать рассказ, а к полудню письмо до вашего отъезда в Италию уже опоздает.

Я, разумеется, всё позабыл. Обессилел. В лесу я в любом случае регулярно ем хлеб и съедаю одно яйцо. (В нем тоже есть витамин B.) Я очень доволен тем, что и вы теперь собираетесь принимать витамин B. С большим теплом, и желаем вам покоя и дремотных наслаждений в Италии. Ваш

Герард.

Венендал, 10 сентября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Надеемся, что вы наслаждаетесь целительным отдыхом. Нам жаловаться не приходится. Гончарная мастерская Мальчиков теперь работает в полную силу и продукция их делается всё утонченней. Благодаря их великой добросовестности и технической сноровке почти ничего не пропадает.

С позавчерашнего дня у меня новый автомобиль, и я им очень доволен. Последние 10 дней перед доставкой машины я вновь терзался страхом, не будет ли она угрожать моему творчеству. Как только я допишу эту главу (сейчас я посередине 39-ой черновой страницы), буду каждый день ездить в лес и там, в машине, писать, пока не промерзну до костей и не придется возвращаться. Теперь же, пока я занят этой главой, я не осмеливаюсь менять что-либо в привычном укладе. Это означает, что я рано по утрам иду

за Й-ской больницей в лес и сижу там на кирпичной стене полигона в течение часа и пишу. Пытаюсь работать до того, как начну замерзать, и более-менее управиться с задуманным к тому времени, когда из-за холода не смогу работать совсем. Но тогда у меня уже 400-600 слов на бумаге. Дома я их переписываю, улучшаю и добавляю еще 300-400 слов. Таким образом я хочу проработать до конца главы. Если я сейчас, в разгар работы над определенной главой, поеду на машине в лес, ничего, возможно, не выйдет, а может быть, выйдет как раз больше, чем когда-либо, но из-за неопределенности результата лучше уж я рисковать не буду.

(Я еще ни разу в жизни не писал того, что написал сейчас. Я имею в виду: никогда еще то, что мною движет, не извергалось столь бурно, таким взрывом и всё же целенаправленно. *Такого еще никто в Нидерландах не писал, и, возможно, в целом мире, никто и никогда*).

Если у вас есть время, зайдите, пожалуйста, в храм, желательно посвященный Марии, и зажгите пред нею свечу (или чайную свечку, ведь сейчас такие часто встречаются в церквах, прежде всего в Испании)? Одну – хорошо, две – тоже неплохо, три – замечательно, а четыре – просто великолепно, потому что Господь един официально в трех лицах, но в действительности, пусть даже в глубокой, несказанной тайне, – в четырех.

С большим теплом и пожеланиями тишины и покоя. Ваш

Герард.

Венендал, 21 сентября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Очень рад вашему письму из Леванто от 15-ого (так, наверное), которое пришло позавчера. Лежит еще и другое, оно сейчас в спальне, где в такую рань пока не проснулись, и я не могу туда войти, чтобы уточнить дату. Сейчас четверть восьмого утра. После долгих колебаний я всё же не осмелился писать вам в Леванто. В предпоследнем письме ты говорил, что ваша поездка продлит-

ся до 22-ого, в этом последнем ты говоришь о возвращении 25-ого, но также и о том, что ваше путешествие по Италии «расписано до мелочей». Это предполагает, что последние пару дней отпуска вы, вероятно, будете не в Леванто, а еще где-нибудь в Италии. Так что я посчитал, что за это время письмо до вас дойти не успеет. Поэтому посылаю его в Амстердам. Мы очень рады слышать, что вы отдохнули и воспрянули духом. Твой почерк выглядит более уверенным и живым, нежели прежде.

У меня есть чертовски много о чем рассказать, придется выбирать. Для начала: я всё так же гоню эту самую третью главу, которая пока что по-прежнему называется «Безымянная любовь», и уже дописываю 49-ю страницу, что-то около 25000 слов мелким почерком, это объем примерно трех глав. Начало еще медленное и осмотрительное и лишь слегка намекает на разные вещи, но постепенно вступают трубы и basso continuo (и, разумеется, *oboe's d'amore u viola's da caggia*)[I]. Там еще есть страницы, которые написал не я, но Что-то или Кто-то другой, неизмеримо больше меня. Да, это действительно так. Пусть же достанет мне мужества не стыдиться, как это вечно происходит, а спокойно сказать, что это Милость, выпавшая мне по неизвестным причинам на почти 48-ом году жизни. Наша поездка в Кевелар совершенно точно имеет к этому отношение, так же, как и просьба к вам зажечь свечи, на которую, я знал, вы откликнетесь. Весьма признателен.

Ох уж эти церкви, а? От них, на мой взгляд, исходит такое же умиротворение, как от зоологических музеев, со всей этой пылью на костяшках пальцев и проеденными молью проплешинами в меху вымерших стеклянноглазых антилоп гну. Все эти твари уже больше не могут причинить зла, так же как и святые. Они творят только добро, по крайней мере, если сунешь денежку в прорезь.

Та икона, изображающая молодую женщину с искусственной розой в пальцах – не Андреа, а предположительно «малышка Терезия», скромно именовавшая себя «весенним цветочком», семь лет подряд терзаемая неверием и сомнениями, пока вновь не обрела веру, чтобы в 18 или 19 лет умереть от чахотки. Ее заветным желанием было «чтобы на землю с небес пролился дождь из роз»[II]. Это цветочное шествие до сих пор еще не имело места, потому что

I Реве, вероятно, имел в виду viola da braccio, т.е. «ручную виолу».

II Святая Тереза из Лизьё (*Thérèse de Lisieux*, 1873–1897) – кармелитская монахиня, одна из трёх женщин, удостоенных титула «Учитель Церкви».

Де Билт[I] не всё может, и Бог тоже нет, или, может быть, всё-таки может, но Он не такая расхваленная клуша, как его Святые. (Если будешь писать о зажигании свечей, можешь пересказать мой текст о Терезии от лица Тини.)

Младенец на руке человека в сутане на картине – определенно Дитя, но человек этот не Франциск, но Антоний Падуанский[II], который, согласно собственному свидетельству, непрерывно держал на руке Младенца Иисуса. (Он тоже святой и помогает, если ты что-то потерял и не можешь найти, но это к делу не относится). Он, этот Антоний (есть еще, по крайней мере, один) почти фигурировал в моей Защитительной речи[III], для наглядного доказательства того, что религиозные истины и опыты могут быть изложены самыми различными способами, но именно теперь одному объяснению, буквальному, противостоять не в может. Люди во времена Антония считали предметы его проповедей довольно обычными и не спрашивали его, как сделали бы нынешние Их Величества Щелкоперы: «Как часто Вы перепеленываете малыша? Когда и чем Вы его кормите и поите? Прикладываете к груди или даете бутылочку?»

Я не думаю, что это Франциск с Младенцем. Чаще всего на руке его или на плечах сидит одна или несколько птиц. (Неосознанный намек на Святой Дух и сознательная иллюстрация к истории, согласно которой он, после наложенного на него запрета проповедничества, вещал птицам.) Вместе с тем довольно часто у ног его лежит олень, порой кролики или другие мелкие четвероногие: постфигурацию в этих изображениях Орфея трудно отрицать. С Франциском начинается переворот в Церкви, которая до тех пор считала решенным вопрос о том, можно ли найти Бога только вне человека и вне Его творения. Франциск же видел Бога во всём и считал все создания братцами и сестрицами; говорил, например, «Брат Ветер» и «Сестра Смерть». В этом пристрастии, конечно, можно дойти до помешательства, но если оставаться в определенных пределах и эстетических границах, я вполне одобряю этот взгляд. Од-

---

I Прозвище Нидерландского Королевского Метеорологического Института в провинции Утрехт.

II Антоний Падуанский (1195–1231) – католический святой, проповедник, один из самых знаменитых францисканцев.

III В 1966 г. Реве предстал перед судом по обвинению в ереси, но был оправдан. Этому посвящена его книга «Четыре Защитительные речи». См. в «Митином журнале» № 66, 2013.

нажды он отчитал Волка, который где-то возле Ассизи собирался растерзать ягненка, после чего «Брат Волк» обратился в веру и отправился жить в маленький домик в Ассизи, и люди без страха принимали его в своих жилищах, и с тех пор он довольствовался простой мучной пищей и преданно ходил к Мессе все последующие тринадцать лет жизни. Франциск был красавец – сын купца, торговавшего тканями, миллионера. Он мог заполучить в постель любого мальчика, любую женщину, каких захотел бы, во времена роскоши, разврата, набожности, войн, чумы и пап, которые довольно явно были атеистами. Канун Ренессанса. Ну и понесло меня. Собственное богатство, красота и успех пробудили в нем отвращение, и он стал искать Бога, если можно так сказать. Однажды он вошел в старую заброшенную обветшалую церковь с разрушенными гробницами и прогнившими дверями. Где-то вверху висело опутанное густой паутиной распятие. Франциск взглянул на него, и ему почудилось какое-то шевеление. И вдруг отчетливо дрогнули губы распятого, и уста проговорили: «Восстанови мою церковь». Ты определенно должен знать эту историю. Это очень трогательно и типично для наивности Франциска, который понял посыл буквально и принялся восстанавливать заброшенное церковное здание. Он учредил один из величайших орденов, для которого не было ничего слишком мелкого, слишком унизительного, слишком безнадежного, слишком нечистого или слишком грязного. За ним последовала дочь миллионера, благородная Клара (покровительница телевидения, поскольку её на смертном ложе в лихорадочном бреду посетило видение: она присутствует на рождественской Мессе в церкви Св. Петра, хотя это было за много километров от нее), и для нее и ее последовательниц он основал так называемый Второй Орден, орден клариссинок. Да, он был экзальтирован до истеричности, и, насколько я знаю, у него были стигматы (которые он долгое время пытался прятать под рукавицами и носками, но, возможно, я тут путаю его со Св. Иоанном Креста, *San Juan a Cruce*[1], великим испанским поэтом-мистиком 16-ого века), но он не был и безумным фанатиком, поскольку обладал достаточной чуткостью к человеческим слабостям, чтобы для тех, кто хотел последовать ему, но не мог отказаться от Плоти и мясных блюд, основать

1 San Juan de la Cruz (1542–1591) – испанский вероучитель и религиозно-мистический поэт. Реве не путает Франциска с Иоанном, но неправильно указывает его испанское монашеское имя.

Третий Орден, не имеющий, насколько мне известно, другого имени, кроме этого[I].

Я колебался, какое из трех имен – Иоанн, Франциск или Мария – выбрать в качестве крестильного имени, как это делают при вступлении в лоно Матери Церкви. «Иоанн» подходил мне больше, нежели «Франциск», позже я это полностью осознал. Он был самым молодым из апостолов и очень красивым юношей. В Писании он именуется «апостолом, коего любил Иисус» и который «возлежал у груди Иисуса». У меня на этот счет свои соображения, но нужно о них помалкивать, поскольку вульгарно претендовать на этого апостола ввиду весьма одностороннего интереса. Приписываемое ему Евангелие и его Послания кажутся мне вышедшими из-под одного и того же пера. Кто-то иной, и в любом случае не Иоанн, написал местами красивую, но, однако, чрезвычайно странную и исполненную раздраженного недовольства книгу «Откровений Иоанна», которая датируется многими веками позже и отвергнута Эразмом как апокриф, а не боговдохновенная, в чем он не совсем ошибался, но это так, к слову. Короче, мне самому не совсем понятно, почему я не выбрал Иоанна вместо Франциска в качестве крестильного имени, учитывая, что уже от одного начала Евангелия от Иоанна («В начале было Слово») у меня всегда мороз пробегает по коже от неосознанного счастья, и учитывая это поразительное толкование, которое почти принимает характер признания, в отношении истинного определения Божественного в его Первом Послании. Но *Мария* – так было бы еще лучше. Я просто хотел избежать насмешек, которые, разумеется, пали бы на голову мужчины, приверженца Греческих принципов, который выбирает девичье имя в качестве крестильного. Я испугался возможности быть подвергнутым насмешкам, и это было греховной слабостью с моей стороны.

Мы забронировали для вас номер в «Ла М.», на 12 ноября. Это день рождения Тигры. Йохан[II] также в этот вечер остается с ночевкой в «Ла М.». Он в этот день тоже именинник (секрет), но со дня смерти матери свои дни рождения не празднует. В вашем номере будет приличный стол для работы. К сожалению, ванны нет. Ванную комнату вам придется делить в коридоре с Йоханом. Ваше

I Этот орден называют еще орденом терциариев.

II Johan Bertus Wouter Polak (1928–1992) – издатель, эссеист, библиофил, переводчик и меценат.

пребывание в «Ла М.» и расходы на питание оплачиваем мы. Можете есть и пить что угодно, сколько бы это ни стоило. Только если это не слишком дорого. Кроме того, вы и Йохан приглашены к обеду в нашей компании – всего семь человек – в «Ла М.» За наш счет, я имею в виду, потому что угощать за чужой – невелика задача.

Примечательно, что, перестав принимать успокоительные, я теперь постепенно отвыкаю от Алкоголя. Это слишком капризный и слишком своенравный спутник. Иногда он очень даже ничего, а иногда – из рук вон, и чем чаще от него становится хуже, тем сильнее соблазн снова попробовать, не будет ли в этот раз от него лучше, и так далее. Позавчера вечером я долго не ложился, потому что Генделевское общество транслировало по ящику его «Мессию». (Самое прекрасное исполнение этой вещи, которым я когда-либо наслаждался – даже два лондонских с Дженнифер Вивиан[1] не столь хороши). Я выпил пару добрых бокалов вина и уже на следующее утро у меня не было той дурацкой воли к жизни, которой в настоящее время обладаю, ну, сам знаешь, типа: «Жизнь или смерть, всё едино, все чушь собачья; если, конечно, можешь еще держаться на плаву и дети не голодают». А теперь я с Алкоголем покончил. Я не записался в трезвенники, иной раз позволяю себе выпить, иначе впадаешь в занудство, но мне определенно лучше вовсе не пить. Бывает, что иногда так прямо и тянет выпить, но тогда я зажигаю свечу перед статуэткой на моем столе.

Отличная колонка о г-не Де Вризе и его «выживающем» отце, вдохновленная фризским кафе. По-моему, там есть один недостаток, или, лучше сказать, некая чрезмерность, которая мне режет глаз. И как многим читателям еще? Вот, разумеется, вопрос. Я имею в виду: как много должен автор разжевывать сам и что оставить на долю читателя? Труднейший вопрос. Я намекаю на этот поворот в истории – впрочем, развивается он изумительно метко и вместе с тем очень сдержанно – где доктор у тебя рассказывает, как заверил пациента в том, что «голос» этот – его собственный, а не кого-либо иного. Вот это мне кажется чересчур. Можно легко переоценить читателя (и существует множество свежеиспеченных писателей, полагающих, что читатель желает, чтобы ему предложили головоломку), но, недооценивая собственную значимость, ты также недооцениваешь и читателя. (И это еще не считая моего

1 Jennifer Vyvyan (1925–1974) – классическое сопрано, британская оперная и концертная певица.

убеждения, что всегда должно оставаться *что-то* недосказанное и незаконченное). Я в большей степени за переоценку, чем за недооценку. Полагаю, что всякий, кто регулярно читает твою рубрику, определенно может сам, пусть даже неосознанно, сделать вывод, (вредящий рассказу), который ты ему столь радушно подсовываешь. Пересмотри при составлении сборника эту строку (строки), эту реплику.

Я заканчиваю, поскольку лист почти заполнен, и шлю вам наши самые теплые пожелания. Если я не откликнусь на твой вопрос, можешь ли ты использовать мой текст, не ссылаясь на меня, это будет означать, что я согласен. Я часто забываю специально оговорить, что всё в порядке.

На этом пока всё. Где-то в конце месяца мы на две недели уезжаем в Шован. Там я буду читать некоторым избранным, предположительно в доме Йохана, кое-что из моей новой книги. Надеюсь, что вы придете. Толпы не ожидается: если будет зависеть от меня, – самое большее десять человек. С большой любовью. Если что-то упустил, это на потом. Ваш

Герард.

Венендал, 24 сентября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Внезапно наступила весьма величественная погода. Полнейшая тишина, облачно, гораздо прохладнее, с тихим дождиком, а по утрам очень долго не светает. Всё – сплошной трепет; примерно такая же погода, как в детстве, когда после летних каникул нужно возвращаться в школу.

Забыл тебе написать: ты спокойно можешь упомянуть, что покупка и зажигание свечей были сделаны по моей просьбе. Просить кого-то зажечь за тебя свечу – очень старый и почтенный обычай. Он имеет огромный эффект. Но об этом уже позабыли. Все эти обычаи почти или совсем не соблюдаются, и перед алтарями Истины во всем мире гаснут лампы, которые, согласно различным обетам,

должны быть негасимы на веки вечные. Я смею свидетельствовать об этом и не должен ворчать. Не так уж приятно видеть вещи, которые, похоже, никто не замечает, но всё-таки это привилегия. Тут уж либо вдоль, либо поперек. Господу было угодно избрать Израиль и сделаться человеком его народа, но это задача не из легких, быть Иудеем. И так далее.

Я теперь на 55-й странице черновика, где меня принимает Королева. Такое может с кем угодно произойти. Кто бы мог подумать? Интересная, увлекательная женщина. Вот уже семь лет, как я никому не смел об этом рассказывать, а теперь свободно могу опубликовать мои беседы с нею. И однако я пишу не обо всем. Там были драгоценные диалоги. Она – очень чувствительная и утонченная женщина, но при этом весьма оторвана от жизни. Как может быть иначе, когда вырос в таком окружении? «Не понимаю, как вы можете жить на такой обыкновенной улице, Сударь...» – «Но ведь я тоже обыкновенный человек, Ваше Величество, очень простого происхождения». – «О, да, верно». Но на самом деле она, мне кажется, не поняла. Я хочу сказать, можно в жизни пробиться, в социальном смысле, но остаться таким же мальчишкой, каким и был, так ведь, собрат мой по перу? Сражался в битвах, был заключен в крепости все эти годы, пока не дождался помилования; был рабочим, каменщиком, дворецким, продавцом утюгов, санитаром, дровосеком: но остался же простым парнем? Тогда лучше жить на обычной рабочей улице, чем щеки надувать. Там, в Индии, они ни разу не намекали на это тюремное заключение, и всё же я получил от нее помилование... Мне это кажется очень чутким.

Мы должны быть неколебимы в нашей вере. С горячей любовью, от всех нас. Ваш

Герард.

Венендал, 27 сентября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Через несколько дней мы втроем отправляемся в нашу усадьбу во Франции. Я ненадолго приостановил стряпню черновика новой главы; он разросся до 57 страниц, каждая примерно 450-500 слов, которые нужно переписать набело. Если я прожду еще немного, к тексту будет не подступиться. Я остановился в продуманно выбранный момент, посередине одного важного поворота событий. Я смогу снова к нему вернуться. Так всегда лучше, нежели целиком заканчивать эпизод или главу перед приостановкой работы. Журнал «Сома» не берет более 8000 слов в выпуск, стало быть, у меня набралось на четыре выпуска. Этот текст – почти половина выплаты за автомобиль.

Я одинок в том, что пишу. Так и моем Гороскопе сказано: я вечно буду вызывать недовольство. Ницше утверждает, что всё продуктивное, поистине созидательное, всегда раздражает. Неприятности, скандал, необходимость постоянно защищаться: вот цена, которую мне приходится платить.

Я теперь меньше переживаю, чем прежде. Единственное, о чем я тревожусь, это об отмеренном мне времени. Мне еще нужно невероятно много сделать, но я сейчас нахожусь в возрасте, чрезвычайно близком к смерти[I]. Будет очень жаль, если я не смогу совершить значительную часть того, что еще может быть сделано.

В пятницу мы с Хенком ездили в Кевелар. Мы сидели на одной из скамеек перед *Гнаденкапел*[II] и глядели на раку между двумя неугасимыми алыми лампадами: язычки горящего масла, трепещущие в громадных дольчатых подвесных чашах кроваво-красного стекла, – в этих вечных, верхушкой вниз, гномских колпачках времен моей юности, висевших на трех цепочках в застекленных верандах и в коридорах, – как правило, из матового или пузырчатого стекла, с цветочным горшком внутри, где пересыхали плети пышного, сочного полосатого водолюбивого растения, название которого я забыл. (Такие цветочные горшки всегда висели в коридорах нижних этажей, куда открывались двери с улицы, когда мы с матерью разносили коммунистические листовки; горшки раскачи-

I В 1971 г. Реве было 47 лет.

II Gnadenkapelle *(нем.)* – часовня Благодати.

вались и крутились в потоках влажного, тоскливого, насыщенного стряпней воздуха. Нет: никогда, никогда больше не будет хорошо).

Мы пробудем во Франции всего лишь дней двенадцать. Погода там обычно прекрасная до середины ноября, а днем – просто летняя. Ночи, правда, уже довольно длинные и порядком холодные. Я хочу до отъезда подготовить текст для первого выпуска «Сомы», а может, и второй тоже. Третий и четвертый буду делать во Франции. К нашему возвращению все рукописи будут переписаны набело, и я смогу продолжать работу над черновиком. Переписывание дает хорошее представление о работе: нужно знать, как ты примерно столько-то и столько-то страниц назад описывал того или иного Мальчика. Я имею в виду, если он был в светло-серых вельветовых штанах, ты не можешь внезапно переделать эти брюки в черничный бархат. В кино для этого имеется специальная сотрудница, “continuity girl”, следящая за тем, чтобы актер надел тот же галстук, что и в предыдущем дубле.

Наконец-то вспомнилось кое-что, возможно, из-за упоминания о разноске коммунистических листовок. Тогда были мрачные времена. Во всем мире господствовал экономический кризис, именуемый также *депрессией*. С дикой, отчаянной изобретательностью одинокие безработные отцы и матери семейств пытались всё же что-нибудь заработать. Многие жены рабочих и женщины из низшего сословия занимались проституцией, то есть на время продавали свое тело за кусок хлеба, жертвовали собой за деньги. Существовали проститутки, сидевшие у окна в доме или комнате, на них была постоянная такса, но некоторые работали на улице и вынуждены были водить своих с трудом завоеванных клиентов в чердачные каморки, на велосипедные стоянки или в ангары. Как-то раз пошел один мужик на полчаса с такой вот дешевой блядью. Забирается с ней в каморку под крышей, чуть не ломает шею, – столько там хлама, тут же приступает к делу, треплет девке волосы, и вдруг они слетают с ее головы: это парик! А девка оказывается мужиком, падает на колени, заламывает руки и умоляет: «Смилуйтесь над несчастным безработным папиросником!» С огромной любовью от всех нас

Герард.

Венендал, 28 сентября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за вчерашнее письмо в изящнейшем итальянском конверте. Сожалею, что в одном из грядущих фельетонов ты вывел меня под именем *Хенк*. Нельзя ли переделать имя в *Вольф* (или *Вольфганг*)[I]? Мне всегда хотелось зваться этим именем. Я, вообще говоря, уже годами подыскиваю другое имя, на всякий случай, если придется опять скрываться в том бельгийском аббатстве. Еще я повсюду ищу наливные авторучки с резервуаром, которые можно заполнять из пузырька; я бы использовал мои довоенные железо-галловые чернила. Тысячи, десятки тысяч таких авторучек лежат где-то в забытых коробках и ящиках, но кто мне их пришлет? В поезде или в поездке пользоваться чернильницей хлопотливо и подозрительно. На борту корабля такие пузырьки вспениваются.

Что делать, если звонят в дверь? Вечная проблема. В сущности, незнакомым людям вообще нельзя открывать, но это может оказаться какой-нибудь пришедший по делу чиновник, контролер счетчика и т. д., и в этом случае не открыть дверь означает только лишь отложить их визит. Так что приходится открывать. Терпеть не могу, когда на звонок выходит Маман[II]. Если являются с недобрыми намерениями, я предпочитаю сам разбираться. Но я попытался ее эффективно проинструктировать на тот случай, когда она в доме одна и ей приходится отвечать на расспросы.

– Знаете, что нужно говорить, когда меня нет?

– Нет, а что?

– Господин ван хет Реве совершает паломничество.

– О.

– Вам это кажется немножко того, да?

– Ну, как сказать…

– Тогда отвечайте: господин ван хет Реве сейчас на международной конференции в Рэйселе[III]. Где, стало быть? На…?

– На международной конференции в Рэйселе.

– Точно. И если спросят, что за конференция, отвечайте: ну, это

I См. письмо Кармиггелта от 2 октября 1971 г.

II Мать Хенка (Мышонка).

III Тж. г. Лилль, расположенный в 14 км. от бельгийской границы.

я не знаю, но, разумеется, про что-то такое, потому что господин ван хет Реве, он же не поедет на конференцию, и тем более на международную конференцию, если не знает, про что там, правда же? Но вы, конечно, можете просто сказать: господин ван хет Реве совершает паломничество. Так что вы скажете, если кто-то придет?

– Господин ван хет Реве совершает паломничество в Рэйсел.

Твой вчерашний фельетон мне очень понравился, это про твой отъезд в аэропорт Схипхол. Совершенная прелесть, от первой до последней строки. Дивно выстроено, с намеками, предварительными и заключительными эффектами, всё пригнано друг к другу. Он противостоит всем тем, кто следует моде утверждать, что ты стареешь, повторяешься, брюзжишь и т. д. Каждая твоя вещь достойна чтения, и каждая энная вещь вновь вершина, как и двадцать лет назад. Я убежден, что так же неизменно хорошо ты будешь писать до смертного часа.

Вчера я прогуливался в восточном направлении, по —лаан, к центру города, который именуют «деревней». Где-то на полпути есть весьма романтический сад с множеством изгородей высотой в ¾ метра (сооруженных, скорее всего, из бросовых ящичных досок, которые владелец сада, вероятно, берет даром в сарае или на фабрике, где работает, – все они одного сорта и длины, поскольку определенно служили упаковкой для одних и тех же никчемных предметов); с низкими, но раскидистыми фруктовыми деревьями и огромными зарослями плетистых красных роз. На углу одной из этих деревянных изгородок сидел черный котенок; я его погладил и поговорил с ним. Тут я заметил, что кто-то стоит и прислушивается за углом гораздо более высокой бетонной стены, и вовсю разошелся: «Ты такой славный, чистенький котенок, а? Хорошо учишься в школе для котяток? Какая у тебя шикарная черная шубка…» Уходя, я оглянулся и заметил женщину, которая с тревожно приоткрытым ртом пристально смотрела мне вслед. Сначала мне было очень хорошо, а потом вновь накинулись презрение к себе и угрызения совести.

Госпожу в. д. М. или какую-то другую женщину положили в больницу на обследование, уже неделю назад, «но до сих пор не могут ничего у нее найти». «Ну, тогда всё понятно», сказала Маман.

Больше никаких происшествий. С горячей любовью от всех нас. Преданный вам

Герард.

Венендал, 29 сентября 1971[I]

Дорогие Тини и Симон,

После полутора дней невыносимой депрессии я вчера и сегодня лихорадочно работал. Утром отослал г-ну Д. А. Койману из «Сомы» окончательный вариант продолжения главы «Язык любви», – «Безымянная любовь». Как обычно, не знаю, что об этом думать. Надеюсь только, что это очень красивая и качественная, а не отвратительная и бездарная проза. Отвратительной и бездарной прозы в мире хватает, так же как войн и бед.

Состояние мое чрезвычайно нестабильно, но я не хочу опять хвататься за бутылку, таблетки или шприц. «Лишь дрожь ее трясла, но всё ж она жила»[II], как было сказано, кажется. Я продолжаю жить, но этим всё и сказано. Сущий ад, сударь. Еще двенадцать лет, и мне шестьдесят. Кто бы мог подумать? Ах да, чтобы не забыть: твой фельетон про вопящего ребенка на деревянной лошадке на итальянском острове, вчерашний, кажется, – совершенный, абсолютно ограненный маленький бриллиант. Возможно, ты не выдумал кульминацию. Это твое «one clock» в значении «целый час» – очень красиво, я имею в виду, обозначение длительности времени. Находка.

Я должен еще кое-что тебе сообщить, а то вспоминаю об этом всякий раз, как отсылаю письмо.

(Вечер, девять часов):

Внезапно припомнилось. Пару дней назад стоял я в сортире, отливал, а сортир расположен рядом с входной дверью, со стороны улицы. Двое ребятишек лет шести, мальчик и девочка, тихонько подобрались по садовой тропинке к двери, позвонили по очереди и удрали на тротуар, посмотреть, что будет. Я не стал открывать. Никто не открыл. Мальчик сказал: «Там живет дяденька, который на дяденьке женатый». Девочка сказала: «Да ну, никто там не же-

---

I См. письмо Кармиггелта от 1 октября 1971 г.

II Стихотворение «Брак» Виллема Элсхота (Willem Elsschot <Alphonsus Josephus de Ridder>, 1882–1960), фламандского романиста и поэта.

натый». «Да нет же, слушай: там дяденька на дяденьке женатый». На этом малыши убрались восвояси, болбоча непонятную мне тарабарщину. Я долго над этим раздумывал. Есть нечто завидное в незамысловатой краткости, с помощью которой была сформулирована ситуация: «Там живет дяденька, который на дяденьке женатый». Восемь слов и ни словом больше, собрат мой по перу. Как много или, в сущности, как мало слов нужно, чтобы сформулировать нечто, если оно того стоит? Восемь-десять слов, или сорок-пятьдесят букв, подумал я. Если требуется больше текста, сообщение делается сомнительным. И подумать только, что речи у Фиделя Кастро растягивались в среднем на 4½ часа, а Брежнева и на все 6!

Я в этом не особо силен, откровенно говоря. Не вижу выхода. (Как будто он существует). Я с огромным трудом борюсь против течения этого времени, которое более ничего не признает. Я намекаю на тех, кто отрицает святость любви и брака и на полном серьезе полагает себя свободным. По всей вероятности, это вечное недоразумение – принимать распущенность за свободу. Мне редко удается кому-либо втолковать, что я имею в виду. Чрезвычайно глупо с моей стороны, что я по-прежнему в этом упорствую. Отчего я не примирюсь с репутацией богохульника, распутника и «вольнодумца»? Всё тщеславие. Мне хочется блистать и привлекать внимание, и всё-таки не оставаться в одиночестве, а этого не получается. «Каждый хочет первым надеть костюм, который потом войдет в моду». Слишком длинно, я имею в виду: более 50 букв. Но всё же совсем неплохо для цитирования в школьном дневнике.

Меня весьма огорчила так называемая *бит*-Месса, здесь, в Церкви. Такого я не ожидал. Я ни в коем случае не возражаю против бит-музыки в качестве церковной. Вся церковная музыка некогда была светской, как много лет назад вошли в светскую моду ризы священников и монашеские рясы. Но бит-музыка не годится для мессы. На сей раз не произошло того, что всегда удавалось Церкви с большой сноровкой и чувством реальности. Всё вылилось в смутную волну подростковых эмоций, без содержания и без символов. На мотивчик пустенькой попсы какого-то слюнявого разъебая[1] славили символ веры, гласивший: «Верую в Бога, он всем нам отец родной». После чего упоминалось, что веруют и в Сына Его. Более ничего, кроме того, что все люди должны быть хорошими. О третьем Лице Господнем не упоминается, так же

1 Реве имел в виду Пола Маккартни, песенку на мотив «Yesterday».

как и о Марии. Весьма натянуто псалом заканчивался куплетом, начинавшимся: «Верую в Бога, в лицах триединого» – определенно издевательская, буквальная форма подчинения некоему епископскому предписанию, поскольку звучит бесконечно глупо, если данные лица в этом самом так называемом символе веры более не упоминаются. Это нищета, собрат мой, гнусная нищета: жизнь в газетных вырезках, резюме, искажениях, урезанных и на три четверти перевранных переводах под копирку. Есть такие фарфоровые канделябры позднего барокко, с гирляндами из плюща и цветочными чашечками. Должно их любить, но такой бесподобной ручной работы больше не встретишь. Теперь в продаже встречаются имитации, однако отливка сделалась настолько грубой, что гирлянды и цветы просто не распознать, – лишь шишковатые наросты, уродующие изделие. Можешь ты привести лучший пример духовного убожества, нежели слова «нового» Интернационала? Первоначальный текст бесконечно патетичен, и в вычурном, для нормального человека трудно расшифровываемом переводе тети Йет[1] звучит не лучше. Но это ведь просто фашистская демагогия, утверждать, что наше нынешнее правосудие является произвольным притворством?

Глупо с моей стороны, и очень жаль, что я так накручиваю себя из-за этих вещей. У них есть нечто общее, совершенно определенное, у этой провальной поп-мессы и у «нового» Интернационала, потому что как христианство, так и социализм – религии, и обе – ростки одного ствола: Израиля. Мистика, догматика и литургия их имеют существенные различия лишь в глазах поверхностного наблюдателя. Обе религии в настоящее время секуляризируются, что ведет к ужасающему духовному обнищанию и неслыханному одиночеству индивидуума. Проповедуется тождественность Бога и материи, и как следствие – обожествление юношества и война со зрелостью и старостью. (Эта война формально началась и объявлена с отнятием Рабочей Партией пассивного избирательного права у 65-летних. А отчего и не активного избирательного права? И почему только в партии? Почему в предвыборной программе не рассматривается соответствующее изменение избирательного закона?)

Всё, заканчиваю. Знаешь, почему я так убиваюсь из-за этих вещей? Порой я тебе завидую, но частенько не понимаю. Ты пи-

---

1 Прозвище поэтессы, социалистки Henriette Goverdine Anna Roland Holst-van der Schalk (1869–1952).

шешь: будет ли метро в Амстердаме, не будет метро, мне это по барабану. Но тысячи людей из-за строительства сиих негативных библейских башен были изгнаны в бетонные убийственные и самоубийственные социалистические жилые коробки.

Без паники, ага? С большой любовью от всех нас. Ваш

Герард.

Венендал, 12 октября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Огромное спасибо за ваше вчерашнее письмо, за восторженную оценку и аккуратное возвращение рукописи «Безымянной любви». Следующая глава у редактора «Сомы», который должен прислать мне ее на днях вместе с фотокопией. Копию я тогда пришлю вам. Далее готова еще одна набело переписанная глава, но я ее приберегу до того времени, пока мне не вернут предыдущую. Терпеть не могу отдавать в чужие руки слишком много того, что нельзя будет восполнить. (Душелюб и издатель В. Л. Салм как-то раз оставил портфель с первым романом В. Ф. Х<ерманса>. «Консерв» в телефонной будке, – по крайней мере, он так потом рассказывал. У В. Ф. Х. не было копии, лишь хаотическая гора записей, которую он по счастливой случайности не выкинул.)

С радостью предвкушаю 12 ноября. В целом мы очень хотели бы узнать ваше мнение касательно нашей традиционной ежемесячной встречи в Амстердаме. Мы бы заглянули на часок-другой, не более. Например, как-нибудь вечером, с половины седьмого до девяти. Перекусить у вас: кусочек хлеба грубого помола с ломтиком сыра, хлеб – ржаной. Стаканчик простокваши. Уедем как раз вне часа пик, и если это будет суббота или воскресенье, опередим пьяных автомобилистов. В первую субботу месяца, например. Как раз достаточно будет времени, чтобы внушить друг другу присутствие духа. Конечно, можно и наоборот, вы к нам, но для вас это будет гораздо более затруднительно – ночевать в гостинице, сновать туда-сюда со станции и обратно.

Твоя характеристика меня как «Вольфа» – отличная. Можешь ты еще прибавить, после «загадки»: «от Непорочного Рождения и Телесного Вознесения Божьей Матери»? Ты этим доставишь мне громадное удовольствие. Трудно объяснить, собрат мой. Я очень расстроен. Я выразил протест священнику. По случаю «Межконфессиональных Зимних Заседаний» католического и двух реформаторских округов здесь, позавчера в половине одиннадцатого, состоялась торжественная месса, «месса для юношества» с бит-музыкой. В принципе, против этого никаких возражений. По-моему, содержание веры может выдержать любую интерпретацию – потому что она есть вечная истина – поёшь ли ты, ритмично декламируешь или причитаешь в агитпоповский мегафон. Но эта месса, длившаяся час, не содержала никакого символа веры, и ни разу не было упомянуто имя Марии. Религия без символа веры, это же чепуха? Эти ампутации явно проистекают из благосклонности к Реформации: Марию и все имеющие к ней отношение учения надлежит упразднить! Я, кроме устного заявления протеста, еще и письменный выразил. Но что можно сделать против того, чего, собственно, и нет? Тогда нужно выступать против «ничего». Это течение не предлагает вообще-то никакого другого кредо – ни более изящного, ни более некрасивого, ни более расплывчатого, ни более буквального или материалистичного – нежели традиционное. Можешь осознать относительность собственной религии – и даже должен, будучи взрослым, развитым человеком – но я, раз я католик, считаю недостойным притворяться, что стыжусь Матери Божией. (И это при том, что Вселенский Собор папы Иоанна провозгласил ее Матерью Церкви). Посвященные ей догмы исполнены неизмеримой мудрости и глубины и являются плодом 15-вековых неутомимых трудов. Я считаю: или ты католик и принимаешь и исповедуешь их – это твой долг – или говоришь «нет» & выходишь из Церкви. Ты же не станешь на собрании трезвенников сиводралу наливать? Разливай и пей свою можжевеловку, кто хочешь, но я всё-таки не являюсь яростным сторонником сухого закона, если называю подобное собрание бессмысленным абсурдом? Всё это ужасно, собрат мой. За границей, слава Богу, всё в порядке. 3 октября мы были в Кевеларе, где двойное явление Марии в 1641 г. отмечали с музыкой Моцарта для 3½ тысяч людей, большинству из которых пришлось стоять. Потом, на площади, масса

меди и труб духового оркестра и песнопения у *Гнаденкапел*. Для меня это было почти то же переживание, что и в Церкви П. С., в которую маршем вошел духовой оркестр[I]. Я и в этот раз смахнул слезу. (В проповеди была буквально заявлена моя точка зрения касательно Марии и Реформации).

Нам нужно попытаться сохранять присутствие духа. Удастся ли мне когда-либо объяснить, что я не против новшеств (Реформации, месс для юношества), однако против узурпаторского характера этого движения, представляющего, надо полагать, крошечное меньшинство, но завладевающего торжественной мессой, устраняя из нее всё, что ему не по нраву, & ничего не предлагая взамен?

С горячей любовью от всех нас. Ваш

Герард.

Венендал, 20 октября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Для начала огромное спасибо за упоминание о Божией Матери в твоем сегодняшнем фельетоне, – он опять сделан со вкусом. Отзовется ли кто-нибудь? Возможно, какой-нибудь не-католик, который сочтет это оскорбительным для католиков.

Сегодня я не работал и потому немного не в себе. Слава Богу, теперь я знаю, как нужно дальше. (Я имею в виду свою, надеюсь, популярную в будущем книгу). Утром и в полдень я этого еще не знал. Я сомневаюсь, перечеркиваю, заново пишу почти то же, что зачеркнул, и вновь зачеркиваю. Наше дело состоит по большей части из зачеркиваний, в точности как ваяние – согласно профессору Броннеру[II]: «И отсекать ненужное». Это всё ничего. Только

I Церковь Пресвятейшего Сердца (Allerheiligste Hartkerk aka Vondelskerk) в Амстердаме. 23 октября 1969 г. в ней состоялось чествование Реве по случаю получения им премии П. С. Хофта, устроенное VPRO (Либеральное протестантское радио) и Обществом Нидерландской литературы. Апофеозом вечера стало появление духового оркестра, исполнявшего гимн «Ближе к Тебе».

II Jan Bronner (1881–1972) – скульптор.

если не сомневаешься. Если бы я наверняка знал, что я – хороший писатель: кто-то, «чье перо – грозное и устрашающее оружие», и который «пробуждает волнение и восторг в миллионах сердец и умов». Я слишком много сомневаюсь. Моя вера почти целиком, или, возможно, полностью состоит из сомнений. Сомнение – Сатана или Бог? Или ни тот, ни другой? Ни тот, ни другой, – этого не может быть, поскольку, помимо Бога, существует только Сатана. Оба – вполне возможно, если исходить из того, что Сатана происходит из Бога и, возможно, является Его скрытой персонализицией. (В Англии уже делают молоко из травы, то есть напрямую, без участия коровы).

Знаешь ли ты, что Христос и Сатана до Боговоплощения были обычными близнецами и делали всё вместе, играли в бейлейбол, ходили по грибы и никогда не бранились? Оба «от Бога рождены были прежде всех веков», но лишь одному из них предназначено было стать человеком; второй, ревнуя к этому, восстал. Ты и не думал, поди, что всё зло проистекает из зависти? А ведь это так. В самом конце всё уладится по Возвращении Сына Человеческого: тогда Сатана добровольно подчинится. Когда? (Как хозяин квартиры, отдающий распоряжение отремонтировать прогнивший пол: «На той неделе»). Целую вечность, и много, много «килограммов» «Теле-орешков»[I] душелюба А. Х.[II] может это еще длиться, уж будь спокоен. Нормальный человек этого всего постичь не может. Я всем сердцем люблю милого Господа Иисуса, но питаю также теплую симпатию по отношению к его Брату. Я всеяден, думается мне. Поэтесса Х. М. утверждает, что я «попросту негодник». Порой я чувствую странное притяжение к Л., брату Мышонка. Не знаю, что это такое. Но «кто на Бога уповает, того Бог не оставляет», это точно. Вчера, когда я был совсем никакой, сразу после ужина, притащились двое, именовавшие себя свидетелями Иеговы, которые и прежде не раз являлись по мою душу, но их прогоняли либо Маман, либо Мальчики. Я из-за этого разнервничался и вчера сам пошел открывать. Я очень ловко обстряпал дело. Когда старший из этих придурков спросил, интересуюсь ли я библией, я спросил: «Как вас, говорите, зовут?» Узнал имя, адрес, профессию. Такого с этими подустителями еще не случалось. (Они раздувают неслыханную злопыхательскую кампанию против гомосексуалистов,

I Герои американского комикса Peanuts, созданного Чарльзом Шульцем.

II Алберт Хайн.

точно как нацисты против коммунистов, слыхал об этом?) Я сказал: «Я католик. Я считаю это истинной верой». (Это правда, собрат мой, но сейчас я не о том.) «Вы – иеговист. Вы считаете это истинной верой. И это исключительно благоприятно, что в нашей стране господствует свобода вероисповедования. Нужно только оставить друг друга в покое, и счастье наше совершенно. Теперь мне известны ваше имя и адрес. Более не смею вам досаждать и не стану раздумывать, если понадобится вызвать полицию». Что может быть банальнее, как ты думаешь, собрат мой по перу? Это жутко унылые фанатики учения, которое так же агрессивно и безграмотно, как и коммунистическое. Раньше таких людей сперва сламывали, но, в конце концов, если они продолжали упорствовать, сжигали. Это было очень правильно. В Амстердаме они частенько поднимали меня с постели в половине восьмого утра. Милый народец.

Как было бы славно, если бы мы могли видеться регулярно. Ты, как и я, порядочно хандришь, я часто это замечаю по твоим письмам. Из-за ненависти и равнодушия твой выбор слов становится небрежен, но намек на то, где скрыты трагизм и кульминация, делает его безошибочным. Мы с тобой друг над другом старшие. Я над тобой старший как стилист. Ты надо мной – как драматург. Я лихорадочно выстраиваю великолепный декор, но никогда не знаю в точности, кто протагонист, а кто антагонист. Я в процессе работы постепенно докапываюсь до чего-то, что тебе было известно с самого начала. Да это так и надо, поскольку в твоем распоряжении одна-единственная колонка.

Кстати о драме: сегодня приходили Тетя Мин и Тетя Гер, обе – сестры Маман, так что не путать с Тетей Стиной. Тетя Мин утверждала, что свежая курица вкуснее мороженной. И правда, но разница не представляется мне непогрешимой истиной. Я имею в виду: может быть, это так, а может и не так. Возможно, определенное различие и существует, но не настолько четко выраженное, чтобы раздувать из-за него предвыборную кампанию. Тетя Мин присовокупила к этому, что у нее есть морозильник, и что она покупает на рынке свежую птицу, чтобы потом ее замораживать. Проблема не решается, собрат мой, она отодвигается, – я так думаю. Известно ли тебе, что бывают летучие мыши, которые ловят рыбу на лету? И еще бывают кролики, которые живут ловлей рыбы; и кролики, которые самостоятельно постигли науку взбираться на пальмы

и перегрызать черешки кокосовых орехов, чтобы затем поедать их на земле. По вечерам, к тому времени как мы садимся ужинать, тут всегда носятся две летучие мыши, малютка и великан, размером со щенка овчарки. Так бы и сказал: отец и сын; но это могут быть и мамаша с младенцем.

Ты должен как-нибудь больше рассказать мне о *фашизме*. Не был ли его дух гораздо более романтичным и, прежде всего, более аристократичным, нежели национал-социалистический? Не хозяйничали ли там всяческие экзальтированные католики и прибабахнутые недохудожники, тогда как крупное нацистское движение привлекало гораздо больше настоящей черни и озлобленного среднего сословия? (Это только впечатление. Коммунист никогда не доходил до серьезного анализа и сравнения. Всё было от дьявола: капитализм, демократия, нацизм, фашизм, католицизм, протестантизм, социал-демократия, – да, последнее прежде всего, поскольку движение состояло из спокойных, рассудительных, воздержанных людей и в самом деле принесло что-то хорошее).

Я опасаюсь, что из-за моей работы мы отдалимся друг от друга[I]. Герой моего рассказа питает определенные гомо-садистские чувства к черным. А этого нельзя. В криминальном романе допускается сколько угодно убийств и пыток; «революционные» движения имеют – что касается убийств совершенно непричастных к конфликту заложников (даже детей) – благословение «Фрей Недерланд»[II], «Де Ньиве Линие»[III], «Де Базаюн»[IV], «Де Волкскрант»[V] и т. д. Но мой герой поступает совершенно неправильно, – он *думает* о том, что *творят* эти движения. Внимание, клеветники раскудахтаются! Антисемитизм опять весьма в моде. Теперь это благопристойно именуется «антисионизм». Знаешь, что сказал мне профессор Жак Прессер двадцать четыре года назад? «Новый фашизм будет именовать себя *антифашизмом*».

Боже, храни Израиль! С горячей любовью от всех нас. Ваш
Герард.

I См. письмо Кармиггелта от 29 октября 1971 г.

II «Свободные Нидерланды».

III «Новая линия».

IV «Тромбон».

V «Народная газета».

Шован, 27 октября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Днем в понедельник мы прибыли сюда после успешного, хотя и весьма утомительного переезда. В День Поминовения собираемся возвращаться. Здесь у нас за истекшие три месяца не выпало ни капли дождя. Ручьи практически пересохли. Источник в долине, в П., где мы всегда брали воду, бьет вполсилы.

Днем здесь – то, что в Нидерландах называется теплым летним днем. Лишь по краткости светового дня замечаешь, что уже не лето.

Я много размышляю о Творчестве, собрат по перу. Я тут до сих пор писал только письма. Может быть, завтра вновь засяду за книгу. Иначе буду слишком переживать. Мне не терпится узнать, как ты оценишь две последние главы. Я и сам считаю, что в конце концов перешел некоторые границы. Но что теперь в них точно ново, чем эта книга будет отличаться от предыдущей, я не знаю. Никогда не имел четкого представления о структуре и интерпретации собственной работы. Возможно, это и хорошо. В любом случае я теперь более-менее отрешился от морали. Для голландца это кое-что. Я начинаю сомневаться в силе вообще всей человеческой морали, поскольку она невероятно прихотлива. Акцент переносится, но в целом всё остается прежним. Сначала преследуют ведьм, затем «социалистов», затем евреев, затем гомосексуалистов, затем художников, затем людей с доходами, превышающими прожиточный минимум, затем владельцев автомашин, превышающих определенную стоимость, затем ведьм и т. д. Людей осуждают за смерть, причиненную грехом или убийством, но при этом организуют автопробеги, во время которых происходят в среднем три смертных случая, а по телевидению с великим удовольствием передают кадры, в коих автомобиль подхватывает пару-тройку зрителей и поднимает их на рога. (Бой быков при этом осуждают как «варварство».) Я не особо верю в эту человеколюбивую мораль. Считалось чудовищным, что нацисты убивали заложников,

и в Нюрнберге виновники подобных мероприятий, именуемых «военными преступлениями», приговаривались к повешению. Но те нынешние, именующие себя «антифашистами», вдруг стали одобрять казни заложников, если только это «оправдывается военными действиями». Воздушная бомбардировка, однако, возбраняется, надо полагать, потому, что коммунисты во Вьетнаме не имеют серьезных военно-воздушных сил, а правительственные войска и американцы – имеют.

Самое лучшее, что ты можешь сделать будучи художником, это писать так, чтобы как можно больше взволновать читателя, а на остальное клади с прибором. И брать сторону властей, если они тебя оставят в относительном покое. Я очень за так называемый *истеблишмент*, поскольку знаю, что с этого имею: минимум заморочек и практически полную свободу. То, чего желает оппозиция, представляется мне довольно зловещим. Прежде всего, этот загадочный первобытный инстинкт – возвысить народ до искусства – мне совершенно не понятен. Ибо на практике это сводится к тому, что искусство должно быть принесено в народ, ведь народ-то сам к искусству ни шагу не сделает, чтобы им проникнуться. Признаюсь, я больше за режим, который отказывается от подобного сорта опасных вмешательств. Только бы они мне не давали никаких шансов делать «полезную» работу или «помогать строить лучший мир».

Также весьма удивительно это сопротивление «установленному порядку», – теперь повсюду гремит такое определение. Порядок же ведь всегда установлен? Это и есть сущность порядка: быть установленным. Выражение это предполагает, и несправедливо, что существует возможность иного порядка. Странен также священный трепет перед молодыми: «молодые читатели», «молодые художники» и, в общем, «молодежь». Почему у них должно быть больше свободы слова, чем у других? Это столь же абсурдно, как и полагать, что «рабочие и крестьяне» должны обладать властью. С чего бы? Это что, запечатлено где-нибудь в боговдохновенном Писании? Мне они скорее кажутся категорией людей, которым я охотно предоставил бы все гражданские права, но к власти подпустил бы последними – да к тому же за исключением всех остальных!

Твой поэтический сборник прекрасен. (Меня не отпускает сти-

хотворение о концентрационном лагере Вюгт)[I].

Я пропускаю вручение премии П. С. Хофта[II], на которое получил приглашение. Я готов признать, что этот Геррит К.[III] – величайший нидерландский поэт мирового значения, если только меня не заставят его читать. Я плохо переношу эти вечные поучения, разъяснения и кальвинистские словесные извращения, при детском трепете перед коммунизмом и теплой к нему симпатии. Сын достойных родителей. Такие потом вырастают в распущенных обывателей, постоянно бухтящих по поводу общества, которое их растит и лелеет, и обожествляющих всё истинно тоталитарное: если оно крепко возьмется за художника и хорошенько его потопчет, он почувствует, что существует. Вот уже вечер, и у нас слабый, мрачный, жалкий искусственный свет. С большой любовью от всех нас. Ваш

Герард.

Следующим утром, 28 октября 1971

Собрат мой по перу, я тут кое-что забыл упомянуть, или лучше сказать, имеется предмет, который я давно откладывал, поскольку нужно быть немного отдохнувшим и в здравом уме, чтобы суметь сказать что-либо путное по этому поводу. Речь идет о твоем Творчестве. У меня сильное ощущение, что ты хочешь сохранить имеющийся стиль речи, но также и желаешь его развивать. И теперь я уверен, что ты сможешь писать прекраснейшие фельетоны без какой-либо настоящей интриги. Описание ситуаций без конкретного результата и вывода в конце. Где ты был; что ты делал; о чем ты думал. И более ничего. Не знаю, прав ли я, и в какой степени ты можешь совершенно обходиться без какого-либо вывода, тоже не знаю, но не вижу возражений против отсутствия какого-то видимого и доказуемого заключительного аккорда. Далее, мне кажется, что ты сам себе запрещаешь касаться многих тем, – возможно, зря. Мне думается, что ты должен привносить больше меланхо-

---

I Официальное название – Герцогенбуш (нем. *Herzogenbusch*) – концентрационный лагерь, располагавшийся в городе Vught близ Хертогенбоса, с января 1943 по сентябрь 1944. В этом лагере погиб брат Симона Кармиггелта.

II P.C. Hooft-prijs – одна из наивысших литературных премий в Нидерландах. Реве был ее лауреатом в 1968 г.

III Gerrit Kouwenaar (1923) – поэт, прозаик, переводчик, журналист. Участник Сопротивления.

лии в свою работу. Ты, возможно, думаешь, что твой читатель этого не хочет, но он вообще ничего не хочет! Я уже давно так поступаю: вываливаю всю гнусь на бумагу, а сам ручки потираю. Вот как надо. Ты об этом подумай. Начинаешь просто: *Несколько дней назад я был подавлен. Иногда мне бывает очень одиноко, и я чувствую себя несчастным. Но я смотрю на детей, невинно играющих в парке в свои трогательные игры, и думаю: «Ах...» Отчего, собственно? Некогда все мы были, как дети (и т.д. и т.д.). «Твое прекрасное какао остывает», говорит моя жена. Так тянется время, и день сменяется днем.* Не так уж это трудно. Смена дней, – за тебя об этом заботятся Бог и солнце. Это постоянно, я имею в виду: ничего не нужно выдумывать самому. Болезни и операции, тоже очень хорошо, и вновь: этого не нужно выдумывать. Разговоры в приемных: «Ногу поднять не могу, но они с таким же успехом и в голове у меня покопались». (Сам слышал). Жаль, что у тебя никогда не было проблем с мочевыводящей системой, как у меня. Я имею в виду не хворь, о которой вслух не говорят (стыдные болезни), но нечто, из-за чего идут к урологу. У меня был «врожденный клапан» мочеточника, который нужно было пробить при помощи такой штуки вроде коктейльной палочки, но которая гораздо дороже. В приемной поликлиники, выходящей окнами на лишенный растительности задний сад, усеянный старыми велосипедными шинами и консервными жестянками, мужчины подносили к уже тусклеющему полдневному свету банки из-под варенья, наполненные их мочой, полной ржавых крейсирующих облаков, и преувеличивали серьезность осадков друг у друга в баночках. Когда пишешь об этом, перед мысленным взором твоего ближнего возникают картины волшебства и блеска всего сущего. Можно просто зайти в такую клинику и спросить наудачу: «Кто последний?» Перед тобой очередь в 32 человека, то есть в течение двух часов можно слушать, пока не пробудишь подозрений. Тогда говоришь: «Что-то я не туда. Мне же насчет желудка». С горячей любовью от всех нас. Ваш

Герард.

Венендал, День Поминовения 1971

Дорогие Тини и Симон,

Вчера после удачного, но весьма утомительного путешествия мы вернулись из Шована в родные пенаты. Мы слишком долго откладывали визит в наше имение, и через несколько дней оказалось, что уже слишком похолодало. Я не очень страдаю от холода, мне вообще обычно бывает жарко, но Маман и Мальчикам пришлось туго, когда после нескольких солнечных дней небо затянулось облаками и сделалось влажно. Я ночевал в Замке в одиночестве, чтобы поддерживать там огонь, а Маман и Мальчики сняли две комнаты в гостинице, в долине. Неприятность заключалась в том, что гостиница эта рассчитана на сезоны отпусков, а в остальное время года практически пустует. Для немногочисленных гостей, приезжающих вне сезона, удобств не предусмотрено: в номерах, новеньких и относительно комфортабельных, с собственной душевой и туалетом, имелось вдоволь горячей воды, но никакого отопления. Согреться невозможно, полотенца не просыхают и т. д. Они там промерзали до костей и вынуждены были по утрам отогреваться в Замке, где я поднимался спозаранку, чтобы раскочегарить печку и согреть воду. К холоду в гостинице добавлялись еще ранние сумерки (в полшестого, шесть) и поздние рассветы, всё это в обрамлении ворохов облетающей листвы – просто-таки убийственная символика времени года. Маман и Мальчики начали мало-помалу скисать. Мы хотели отметить День Поминовения на кладбище в В., но на таком морозе долго было не выдержать. Воскресным утром, еще до рассвета, мы единогласно и без проволочек решили возвращаться и спустя четырнадцать или около того часов езды к восьми вечера прибыли на —лаан.

Любопытно, что дорога была весьма пустынной. Однако в бельгийских городках и деревеньках близ кладбищ мы видели скопления больших, безобразных, цвета сырого мяса или перламутра автомобилей, из которых выбирались маленькие безобразные человечки на коротеньких, шатких свинячьих ножках, тащившие цве-

точные горшки с совершенно безобразными хризантемами, выращенными не иначе как при помощи атомного излучения – с короткими стеблями и болезненно-крупными цветками, похожими на узелки начесанной шерсти с цветовыми дефектами. На лицах людей были написаны скаредность, наглость, алчность и глупость, чуточку приглушенная бледным, благочестивым ужасом: всё происходящее неоспоримо несло в себе нечто человеческое, когда они, оскальзываясь и натыкаясь друг на друга от непривычки отходить от автомобиля более чем на шесть метров, волокли отвратительные пластиковые горшки на поля, усеянные крестами, словно на фотовыставке или в образчике «мастерской работы камерой» из итальянского фильма, отображающего не что иное, как «элементарную гуманность».

Я очень много размышлял о Самых Последних вещах. В Бельгии мы проезжали городок, где на большой рыночной площади стоял аристократический дом с изящным парадным крыльцом, изнутри освещенный многочисленными цветными электрическими лампочками. На дверях и в окнах висело множество плакатов, а в широком дверном проеме и около него толпились мальчики и девочки в ярких, пышных одеяниях, с немытыми волосами и в непомерно больших сапогах. Звучала весьма громкая электрическая музыка с очень однообразной мелодией. На фасаде был натянут белый транспарант, на котором черными буквами значилось: LE (или AU) BONHEUR: UNE QUESTION DE JUSTICE. Так, по крайней мере, мне запомнилось за те секунды, что мы проезжали мимо. Надпись заставила меня задуматься. *Счастье (К Счастью): Вопрос Справедливости.* Это печально, или же напротив, очень весело? Мне кажется весьма печальным то, что другие находят веселым или обнадеживающим, собрат мой по перу. Жалеть ли этих молодых людей или завидовать им, оттого что у них имеется столь упрощенное понятие о положении дел, и они придерживаются столь огромного заблуждения: что справедливость может принести счастье? Я был не в состоянии этого постичь. Счастья слишком мало, несчастья слишком много. Но если когда-либо наступит справедливость, будет лишь сплошное несчастье. Они думают, что справедливость – это нечто вроде собаки, которая тебя не трогает, но которую, буде таково желание, можно спустить на другого. (Достойно цитирования в школьном дневнике). Люди не желают видеть двусмысленности в том, что является неоспоримой истиной. Не понимают, что

подрыв капитализма и экспроприация предприятий в пользу так называемого «общественного» владения накличет голодную зиму на весь народ и на весь свет. Это милость Божия, что справедливости не существует, и что лишь в судный день свершится «правосудие над живыми и мертвыми». Упаси Боже от справедливости, которая будет судить нас по делам нашим и по сердцу нашему. Иоанн пишет, я имею в виду *Второе Послание,* что мы не должны беспокоиться, «поскольку если сердце наше осуждает нас за дела наши, то Бог больше сердца нашего»[I]. Выше голову, собрат мой!

Книга закончена. Да, запамятовал сообщить. И чуть не забыл поблагодарить тебя за письмо от 28 октября и за доброжелательную оценку двух новых глав. Я очень рад, что работа моя вновь обрела такую благосклонность в твоих глазах. Чрезвычайно для меня удивительно, что ты – и другие – были столь тронуты включенными воспоминаниями, вроде тех, когда я передаю букет цветов от «г-на Даутса»[II]. Эти интермеццо мне кажутся довольно неуместными, ибо приостанавливают действие и, на мой взгляд, не содержат никакого намека на то, что происходит в момент прерывания повествования, но я чувствую, что свихнусь, если не вставлю их. Так что они будут мешать действию, мне же они в любом случае нисколько не мешают. Сам я не в состоянии в полной мере обозреть всё. Возможно, я не прав, и эти вставки с точки зрения эстетической в высшей мере желательны, хотя формально их можно отнести к недостаткам, точно так же как Жемчужину называют драгоценностью, в то время как это болезненное образование в устричной раковине. Мне не всегда вспоминается то, о чем непременно следовало бы тебе написать.

Книга, стало быть, готова. Я закончил ее в первой черновой версии – 25 сентября, кажется, но тогда я этого еще не знал, подумывал кое-что переделать и не осмеливался кому-либо об этом сообщать. Мне нужно еще переписать набело 30000-40000 слов. Я думал, что стану чуточку счастливее, но предаюсь жесточайшей меланхолии и большему Страху. Как-то не очень я жизнеспособен, надо полагать. Но что делать, нужно жить дальше.

Книгу я посвящаю М.[III], как уже давно намеревался.

I Реве имеет в виду Первое Послание Иоанна (3:20).

II См. «Язык Любви».

III Марии, Богородице.

Теперь, когда книга закончена, смог бы ты сделать для меня еще одну мелочь? Ты же каждый день мотаешься по городу, Денег у тебя достаточно. Не поставишь ли еще раз свечку за меня? Можно сперва позвонить по телефону, чтобы не стоять перед закрытой дверью под моросящим дождем. Глянь в телефонной книге в рубрике «Римско-Католический». Там обнаружатся довольно курьезные заведения, какие тебе и во сне не виделись. Да, вот оно, вспомнилось наконец. По дороге назад, в Бельгии, было вполне ничего, и за границей ее тоже. Там мы проезжали через деревню с непомерно большой или же чрезмерно маленькой церковью, то есть это было здание средних размеров, но весьма подчеркнуто стилизованное под собор или базилику, года 1910 или 1920, я думаю. На кирпичном фасаде красовался мощный текст из глазурованных цвета морской волны плиток. Текст в три центрированных строки гласил: РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ/ДОМ ГОСПОДЕНЬ/ВРАТА В НЕБО. Какой-то десяток слов, вот так. Вот это вера, а? Жаль, что нельзя прямо сразу туда.

Ах нет, ставить свечу для меня не надо. Забудь. Пока что я не нуждаюсь более в Утешении в виде зажженных свеч, ибо, сдается мне, Тоска моя столь черна, что хуже просто некуда. Я лежу на дне и чувствую себя в безопасности. Зажгите-ка свечу для вас самих. Зайди в «Попугай»[1]. Там всегда есть свечи по 30 центов за штуку. Я никогда не плачу больше гульдена за четыре штуки, ибо являюсь постоянным клиентом. Этого достаточно. По рабочим дням «Попугай» всегда открыт. Это на Калвестраат между Спаю и Дам, налево, если заходишь со стороны Спаю, и чуть подальше середины, мне кажется. Сразу как войдешь, увидишь зажженные свечи перед Мадонной с Младенцем. Зажги одну, если почувствуешь в этом надобность, и проговори вслух или про себя: «Сударыня, поглядите. Посмотрите только. Вы увидите». Это очень хорошо. Женщины, вышедшие за покупками, заходят в церковь для передышки, чтобы, не особо раскошеливаясь, опустить на пол свои тяжелые сумки и недужные тела. Если пристроиться прямо за их спинами и, встав на колени, наклониться как можно больше вперед, можно подслушать их шепот. В последний раз я услыхал вот что:

«Она супа сварить не может. Не умеет она. Просто не умеет, и всё тут».

---

1 Церковь во имя св. Духа Петра и Павла, более известная под именем «Попугай» благодаря изображению попугая на фасаде.

Правда двусмысленна, это я теперь начинаю понимать очень четко. Мы идем в Церковь и спрашиваем Великую Богиню: «Когда?» И Ее прекрасное лицо трогает еле приметная улыбка, и Она отвечает: «Однажды…» И мы не знаем, относится ли это слово к детской сказке, или это туманная картина будущего в стеклянном шаре знахаря? Это уже было или только будет? Горят свечи, курится ладан, поет хор и музыка шелестит, как море, и всё, что мы знаем, – это то, что ответ, и музыка, и хор – прекрасны. Разве это не чудесно – полная жизнь, как ты находишь, собрат мой по перу?

Я бы хотел положить цветы на холмик моей Матери, но холмика нет, ибо прах ее развеян, пусть и будет он собран, когда придет День, назначенный для всех царей, языков и народов. («Однажды…»)

Привет тебе, Мария, милосердия исполненная. Не печалуйся. Песнь для Всех Усопших.

С горячей любовью от всех нас. Ваш

Герард.

Венендал, 13 ноября 1971[I]

Дорогие Тини и Симон,

Какой прекрасный вечер у нас был! Вот если бы только нищие, получающие не слишком щедрое соцобеспечение, тоже могли хоть разок испытать такое удовольствие! Существуют десятки, сотни тысяч семей, у которых на столе никогда не бывает ни оленьей вырезки, ни подкрепляющего и целительного вина.

У меня легкое похмелье, но уже в девять часов я завтракал с Йоханом Б. В.[II] в его гостинице и единолично выпил целый кофейник. Масса изящно свернутых ломтиков сыра, всяческие сухарики и хлеб. Красочная картина.

Жизнь, на мой взгляд, это нечто вроде песни. Я забыл пове-

I Письма с 13 ноября 1971 г. по 12 марта 1973 первоначально составляли часть книги «Милая жизнь» (Het lieve leven) под названием «Жизнь – просто песня».

II Полаком.

дать вам Сон, который видел несколько дней назад. Я подошел к райским вратам, – по крайней мере так я, простоты ради, типизирую ситуацию. Это было нечто вроде вахтерки, как на территории большой фабрики, с вывеской: *Регистрация*. Тянуло невероятным сквозняком, гнавшим бумаги и сухие листья. У привратника была всего одна рука и постоянно сползавшие с носа очки, и он никак не мог припомнить мое имя. Он рылся в картотеке и в ящиках, вздыхая и брюзжа. В конце концов отыскалось мое досье, в котором я должен был расписаться. Теперь вы знаете, что я полагаю себя очень дурным и грешным человеком, и вместе в тем получаю немалое удовольствие от этой самооценки. Но досье оказалось совершеннейшей чушью. Я имею в виду: там речь шла не обо мне, а явно о ком-то совершенно другом. Мне показалось, что это биография некоего торговца автомашинами, притом скупщика краденого, притом финансиста-мошенника. (По́лы коротает да плечи латает[1], не то что я: соловья баснями кормлю).

Я было возроптал, но Бог (привратник) завздыхал и заныл, что это «просто формальность», и «если тебе всё это надо было разобрать, то где ты пропадал» и т. д. Кстати, меня и звали по-другому: *Ревенбур* или нечто в этом роде. (К слову, мне кажется, что такое имя действительно существует). Ну, я расписался. Однако весьма мозгопромывочный был этот сон: даже грехи твои у тебя отняли. Ужасно унизительно. И притом Бог правит не «могучей и справедливой рукой», а просто одной рукой. Нет, это был не Петр, а сам Господь, это я знал наверняка. Вот такой сон, и совершенно бесплатно. Надеюсь, что он приподнимет вам настроение.

С любовью,

Герард.

Венендал, 18 ноября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Жизнь исполнена борьбы. Сегодня пасмурный день. Я нын-

1 Т.е. влезает в новые долги, чтобы уплатить старые.

че опять проснулся рано, хотя порой засыпаю всего на полчаса. *Письма,* которые я тебе написал, составят прекрасную главу, это ясно[I]. Но всё гибнет. За 700 лет уровень моря настолько поднялся, и Северо-Германская низменность, к которой мы волей-неволей относимся, настолько опустилась, что Нидерланды будут поглощены морем. Для преподавания нашего языка, как для древнеперсидского, теперь приходятся три доцента на одного студента. Никто больше не читает нас, кроме Господа и Королевы, обитающей на корабле, на коем возведен Дворец, и корабль скитается по морю, чтобы встать на якорь где-нибудь на широте Пампуса[II]. *Saevis Tranquilla in Undis*[III]. Твой ученый сын знает, что это означает. Считаешь, оно того сто́ит? Всё с субсидией.

Я сейчас переписываю набело письмо от 24 июля 1971. Писем целая пачка, а я еще до половины не добрался. Тут в В. мы обнаружили поместье, почти на границе с М. Это прямо за углом, если ехать из Венендала. Туда можно только по билету (гульден в год на всю семью, включая приглашенных). Закрыто для транспортного движения не только де юре, но и де факто (мощной загородью). Там примерно так же хорошо, как в вашем лесу в Стеге, – ни души, и даже мусора нигде не увидишь. Полчаса прямиком, а ты всё еще не выехал из поместья. Там масса лиственных деревьев, а хвойных маловато, совсем как в Стеге. Этот билет за 1 гульден просто находка. Стало быть, у всякого имеется право на доступ, но дурковатому, обуянному жаждой разрушения отребью такой билет не по карману.

Ну ладно, мы с тобой прекрасно знаем: если «сначала нужно написать», чтобы вступить с тобой в контакт, почти никто тебя больше не потревожит.

Как тебе приглашение открыть рождественский праздник в Схагене[IV]? Если ты опубликуешь тот текст, тебе никто не поверит.

Пришли мне много радостных звуков. «Покуда лошади рысцой

I Имеются в виду письма с 1 мая до Дня Поминовения 1971 г. В первом издании «Языка любви» они составили третью главу под названием «Письма к собрату по перу», но из последующих изданий книги эта глава была исключена.

II Искусственно созданный в 1895 г. остров и форт в провинции Северная Голландия, неподалеку от Амстердама.

III От Saevis tranquillus in undis (спокойствие среди шторма, *(лат.)*), девиза Вильгельма Оранского.

IV Schagen – город и община в провинции Северная Голландия, известный своими красочными ярмарками и праздниками.

бегут по лугу, и пахнет свежим хлебом из печи»… пишет С. Я. Келк[1]. Жив ли он еще, этот философ и неунывающий мудрец? Напиши в следующем письме, что в тете Тине есть нечто царственное, нечто королевское. Справься о ее здоровье и порекомендуй пить много жидкости, поскольку это хорошо для почек.

Я хочу на основании своих раздумий написать книгу о вождении машины. «Если у тебя есть фургон, ты сам себе караван». «Автомобиль – как мальчик: ему не нужно сильно гнать, если он прекрасен». Как может человек, вставший в половине восьмого утра, уже в половине одиннадцатого заработать себе головную боль от отвращения к жизни?

Возвращаю письма; они сфотографированы.

С любовью,

Герард.

Венендал, 25 ноября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Сейчас четверть восьмого утра. Если бы я работал в межевом или таможенном ведомстве, начинал бы гораздо позже. Сам себе хозяин – «кустарь-одиночка» – это называется. (Эй, кустарь, чего ты там? Давай-ка принимайся за работу: гномики за тебя этого не сделают, не правда ли, собрат мой по перу?) Спасибо за книгу + копии.

2½ невероятно депрессивных дня.

Твоя новая книга ни в коем случае не «хлам». Я вновь думаю о письмах к вам, примерно ¾ которых переписал набело. Они меня тревожат. Я вставляю в них смешное, вычеркиваю слабые места и вновь кое-что из них вставляю, вычеркиваю вставленное смешное. И т. д. И в конце концов оказывается, что ничего не исправлено! И в 18.20 законченные страницы уходят с вечерней почтой, чтобы они мне на следующий день уже на глаза не попадались. Вновь я вижу их уже отпечатанными в типографии каким-нибудь весьма

1 Cornelis Jan (Cees) Kelk (1901–1981) – литератор и критик.

самоотверженным работником.

Ты мало, слишком мало думаешь о своей работе. Не могу сказать, что «Просто продолжать»[I] издана красиво. Обложка заслуживает первый приз за уродливость. Как можно выдумать еще более ужасный шрифт для обложки и еще более ужасную композицию полосы, чем те, что существуют уже годы и годы, и коих тысячи? Ну да, Ван О.[II] тоже может ужасно издавать, особенно что касается сшивания книг, и когда он в ударе.

Это – ремесло со своими подъемами и спадами, собрат мой по перу. Если бы я мог тебя подбодрить. Может быть, мне это и удалось.

Я хочу попытаться за два-три-четыре дня управиться с переписыванием (еще 14 страниц оригинала). Тогда я снова буду петь-скакать, чтобы поднять твой дух, со свинцовыми солдатами, марширующими на моих страницах так, что небу жарко.

Твоя работа должна теперь стать глубже и проще, и тебе нужно отринуть давление острой концовки. Тогда ты свободен. Эта концовка столь же искусственна и несущественна, как рифма в поэзии, которая была в моде всего несколько столетий за десятки тысячелетий существования литературы.

Человек стареет, болеет, умирает. Так всегда было, и, к счастью, так это и есть. Болезни и смерть не должны заботить нас, потому что они случаются сами по себе. Но старость – это интересно. Она освобождает. Можно говорить свободнее, по мере того, как становишься ближе к Смерти. Ну да, разумеется, я не весь день напролет об этом размышляю, однако сегодня утром подумалось.

Странно, что твое письмо, при всем твоем расстройстве, получилось навязчивее, отчетливее и разрушительнее по отношению к человечеству, нежели когда-либо. Я имею в виду: это не кверулянтство, но чистое мастерство. Но в больницу в Л. я бы не поехал[III]. Или же ты хочешь малость «зарядиться тамошней атмосферой?» Вот бы ты всегда писал о болезнях и операциях! В обозримом будущем я все разговоры тут, за завтраком, запишу для потомства. Еще немного терпения. Ноябрь почти прошел, а потом нужно только продержаться декабрь, и в январе всё будет хорошо. У меня

I «Gewoon maar doorgaan» – книга Кармиггелта.

II Изд-во G. A. Van Oorschot.

III См. письмо Кармиггелта от 28 ноября 1971 г.

кризис веры, что касается Рождества и Пасхи. Елка и крашеные яйца заставляют меня во всем сомневаться. Если ты всё же побывал в больнице, пришли мне подробный отчет. А теперь отправляю письмо.

С теплом и любовью, ваш

Герард.

Венендал, 29 ноября 1971

Дорогие Тини и Симон,

Опять в семь утра восстал с постели, – отчего, и сам толком не знаю. Нечто вроде охоты к жизни или к смерти, думается мне. У меня похмелье после вчерашнего обильного ужина на 9 персон, за которым я употребил некоторое количество доброго вина.

Я много думаю о вас. Грешно и скверно, что Симон так пренебрегает своей работой. Мы, все трое, каждый день, каждую минуту читаем его «Просто продолжать», и то и дело хохочем или одобрительно фыркаем. Такого нигде больше не прочтешь: поэт на носилках, накрытый брезентом; мальчонка на барже без уборной; и: «Деда, знаешь, что смешно? Что они друг другу попки нюхают». «Да, это очень потешно».

Двойная исповедальня в Риме. Всё это так печально и так красиво! Хотел бы я писать так печально.

Стало быть, никакой это не «хлам». Может быть, ты пребываешь в меланхолии или депрессии, это бывает, но если что-то – или всё – не так, то твое мастерство или искусство тут ни при чем. Положись на мое слово. Я занимаюсь писательством уже годы, и мне так и не удается стилизованно передать все эти драгоценные и незаменимые диалоги. В этом смысле я утопаю в изобилии материала.

Один наш друг, начальник отдела кадров крупной фабрики в Верте[1], провел у нас выходные, и на ночь ему была отведена комната для гостей у тети Стины и дяди Яна. Вечером, явившись туда

1 Weert, община и город в нидерландской провинции Лимбург.

на ночлег, он застал всех на ногах – дядя и тетя спят мало и потому ложатся поздно – и проболтал с ними до часу ночи. Тетя Стина и дядя Ян тоже бывали там, где жил наш друг (Хюс ван Б., даритель статуэтки Пресвятой Девы Лурдской «размер ноги 38»)[I][II], поскольку немного знали Лимбург. О да, они прекрасно помнили город (Верт). «Безымянная певица[III] тоже там живет».

Хюс: Безымянная певица?.. Мне казалось, немного подальше отсюда...

Тетя С.: Там такой поворот. И там повсюду светофоры.

Хюс: Поворот...

Тетя С.: И еще там такая большая табачная лавка...

И так продолжалось добрых четверть часа, в то время как Мышонок уже давно догадался, что дядя Ян и тетя Стина имеют в виду Херлен[IV], а Хюс – свое местожительство в Верте; Мышонок был не в состоянии каким-то образом вмешаться в разговор, хотя ощущал учащенное сердцебиение и ужасный головной зуд, и продолжал немотствовать.

Верт и Херлен были оставлены в покое. Валкенбург![V] Там тетя С. и дядя Ян тоже бывали. Красивые места, согласился Хюс. «Там был еще один молодой человек, год назад, – поведала тетя Стина, – такой милый юноша, очень привлекательный. Великолепные у него были волосы, темные. И как замечательно пел! Как же пел этот мальчик! Но он беспробудно пил. И тогда г-жа Де Ман сказала: «Парень, ты не должен так много пить!» И тогда этот молодой человек

I В Греонтерпе ван Бладел видел у Реве две прелестные статуэтки Богоматери. Реве: «Хюс, не то чтобы я их коллекционировал, но если тебе где-нибудь попадется на глаза старомодная фарфоровая статуэтка (постучи ей по голове, чтобы убедиться, что она фарфоровая), я был был счастлив ее получить». Такая статуэтка нашлась у родителей ван Бладела. Он позвонил Реве и тот спросил, какого она размера. «У меня не было с собой линейки, и я сказал: Герард, мой размер ноги 40; она чуть поменьше... если приставить... 38-ой размер, где-то так. – Спасибо большое, – сказал Герард, – теперь я знаю, какой она высоты.» С тех пор все считали, что у статуэтки Богоматери размер ноги 38, громадные ноги, следовательно.

II См. «Язык Любви» в книге «Милые мальчики», 2006.

III Maria (Mary) Servaes-Bey (1919–1998) – исполнительница народных песен, известная под сценическим псевдонимом Безымянная Певица, или просто Певица. Реве всячески способствовал тому, чтобы она получила известность в артистических кругах.

IV Heerlen, второй по величине город в нидерландской провинции Лимбург.

V Valkenburg aan de Geul *(нид.)*, Валкенбург на Гёле – муниципалитет на юге нидерландской провинции Лимбург.

сказал: «Мать» (потому что г-жа Де Ман, хоть и младше меня, но вся уже совсем седая), мне бы в больницу». А на следующий год он умер. Он еще в *Мастрехтер Стар*[I] пел».

(Видишь теперь, как всё преходяще?) В семь утра Хюсу нужно было снова в дорогу, чтобы к девяти быть в Верте; он должен был руководить праздником Св. Николая, который устраивала его фабрика для 1000 малышей. Утром я пересек улицу, чтобы вместе с ним позавтракать. Две пластиковых тарелки содержали в себе соответственно дорогой ростбиф и ветчину. «Уписывай, да побольше, – сказал дядя Ян. – Мы такую дрянь не едим». Как можно всё это уложить в голове? Как разобраться? Мне вот невероятно трудно объять всю эту жизнь. При сём опять одно мое объемистое сочиненьице[II], которое, удивительное дело, очень хорошо распродается.

Надеюсь как можно скорее отослать тебе отпечатанные копии писем. За 12 дней я переписал набело в целом 143 страницы. Тут-то и начинаешь сдержанно относиться к литературе.

Примерно через неделю я ожидаю доставки купленного мною нового фургона.

Вот еще что: если ты полагаешь ценность своей работы весьма относительной, ты должен переписывать, исправлять, упоминать в обществе и, стало быть, вести себя ровно так, словно это – наиполнейшая исповедь западно-европейского (современного) человека в беде.

С любовью. Вытаскиваю себя из небольшой депрессии. Мы все мысленно с тобой.

Как дела у Л.[III] в WG[IV]?

Герард.

I De *Koninklijke Zangvereniging Mastreechter Staar (Королевское общество любителей пения «Звезда Маастрихта» (диал.).*

II «Четыре защитительные речи» (Vier Pleidooien). См. русский перевод в «Митином журнале» № 66, 2013.

III Жеф Ласт (Josephus Carel Franciscus (Jef) Last), (1898–1972) – писатель, придерживавшийся социалистических и коммунистических взглядов, поэт и журналист.

IV Wilhelmina Gasthuis, университетская больница в Амстердаме.

Венендал, 9 декабря 1971[I]

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за твое вчерашнее письмо. Вообще говоря, я всё время стою одной ногой в глубокой яме депрессии, грязная, ржавая вода которой почти достигает моих Сокровенных Частей. Запутанная, земноводная картина, но в настоящий момент мне очень трудно изъясняться. (Я «растерзан», по словам Теуна де Вриза[II]. Но уж лучше смерть, чем то, как это называет Теун де Вриз). Эти якобы бессмысленные прогулки на самом деле весьма пользительны. Иногда завожу мотор. (Опять ложная картина). Но от прогулок, и прежде всего дальних (а не через пять минут плестись назад, потому что стало накрапывать), есть какая-то польза.

Прилагаемый пакет – не для того, чтобы подразнить тебя. Не выкидывай его (пока). Это ты можешь сделать, я имею в виду оригинал, как только будет набрана первая копия. По мне, так ты можешь даже не просматривать ее. Но у тебя могут возникнуть возражения относительно определенных пассажей, и в таком случае я хотел бы знать, против каких. Я тогда их исключу и перепишу в том же объеме. Это мое ремесло. Я в первую очередь журналист, затем гомосексуалист, католик, наполовину еврей и только потом, наконец, писатель. Пара заслуженных похвальных слов твоему рассказу (в числе прочих, слышь) про уток, чаек и «читающего охотника»; и тому, что про «волшебный платок» (пиво дороже, делать покупки в другом месте, тибрить зажигалки). Всё в порядке, собрат!

В понедельник получил свой фургон. (Цвет – blanc paros). Мать честная, и нагнал же он на меня страху! А вдруг 10000 гульденов – в помойку, если я не смогу или не решусь водить его. Но получается здорово. Я предпочитаю ездить на нем и чувствую себя в нем в большей безопасности, нежели в обычном автомобиле. У него отсутствует зеркало заднего обзора, что над головой, поскольку в стенках позади водителя нет стекол (только небольшое оконце в кабине за спиной): управлять приходится при помощи двух боковых зеркалец. Сначала думаешь, господи Иисусе, как же ездить-то, а через пять минут ничего другого тебе не надо. Только указать

I См. письмо Кармиггелта от 28 ноября 1971 г.

II Theunis Uilke (Theun) de Vries (1907–2005) – нидерландский и фризский писатель, известный в основном своими историческими и социальными романами.

пальцем на педаль, и он срывается с места, сударь! Не было бы у вас перед дверью черти чего навалено, я бы рискнул заехать. Я уже исписал в фургоне несколько страниц. Теперь еще нужно туда напольную газовую печку, а то просто помереть можно от холода. Но я живу для своего искусства.

Кстати, об искусстве. Нет, против того, что ты пишешь о Марселе ван. Г.[I], я ничего возразить не могу. Заслуженная похвала. Чуть было не спросил, не мог бы ты в Амстердаме зайти в WG и в палате, где лежал Ж. Л., спросить у того молоденького негра, что с ним такое?[II] Не свихнулся ли я всерьез? Ты вот, увы, недостаточно чокнутый для таких вещей. (А то сказал бы, я, мол, г-н Кармиггелт с телевидения).

Спасибо за теплые слова о «Четырех защитительных речах». Они по-прежнему неплохо раскупаются. Я тебе писал, что «Язык любви» теперь заказывают под названием «Платная любовь»?[III]

Ты видел набоковский номер в «Соме»? Я его еще не до конца прочел. В любом случае, там есть восхитительный рассказ мастера, «Музыка» (1932), изначально написанный в Берлине по-немецки. Подобная (казалось бы, не требующая усилий) виртуозность кажется невероятной. Набоков всегда поднимает мой дух. Это единственный писатель, у которого отсутствие веры не является недостатком. Его проза передает всё, всецело, так сказать. Он не нуждается в религии, ритуалах, таинствах, религиозных символах и т. д., поскольку его произведения заключают в себе нечто всеобъемлющее, чуть не сказал – вечное. Рассказ «Музыка» мог бы быть написан и 29 лет спустя.

Однако разумно, что вы отказались от поездки в Израиль. Это, кроме всего прочего, адски трудный сюжет. Что еще можно сказать об иудеях интересного, занимательного и при этом не впадая в патетику? Чувствуешь себя членом «рабочей делегации 1931 г.» в Россию. Я бы, полагаю, не решился. Израиль можно лучше понять, сидя вечерами за бокалом вина и читая Исайю. Читаешь ли ты Писание? Хочешь, я подарю тебе великолепное и приятное глазу издание Нидерландского Библейского Общества? (Исправленный официальный перевод). Дети обожают читать вслух Бытие.

I Marcelis Jacobus van Gestel (1894–1982) – актер и писатель.

II См. письмо Кармиггелта от 28 ноября 1971.

III Игра слов: “De taal der liefde” – “Betaalde liefde”.

Всё это – лишь предварительные заметки. Настоящего письма не получается. Сегодня я с половины восьмого до половины третьего правил текст этого дурацкого письма, и вышло лучше, чем ожидалось. Славно в нем то, что оно производит впечатление глубоко интимных откровений, в то время как в нем нет ничего личного.

Через пару дней напишу еще. Открытку с подвешенной и дозревающей дичью я весьма ценю.

Сердечнейшие приветы от всех нас. Ваш

Герард.

P.S. Может быть, нам лучше отменить наш визит к вам 14 декабря?

Черт возьми, я забыл сказать: твое письмо, я имею в виду вчерашнее, – вновь блистательный перл. Точно!

Стег, 13 декабря 1971

Дорогие Тини и Симон,

Только что приехал на своем ситроене в Стег, чтобы фирма W. установила мне в фургоне напольную газовую печь. Сборщик подвез меня до гостиницы и вернется за мною в три. Сейчас сижу в столовой, с ледяными ногами, за длинным щелястым садовым столом. (Не вполне уверен, дóлжно мне тут сидеть или можно). Теперь мне придется ездить в автомобиле совершенно самостоятельно и, наконец, по большим четырехполосным скоростным дорогам. Тут в Стеге я проезжал мимо фирмы W., и мне пришлось – для того, чтобы поставить машину на парковке не то какого-то архитекторского бюро, не то «школы экспрессии словом и жестом» – свернуть на эту адову дорогу. И всё же ничего страшного. Нужно «оставаться спокойным». Всё ужасно нереально. Я – (крупный?) и весьма не от мира сего художник, и всё же должен быть практичным и справляться с вождением большого фургона, имеющего гораздо больший радиус поворота и весящего примерно раза в три больше, нежели обычный автомобиль. Сдавать назад –

чудовищно. Я не могу на это осмелиться, потому что никогда не знаешь, а вдруг за кузовом присел какой-нибудь карапуз или малыш заигрался с обручем или волчком. Но по твоему виду никто не скажет, что ты всего неделю за рулем, и никто не остановит, чтобы упечь тебя в кутузку или отобрать машину. Мне нужно очень тщательно следить за собой, чтобы не говорить всем и каждому: «Я так стараюсь»; или: « Я предпочитаю не гнать на большой скорости, потому что ужасно боюсь»; или: «Учтите, у меня с головой не в порядке, и права я получил всего полгода назад, можете проверить». Всё это очень странно, собрат мой по перу. Не было бы у меня машины, я бы хлебнул сейчас винца да и в койку. Посему, однако, очень хорошо, что у меня есть водительские права.

Мир – очень странная штука, собрат мой. Вот нынче утром получил я отпечатанное на машинке стихотворение короля поэтов А. Роланда Холста[I] – в целую страницу, под названием «Христос и Иисус» или «Иисус и Христос», забыл уже, потому что оставил письмо и стих дома. Он хочет предложить его «Де Гидс»[II] с посвящением мне[III]. В конце там с большим благоговением говорится о Матери Божией, стало быть, это хорошо. Хорошо ли само стихотворение, мне нужно еще раз взглянуть по возвращении в Венендал, хотя я не особо смыслю в литературе, честное слово. Всё это, мне кажется, дело случая. Роланд Холст постоянно мается вопросом, кто является большим поэтом, а кто нет. У меня-то имеется преимущество – поэзией я занимаюсь как любитель и официально поэтом не зовусь. То есть мне безразлично, значительный я поэт или незначительный. Но если ты – только поэт, или только рыболов, то, естественно, желаешь быть чемпионом.

Сейчас в красной столовой съел бифштекс из зайца. Г-н Кес только что «продрыхся», потому что у него дни напролет «раскалывалась голова». Тот писаный красавец, темноволосый бархатистый стройный юный официант, всё еще там. Влюблен ли г-н Кес безответно в юношу-официанта, или жена его в связи с ним? Кто тут хозяин: г-н Кес или тот, что помоложе, в костюмчике для сафари? Кто с кем? Кто бы предпочел с кем? В моих роскошных книгах это всё

I Adriaan Roland Holst (1888–1976) – нидерландский поэт.

II «De Gids» – старейший нидерландский журнал, посвященный вопросам культуры и литературы.

III Стихотворение «Christus en Jesus» действительно было напечатано в «De Gids», однако без посвящения Реве.

очень ясно, но в реальности я никогда в этом ничего не понимал.

Хотел бы я тебя приободрить. Завтра я именинник – 48. Вот совпадение, что тебе 58. Не знаешь, что об этом и думать. Так грустно, – все эти раздавленные животные на дорогах (ежи, во́роны, ручные галки, кролики, кошки). Они заставляют задуматься о себе, хотя у нас в автомобилях (и в автобусах) имеются ремни безопасности. Я хотел бы в своих сочинениях чаще упоминать Матерь Божию, которая в столь непостижимой мере помогает мне.

Готовиться к Смерти на практике значительно труднее, нежели в теории. Во всём существовании я вижу очень много противоречий. Для чего все куда-то рвутся и тяжко мучаются? (Славная фразочка для школьного дневника). Меня очень мало что может порадовать. Сейчас я поглощаю затейливую пищу из всяческих наставленных на столе остывающих мисок и прислушиваюсь к странным разговорам вокруг, неизменно касающимся того-то и того-то, кого однажды крепко осадили, но никогда не идентичного личности рассказчика. До чего же все эти купцы походят друг на друга! А если они не обладают этакой анонимной напыщенностью, но излучают нечто персональное – еще хуже: они лезут из кожи вон, чтобы выглядеть моложе, чем они есть на самом деле, пытаются сказать что-нибудь личное, называют телефон «динь-дилинь за углом» и заставляют трактирщика тяжко сопеть в нос.

Юного официанта зовут Мартин. Какое красивое имя, а? Почти такое же красивое, как Андре, я полагаю. Герард – тоже очень красивое имя.

Позавчера вечером, в субботу, читал лекцию в Снеке[I]. У меня не было на то особого желания, и посему я запросил 400 гульденов. И получил их. Театр Bzztôh[II] в Гааге хотел договориться со мной о выступлении 18 февраля. На это у меня тоже не было особого желания. Посему я запросил 750 гульденов. – «Хорошо, сударь». Так что и там повязан обещанием. Я бы мог роскошно жить с одних лекций. Неприятность в том, что я за много дней до выступления и день-другой после него бываю совершенно выбит из колеи. Надо бы мне их рядком выстроить: пять выступлений в неделю, в конце каждого месяца, ad[III] 800 гульденов (включительно) каждое.

I Sneek – город Фрисландии.

II Название театра происходит от звука, которое лезвие гильотины издает при падении на шею казнимого.

III С сегодняшнего дня *(лат.)*.

Брутто 4000 гульденов в месяц, стало быть. И, смотришь, за три месяца фургон выплачен.

Я предпочел бы счастье известности и хорошим деньгам. И всё же мне во многом везет. Без алкоголя мне определенно лучше, нежели с алкоголем, никаких сомнений. Мои депрессии быстро развеиваются: это яростные порывы, кратковременные приступы, и они более не разрушительны для моей работоспособности. Сейчас я стою перед выбором. Можно приняться за продолжение «Языка любви» («Платной любви»), или же написать сугубо реалистичную книгу о некоем «я», который влюблен в своего друга и посему в дождливый полдень заводит роман с его женой. Тебе не кажется, что это потрясающе трагично? Жена несчастна, друг несчастен, прелюбодей (будучи гомосексуалистом, понятное дело) тоже несчастен. Все, стало быть, несчастны! Чего же боле? Между тем, если я опять примусь за такую гомосексуалистскую юношехолмиковую книгу, есть шанс, что в ней один-два *персонажа* будут счастливы. Друг, то есть муж этой женщины, втайне влюблен в прелюбодея! То есть один хочет другого, но не знает, что другой хочет его! Разве не прекрасно? Прелюбодей и женщина – католики, муж – «никакой». Подумай над этим. Есть у тебя на примете идея, имя, домашнее животное, профессия, которые ты хотел бы увидеть в книге? Озаглавить я ее хочу – хотя, возможно, я уже писал об этом – «ПРИЗНАНИЯ МОЛОДОГО ПРЕЛЮБОДЕЯ».

Интересно, что я завтра получу в подарок к моему дню рождения? Извожусь по любому поводу. Только что испек лепешку – ну, такую, из заднего места, – что необычно, поскольку я страсть как ненавижу делать это вне дома, я имею в виду, где-либо, кроме как у себя дома.

Беспокоюсь по поводу счета – переплачу или недоплачу. Нужно ли иметь под рукой десятку, чтобы дать сборщику на чай, когда вскорости буду выписывать чек. Сейчас пойду расплачиваться.

С наисердечнейшими приветами от всех здешних, я полагаю. Я тут еще поинтересуюсь, нужны ли вам эти приветы.

Ваш

Герард.

Венендал, 16 декабря 1971

Дорогие Тини и Симон,

Нас приободрил и порадовал визит к вам, и мы надеемся, что вы тоже получили от него некоторое удовольствие.

С ужасом прочел я твое повествование об этой гребаной выходке «Гаагской Почты»[1]. Странные времена, собрат. Полагаю, что эта редакционная политика проистекает из злобы – ненависть ко всему, что что-то собой представляет – а также из отчаянного осознания того, что «пресса» утратила свое значение. Слава Богу, что пресса эта не имеет никакого влияния на книжный товарооборот. Ничего не остается, кроме как не читать более эту газетенку. Я этого не делаю вот уже года два, и чувствую себя превосходно.

Занимаюсь сразу многими вещами одновременно. Теперь снова принялся за книгу, у которой есть только начало:

Пустыня из стекла и бетона, именуемая большим городом. На этом каменно-стальном пустыре – многоквартирное здание в форме буквы U, в семь этажей, снаружи стальные винтовые лестницы по четырем углам, и трижды по семь проходов вдоль несчетных, однообразных и одноцветных красновато-коричневых дверей. Буква U лежит проемом на восток. Вдоль нижних этажей – широкая дорожка из каменных плит кругом лысой, вытоптанной под футбольное поле лужайки между тремя составляющими здание домами и выходом на улицу, где рекламная тумба и телефонная будка с изорванными, свисающими с полок телефонными справочниками. К балюстрадам проходов там и сям прикреплены гальванированного железа перекладины, на которых, высоко над покрытой моросью лужайкой, в легком декабрьском тумане еле-еле просыхает белье. Никто еще не знает, что там произойдет. Время… после полудня.

Который час сейчас в этом рассказе, собрат мой? Хотел бы я знать, тогда можно продолжать. Ты так много знаешь и столько испытал. Я же по большей части сидел дома и предавался раздумьям. Это тоже немаловажно.

Мне тут неоткуда прыгнуть вниз. На задах подо мной – крыша застекленной веранды. Впереди, самое большее четырьмя метрами ниже – мягкая садовая почва. Хорошо, что я живу не в том

---

1 Haagse Post, еженедельный журнал.

многоквартирном доме из рассказа. Не знавал ли ты такого Тринуса Флотхаюса, который работал, не приведи Бог, в «Гаагской Почте»? Да обрящет он упокоение под крылом Господним. Милый, приличный мальчик. Он в клинике забрался наверх, на 7-й этаж и с разбегу выпрыгнул сквозь стекло, навстречу Господу и свободе. Как знать.

Эй, вы там, выше головы!

Ваш

Герард.

Венендал, 19 декабря 1971

Дорогие Тини и Симон,

Чудовищная депрессия. «Не хочется больше жить», например. Теперь вопрос к тебе. У тебя тоже такое случается? Прилагаю фрагмент, чтобы поднять твой дух. Верни его мне по прочтении, пожалуйста. Я хочу вставить его последней главой в «Платную любовь». Что скажешь? Можешь переслать мне его обычной почтой, – у меня есть еще рукопись и отпечатанный экземпляр. То есть заказным письмом посылать не надо.

Ваша азалия немного подсохла. Сейчас почва постепенно пропитывается водой, слегка удобрена коровьим навозом, и азалия – на веранде, где представляет собой прелестное зрелище из гостиной – вступает в пору пышного цветения. Тигр с удовольствием ухаживает за ней, чтобы сохранить цветки. Это довольно хлопотно, однако на следующий год кустик станет вдвое выше, и цветков, если посчастливится, будет вдвое больше. Мелочи, вносящие в существование краски и смысл.

Моя работа застопорилась – не могу выбрать между двумя формами и двумя книгами. Продолжать ли этот пиздеж о Фонсике и Мышонке – подвергнуть наказанию черного Фрэнки, отшлифовать рассказ о «Летучем Голландце», etc. etc. – или взяться за ту книгу, начало которой я тебе прислал? Закончить текущее – это, разумеется, самый дельный вид мастерства и поведения. Дай мне совет.

Еще только перетерпеть Рождество и Новый год, парень. Праздник солнцеворота, возвращение Света. Вчера исповедовался. У священника опять текла сопля из левой (с моей стороны – из правой) ноздри. В ней торчат густые загнутые черные волосы, в которых такие штуки застревают. Сие не имеет ничего общего с верой, поскольку это очень хорошо. Священник к тому же поведал мне, совершенно безвозмездно: «Собственно говоря, взгляд на коммунизм в сущности то же самое, что и на Католическую церковь», и т. д. Я больше к этому не прислушиваюсь. Исповедался, как я уже сказал, получил отпущение и с тех пор больше не грешил. Правда, имелись игривые мысли и побуждения. Твое письмо весьма бы мне помогло. Я, конечно, прекрасно понимаю, каких трудов оно будет тебе стоить, но у меня есть смутная, робкая надежда, что писание его тебя тоже взбодрит.

Жили бы мы поближе друг к другу. Не для того, чтобы докучать друг другу, но чтобы почаще видеться. Отправляю письмо. В двенадцать – сейчас одиннадцать – забираю со станции мою прежнюю хозяюшку Х. М., которая будет праздновать здесь свой день рождения. Опять буду скакать-плясать. Смейся, паяц. Чисто вечер танцев, жизнь. Ну да ладно, я пока не сдался. Я продолжаю.

С любовью от всех нас.

Ваш

Герард.

Верт, 21 декабря 1971

Дорогие Тини и Симон,

Надеюсь, вы не сердиты на меня за то, что я так часто пишу вам. Попробую кое-что объяснить. Очень плохо спал в Венендале в субботу, поскольку волновался из-за приезда к нам поэтессы Х. М. в воскресенье, в день ее рождения. У нас с ней имеются огромные расхождения во мнениях по части политики, религии и Искусства. (Искусство не имеет ничего общего с культурой или «культурной политикой». Искусство – божественно, в сущности, это нечто вроде

религии и, стало быть, аморально[1]). Общественное искусство почти немыслимо. В искусстве нет никакого проку. Из-за искусства мировое Зло может восторжествовать и вступить в силу – да, я так думаю. Но я ничего об этом не знаю).

Я вечно толкую о старости и болезнях, но я ведь уже стар и болен. И в ночь с воскресенья тоже проспал лишь несколько часов. Вчера в середине дня приехал сюда, на Х. фабрику, где разбирались с проблемой изоляции моего чудо-фургона. Мы с этим справимся.

Сегодня здесь, в гараже, машина пройдет техническое обслуживание на первую 1000 километров пробега. Прошлую ночь лежал без сна до половины третьего. Я принимаю снотворного не больше, чем предписано, иначе это конец. Что я хотел объяснить? Вот оно, хотел бы я знать точно. Утром, забывшись около половины третьего, проснулся в половине седьмого. Внизу разгружали громадный грузовик – раза в два длиннее, нежели высота вашей квартиры. (Эта квартира – в современном многоквартирном доме на Ньиве Маркт, над крупными магазинами. Квартира трехэтажная – второй, третий и четвертый этажи, на каждом по три комнаты. Удивительно тихо для центра города. Я сплю на самом верху). Подобно старинному фотографу прикрыв башку накидкой – имеется в виду моя артистическая грива – выглянул наружу. Разгружали двое юношей, но видны они были почти исключительно в горизонтальной проекции, их макушки и порой лишь выпуклости спин и попок. Из-за наклонов и поднятий тяжестей их рубашки – клетчатая и одноцветная – выбились сзади из штанов. Оценить их было весьма непросто. Один, судя по его движениям и по изгибу шейки, порой казался довольно милым и одиноким, но с моего наблюдательного пункта это было не совсем очевидно. Помог бы лишь удачный прыжок вниз. (На задах дома имеются, однако, двухэтажные сараи, так что прыжок туда обеспечил бы тебе хромоту и инвалидную коляску на всю жизнь. Но с фасада, то есть со стороны, выходящей на Рынок, это вполне можно было бы сделать).

Меня не оставляет чувство неслыханного несовершенства. Знакомо ли оно тебе, собрат по перу? Я чего только не написал, но того, что должен был написать – не сделал. Это нечто, что настойчивейше требует быть написанным, и ночами стучится и колотится в двери, зовет меня по имени, но открываешь, а там никого. Еще одна вещь, которую я должен сказать напоследок,

---

1 *И религия, и искусство в равной степени чушь собачья*. (прим. Реве).

но не смею. Когда-нибудь я напишу ее, в свое время, если оно будет мне отведено.

Послезавтра, в четверг, я надеюсь вернуться в Венендал. Завтра в полдень мы с Хюсом ван Б., моим здешним хозяином дома (дарителем статуэтки Пресвятой Девы Лурдской, «размер ноги 38») покатаемся по бельгийскому Кемпену. Я нахожусь в несколько встревоженном междуцарствии.

Любопытно, как тебе понравится глава «Жить, чтобы охотиться». На днях я должен серьезно определиться с работой, иначе свихнусь.

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 5 января 1972

Дорогие Тини и Симон,

Сегодня в полдень я вернулся сюда на своем фургоне, перевел дух, взял ванну и теперь жарю дикого кролика, что требует значительной концентрации. Нас больше не жарят, какими бы дикими мы ни были, а отправляют в помойку. «Весна прошла, и лето тоже. И что с того?» (Каталанская песенка?) Было бы начало хорошее. Крепко подумал над твоим письмом от 27-го, если не ошибаюсь. Да будет тебе известно, что здесь тоже постоянный шум, как и в том описанном тобой многоэтажном здании на Бейлмермеер. Здесь тоже откачивают и накачивают грязный воздух, но не в квартиры и не из них. Представь себе примерно следующее. Под этими квартирами и за ними находится крупный магазин с конторскими зданиями, и магазин этот большим хоботом выдыхает и всасывает жизненные газы с гравиевой крыши. Шум непрерывный, но доносится как бы издалека, так что можно к нему привыкнуть. Ощущение примерно такое, как если бы ты путешествовал на огромном корабле в самой дорогой, самой удаленной от пыхтящих машин, самой роскошной каюте. Те, кто путешествует дешевым способом, терпят более серьезные неприятности.

На днях начальник отдела продукции и начальник технической службы огромной фабрики Х., где мой хозяин (даритель статуэтки Пресвятой Девы Лурдской, «размер ноги 38») служит начальником отдела кадров, собираются обшивать изнутри мой фургон. Для них это хобби, они занимаются им по вечерам и, если понадобится, будут работать также и днем в ближайшую субботу. А я тем временем сижу тут, на верхнем этаже сего трехэтажного здания и вполне доволен. Квартиры тут шикарные, надо полагать. Сначала звонишь в общую дверь, потом переговариваешься по хренофону. Если дверь открывается (при помощи электричества), попадаешь на лестничную площадку. Оттуда свободно проходишь по галерее мимо других квартир, но у этой – своя собственная галерея, с лестничной площадки через отдельную запирающуюся дверь. И только тогда доходишь до собственно двери в квартиру. Так что немыслимо, чтобы кто-нибудь внезапно постучал тебе в дверное окошко; другим он может заговорить зубы через хренофон, чтобы проникнуть на лестничную площадку. Весь мировой бардак – например, торговля огромными корзинами баснословно дешевых (7 кило за гульден), но совершенно безвкусных фруктов происходит под моим носом. А я ведь сижу на верхнем, третьем этаже этого дома. Даже если кто-то пролезет внутрь, ему придется сперва протащиться по первому и второму этажам.

Одну из квартир прямо подо мой хозяин отдал под устройство кафе: с баром, высокими табуретками, рекламой пива, приглушенным светом, разноцветными бутылками, кожаными игральными стаканчиками и костяшками. Это очень, очень убедительно и абсолютно неартистично. Я иногда захожу туда на часок поработать. В лояльности есть нечто захватывающее дух.

Понимаю твое возмущение из-за той дамы, которая щелкала фотоаппаратом на похоронах Боманса[1], но не разделяю его. Ей было необходимо снимать: это ее хлеб. Она не могла «заглянуть в другой раз». Это для книги с цветными иллюстрациями, против издания которой наследники будут бороться до последнего, покуда звон кассового аппарата в конце концов не перевесит все остальные аргументы. Хочешь настоящих похорон – такого не избежать. Это пусть вон Тигр и Мышонок вопят хриплыми, сорванными голосами: «Мошенники! Мошенники!» Деловые ребята не должны дать сбить себя с толку такими вещами.

---

1 См. письмо Кармиггелта от 27 декабря 1971 г.

Да, он был так же стар, как и ты, собрат, или так же еще молод, это как тебе больше нравится. Но он – уже, а ты (еще) нет. Теперь ты пишешь о нем чувствительную вещицу для «Пароля», а он однажды написал о тебе чувствительную вещицу в «Народной газете». Так на это и смотри. Ты не должен сердиться или печалиться оттого, что он умер, а ты нет. Могло бы выйти и наоборот. Жизнь продолжается. Как долго будут обсуждать мою смерть? Не дольше, чем кто-то, кто только что погадил и на секунду должен постоять на месте, чтобы полностью оправиться от этого прекрасного послечувствия и, в стеснении, уйти.

– Неа, этот Ревен, он тоже умер. (Читает)… почти (х) лет назад. Так…

– Кто?

– Да писатель этот, Ревен.

– А, Ревес, та хрень про осла?

– Да, тот самый. Вообще-то и не такой старый был.

– Неа. А что он, собственно, написал-то?

– Почем я знаю. Книжки.

– Какие книжки?

– Да я-то почем знаю? Ну, он вечно в газетах, и по теле-еле. Он еще в церкви какого-то министра[1] поцеловал; и еще одна женщина в магазине его стукнула, ой нет, это он эту женщину стукнул, так нельзя, зачем это нужно? Но, стало быть, умер он.

– Все там будем.

– Это точно.

Выше голову, собрат. Здесь неподалеку, на углу, – церковь, которой лет пятьсот, всегда открыта, с прелестной ракой Марии. Матерь Божия лежит за стеклом, окруженная неоновыми трубками. В предыдущий раз, будучи в Верте, я зашел туда, купил свечу и пробормотал: «Ну, сударушка, подождем еще», и т. д. и т. д., на что ответом мне было: «У-у… у-у… у-у… у-у…», потому что левая люминисцентная трубка умирала, и оттого гудела. Мария с глушителем и всем таким прочим, стало быть. Если Господь того пожелает и мы будем живы, я отправлюсь на машине накануне дня Вознесения

1 Реве поцеловал министра Маргу Кломпе (1919–1986), вручавшую ему в 1969 г. премию П. С. Хофта. Это было неслыханной по тем временам вольностью. Впрочем, Кломпе не сочла поцелуй оскорбительным.

в мои Укромные Владения в В<еск>[1], а оттуда – в Лурд, вместе с моим хозяином Хюсом ван Б., – он пламенный приверженец Девы и большой знаток Лурда. Это километров 600 от Веска, и туда несложно добраться из Франции. Поместье лежит у подножья Пиренеев. Согласно данному мною обещанию я должен съездить в Лурд еще в этом году. Пока что я смог соблюсти клятву, 4 раза побывав в Кевеларе; мой обет соорудить раку для Нее я еще в этом году целиком исполнил; великолепный кирпичный алтарь в саду, рядом с новым (пластиковым) прудиком, со статуей в нем и отверстием для хозяйственной свечи из синего пакета. Теперь отправляю письмо.

С любовью. Думаю, что пробуду здесь до начала следующей недели.

Ваш

Герард Реве.

Верт, 13 января 1972

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за твое письмо от, кажется, 10-го, – у меня нет его под рукой. Я на несколько дней возвращался в Венендал, не на машине, и со вчерашнего утра вновь нахожусь в Верте, где сегодня предполагается закончить изолирующую обшивку моего фургона. Я бы хотел заехать к вам в следующий раз, когда вы будете в Стеге, и выпить с вами в фургоне чаю, который вы закажете в гостинице за мой счет. Под открытым небом и всё-таки в четырех стенах. (В автомобилях и поездах, кстати, всегда хорошая погода).

Вчера утром, приехав сюда с боем часов, в 11, я сразу же приступил к работе и завершил черновик моей второй новой книги. Глава, которую ты видел под названием «Знакомства» и т. д. и которая начинается словами: «Я молчал» (Иохан Б. В., по его словам, еще ни разу не видел в Западной Европе такого прекрасного начала) – станет первой в книге под названием «Вся жизнь». Глава, закон-

1 Участок с разрушенным фундаментом дома в местечке Vesc во Франции, купленный Реве в 1969 г.

ченная мною вчера, будет называться «Жить, чтобы охотиться»[I], что, кроме того, mutatis mutandis[II], будет заглавием книги (как 2-ая глава «Языка любви», имеющая то же название).

Закончив эту новую главу, я провалился в тоскливую пустоту ничегонеделания, чем вы и обязаны сему письму. В предыдущем письме я хотел сказать: «всего две недели до его 57-летия», но довлеющий надо мной суеверный страх удержал меня, и я пустился в разглагольствования. Не думаю, что, написав это, я к упомянутой дате закажу и призову собственную смерть. Умирание у нас в крови, это да, в том смысле, что мы умираем потому, что желаем этого, но нужно оставить что-то на волю Божью – я имею в виду, когда, где и как. (Несколько дней назад я сказал одному страдальцу гриппом: «Ты поправишься или не поправишься. И то и другое хорошо».) Я не в ударе, что касается этого письма, но по крайней мере хоть пишу.

Вчера в поезде из Венендала через Утрехт и Эйндховен в Верт я слышал много разговоров. В большинстве случаев я занимаю откидной стул в тамбуре[III]. Если надоедает слушать трепотню, или утомили ребятишки, то и дело наступающие тебе на ноги маленькими лакированными башмачками, там пересесть проще, нежели в купе, где ты втиснут в свое место. Напротив меня сидела женщина, которая определенно была хорошо знакома с другой женщиной, читавшей «Авеню»[IV]. Внезапно она сказала мне: «Вы страшно похожи на Герарда Реве, а?» – «Да». – «Но вы же не он, а?» – «Э-э, он самый». – «Вы – Герард Реве?» – «Так точно, сударыня!» – «В самом деле?» (Шутливый смех). – «Ну да, *кто-то* же должен им быть?» – «А, тогда мне будет что рассказать дома». После чего дама извлекла из сумки старое меню в рождественских красках, где на развороте имелась неразборчивая подпись некоего Тео (?) Взвдф-гмммммм или БвдллтзиииииииВв или ндододорррХбру, оказавшаяся именем знаменитого пианиста, выступавшего в Гронингене. Я с ним,

---

I Глава «Вся жизнь» была опубликована в журнале «Сома» в мае 1972. Она действительно являлась первой главой новой книги Реве, названной «Милые мальчики». Вторая глава в конечном итоге была названа не «Жить, чтобы охотиться», а «Собственно жизнь».

II Букв.: Изменив то, что требует изменения; с оговорками *(лат.)*.

III В западных поездах – широкое пространство для пассажиров и багажа между двумя вагонами, где находятся туалет и откидные стулья.

IV Популярный глянцевый журнал, существовавший с 1965 по 1995 гг.

«разумеется, знаком?» Может, *ты* его знаешь? Она никак не могла припомнить его фамилию. Я тоже. Разумеется, пианисты в Гронингене не каждый день выступают, хотя и довольно часто. Я без обиняков предложил расписаться на меню, присовокупив сверху: «В поезде, 12 января 1972». После этого мы сидели друг напротив друга до самого Ден Боса. Дама сказала: «Я вас узнала. Пианиста этого я бы так просто в поезде не узнала». Я переживаю из-за такого сорта разговоров, собрат. Она говорила на полном серьезе, и, возможно, так оно и было, но почему? Ее еще молодое, румяное, но в то же время уже лишенное возраста лицо было безотрывно повернуто ко мне. Тогда я сказал: «Я не часто езжу поездом. В основном путешествую на своей машине». Мало что изменилось бы, скажи я: «Большом, новом белом фургоне». В любом случае у нее не возникло причины думать, что я ежедневно езжу поездом на поклон хозяину и обратно; что у меня нет водительских прав; и машины нет и т. д. В сущности, я хотел сказать: «Я, конечно, гомосексуалист, но шофер отличный. Если бы вы видели меня на этом высоком водительском сиденье, вы бы ни за что не поверили, что я гомосексуалист, такое у меня сильное, мужественное лицо. Парни и девчонки засматриваются на меня, когда я проезжаю мимо, и бросают мне на радиатор цветущие маргаритки и восторженно вопят, издавая юными голосами разнообразнейший набор звуков, и кричат: «Ни разу еще мы не видали такого водительского мастерства, как вот сейчас», и т. д. Но в большинстве случаев говоришь не то, что хотел бы сказать. Я тоже часто пишу не то, что хотелось бы. В начале моей новой книги стоит: «Посвящается М»; но я бы хотел написать: «Марии, Преславной и Благословенной Деве, что знает всё и всё понимает, нашей Соизбавительнице, Матери Божией и, стало быть, всех нас». Это гораздо короче, чем первое. Не знаю, много ли она читает: если да, то должна обратить внимание на *understatement*[I]. Но, путешествуя поездом, вторым классом, ты являешься в некотором смысле бракованным. Такой поезд могут спокойно отправить на скотобойню. Тогда вечером будет пара-другая звонков в полицию или в ПТТ[II] (где, мол, находится такой-то или такой-то? но не более того.)

В тамбур вошли мужчина и женщина лет примерно шестидесяти пяти. Там было два свободных места, однако наиболее удален-

I Недосказанность, преуменьшение *(англ.)*.

II Почта, Телеграф, Телефон.

ных друг от друга по диагонали. Выпив по стаканчику кофе, эти люди стали перекрикиваться друг с другом.

Женщина: – Невкусный!

Мужчина: – А?

Женщина: – Кофе этот. Невкусный.

Мужчина: – Нет…

Женщина: – Горький!

Мужчина: – Да…

Женщина: – Крепкий!

Мужчина: – Да.

Женщина: – Очень крепкий. (После паузы) – Моя шапочка от дождя!

На ней была эта неизменная шерстяная кольчуга с большим гномским капюшоном, но поверх него или где-то в сумочке надлежало отыскаться шапочке от дождя. Они пришли из другого вагона. Женщина поспешила туда и спустя длительное время вернулась с серой, сложенной по диагонали в кулечек клеенкой цвета кукольной мочи, какие продаются в крупных универсамах. «Трудно, а, в таком вот поезде? То и дело туда-сюда». Я подумал: «Уж ты-то об этом понятие имеешь».

Разумеется, я опять обо всём позабыл. Йохан Б. В. Полак хочет выпустить «Язык любви» до начала Недели Книги, то есть до 23-го февраля. Мне с трудом верится, что это у него выйдет, поскольку я не видел еще ни обложки, ни сигнального экземпляра. Относительно фотографии: мы хотим поместить ее только на проспект, а *не* на саму книгу. Последнее было бы ошибкой, поскольку неизбежно возложит на тебя часть ответственности за содержание, а это неправильно. К тому же в проспекте фотография должна сопровождаться соответствующей подписью, как ты это сформулировал, или чем-то в этом роде. Выше голову, эй! Лето не за горами!

С любовью, ваш

Герард.

Венендал, 25 февраля 1972

Дорогие Тини и Симон,

Через день после моего возвращения из Гааги я жестоко простудился и приболел гриппом, который не отступает, но и не слишком прогрессирует. (Температура моя едва за 38°). Это – недостаток слишком крепкого здоровья и чересчур большой сопротивляемости организма. Однако я продолжаю работать, только днем ложусь на пару часов в постель, чтобы вслух попричитать. По вечерам перед сном Тигр уставляет медикаментами целый поднос: всяческие таблетки с желобками и без, немного имбиря в овальной мисочке, кружка секретного чаю и стаканчик рома.

Книга продвигается очень хорошо. Книготорговцы немного осерчали, что не заказали побольше и теперь сидят ни с чем. Книга сшита, по всей вероятности, *слишком* дешево: книжный магазин не доверяет такой заниженной цене, и покупатель тоже немного удивлен и недоверчив.

Вчера в лесу, в фургоне, я закончил третью главу новой книги. Я был глубоко тронут, прочертив под текстом журналистскую горизонтальную линию. Я подумал: «Господь владыка, не я. Слава Богу». Это вопрос темперамента. Можно отлично представить себе собрата по перу, который желает расценивать свою удавшуюся работу именно как что-то личное, отвоеванное у вышестоящего. Если я пишу хорошо – это пишет Господь. Если плохо – это пишу я сам. (Где Господь выучился так хорошо писать? Где-нибудь в газете, я думаю, будучи молодым неизвестным журналистом, подобно царю Петру, который в своем домике в Зандаме[1] строил лодки).

«Почка имеет форму почки», вспомнилось мне из некоего британского медицинского руководства по анатомии. А еще я припомнил заметку из газеты 24-летней давности, в которой упоминалось присвоение ученой степени автору диссертации под названием: «Нарушения слуха у японской танцующей мыши». Я записываю это, пока оно не забылось навсегда.

В упомянутой третьей главе я покуда не добрался до сына Вольфганга, который тешит свое желание с той похотливой,

---

1 Флигель дома (Домик Царя Петра в Зандаме в Северной Голландии), где Петр I жил инкогнито с 18 по 25 августа 1697 г., принадлежал помощнику кузнеца Герриту Кисту.

наглой девкой в тесном кожаном корсетике, преподавательницей из Римско-Католической школы домоводства; я дошел всего лишь до рассказа об отце Вольфганга, молодом немецком красавце-эсесовце, обесчестившем меня в лесу и сделавшем меня своей военной невестой. У меня от этого захватывает дух так же, как захватывало у Гюстава Флобера при описании любовных сцен в «Госпоже Бовари». В Верте я всякий раз, чтобы немного остыть, захожу в большую церковь Св. Мартина и ставлю свечу М. На гомофилию Она смотрит весьма сердечно и доброжелательно, хотя и считает, что пока еще неудобно признать это открыто, явившись видением или призраком. Это еще произойдет, я думаю. Она ведь бесконечно велика и мила, наша Мать.

Однако не очень обращай внимания на то, что я вам пишу. Послушай: либо я скоро умру, либо напишу еще много книг. Ты тоже: либо скоро умрешь, либо напишешь еще много книг. Так мне представляется. Среднего не дано – я имею в виду: умереть через пару лет и более ничего не написать. (Такого мне не представляется).

Что оставит мне Господь на потом? Ты уже для себя что-нибудь выбрал? Что скажешь, собрат?

Побывал ли ты уже в «Попугае», как я в некоторой степени поручил тебе в своем письме от дня Поминовения? Те, кто прочтут его[I], невольно спросят тебя: «Вы уже там побывали?» Ты всё же должен разок туда сходить. Ты просто напишешь в своем аналитическом газетном фельетоне, что это было нужно из-за той страницы моей в высшей степени смелой, согласно «Алгемен Дагблад»[II] (позавчерашней) «не боящейся ни единой детали» человеческой книге. Возымеешь ты желание действительно пойти туда, попробуй разузнать, откуда идет этот ритмичный шум за алтарем – я имею в виду, что они там делают в соседнем здании. Меня этот шум наводит на мысль о типографии.

Больше сообщать не о чем. Прежде всего, не напишешь ли ты мне комментарий к этой книге? Вкратце, в крайнем случае на открытке.

С любовью от нас всех.

Ваш

Герард.

I На момент написания этого письма (25 февраля 1972) упомянутое письмо (датированное днем Поминовения 1971) было уже напечатано в «Языке любви».

II Algemeen Dagblad (Общая газета)– национальная ежедневная газета.

Венендал, 18 марта 1972

Дорогие Тини и Симон,

152 Надеюсь, что вы не сердитесь за то, что я так долго вам не писал. Возможно, в такую приятную погоду вы чувствуете себя лучше. Меня же она всегда взвинчивает и тревожит. Я серьезно работал, но иногда по два-три дня сидел в ступоре и не мог писать. От этого я обычно впадаю в тяжкую депрессию. На сегодняшний день у меня готовы 2/3 четвертой главы (возможно, она будет называться «Всё для имени»). Но как только книга будет закончена, меня снова охватят печаль, опустошение, отчаяние, и Господь оставит меня.

Я в некотором в замешательстве из-за вашей реакции на третью главу «Живи и дай жить другим», в которой фигурирует Вольфганг-старший. С Мальчиками я по этому поводу слегка повздорил. В конце концов я отдал главу на прочтение Йохану Б. В. Полаку, который в совершенном восторге и находит ее «самым прекрасным из того, что ты когда-либо написал». Это многим заткнет глотку, но для многих станет глотком воздуха. Хорошая глава, и я опубликую ее, пусть хотя бы и через два года.

Я должен написать вам кучу всего. Приходится выбирать. Но с начала начинать письмо не буду. Если я стану – в погоне за изящным стилем – всё сортировать и выстраивать по порядку, то никакого письма в это чрезвычайно солнечное и невероятно хмурое субботнее утро не получится. («Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру»)[1]. Ты хоть знаешь, откуда это? Да, из некоей изумительно прекрасной книги, но откуда именно? Хочешь, я подарю тебе Библию, написанную Господом, но никогда не подвергавшуюся должной корректуре, временами великолепную, но порой также весьма запутанную, примерно как «По дороге к концу»? Ницше пишет: «Когда Бог захотел стать писателем, он начал изучать греческий. Жаль, что он так плохо учился». Библейское Сообщество выпускает очень красивое карманное издание,

1 Лука, 24:29.

основанное на непревзойденном доселе Государственном переводе[1]. Главы представлены в виде квадратов, я имею в виду, что страницы поделены на две колонки, но читается это не просто вниз-вверх, а одна глава состоит из двух равных по длине расположенных рядом сегментов, для наглядности. Надеюсь, я внятно излагаю. Издание это недорогое, и я с радостью подарю его тебе. Это – Искусство, парень: Бытие, Исход, Иов, Иезекииль, Исайя. По сравнению с этим то, что ты и я пишем – лишь занудство. Я часто замечаю, что ты совершенно не знаешь Библии, и это нехорошо. Всё это так невероятно и волшебно прекрасно, Сотворение и Сад с Древом. Знаешь ли ты, что было еще одно дерево, кроме Древа Познания? Было еще Древо Жизни. Изгоняя людей из рая, Господь тяжко вздыхал: «Не хватало еще, чтобы они вкусили от Древа Жизни и сделались бессмертны, подобно Нам!» Попробовали бы они еще набить глотки листьями, о которых позже говорится в Откровениях и которые зовутся «употребляемыми на врачевание народов». Человек восстал, но, как всегда, вместе с тем страстно стремится к надежному смирению, еще до того, как началось истинное единоборство. Сделался ли бы Господь смертен, отведай мы от плодов Второго Древа? Я бы за него огорчился.

Вчера я, несмотря ни на что, работал. Еще пару недель назад я в отчаянии молил Ее о пятидесяти страницах и вот вчера посулил ей целую книгу: «О, что подумаешь Ты, Владычица? Я не могу – один не могу. Ничего, совершенно ничего не получится, если Ты не поможешь мне. Я бы хотел Тебе кое-что предложить. Вся эта книга будет – для Тебя, посвящена Тебе, целиком. На первой странице я поставлю имя Твоё, без сокращений, полностью. Полностью напишу Я имя Твоё. И никаких там: *«Для»* или *«В честь»*, нет, я напишу: *«Эта книга посвящается»* – и затем Твоё имя, которое есть Ты: в этом нет более никаких сомнений, по крайней мере по отношению к Тебе. Я скажу… Всё, что в этой книге окажется удачного, я припишу Тебе… а всё, что не удастся – себе. Воистину так». Человек жаждет чего-то, но, достигнув желаемого, перестает его ценить. Однако я продолжаю работать. В процессе я совершаю важные культурные открытия. Полагаю, что речь идет о 7-ми, самое большее 8-ми ключевых словах не страницу. Некто стоит у *окна* (1) и думает: «Будет ли тот-то и тот-то *любить* меня (2)? Я *люблю* (2а)

---

1 Первый официальный перевод (1639) Библии на нидерландский язык с иврита, арамейского и греческого языков.

его, разве не так? И если он тоже *любит* кого-то (2b), сможет ли он *любить* и меня (2c), так же или как-то иначе? Должен ли я *жить* (3) для него, *служу* (4) ли я для того, чтобы он *служил* (4a) кому-то или чему-то? Должен ли он знать, что я *желаю* (6) такого-то и такого-то, вовсе не *любя* (2d) его? Сможем ли мы *узнать* (5a) это друг от друга и обретем ли *мир* (7)? Собирается *(мелкий) дождик* (8). Никакой разницы, падает ли дождь по диагонали слева направо или справа налево, я имею в виду струйки, и слышишь ли ты шум дождя или нет, или он падает только на подоконник или стучит в *окно* (1a).

Я написал пассаж, в котором Фонсик собирается выходить из автомобиля, но всё еще сидит в открытой кроваво-красной спортивной машине, подобной «кроваво-красной, бархатистой чашечке лотоса, лона, его породившего, в белоснежной, неслыханной непорочности своего тонкого белого бумазейного свитерка над грешными, дивно прекрасными, черными, как ночь, бархатными юношескими брюками, скрывающими его порочные и всё же по изначальной сути своей невинные бёдра и юношескую промежность: безгрешность/грех из греха/безгрешности, Свет из тьмы багряной, которая, в сущности, сама есть свет...» И т. д. и т. д. Я бесконечно менял «безгрешность от греха» на «грех от невинности» и наоборот. В конце концов, остановился на «безгрешности от греха», поскольку это более-менее так, хотя и то и другое – правда, так же как и факультативное направление дождя. Дождь всё же идет, – у меня, в моей мощной книге, если кто-то подходит к окну (это он еще может попытаться сделать). Вина (Грехопадение) из Безгреховности (Рай), это правда, но Безгреховность (Спасение) из Вины (Грех) – это тоже правда. Вроде как с кофе. Что ты пьешь? Кофе с молоком или молоко с кофе? И то и другое. Нужно только хорошенько размешать. Разумеется, если не пьешь его черным, как я.

Однако не стану ломать голову. Славная вещица у тебя получилась насчет боевой песни «Интернационал». Давно уже не столь яркая и беспощадная, но ведь ты же – «Весы». Ты снова входишь в форму. Сейчас весна. Всё распускается. Галдеж работяжских игрушек (автомобили и портативные радиоприемники) уже разгулялся вовсю. Тутошние соседи свободны с вечера пятницы до утра понедельника, и выражают свое сугубое этим недовольство столь яростно хлопая дверьми, что даже в садовом сарайчике всякий раз подскакиваешь от неожиданности на стуле или кровати, и так

до глубокой ночи. «Если *я* проснулся, *ты* не должен спать», – девиз Золотого Рабочего.

В Верте мы приступили к составлению сметы расходов по дальнейшему оборудованию моего фургона. (Кухонный стол и мойка в миниатюре, плитка и два шкафчика). Остается 1.20 м. свободного пространства, чтобы двое могли свободно разместиться на полу: и там, и в кабине уже ничего не требуется из мебели. Один шкафчик можно переоборудовать в откидной стол. Теперь мне нужно найти способ предохранения кузова от порчи. Шасси покрыты антикоррозийным составом и обработаны МЛ-ом[1]. Фред Т. из Верта говорит, что если я стану каждый год хорошенько обрабатывать шасси МЛ-ом, то смогу проездить на этом автомобиле лет 15, в крайнем случае заменив мотор. Я всё еще не нарадуюсь этому новому автомобилю, в котором чувствую себя очень спокойно. Надо бы разок заехать к вам в гостиницу в С. и показать его.

Как дела у Тини с ее ревматическими головными болями (потому что это именно ревматизм, я полагаю)? Солнечный свет при подобных заболеваниях всегда в высшей степени целителен. Эти недомогания (простуда, бронхит, запоры, ревматизм) прямо или косвенно связаны с Соками, которые, в свою очередь, зависят от Телосложения. Всё течет и пульсирует лучше. Солнце способствует усвоению кожей витаминов C, D и E.

С любовью от нас четверых,

Ваш

Герард.

P.S. В саду взошли все ваши гиацинты.

---

1 ML-inside, антикоррозийное средство.

Венендал, 28 марта 1972

Дорогие Тини и Симон,

156 Спешу сообщить вам, что вчера вечером прочел «Грех»[I], о человеке, встающем спозаранку, и нашел, что это просто великолепно. Я даже хотел позвонить вам сразу, но этот наипростейший путь не всегда уместен, поскольку могло оказаться, что вы принимаете гостей или смотрите какую-нибудь чрезвычайно увлекательную телепередачу. Я очень рад, что моя теория оказалась верной: твои рассказы не нуждаются в острой концовке в смысле настоящей интриги. Заключительный посыл, кроме того, есть Общая Жизненная Мудрость: когда становишься старше, день твой делается длиннее. Твоя вещица о леснике, где дело определенно происходит в Стеге, тоже весьма хороша; ± : «Я умру, а всё будет идти своим чередом». Также нет мысли, которая *причинно* вытекает из вышесказанного, но всегда присутствует, и в конце концов ритм и прибой выносят ее на свет. Так и должно быть. Я тебе разрешаю писать обо всем, но если ты имеешь на примете пожилого мужчину или женщину (заметь, что женщина лучше справляется с трудностями, более жизнелюбива нежели мужчина, и далеко не столь отчаянно тревожится о Смерти), больных и одиноких, тогда не сомневайся. Этот предмет всегда меток и волнующ, потому что всякий, кто не умирает молодым, стареет, правда же? Возможно, мы вообще не существуем. Но это в сторону. Выше голову, собрат!

Не правда ли, бодрое письмо, нет, от собрата по перу Аба Виссера[II]? А ты впал в уныние, а отчего? Здоровье – наибольшая драгоценность. Вчера мы с Хюсом ван Б. (дарителем статуэтки Пресвятой Девы Лурдской «размер ноги 38») и Антуаном Б.[III] ездили из Верта в Кевелар. Как только мы собрались отъезжать, Хюс сказал: «Сегодня Благовещение. Надо прихватить цветы». Мы купили

I Рассказ Кармиггелта.

II Albert (Ab) Visser (1913–1982) – писатель и критик.

III Antoine Bodar (1944) – католический священник, доктор истории, теологии и философии, историк искусства. Работал в различных радиопрограммах.

на рынке прелестную африканскую фиалку в горшочке. Хюс, будучи одного года от роду, был спасен Пречистой Девой, и с тех пор до семи лет его одевали только в синее и белое[I].

4-е издание должно выйти сегодня[II]. 5-е по заказу уже распродано. И я – номер 1 в списке продаж. Фудрейн[III] – номер 5, книга о психах и нервнобольных, с какой стати ей проходить первым номером несколько месяцев подряд? Наконец-то список возглавляет книга о здоровых, нормальных людях!

С любовью от нас четверых. Ваш

Герард.

Верт, 19 апреля 1972

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за твое вчерашнее письмо плюс приложенные статьи. Я несколько дней в довольно скверном состоянии, и в субботу выпил три бокала хереса, а в воскресенье – ½ бутылки вина. После этого можно было подумать, что я опять потянусь к стакану, но так далеко это не зашло. С воскресенья вновь – на капли. Прошлой ночью я хорошо спал, и сегодня, после трех дней абсолютной непродуктивности, снова состряпал почти целую страницу. Самое страшное позади, собрат. Времена нынче трудные, знаешь ли. И наш возраст тоже. Нам более совершенно не во что верить, кроме милости Божией, и никто не знает, что это такое и насколько она велика или мала. Но – просто выше голову, слышишь? Вчера был в сауне. Там отчетливо замечаешь, насколько поблекшим и дряблым выглядишь и движешься. В одежде вид еще ничего. Надо бы тебе

I Наиболее распространенные цвета сенполии, или африканской (узамбарской) фиалки.

II Четвертое издание «Языка любви» вышло в марте 1971 г.

III Jan Foudraine (1929) – психиатр, психотерапевт и публицист.

разок сходить со мной в здешнюю сауну[1]. Она очень расслабляет, успокаивает и оздоровляет. Я тогда попробую держать язык за зубами насчет твоего поблекшего и дряблого тела. По большей части мы сидим в кабинке с температурой 98-100° С, в компании одного велосипедиста или учителя нидерландского. Не знаю, насколько это здоро́во, но постепенно начинаешь чувствовать себя лучше.

Если мой хозяин и я в кабинке одни, он, убивая время, рассказывает мне истории. У него служил человек, имевший пять «недоразвитых» сыновей. Двое из этих сыновей также работали у него, я имею в виду, на крупной фабрике, где мой хозяин Х. ван Б. (тот самый даритель статуэтки Пресвятой Девы Лурдской «размер ноги 38») возглавляет отдел кадров. Один из сыновей взобрался на штабель пластиковых листов высотой в 4½ метра и заявил: «Захочу, так запросто отсюда сигану». Зрители подвергли его слова сомнению. Этот самый «недоразвитый» принялся расхаживать взад-вперед по штабелю, готовясь к прыжку. У него не было при себе зонтика, так что он, понятное дело, должен был постараться спрыгнуть удачно и ловко. Но пока он бегал туда-сюда и прикидывал, штабель зашатался, и в конце концов ему всё же пришлось решиться. Он спрыгнул и приземлился удачно, но верхняя часть штабеля поехала вниз и завалила грузовик, причинив убытков на одиннадцать тысяч гульденов. Одного из «недоразвитых», стало быть, уволили. Но второй (из пяти) «недоразвитых», подойдя к двери, заявил: «Я эту дверь голым кулаком прошибу». И эти слова зрители также подвергли сомнению, хотя, как выяснилось позже, зря. Этот второй «недоразвитый» сначала хорошенько оглядел дверь, принял позу, снова ее переменил, внимательно посмотрел на свой кулак и, наконец, врезал по двери и прошиб ее, даже не повредив кулака. Хюс видел эту дверь своими глазами; второго «недоразвитого» тоже уволили.

Двое других из этих пятерых «недоразвитых» прослышали как-то, что в стольном городе Амстердаме можно за деньги знаться с женщинами, так называемыми непотребными девками или шлюхами, которые продают свое тело за деньги и т. д., ты понимаешь,

---

1 В 1973 г. Реве был страстным любителем сауны (Lansink в Бисте (Biest – район в Верте)). Они ходили туда вчетвером: ван Бладел, Реве, Каспер де Гоу (коллега Хюса) и его партнер Герард ван де Утелар, к которому Реве питал некотоые чувства (с этой парой он познакомился через ван Бладела весной 1973). По вторникам вечером там бывало до 8 человек, и все, кто в это время гостил у ван Бладела и Реве, должны были идти с ними.

чего я стану тратить столько слов на всякую грязь. Сказано – сделано. Поехали они и, возвращаясь пьяными в автомобиле, расшиблись в лепешку. Один попал в респираторный центр в Тилбурге и выжил, а второй через день скончался в вертской больнице во время визита отца и матери. А больше ничего такого не случилось, это я образно выражаясь, поскольку, выйдя из больницы, мать бросается под машину и погибает. Трудно было со всем этим разобраться. Муж этой женщины приходит к Хюсу и говорит: «Пособите мне найти женщину, мне ведь нужна хозяйка». Тут он был прав. «Дайте объявление», говорит Хюс. «Это как это?» Короче, Хюс позаботился об объявлении. Муж этот является к Хюсу с семью реакциями на объявление и говорит: «Семь писем получил. Как узнать, которую выбрать? Всех-то, сударь, взять трудновато будет». «Ну, давайте посмотрим», говорит Хюс. Он просматривает и прочитывает все семь писем и говорит: «Вот это хорошее. Берите эту». Муж так и поступает. «Просто находка оказалась эта женушка! – говорит Хюс, – и мужик, само собой, без ума от счастья». И вот у них рождается еще ребенок, дочка, девочка, стало быть. Исполняется ей примерно года четыре, и вот они куда-то отправляются на машине, в воскресенье. Но попадают в катастрофу, и обоих, тяжело раненных, доставляют в больницу. Мужчина приходит в себя и спрашивает: «Марике?..» «Да, ваша жена тоже ранена, как и вы, но поправляется», и т. д. Но мужик заладил: «Марике да Марике». Какая Марике, что за Марике: «скорая» никакого ребенка в больницу не привозила! Мужик просто зануда, подумали в больнице, но Хюс, пришедший навестить его, тот подумал другое. Он подумал, я столько всего на свете повидал, ты не представляешь. И вот он пошел посмотреть на место происшествия, не остался ли ребенок там. Место катастрофы было холмистое, а четырехлетний ребенок не так уж велик, не больше сумки с продуктами. Он шарил по канавам и кустам, но никакого ребенка не обнаружил. Решил разузнать в окрестных домах. «Ребенок, говорите? Маленькая девочка? Да, теперь, когда вы сказали…» Оказалось, что в одном из домов живет одинокая бездетная женщина, и вот ей ночью, во сне, после молитвы было видение, в котором подземный дух открыл ей, что у нее появится малютка от мертвых родителей. Услыхав за дверью удар, она тут же выскочила на улицу, увидала двоих взрослых в луже крови, немедленно схватила ребенка и забрала к себе: брать так

брать, никогда не знаешь, когда еще выпадет такой случай. Она бушевала, сопротивляясь и визжа, когда пришли забирать девочку, лежавшую в постели с тяжким сотрясением мозга. О пятом «недоразвитом» сыне Хюс не мог ничего, совершенно ничего сообщить. В личном деле его незадачливого отца указано, что он родился и жив, но в остальном он, можно сказать, всего лишь наблюдатель; на фабрике не работал, на машине к шлюхам в Амстердам не ездил и ни к каким падающим штабелям или пробитым дверям не причастен.

В следующий раз, возможно, напишу о девице по прозвищу «Лошадиная морда», упавшей в обморок из-за скверного запаха из дырочки мужика Б. До тех пор терпение. Я занят по горло и совершенно измочален. Попробуй писать. Держись: то, что ты пишешь, совершенно прекрасно!

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 25 апреля 1972

Дорогие Тини и Симон,

Теперь я достаточно знаю о пятом из «недоразвитых» сыновей. Этот пятый в самом деле несколько месяцев проработал на фабрике у Хюса. Как-то раз во время обеденного перерыва, в хорошую погоду, он забрел на территорию и наткнулся на вахтера заводской канцелярии. Тут он вдруг говорит: «Что-то мне скверно» и медленно оседает на землю. «Что с тобой? – спрашивает вахтер. – У меня инфаркт», отвечает пятый «недоразвитый» сын. Вахтер звонит в «неотложку»: «Тут у одного человека серьезный инфаркт». Приезжает «неотложка», увозят его. Через полтора часа вахтер звонит Хюсу: «Он тут опять. Пришел за своим мопедом». Парню хотелось на рыбалку, поскольку «это для здоровья пользительно», так они все говорят. И Хюс тогда и этого пятого недоразвитого» тоже уволил.

Вим Бергманс[I] нашел в телефонной кабинке листок из записной книжки, выложенный на пюпитр для внимания следующего звонителя, со следующим текстом: *Грязные Р.-К. собаки. / Стоят у руля. / Тошнит уже. / От их грязных трюков.* Ни подписи, ни дальнейших указаний. Пишу тебе, просто чтобы не потерялось и не забылось.

Утром стоял на краю большого Военного Леса в Бюделе[II]; тамошние солдаты подходили к машине за автографом. Один подарил мне ранец, другой – кинжал, от третьего я получил прекрасную военную рубаху или еще какую-то одежду, и т. д. Было раннее утро, и рядом затормозил джип, в котором сидел смотритель. (Потому что в Лесу бросают или же потрошат множество краденых автомобилей). Он говорит: «Однако я вас где-то видел». Я: «По телевизору?» – «Где же еще? Я определенно вас знаю». – «Я – писатель. (Пунцовея от стыда). Да, сударь, написал массу скандальных книг». – «Ян Кремер!?»[III] – «Нет, Реве». – «О, Реве!..» После чего смотритель пригласил меня проехаться с ним, чтобы «показать мне такое, чего я еще никогда не видывал». Ну, кто ж не хочет? Стало быть, поехали мы, хотя на секунду в меня закралось сомнение, не хочет ли этот человек того, о чем читаешь в газетных сообщениях и чего делать нельзя. Мы пересекли огромную рыхлую песчаную пустошь, по которой могут пройти только джипы и гусеничные машины, и приехали в гигантский – от горизонта до горизонта – мертвый сосновый бор, словно обугленный библейским судом, но не огнем сожженный: медленно умерщвленный в прежние времена газами цинковой фабрики г-на Дора[IV], которая более не испускает отравы. (Нет, не из Котенка Тома[V], или чего-то вроде, но правда: отчетливая иллюстрация к теории Стекеля[VI] о *Die Verpflichtung des Namens*[VII]. В сущности, я мало об этом переживаю. Я довольно часто бываю в подавленном состоянии. Меня очень радует,

---

I Wim Bergmans (1940) – зоолог, друг Реве.

II Budel, деревня в муниципалитете Кранендонк (Cranendonck) провиции Северная Голландия. В Бюделе в 1963-2006 располагался немецкий военный лагерь (Nassau-Dietzkazerne).

III Jan Cremer (1940) – эксцентричный писатель и скульптор.

IV Dor – сухой, высохший, иссохший *(нид.)*.

V Tom Poes – белый котенок, герой одноименных комиксов Мартина Тондера.

VI Wilhelm Stekel (1868–1940) – венский психоаналитик, приверженец Фрейда.

VII Обязательство имен *(нем.)*.

когда я получаю от тебя письма, честное слово. Если тебе мои письма тоже доставляют удовольствие, тогда просто прекрасно. Я работаю и не смею останавливаться. Но счастливым никогда не бываю. Я всегда буду оставаться ужасно одиноким. «Это цена, которую я должен заплатить». В сущности, я тоже должен был сказать нечто в этом духе по Телеящику. Будешь смотреть послезавтра, в четверг вечером? Будь так любезен, и начни пить попозже и пей поменьше, чтобы твое суждение было трезвым. Всё, что я излагаю, весьма двусмысленно, но порой довольно метко, прежде всего о Христианстве. «Écrasez l'infâme!»[I] (Вольтер, спроси у Тини).

Ты должен посмотреть это интервью[II]. Ведущий, Антуан Бодар, работает в Телеящике, и все же он парень подходящий и без двойного дна. Весьма приятный и смышленый молодой человек. Он очень молод – 25[III], и всё же и ты, и я можем с ним говорить. Он хочет сделать с тобой такое же интервью, как и со мной, и я тебе советую хорошенько это взвесить. У тебя это займет полдня – добраться туда, и никто к тебе домой не притащится. Я получу за послезавтрашнй вечер *** гульденов, так что ты, я думаю, можешь запросить *** гульденов. Это хорошо для тебя, такой род полного изложения типа «я считаю, что» и «я – это» или «я хотел бы быть», и «я пережил то-то и то-то, и я имею в виду то-то и то-то». (И что ты находишь мою книгу шедевром, разумеется, но только если об этом зайдет речь и тебя спросят. Ты просто выскажешь свое мнение, если книга тебе нравится).

Звони мне сюда в любое время. Захочешь позвонить после передачи, пожалуйста. Не мог бы ты по прочтении возвратить мне прилагаемую главу? Заказным не нужно: у меня есть второй перепечатанный экземпляр. Твой рассказ об этой шпионке-дочери – проверяющей, всё ли еще на месте куртка ее ебаря, – очень хорошо типизировано и подмечено, – вновь совершенно прекрасен. Хотел бы я видеться с вами почаще, но это когда-нибудь так и будет, я надеюсь. Я еще не в ударе, что касается писем.

С любовью, ваш

Герард.

I Раздавите гадину *(фр.)* – лозунг Вольтера, бывшего яростным ненавистником церкви.

II Телеинтервью Антуана Бодара с Герардом Реве (27 апреля 1972). Полный текст был опубликован в «Свободных звуках» (Vrije geluiden) от 6-13 мая 1972 г.

III В 1972 г. Бодару было 28 лет.

P.S. Напиши мне, если тебя что-то особенно затронуло в главе «Всё для имени».

Верт, 1 мая 1972

Дорогие Тини и Симон,

Хорошая погода сегодня, правда? Именно сейчас, когда я в этом совершенно не нуждаюсь, потому что почти весь день просидел дома, чтобы избежать толпы, но в первую очередь чтобы работать. Изо всех сил пытаюсь закончить до отъезда в Веск и Лурд (D.V. 10 мая) пятую главу, которая, возможно, будет называться «Один в постели». Эта глава, как и всё, выходящее из-под моего одаренного пера, имеет *portee*[1] – не знаю, правильно ли пишу это слово – и в нем имеются примерно три ответвляющихся смысла, или подсмысла, или называй их как хочешь. Главный смысл появляется страниц через шесть-семь, становится более-менее отчетливым, после чего я временно переключаюсь на ответвляющийся смысл (или подсмысл) 1 – до тех пор всё в порядке. Но к тому времени, как я разберусь с одним лишь ответвляющимся смыслом (или подсмыслом) 1 (моей великолепной новой главы, которую я сейчас пишу благодаря таланту, позаимствованному у Господа), у меня будет вчерне готов объем нормальной главы; я ведь уже добрался до верха квартостраницы 16 весьма компактной рукописи. Так что не торопись. Или, лучше сказать, торопись, но конец еще далеко за горами. Как и сама жизнь, ты бы сказал, хотя это в точности до наоборот: ты не торопишься, а конец уже ясно виден. (Выше голову, эй, собрат по перу!) Я, разумеется, просто продолжаю работать, а что ты думал, но всё же будет весьма недурно, когда я закончу пятую главу, потому что тогда книга, – что касается скелета и внешней формы, – готова. Нужно еще вставить туда этакого заурядного типа, весьма предположительно вновь куда-нибудь около середины, то есть точно как в «Языке любви» – между второй и третьей главой. Относительно природы этого типа я бы хотел потолковать с тобой, но это мы посмотрим. Как только пятая глава будет пожата и надежно убрана под крышу сарая, собрат мой, Жизнь станет казаться немного менее сумрачной.

1 Смысл, суть, значение *(фр.-нид.)*.

Тогда мне нужно будет, в сущности, написать еще всего одну книгу, и я вполне здоров, так что, может быть, я с этим справлюсь. Итак, я имею в виду: закончить 5-ю главу этой книги (которая, весьма вероятно, будет названа «Собственно жизнь»[I], сшитая: 12,50 гульденов), затем ползком за лето и осень втиснуть этого заурядного типа между второй и третьей главой, выпустить книгу весной или осенью 1973 и приняться за следующую и, возможно, Последнюю Книгу. Если я с этим справлюсь, воздвигну Госпоже, Которая мне столь милостиво помогает, какой-то монумент, в Лесу, возле городишки Бюделя, где-нибудь по правую руку. Это военная территория, куда можно всем, стало быть, и Царице Мира тоже, как бы это сказать, мое перо зависает, «его вырывают из рук, и я продолжаю писать карандашом». (Мать Хюса ван Б. некогда приняла это за чистую монету, когда он написал ей сие из джунглей нидерландской Новой Гвинеи, и, прочтя, немедленно приступила к новенне[II] за него).

Хорошее интервью, на мой взгляд, в журнале «Элсевир» № 18, 29 апреля 1972[III]. И фотография на обложке выбрана очень удачно, ага, – моя рожа. Это немного напористо, типа «я – единственный, кто, по сути дела, что-то умеет», и т. д., но если у тебя самого на сей счет иное мнение, то не страшно. Я, прежде всего, нахожу, что это четкое интервью, в котором явственно проявляется: это я хочу и этого я не хочу, и я пытаюсь делать так-то и этак. Впрягать противника в твою триумфальную повозку, не позади, как пленника, но именно впереди, как тягловую скотину. Жаль, что я годами этого не замечал. Теперь я говорю: «Послушаем, что вы там против меня имеете. Но если вы не станете потом задавать вопросы министру в парламенте, мне это как мертвому припарки».

Книга должна быть закончена. Я ставлю на карту всё. Можете вы немного продержаться в бодром состоянии духа, покуда я, D.V. через месяц примерно, снова навещу вас? Разумеется, всё это время я буду честно писать вам.

С любовью, ваш

Герард.

I В конечном итоге: «Милые мальчики».

II Новенна (девятина) – традиционная католическая молитвенная практика, заключающаяся в девятидневном чтении молитв.

III Интервью с Йоке Мулдером под названием «Я должен работать, иначе свихнусь» (стр. 81-95). Также появилось в книге «Толкование всех вещей» (De duiding aller dingen).

P.S. Замечательный, совершенно замечательный твой сегодняшний рассказ (снесение купольной церкви)[1]. Этот жанр всегда в точку.

Верт, 5 мая 1972

Дорогие Тини и Симон,

Совершенно опустошен и измотан и почти захворал, хотя тем или иным образом могу быть доволен: позавчера закончил черновик пятой главы. Было слишком много материала, чтобы я смог весь его переработать в 5-ю главу, и таким образом книга еще не завершена, но глава получилась отличная: и красивая, и законченная, и определенно не худшего качества, чем 4-я. (Кинь ее, 4-ю, в почту, если ты еще этого не сделал).

Знаменательно, что я всякий раз укладываюсь примерно в один и тот же объем, около десяти тысяч слов.

Вчера вечером я тихо просидел в комнате, с задернутыми занавесками, с без четверти восемь до четверти девятого. Не люблю этого, с 1940-1945. Ничего не могу поделать, на бумаге, я имею в виду. Поэтому я убрал войну, также как и Алкоголь. Я обеими руками за новую и лучшую войну, но прошлая мне вовсе не по душе. Всё шло так медленно. Ждешь годами письма, не зная, что кто-то погиб в концлагере и т. д. Надеюсь лишь, что на новых солдатах будет красивая униформа, хорошо подходящего к цвету их крови, когда их настигнет пуля и они погибнут, и кровь их будет струиться из уголков губ и светлого горла.

На меня тут напала дичайшая похоть, как такое получилось, не знаю. Но это в сторону. Кое-что значит, когда ты женат. Женатые делают это только друг с другом, хотя супруг г-жи Пасма делал это «сам с собой».

Будешь писать мне, имей в виду, что я с раннего утра среды 10 мая до полудня 4-го июня в отъезде. С 12 мая по 2 июня я, за исключением нескольких дней, отведенных на поездку в Лурд, буду в своем Тайном Поместье в Шоване.

---

1 Купольная церковь на Стадсхаудерскаде в Амстердаме, снесена в 1972.

Получил премилое письмо от великого актера Паула С. из Гааги. Они с женой[I], оказывается, уже 9 лет назад приобрели домик в Ле П.-Л.[II], примерно 18 километров от Шована. Там мы будем от середины июня до конца июля.

Знаешь, что мне кажется очень уютным? Что вы как-нибудь в Д. или в В. сидели бы в гостинице, и один день сами по себе, другой день – у великого актера Паула С. в Ле П.-Л., и еще денек погостили бы у нас в Поместье. Кто-нибудь приедет за вами, чтобы забрать из аэропорта – Авиньона, Марселя, Валанса?[III] (Или со скорого поезда, Ривьерский экспресс, если выйдете в Валансе). Верю, что это хоть раз да получится. Мозги-то у нас всех еще работают? Выше голову.

Надеюсь, что еще много буду писать вам об Искусстве и о Вере, короче, о всяких интересных вещах. Я получил в подарок от г-на и г-жи Тейс (из Пера[IV], в земле бельгийской) красивую статуэтку.

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 9 мая 1972

Дорогие Тини и Симон,

Завтра рано утром мы с Хюсом ван Б. выезжаем на Юг. Фургон теперь весит ровно 2000 кг, не считая нас. Оснащение – примерно 280 кг., багаж – около 250 кг. Нужно рассчитывать на бóльшую продолжительность тормозного пути нежели у обычного легкового автомобиля, на котором едут в отпуск, набив его багажом, весящим в целом не более 1000 кг. Всё промерено и проверено. За два дня мы добираемся до Веска, остаемся там на целый день и далее в Лурд. К счастью, это всего на 600 км. дальше, и дороги там очень хорошие.

I Paul Jozef Steenbergen (1907–1989) – актер и театральный режиссер. Myra Ward (1916–1990) – жена Стенбергена, актриса.

II Le Poet-Laval – коммуна во французском отделе Дром (Рона-Альпы).

III Valence – административный центр на юго-востоке Франции, в департаменте Дром.

IV Peer – город в бельгийской провинции Лимбург.

У меня всяческие мысли. Например: «Мою первую жену погубила война, вторую – супружество». «Моя история – история моей жизни». «Это всё равно что искусство игры на скрипке: про себя думаешь – по струнам души смычком водишь, а на самом деле – пиликаешь по обычному конскому волосу»[I]. «Как это частенько случается, оказалось, что удача благоприятствовала мне более чем в одном отношении». «Я всегда один». «Я никогда не испытываю голода». Но всё это, мне кажется, я уже когда-то рассказывал. Что вы скажете, если я, например, изменю дату своего рождения, с 1923 на 1933, и окажется, что я в 13 лет был уже таким вундеркиндом, что написал «Вечера»? Всё это было так давно. И я в таком случае мог бы получать различные стипендии, для которых нужно быть младше 40. Глянь это для меня, пожалуйста. Если ты тоже так сделаешь, получится, что тебе еще нет 50. Не подумаешь ли насчет заглавия книги? Глава, к которой я собираюсь приступить, будет, возможно, называться «Милые мальчики». Разве не великолепное название для всей книги? Взвесь эту возможность по сравнению с «Жизнь, как она есть». Весьма претенциозное название. Всякий скажет: «Ну, если это, по его мнению, жизнь, то я не знаю...» и т. д., тогда как «Милые мальчики» звучит скромнее и несколько иронично. «Это «Милые» хорошо сочетается со словом «Любовь» из «Платной любви»[II].

Я очень ценю твои письма. До 2 июня включительно мы, D.V., обретаемся в нашем поместье Шован. Оттуда в ближайшие выходные выезжаем в Лурд, но почтальон по моему указанию будет где-нибудь откладывать почту, если в наше отсутствие придет какое-либо почтовое отправление. Я питаю смутную надежду на то, что Тигр и Мышонок заедут в Верт на обратной дороге с острова Сицилия. Они отбыли в воскресенье 30 апреля. Последняя добрая весточка, которую я от них получил, была из Рима.

Прилагаю верный портрет Коринны, она же Лукулла, к которой так вожделеет Вольфганг мл. Чего она хочет? Задать вопрос означает ответить на него. Она желает, чтобы мужчина обладал ею одновременно спереди и сзади, а с этим одному мужчине не справиться. Раздельно, конечно, можно, – сперва одно, потом другое, но одновременно – никак не получится. Посему Вольфганг и я обладаем ею

I «Милые мальчики», глава 6.

II В нидерландском языке слова «милый» и «любовь» – однокоренные (ср. «Lieve jongens» – «De taal der liefde»).

вместе, одновременно, стало быть. Он врывается со своим военным тараном в ее публичное Отверстие спереди, а я свои заповедным рогом – сзади, в ее тайное отверстие. И где-то посередине мы ощущаем Истину Любви друг друга, Вольфганг и я, в глубоком, бешеном, гигиеникологическом восторге. Я в самом деле люблю этого Вольфганга, это не просто нечто вроде чувственного любопытства, потому что такое тоже бывает. (Я аккуратнейшим образом сложил и повесил на стул его мундир).

Знаешь ли ты, что тут, в большом лимбургском городе В., шляется масса немецких солдат? Они нередко весьма хороши собой, милы и задумчивы, в основном темно-русые. Часто глядят перед собой, очень тихо и печально, поскольку тяжко сражались и всё же две войны подряд проиграли и потеряли всё – оружие, клинки, ремни, фуражки и т. д. Их нынешние униформы, вообще говоря, не истинно военные. Они, скорее, похожи на обмундирование лесника, но если такой мальчик очень красив, он поразительно похож на охотника, освобождающего из заточения принцессу и ее братика, которого отдает мне. Сам он получает половину королевства, но мне это всё равно, потому что мне достаточно этого принцессиного братишки. Для меня одно лишь имеет значение: Любовь. Так же ведь? Королева тоже читает массу книг о Любви. Многое из того, что написано в наши дни, она считает «излишне грубым», и в этом я с нею полностью согласен.

На сегодняшний день продано 66.600 экземпляров. Седьмое издание – должно появиться в продаже 24 мая этого года – уже распродано по предварительным заказам. Но что такое Деньги? С большой любовью к вам, милые дети, ибо так я на вас смотрю иногда, честное слово. Из-за этой беззащитности и прямодушия, присущего вам. Разумеется, я всё позабыл.

С любовью, ваш

Герард.

P.S. Хюс ван Б. видел вчера того ребенка, что попал в автокатастрофу. «Ей теперь 7 лет. Славная девчушка, да».

Шован, 30 мая 1972

3 июня, D.V., мы возвращаемся в родные пенаты.

Дорогие Тини и Симон,

Вкратце, увы, потому что во время поездки и в течение моего пребывания в поместье мне не до длинных писем. Скорее всего, это не есть вопрос времени, ибо, если встаешь в 6, ложишься в 21, и нет необходимости отправляться в контору или на фабрику, всё же какое-то время должно оставаться. Но у меня не выдается ни минуты, и массу своей корреспонденции я веду из чувства долга или из осознания деловой необходимости. Я уже несколько дней занят своей 6-й главой и к этому времени имею шесть квартостраниц черновика. Собственно, я всю дорогу ломал над этим голову; над шестой главой под названием «Милые мальчики», которую мне предстояло начать, но как? В Лурде я устремлял всяческие дружеские мысли к Великой Богине, что Рождается из Самой Себя; которая есть наша Избавительница, наша Владычица; Утешительница Скорбящих, и я представал, исполненный восторга, перед окруженной цветочной кипенью статуей Той, что была коронована Святой Троицей (Королевой Ангелов и Хора Небесного), но я всё же беспрестанно думал: «Эта 6-ая глава… мне нужно как можно скорее приступить к ней». Одно другому не мешает, мне думается: как лучше я могу послужить ей, нежели чем закончить книгу, уже открыто Ей посвященную? Я шел со свечой в руке в толпе из 50000 пилигримов, обходивших санктуарий световой процессией, и пел вместе с ними, но думал при этом: не разделить ли мне главу 6 на три части: I, II и III – номера, так сказать, уже говорят сами за себя, но всё же под общим названием «Милые мальчики», что, вероятнее всего, будет также названием книги. Мне удалось добыть 25 литров воды из Источника, но для этого пришлось встать в 4 утра. В 5 часов в Гроте уже служат первую мессу, и до кранов добираешься с великим трудом. Выпить и снова налить стакан – это пожалуйста, но наполнить пластиковую бутыль – немыслимо. Местные соседи получили от меня каждый по 2 литра, и я привезу в Отчизну 20 литров. Если вы тоже хотели бы такую бутыль, только скажите. У меня их достаточно. Лурд невероятно впечатляющ. К Христианству он, на мой взгляд, не имеет никакого отношения.

Это приятие человеческой неадекватности и поиски смысла в болезни. В Лурд приезжаешь одним человеком, уезжаешь совсем другим. Примирение с жизнью, с Землей, с телом, со смертностью. Могила и Лоно есть этот Грот, и там можно увидеть свечи величиной в человеческий рост, как Стержни или как свечи в вечной покойницкой, именно то, что нужно: возможно, и то и другое одновременно, ибо в Лурде всё становится Одно.

Мы обозрели снаружи Ванны. И я тревожился относительно системы водостока, – ведь воду наверняка спускают в реку. Я оглядел прибрежную балюстраду и заметил, конечно, извивающийся в воде кусок бинта длиной с метр, покрытый пятнами и коростой, медленно уносимый течением. Рыбка увидит такое и поперхнется, но мама рыбки скажет: «Нет-нет, кушай спокойно, так надо, это бинт. Бинты, они такие».

Замечательный твой рассказ «Мило!»(?), о человеке с сыном, живущим на «социальное пособие». И о том кафе, где ты ни разу не был. И о сносе гостиницы. Ты в последнее время часто заканчиваешь рассказ диалогом-клаузой без единого комментария, и это в большинстве случаев гораздо эффектнее. Не падайте духом, дети. В 6-й главе я без надежды на успех ухаживаю за 17-18-летним С. Х., состоящим в супружестве с примерно 33-летним и потому именуемым мною «стариком» Г. К. Я опять пылаю, словно в те времена, и хватаю ртом воздух, и бесчисленное количество раз совершаю противоестественное и греховное деяние с собственным телом, всякий раз перед свершением чуда чуть ожидая, мечтая.

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 20 июня 1972

Дорогие Тини и Симон,

Я слыхал, что дела у тебя неважные. Это скверно. Ты должен сохранять присутствие духа. Через 20 лет тебе всего 78, и к этому времени, если Рабочая партия по крайней мере сделается участницей

правительства, здравоохранение продвинется настолько, что совершенно отпадет нужда умирать! Смерть, да будет тебе известно, появилась в мире из-за капитализма и империализма, из-за принципов выгоды. Один хотел, чтобы у него было больше, чем у другого (Каин и Авель), или впал в зависимость от сферы потребления (Яблоко). Сейчас практически перестали замечать, крадут ли люди или домохозяйки товары в магазинах.

Что ты думаешь о новых выступлениях банд, организовавших недавно первое сожжение книг (Мюзеумплейн) в Амстердаме?

Моя книга закончена. Конец всё отдалялся, не удавался, отступал от меня, бедного (благословенного) труженика. 5-я глава оказалась вовсе не последней! И шестая тоже. На последнюю я сердит, знаешь ли. Во время шествия со свечами, ночью, в Лурде, когда мы в числе 50000 человек обходили статую (Коронованной) Пресвятой девы Лурдской, мое благочестие снизилось из-за нее, из-за этой 6-й главы. Я не имею в виду, что я сомневался или моя вера пошатнулась, но было довольно досадно, что я всё еще сидел над шестой главой, которая так и не была закончена. И всё же близость Её была благотворной. Она была взята на Небо телесно, телом и душой одновременно, хотя церковь не утвердилась во мнении, умерла ли она уже к тому времени или всё еще была жива. Ей, как человеку уникальному, было позволено воссоединиться со Своим телом еще до обычного восстания мертвецов. Вот таким образом. Было также некогда пояснено, что Она «превознесена», причем Она «коронована» святой Троицей и сделалась «Королевой Небесных хоров». Мне, как художнику, это весьма симпатично. И вот она в апреле 1858[1] явилась неграмотной 14-летней Бернадетте, не знавшей, что, вообще говоря, означали слова явления, которое – за одним чудом последовали многие другие – свободно изъяснялось на местном диалекте, однако та немедленно лихорадочно затвердила их наизусть, чтобы не позабыть: “Que Soy Era Immacoladôu Consepsiôu”: «Я – Непорочное Зачатие». Это навлекло на дурковатую, недокормленную, страдающую астмой девочку многочисленные проблемы: существительное вместо прилагательного, субстантив вместо адъектива, так сказать.

Но я там исцелился, в Лурде. Если не исцелишься в Лурде, не исцелишься нигде. Пресвятая Дева Нордская в Хейло, помогшая

1 По другим источникам: в четверг 11 февраля 1858 г.

мне выбраться из запоев, Пресвятая Дева Кевеларская – из меланхолии. А Пресвятая Дева Лурдская излечила меня от страха перед жизнью. Я больше ничего не страшусь, и это кое-чего стоит. Хотя я никогда ничего нигде не просил. Я в большинстве случаев совершаю быстрый, весьма робкий и неглубокий поклон, глубоко вздыхаю и, немного пристыженный, удаляюсь. В одной беседе с Королевой, но это уже было уже давно, я поведал ей, как это случилось в Хейло, тогда.

Теперь я всего лишь ужасно мрачен и подавлен, но не меланхоличен, с того времени, как в пятницу 16 июня 1972 в 16.25 часов закончил книгу в комнате с балконом в городе В<ерте>. Мне нужно приступить к новой книге. Я должен записать всё, о чем говорил с Королевой, если, конечно, она это одобрит, это ведь более чем нормально.

Не мог бы ты написать мне что-нибудь ободрительное, что снова вдохнуло бы в меня жизнь?

Через 17 лет я смогу дешево путешествовать поездом, ездить в автобусе и ходить в кино. У человека есть при себе свой собственный телевизор. Но, правда же, напиши мне что-нибудь снова по-настоящему занимательное! Вот тебе пример: воображаемый человек, прилично одетый, господин до кончиков ногтей, с тщательно напомаженными и аккуратно расчесанными на пробор волосами, выходит из дома – поистине благопристойного дома, с колоннами при входе и каменными ступенями: парадное крыльцо! Он спускается по ступеням, шаг за шагом, и вот он почти до половины сошел вниз, и вдруг вляпывается ботинком ...о да!.. прямо в здоровенную, закрученную, мягкую кучу собачьего дерьма, каких в нынешние времена в Амстердаме навалено в изобилии. Он поскальзывается, размахивает руками, чтобы сохранить равновесие, и вот интересно, поскользнется ли он и упадет, или сможет сохранить равновесие. Но нет: вот он, большой крепкий здоровый парень, богатырь, шлепается на землю, как шиш, камыш! Но это еще не самое страшное, потому что к этому мы более-менее подготовлены. Самое страшное в том, что он, падая, ищет рукой опоры и, пока его ноги скользят вниз, хватается за что-то, что лежит неподалеку от него... Точно!.. Та же самая куча! Так что еще раз: сначала ногой, а потом еще и рукой.

Но я отклоняюсь и забыл рассказать, что в Лурде по большей части, можно сказать, выздоровел от многих нечистых мыслей,

которые у меня появляются чересчур часто, и о которых ты, разумеется, умеешь беседовать.

(С мотора моего фургона, в текущем порядке, когда он прошел первые 10000 км., сняли кардиограмму с компрессии цилиндра, и она, согласно графику, составляет I (8,8), II (9), III (9) и IV (9) кг/см². Фред говорит, что это «очень хорошо»).

30 июня этого года мы втроем – Тигр, Мышонок и я – едем в Шован, на строительство. Летом – стены одной комнаты, осенью, возможно, и крышу над ней. Когда покончим с этим, смогу сидеть и предвкушать поездку на Запад, за 65 км., где заходит солнце, слово говорит само за себя. Вся перестройка при моей жизни закончена не будет, да этого и не нужно. Я порой совершенно выматываюсь. О чем пойдет речь в моем следующем романе? Думаю, что снова о Любви.

Но я забыл сказать тебе, как разрослась моя книга. Сначала я надеялся, что она закончится на пятой главе, но даже и после шестой конца было не видать. Я, стало быть, продолжать писать ее. Таким образом добрался до 7-й главы. Но и в 7-й главе этот великолепный пилигримаж Любви не закончился. И как минимум глава 8! Не удивительно, что в конце концов понадобилась 9-я глава, в которой действие может быть завершено ответственным образом.

Я всё еще ломаю голову над двумя последними абзацами, но пока что оставил их как есть. Мне нужно переписать набело 43 страницы черновика = ± 64 страницы чистовика = ± 23000 слов, и, добравшись до конца, пересмотреть текст еще раз. В теперешнем варианте книга заканчивается четырьмя строками известной песенки, которую ты наверняка знаешь, (анонимной) 18-го века «Песенки Трубочиста»:

К одной селяночке, друзья,
С метлой в трубу забрался я.
И широка ж труба была!
Прости-прощай моя метла.

Как ты считаешь, это хорошая концовка для такого прогрессивно-католического романа на марксистско-ленинском базисе, как мой? По-твоему, «Милые мальчики» – хорошее название? Подумай об этом и дай мне знать! Я очень подавлен. Знаешь ли ты, что ровно через 20 часов после того, как получил известие

о том, что ты болен и лежишь в постели, я сам впал в депрессию? Это длилось примерно 2½ суток.

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 20 июня 1972, чуть позже, т.е. в полдень.

Дорогие Тини и Симон,

Разумеется, я вновь многое позабыл. Я хотел спросить тебя, не мог бы ты поспособствовать экранизации «Языка любви» и приостановить процесс превращения «Вечеров» в так называемый «мюзикл»? Ты ведь знаком со многими в этой отрасли.

На границе, при въезде на *autoroute*[I], когда там приходится платить пошлину за въезд, меня иногда спрашивают, для чего мне нужен этот автомобиль. Я всегда отвечаю: «vente des rêves»[II]. Ночью я записываю дневные грезы, а днем – ночные сны, так и веду, худобедно сводя концы с концами, эту яростную, непрерывную борьбу за существование, называемую жизнью. Они что-то записывают из того, что я говорю, но смотрят на меня порой очень странно, полагая, что я цыган или поджигатель караванов или какой-нибудь художник, но у меня нет при себе самодельных стихов типа «Ода на бракосочетание Царственной Пары» – кстати, этот человек, который продавал такие самопечатные и самодельные поэмы, ездил на мотороллере, помнится мне. Толку от этого всё равно нет. Но ты подумай, пожалуйста. Помнишь ли ты еще похожие на пряничные домики машины, едущие черепашьим шагом (поскольку стены такого домика чуть ли не касались дорожного покрытия); они совершали так называемый «кругосветный рейс», и из такой машины некто продавал дешевенькие открытки, отпечатанные коричневой типографской краской на тонюсенькой бумаге? А еще помнишь ли ты того «человечка, который приходит каждый год», – тот продавал карандаши, перемещаясь от дома

I Автострада *(фр.)*.

II Продажа снов *(фр.)*.

к дому на квадратном стульчике с тростниковым сиденьем, ерзая с левой передней лапы на правую и vice versa? И еще одного в серых, некогда белых гимнастических туфлях, распевавшего более-менее – по крайней мере для того времени – непристойные песенки на улице: «(...) вдвоем в палатке – я познал тебя...», помню, что меня била дрожь, когда я ребенком слушал его. Будем надеяться, что он уже умер. Под конец песни он извлекал заключительный аккорд из губной гармоники. Да, собрат мой, губная гармоника, вот о чем я говорю: в Таюндорп Ватерграафсмеер, так называемой Бетонной Деревне (*Concrete Village* в интернациональном горестном переводе), существовал клуб для Мальчиков, играющих на губной гармонике, к которому я, разумеется, не принадлежал. Летними вечерами этот клуб маршировал, музицируя, по деревне в униформах из фланелеобразной, безукоризненно отглаженной белоснежной бумазеи, в ремнях и длинных брюках. Некоторые Мальчики играли губами на этаком органчике массовой скорби, – уже тогда предвещая войну, концентрационные лагеря и всё другое, – не держа его в руках, потому что он крепился на пюпитре, привешенном на спину впереди идущего Мальчика. Таким образом руки органоротого Мальчика были свободны, – нет, не для того, чтобы щупать и тискать и поглаживать Мальчика, шедшего перед ним, и демонстрировать ему свою страстную юношескую любовь, но для того, чтобы переворачивать страницы партитуры и время от времени щелкать по треугольнику. Оркестр оставлял на улице часами не выветривавшийся невидимый след безутешной печали. Не сердись на то, что я пишу тебе такие вещи. Сей мир придуман не мной: должен тебе сообщить, что большое облегчение – по крайней мере чистосердечно об этом заявить.

Выше голову, эй! Мы осуждены, и приговор утвержден всеми инстанциями вплоть до самой последней, и помилование отклонено, я соглашаюсь со всем этим, но всё же мы не должны падать духом. Всякого ждет смерть, не только нас: мы все в одной лодке. В единении сила. Вот что я имею в виду.

С горячей любовью, ваш

Герард.

Верт, еще чуть позже, 20 июня 1972

Дорогие Тини и Симон,

И вновь я кое-что забыл. Когда этот Мальчиковый оркестр проходил мимо, гордые родители выбегали на тротуар, расталкивая остановившихся прохожих, чтобы очутиться как можно ближе к своим восхитительным любимчикам, которым только годы спустя предстоит утонуть или погибнуть при роковом несчастном случае. Но теперь еще кое-что, и это я чуть ли не совершенно позабыл. Маленького меня взяли как-то в одно место, где я впервые услыхал и увидел, как играют на фортепиано, и потом я много лет думал, что фортепиано служит лишь для печальной музыки: что это такой специально предназначенный для нее инструмент. У меня просто был весьма несовершенный взгляд на жизнь, не находишь?

С любовью,
Ваш
Герард.

Верт, 24 июня 1972

Дорогие Тини и Симон,

Прилагаю открытку с изображением очень красивого Мертвого Мальчика. Этой ночью в 00.01 он с пакетиком жареной картошки в руке бросился под машину после ссоры с родителями, поскольку безбожно пил. Он погиб сразу, но елеосвящение некоторое время производило эффект, ибо душа еще 1¼ часа остается в теле перед тем, как покинуть его, согласно пастору Х. из Л.[I], который к тому же великий заклинатель дождя.

В четверг я не смог пойти на похороны, потому что ездил в Ролде (около Ассена)[II], где мне нужно было забрать картину, сотворенную и подаренную мне безымянным гением – называется она «Святая Троица посещает Деву Марию в Греонтерпе».

I Ян Х. Хендрикс, исповедник Реве, служивший в Линне.

II Rolde – город в нидерландской провинции Дренте, к востоку от Ассена.

У меня еще на несколько недель писанины: перебелить ± 45 стр. черновика в ± 68 стр.

Сообщи, что сказали врачи.

С любовью,

Ваш Герард.

177

Шован, 16 июля 1972

Дорогие Тини и Симон,

Коротенькое письмо, поскольку я мертвецки устал от строительства. Вчера я довел стены до 1.80 м. в высоту. Теперь это становится слишком тяжело в одиночку, поскольку каждый блок размером в 50 x 20 x 27½ весит около 30 кг. (Мышонок на третий день, осерчав, удрал и вернулся поездом на Родину. Доехал благополучно, это главное. Я же продолжал трудиться). Тут еще эта жарища. Нужно приступать к работе в 5 утра, а к 10-11-ти утра уже продолжать невозможно. Позавчера я начал в четверть пятого утра и положил 29½ блоков. К часу-двум пополудни управился. Часа в четыре я отправился к Жермен[1] и выпил у нее стакан самодельного кассиса (сироп из черной смородины). «Я здорово поработал». (Они следят за процессом строительства при помощи старого медного театрального бинокля, держащегося на веревочках). «И погода славная. Не так жарко...» Господи Иисусе! «Не так жарко»! И она вовсе не думала шутить: 26 и 28 и 30°C в тени для них еще недостаточно тепло, а при 16-18°C они натягивают на уши зимние шапки.

Я должен был написать вам гораздо раньше, но не получилось. Тяжелый труд, после чего лапы так немеют, что невозможно держать перо, и огорчение по поводу бегства Мышонка, и т. д. и т. д.

Из солидарности с тобой я всё еще совершенно не употребляю, хотя тут в магазине имеется хорошее красное вино по 1,50 в новых фр. (= Один Гульден) за литр. Алкоголь – наш враг.

Когда вы получите это письмо, я, наверно, D.V., уже вернусь в Отчизну.

С любовью,

Ваш Герард.

---

1 См. «Язык любви».

Верт, 8 августа 1972

Дорогие Тини и Симон,

178 Прилагаю 7-ю главу – «Тяжелее воздуха». После того как она будет возвращена мне, вышлю 8-ю. Я должен поступать жестко, иначе ничего никогда назад не получу. «Шарль» и «Геррит»[1] в книге названы соответственно «Фредди» и «Альберт», но, возможно, я уже об этом сообщал.

Отказываюсь от попыток подробно описать вам всё, что произошло со мной за это время: это безнадежно.

Жизнь небывало тяжела – теперь, когда книга закончена. Я вновь поставил на огонь большой чан с водой и приступил к новой книге, но пока еще не могу начать работать с полной отдачей.

В конце августа я возвращаюсь в Веск продолжать строительство. Погода теперь не такая жаркая, ночи сделались прохладнее, поскольку день становится короче. Еду один, ибо все усилия заполучить напарника-шофера/подручного оказались втуне. Работа тянется дольше, если пыхтишь в одиночку, но в то же время так немного спокойнее.

По предсказанию Звезд я должен был влюбиться – так сообщили мне сестрицы М. из Г. И, конечно же, день совпал точка в точку! В этом я буду «очень тверд». В чем? В том, чтобы этого избежать или в том, чтобы начать жить с ним? Счастливчик – мой бывший любовник четырехлетней давности, в сущности, невероятно милый персонаж, с которым я в свое время обошелся не так уж мило. Возможно, я как-нибудь приведу его к вам, если всё получится хорошо, как бы это сказать.

Если долго рассусоливать, повеситься можно. Я просто продолжаю работать. Я крепко привязался к моему поместью в Веске. К 50-летию я хочу сделаться там владельцем собственного жилого дома, с хорошей, морозоустойчивой водяной цистерной в подвале размером примерно в 10 м³. Это вполне осуществимо. Там я могу спокойно писать, и нигде ни звука, и меня там не найти.

---

1 Gerrit Jan Komrij (1944–2012) – поэт, писатель, переводчик, критик, полемист и драматург. Charles Hofman – друг, с 2010 г. – супруг Комрея.

Соседи ко мне весьма расположены и до смерти рады, что на этом обезлюдевшем *quartier*[I] появится дом. То, что я строю его сам, невероятно укрепило мой престиж. Это милые люди, к тому же «богобоязненны и удаляются от зла»[II].

В остальном сплошной хлам. Читал ли ты «Взлет и падение Третьего Рейха» Уильяма Ширера[III]? Всё напоминает мне в данный момент начало тридцатых в Германии, как описано в этой страшной книге: совместная война «левых» и «правых» против Веймарской республики – точно так же, как нынешние «прогрессивные» и «левые» ведут войну против всех, кто строит, творит, трудится, зарабатывает деньги и несет ответственность. Ладно, ты знаешь, что я об этом думаю. Трагическая разница в том, что тогда, в Нидерландах и во всей свободной Европе, интеллигенция и художники голосовали против нацизма. Люди хотели, невзирая на бесчисленные недостатки собственного государственного строя, защищать права и законы Конституции. Теперь же подавляющее большинство художников примыкает к убийцам. Еще каких-нибудь пять лет свободы, я думаю. После чего Теун де Вриз[IV] и Паул де Грот[V] и Муллес[VI] и Вогелар[VII] будут решать, что до́лжно подавлять, а что нет. Полагаю, мало кто осознаёт, что всё «левое» движение в Западной Европе превратилось в мятеж против демократии и просвещения. (Как нынешняя забастовка докеров в Англии не имеет более никакого отношения к социализму

I Зд.: участок *(фр.)*.

II Иов, 1:1.

III William Lawrence Shirer (1904–1993) – американский журналист, историк.

IV Theunis Uilke (Theun) de Vries (1907–2005) – нидерландский и фризский писатель, автор исторических и социальных романов, поэт, драматург. Одобрял коммунистический переворот в Чехословакии (1948) и ввод советских войск в Венгрию (1956). В 1953 г. написал хвалебную песнь Сталину. За это был исключен из Пен-клуба, бойкотирован коллегами; это и положило конец его дружбе с Симоном Вестдейком.

V Saul (Paul) de Groot (1899–1986) – политик, долгое время лидер компартии Нидерландов (CPN), преданный сталинист, главный редактор партийной газеты «Правда» (De Waarheid).

VI Харри Мулиш. Его отец, венгерско-австрийского происхождения, был в годы второй мировой войны коллаборационистом. Мать – немецкая еврейка. Все это оказало большое влияние на творчество Мулиша. Социалист и левый симпатизант.

VII Catharina Pieternella (Ella) Vogelaar (1949) – политик, член Партии Труда.

или прогрессу)[I]. «Левое» движение приобретает всё более и более криминальный характер. Ну да ладно, что уж тут переживать.

С любовью,

Ваш Герард.

Верт, 27 сентября 1972

Дорогие Тини и Симон,

Я пытаюсь работать над новой книгой, но толком не получается, и я нахожусь в глубоком унынии. С вечера пятницы до вчера – полночь вторника, у наших дверей бушевала ежегодная большая вертская ярмарка.

Два с половиной дня этого периода я находился в отъезде, в числе прочего – нанес визит художественному гению в Ролде (Др.)[II], который написал картину «Святая Троица посещает Святую Деву в Греонтерпе» и теперь, согласно моим глобальным инструкциям, работает над картиной «Матерь Божия обнажается во имя Удовлетворения Юных Солдат»; картина на ¾ готова и становится невероятно красивой, хотя, как обычно, ее никто не поймет. (С этим художником и его женой очень стоит побеседовать). Я надеялся как-то пережить последние два дня ярмарки, но дошел почти до нервного срыва.

У меня имеются славные, сделанные соответственно в июле и августе 1972 фотоснимки стройки моего дома в Веске, покажу их вам потом. Если посылать почтой, придется в четырех письмах подряд требовать их возвращения, потому что ты по доброй воле мало когда это делаешь.

О собратьях-писателях: во время моего последнего пребывания в Укромном Поместье вдруг возник Булли ван дер. К., в Пежо 404 (кажется), с изящной внутренней обивкой и «первостатейным» мотором, но с проржавевшим днищем, которое он завалил картон-

---

I Забастовка докеров в Великобритании в июле 1970, вынудившая правительство ввести чрезвычайное положение в стране.

II Aldert Koop – преподаватель немецкого языка и художник, приятель Реве.

ными листами, резиновыми пластинами, пластиковой пленкой, старыми ковриками и т. д., все эти пласты слежались в хлюпающее месиво, так что ему пришлось отдирать их друг от друга, чтобы просушить каждый слой в отдельности.

У него при себе были две испанские охотничьи собаки, напоминающие французскую *braque*[I], но со стоячими ушами. «Ты их придерживай, – сказал я, – тут кабаны стадами бродят». Но он тут же отпустил их без какой-либо команды; это было во вторник после полудня, и лишь одна из них прибежала назад (ровно через двое суток). Вторая так и не вернулась – 3-летняя, вышколенная охотничья собака, определенно погубленная кабанами.

Он, Булли, в своем месте обитания в Вехер-де-ла-Фронтера[II] познакомился с немецкой девушкой. Всё шло прекрасно, пока Памфилия не потребовала: или она пусть убирается, или я. Девушка убралась, но после этого он выставил из дома и Памфилию, посадив ее на самолет в Нидерланды. И вот он остался в одиночестве. Просто диву даешься, как это Памфилия продержалась с ним 14 лет. Я вечно подстрекал ее уйти от него и найти себе приятного, славного малого из неартистических кругов, выйти за него и завести детей. Творческий художник, это о чем-то говорит, собрат мой. Не знаешь ли ты секретного лекарства против уныния? Что же еще тебе написать? О да, на мой автомобиль совершил налет учебный аэроплан, около Лангра[III]. Повреждение было немедленно исправлено.

Я теперь живу здесь, в Верте, официально. В муниципальном секретариате пожелали узнать, «где я работаю». «Дома», сказал я, но никто не понял. Тогда я прибавил, в отчаянии, что не могу толком объяснить: «Я вообще не работаю, поскольку несметно богат».

С любовью,

Ваш Герард.

I Брак, легавая *(фр.)*.

II Vejer de la Frontera – населённый пункт и муниципалитет в Испании, в провинции Кадис.

III Langre – город на востоке Франции, 100 км. севернее Дижона.

Верт, 13 октября 1972

Дорогие Тини и Симон,

Огромное спасибо за твое великолепное письмо от 6-го. Мне
182 было невыразимо тяжело и горько, я не знал, что делать, и в письмах язвительно отвожу душу. Какое счастье, что у тебя уже давно не такой злобный и злопамятный характер, как у меня, и ты, я полагаю, не рассердился на меня, или если только самую малость. Теперь всё уже гораздо лучше. Мальчики более-менее оторвались от меня, и я не дошел до того, чтобы жить в М., у некоей Высокопоставленной Персоны в усадьбе, где они могут пребывать до конца своих дней. Всё течет совсем иначе, нежели человек может предусмотреть в самом отдаленном будущем, а Любовь идет своим собственным путем и не подчиняется человеческой воле. (Она ведь является атрибутом Св. Духа, который в конце концов есть «огонь и любовь» и «дышит, где хочет»). Тигра и Мышонок теперь состоят в браке друг с другом, а я сделался отцом или дядюшкой. Это мучительно, но всё же хорошо. Со мной у Мальчиков нет будущего. Я – милый человек, лучший, который может сделать что-то для другого, но я – гений, и ни один человек, у которого есть собственные амбиции, не может со мной ужиться. Й<охан>[1] ужасно счастлив, что мог приютить их обоих вместе с Маман в том превосходном доме, где он, как член семьи, может расхаживать туда-сюда, болеть и наслаждаться теплом и уютом, чего он не знал с тех пор, как 4 года назад умерла его мать. Всё это сопровождалось неслыханными сценами, которые устраивал Мышонок из-за своей поистине маниакальной истерии. Неприятно, но он всё же, благодаря милости Божией и поддержке Его Матери, чего-то должен был достичь, рано или поздно. Я горю желанием и истекаю похотью к Мышонку, но, в сущности, больше люблю Тигра. Теперь я хочу не давать остыть тому, что осталось от нашей 9-летней любви с Тигром, поддерживая ее тепло на небольшом огне. Ну да, у Мальчиков в любом случае всё хорошо, даже лучше, чем когда-либо, и это главное. Я настолько знаменит, богат, молод и здоров, что могу иметь сколь-

1 Полак.

ко угодно красивых Женщин, и Дев, и Мальчиков, и Молодых Людей, не правда ли? У меня порой появляется болезненная, почти дипсоманическая[I] тяга к женщинам. Не знаю, в чем дело. Словно мало выпало на мою задницу! Я должен иметь всё или ничего, собрат мой, это всё из-за Марса в созвездии Скорпиона. Тем временем я довольно-таки сильно влюбился в одного Индючка[II] 25 лет, женатого на молодой женщине. Жена его весьма хорошенькая, изящного телосложения и со спортивным характером, но телесно она меня практически не волнует, хотя я-то ее определенно волную. «Чрез Марию к Иисусу», ты, наверно, уже давно думаешь: старый, брюзгливый, спившийся, прокуренный сатир, но я против этого. Я еще некоторое время буду взирать на него с почтением, а затем подарю ему в день рождения, кажется, где-то после дня Поминовения, коричневую или камуфляжную рубаху с воротником и приложу стихотворение: *Прекрасному Зерну Какао, Милому djongos!*[III]*/ от влюбленного Blanda*[IV]*, в джунглях.* Мне кажется, это очень певуче, и в отсутствии рифмы есть нечто обезоруживающее. Расскажу тебе, почему я написал великому королю поэтов А. Р. Х., нашему Яни[V]. Он однажды прислал мне симпатичное письмецо в связи с религиозной полемикой, которую я провел в «Тираде» с некоей карпатской рожей, как его там. (Его зовут Фенстра или Бертус, и он бывал в Индии, и пишет плохо и дешево и весьма интеллектуально и психологично, как Крол[VI] или Вроман[VII], Бог знает, как всё же его зовут, зануду)[VIII]. «Свобода в резервации» называлась его посконно-философская статья. Но А. Р. Х. меня поддержал. Позже я еще раз написал нашему Яни, но то, что он ответил, мне не понравилось. Я тщеславен и весьма эгоцентричен, но этот человек –

I Дипсомания – неудержимое влечение к алкоголю.

II Т. е. индуса.

III Прислуга *(инд.)*.

IV Белый, голландец.

V Адриан Роланд Холст (Adrianus (Adriaan) Roland Holst (1888–1976) – поэт, племянник «тети Йет». «Яни» – домашнее прозвище Холста.

VI Gerrit Krol (1934) – писатель, эссеист и поэт.

VII Leo Vroman (1915–2014) – нидерландско-американский поэт, драматург, писатель, художник, биолог и гематолог. В Нидерландах известен, прежде всего, как поэт, но сам себя полагал прежде всего ученым.

VIII Peter Andriesse (1941) – писатель. Изучал психологию, после учебы писал тексты, работал в рекламном бюро и журналистом.

и того пуще, и определенно невыносим. Однако я продолжал писать ему, полагая, что его письма будут стоить кучу Денег. Оказалось, что они еле-еле тянули на 25 гульденов (Двадцать Пять) за штуку, если на него вообще можно найти покупателя.

Вот ты рассказывал, как вы зашли в кафе, а там банкет, и он заорал: «Какая мерзость – банкет! Да еще и по поводу такой мерзости, как свадьба!» Понимаешь, я такого не выношу. То, что он чрезмерно себялюбив и скуп для того, чтобы когда-либо сочетаться с кем-то браком[I], не дает ему права обижать простых людей, празднующих бракосочетание. Не одобряю эту гнусную голландскую артистическую позу. (На мой взгляд, некоторые твои стихотворения куда лучше, чем его). Вся эта пена и морской ветер: этот тип ни разу не ступил лапой в соленую воду! Человек-ширпотреб. Ладно, проехали[II].

Как ужасно я написал о Пауле С. и Мире В.! Они ведь такие приятные и сердечные люди, даром что актеры.

Я много размышляю о Боге и о Любви. В любом случае жизнь, если нет в ней Божией благодати, лишена какого бы то ни было смысла. Я в этом уверен. Любовь, на мой взгляд, должна служить, жертвовать собой и покоряться. Если это так, и слова Иоанна верны, то Бог должен служить нам, жертвовать собой ради нас и покоряться нам. Эта мысль пугает меня, но от нее не избавиться. (Мне вспоминается произошедший много лет назад, во внутреннем дворике Дома «Трава», удивительный разговор с одним школьником-протестантом, рыжеволосым, в прыщах и синяках, неприглядным, почти уродливым. Не помню его имени. Я спросил его, как он себе представляет, что будет «когда-нибудь»... И он сказал: «Всё останется в точности как сейчас, но свет Божий будет разлит надо всем». Тут и добавить нечего).

Да, я прочел «Игрока» Достоевского, еще в 16 лет, если ты об этой книге. Я боюсь игровых залов и всех этих игральных автоматов. И никогда не перестану. Мультатули[III] тоже был этим одержим.

Книга «Милые мальчики» будет где-то в середине ноября готова в корректуре. Попытаемся к Рождеству подготовить безукоризненный и готовый к печати набор.

I Невзирая на заслуженную репутацию женолюба, Холст никогда не был женат.

II См. письмо Кармиггелта от 6 октября 1972 г.

III Eduard Douwes Dekker (1820–1887) – писатель, известный под псевдонимом Multatuli.

Я еще напишу тебе. На сегодня – эта пара строк. В среду отправляюсь в своем фургоне в Англию, на неделю. В салоне шкафы теперь заменены на две койки, расположенные поперек, друг над другом; они съемные, если мне понадобится использовать фургон для перевозки строительного материала.

Я по-прежнему совсем не пью. Если всё же что-то выпиваю, то стакан пива или вина. И баста. Удивительно, что это получается. Хочешь, я из солидарности с тобой полностью перейду на сухой закон? Я это сделаю!

С любовью,

Герард.

Верт, 16 октября 1972

Дорогие Тини и Симон,

Выше голову, эй! Всё в порядке. Жизнь моя продолжается, хотя толком не знаю, как. Вчера нанес визит в городок Моншау[I], в страну родственного нам по духу и языку братского народа. Там должен был бушевать фестиваль вина, которого, однако не было. Хюс ван Б. остался спать на верхней полке в автомобиле, припаркованном у Бургтеатра, а я тем временем пошел прогуляться по городку, нечто вроде Маркена или Волендама[II], со всеми этими кукольными домиками человеческих размеров. Местечко расположено в распадке, весьма романтически и труднообозримо. Я взобрался по всяческим лестницам наверх, к уродливой часовне, в которой имеется довольно уродливая статуя «Allerschmerzhafteste (если я правильно прочел) Gottesmutter»: piëta, при созерцании которой у меня возникли досадные мысли: «Моет ли она по-прежнему такого взрослого сына в ванне – он же в состоянии помыться сам?» Часовни порой – это маленькие дворцы или пряничные домики

I Monschau – город в немецкой земле Северный Рейн-Вестфалия, в районе Аахена.

II Marken – бывший остров, с 1957 связан с материком дамбой. Относится к муниципалитету Ватерланд в провинции Северная Голландия. Волендам – деревня, расположенная в муниципалитете Эдам-Волендам, в провинции Северная Голландия.

с ценными гробницами, но в этой часовне меня охватило сомнение: не стою ли я меж писсуаров в публичном сортире. Я сунул в щелочку 1 марку, поскольку мельница должна крутиться, и вернулся по другой тропинке по каменным и деревянным ступеням вниз; по пути на меня напала боязнь высоты, что довольно абсурдно, ибо там не было практически ни одного места, где я подходил бы к обрыву. Накануне я выпил вина. Когда прекращается действие алкоголя,

у меня наступают легкие признаки делириума 1966 г. Я был охвачен невыносимым, мучительным ужасом навеки быть покинутым Богом, потому что я такой скверный и грешный человек и никого не люблю, кроме, возможно, Тигра. Спустившись назад, я был узнан в городке голландскими туристами, и весь страх мгновенно испарился. И всё же я много думаю о Боге и о Смерти.

1 ноября сего года в конторах «Безиге Бяй»[I] состоится торжественное вручение первых юбилейных экземпляров «Вечеров». Надо полагать, ко мне будет обращена приветственная речь величайшего просветителя со времен Эразма. Видишь, я не напрасно жил. Нужно будет заготовить ответное слово. Юбилейный выпуск – роскошное издание, подготовленное Йоханом: карманное издание – «Пчелой», и смотрится весьма благородно. Йохан выковырял из второго издания всю чепуху, остававшуюся там после 23 оттисков; примерно 300 поправок.

Пробные экземпляры «Милых мальчиков» мы можем ожидать в начале следующего месяца. Очень возможно, что эта книга вызовет скандал, как «Вечера» в 1947 г. Иногда я бываю очень счастлив, что получилась такая внушительная вещь, а потом вновь делаюсь безутешен от страха, что ни в одной последующей книге не достигну больше такой высоты.

Брата в искусстве Вима С.[II], который 21 октября придет сидеть у Мис «на стуле»[III], я тщательно проинструктировал, что́ он должен сказать, если она его спросит, какие три книги он взял бы с собой на необитаемый остров, и т. д.: 1. Библию; 2. Сборник прозы С. Кармиггелта; 3. Книгу «Платная любовь» Герарда Реве.

Как долго вы собираетесь пробыть там, в Кап д'Ай? И как бы вы описали мне ваши апартаменты: выходят они окнами на море?

I De Bezige Bij («Хлопотливая пчела») – издательство.

II Скорее всего, Wim T. Schippers (1942) – артист, комедиант, актер озвучивания.

III Maria Antoinette "Mies" Bouwman (1929) – в то время телеведущая.

Где-то между Рождеством и Новым годом мы с Хюсом ван Б. отбываем в мои Укромные Владения. Возможно, в таком случае мы заедем к вам и к Виму С. в Ванс[I], если означенные персоны будут на месте и их это устроит. Я предложил Виму снять фильм, в котором мы можем играть вместе.

Завтра я еду в Р<он>, остановлюсь у «покровителя Q»[II] и послезавтра на пароме переправлюсь с машиной из Хука в Харвич, чтобы пожить недельку у лондонского друга П. в С. (Эссекс). 24-го возвращаюсь назад, вновь переночую в Р. и 25-го приезжаю в Верт. Беру с собой работу и корреспонденцию. Надеюсь, что по возвращении обрету некоторый сорт ритма. Нечего будет рассиживаться, нужно приниматься за новую книгу.

Меня тревожит то, что в пятницу, субботу и воскресенье я довольно много употребил вина. В воскресенье, вчера то есть, я в часовне на горé в Моншау обещал Святой Деве «соблюдать строжайшую умеренность». Но вечером опять напился, в Масейке[III], где меня по очереди массировали и тискали две молодые женщины. Чем я мог им ответить? Блистательно нести блистательную чушь, и громко рыгать, и хвалить угощение и обстановку квартиры.

Дай знать о себе. Приятно ли море для купания, или оно грязное, вонючее и покрыто пленкой дегтя? Много там теперь народу?

Мне кажется, что красного правительства после ноябрьских выборов у нас, слава Богу, не будет. Какой срач устраивают эти Х. Г.[IV] марксисты везде, где добираются до власти. Этот премьер Ellende[V] сумел в считанные месяцы превратить сравнительно благополучную, быстро развивающуюся демократическую страну в хаос насилия и лишений. Это сумасшествие, эта нездоровая мания присваивать международные инвестиции без возмещения. Россия же должна была послужить уроком: там, 55 лет спустя, они все еще стоят в очередях, чтобы купить полкило помидоров или

I Ванс – коммуна на юго-востоке Франции в департаменте Приморские Альпы региона Прованс-Альпы-Лазурный берег.

II Ludo Pieters (1921–2008) – красный портовый барон, меценат и друг Реве. Жил в деревне Rhoon в окрестностях Роттердама.

III Maaseik – муниципалитет в бельгийской провинции Лимбург, на границе с Нидерландами.

IV От «Хайль Гитлер».

V Игра слов: Allende – Ellende (горе, несчастье).

сто грамм мяса, или бритвенные станки, или туалетную бумагу. Марксисты – не политики, но разновидность Савонарол, моралисты: флагелланты, миллениумспрингеры или те, кого уже давно именуют в Америке «прыгуны Иисусовы».

С любовью,

Ваш Герард.

P.S. Как дела со здоровьем, собрат? И шея у Тини, прошло онемение?

Верт, 31 октября 1972

Дорогие Тини и Симон,

Как живете-поживаете? Утром, без двадцати восемь-полвосьмого, не суть, выпек из задницы довольно приличный кусок говна. Я хотел было встать, дабы продолжить шествие по дому, когда что-то меня предостерегло. («Подожди, пока не погаснет красный свет – может появиться еще один поезд»). И тут же появился огромный чемпионский огурец, скользнувший рядом со своим чуть старшим братцем постарше и заполонивший всю раковину альтернативной кухни. И теперь ты, возможно, не поверишь, если я скажу, что в четверть первого, – после полудня, стало быть, – я выпек еще один премиальный вариант («берешь три, платишь за две», следовательно), по длине и весу, вероятно, примерно равный среднему от суммы двух предыдущих выпечек.

Жизнь тем временем протекает своим чередом. Я стоял в предрождественской давке, дожидаясь своей очереди к булочнику, как вдруг услыхал необычный звук, или, вернее сказать, целую совокупность звуков! Передо мной стоял человек в порванных на заду штанах, – шов разошелся и материя отогнулась, образовав в некотором роде второй ротик. Скоро выяснилась причина моего удивления. Звуки, или вернее сказать, треск – потому что шум исподволь усиливался – доносился из этой дыры: «Порр, порр, порр». Мужчина производил быстрые, неуверенные движения, и лавочная об-

слуга была явно обеспокоена. Девушка-помощница сразу очень громко спросила, перекрывая гомон и грохот: «Кто следующий?» «Этот господин, – ответил я, – вы же слышите?» Потому что тем временем продолжалось «плоф» и «щелк». Мужчина попытался означить свое желание: «Мне надо… э…» «Да, я слышу, – сказал я, – но хлеб уже испечен. Есть Бог и есть закон о контроле качества товаров». «Пуфф!» – раздалось вновь, и кто бы мог описать изумление, мое и многих других домохозяек, когда из мужиковой бумазейной пушки запорхали бесчисленные черные мотыльки, облепляя караваи, батоны и буханки, рождественскую сдобу с миндальной начинкой и без оной, пропеченные лепешки и солодовый хлеб. Пожарники тут ничего не могли поделать. Бургомистр, истинный христианин, постановил отправить выпечку в развивающиеся страны. Я купил хлеб в лавке напротив. Тот мужик тоже было намылился туда, но его вовремя уловили сетью. На моем хлебе сидели две осы, но это ничего. Пытались запихнуть мотыльков назад в мужиковое ласточкино гнездо, однако легче сказать, чем сделать[I].

Завтра в зале заседаний издательства «Безиге Бяй» проф. Х. А. Гомпертс[II] произнесет в мою честь торжественную речь по случаю совместного осуществления Йоханом Полаком и Гертом Люббер-хаузеном[III] юбилейного издания «Вечеров»; Йохан издает 24-й (люксовый) выпуск, Герт – 25-й (народный). Вручат ли мне конвертик с известным содержимым и орденом? Думаю, что не будет ни того, ни другого. В любом случае я сочинил Блистательную Речь[IV], работа над которой меня утомила.

Я был до слез взволнован твоим (старым?) рассказом о проходящем процедуру развода «Виме», который «слишком хороший», – в кафе, с надсадным кашлем; и еще больше слёз вызвал твой старый рассказ в «Процессии карликов»[V] о шахтере, чья жена

I Этот фрагмент был опубликован ранее как самостоятельный рассказ в декабре 1973 г. под названием «Вкусный рождественский пирог» (“Lekker kerstbrood”), а также вошел в сборник рассказов «Свой дом» (“Een eigen huis”).

II Henri Albert (Hans) Gomperts (1915–1998) – литератор, эссеист и литературный критик.

III Geertjan Lubberhuizen (1916–1984) – основатель и директор издательства «De bezige bij».

IV «Торжественная речь для именующей себя писателями черни, произнесенная 1 ноября 1972 г.» вошла в сборник «Свой дом».

V Сборник очень коротких юмористических рассказов.

выигрывает «масляное соревнование»[I]. («Кувшин, жена, кувшин».)

Я потихоньку разогреваюсь для работы над новой книгой. Она будет называться «Циркач». Недурно, а? Другая, что уже в печати, окончательно называется «Милые мальчики». Ну, а теперь ты.

С большой любовью, ваш

Герард.

Верт, 21 ноября 1972

Дорогие Тини и Симон,

(Потерял марку за 5 центов, но знал, что она где-то тут, и точно, отыскалась через несколько недель на самом дне какой-то коробки. Я думал, что она куда-то улетела – по дороге из автомобиля в дом и vice versa, но, стало быть, этого не случилось.

Ты делаешь превосходную работу, собрат мой, – я с неослабевающим интересом слежу за вечерней газетой. Совершенно прекрасно о Чехове; прежде всего потому, что ты помещаешь его в нынешний антураж, на Ривьеру. Похоже, что это окружение тебя вдохновляет. Восхитительно – о содержателе кофейни с ребенком, женившемся в Англии. И вчерашнее, об истории игорного дома. Ты вновь тот же старый, или, лучше сказать, ты вновь кажешься молодым (богатым и здоровым). Я очень рад, поскольку опасался, что с тобой не всё в порядке, и уже написал Виму С., чтобы он навестил тебя и попробовал взбодрить, показывая фокусы со спичечными коробками и враскачку расхаживая по комнате под распевание непристойных старинных песенок. (Знаешь ли полный текст песенки – я помню только две строчки: *Эй, ты, на мотороллере дружок/седло широкое и что труба рожок* (...)?) Посылаю тебе фотокопию одного твоего письма, о богатом игроке из Монте-Карло, с помятой рожей и застарелой козявкой в носу[II]. Это – готовый кусок для рассказа.

I Популярные соревнования, разыгрываемыми газетами, для участия в которых требовалось представить обертки от сливочного масла с указанием четырех различных фирм-производителей, разгадать ребус и заполнить соответствующий купон.

II См. письмо Симона Кармиггелта от 6 окт. 1972.

У меня всё хорошо. Писал ли я тебе, что 7-8 недель назад поместил в «Свободных Нидерландах» объявление, гласящее: «Неудавшийся писатель, бедный, некрасивый, со скверными зубами и запахом изо рта, гомосексуалист, католик, ищет славного, приятного дружка для игр»? Поступили различные скучные письма, но одно из них было чрезвычайно милым, и я на него ответил. Теперь я совершенно счастлив. Автор письма, будущий художник, в точности моего роста, 1.80, весит около 69 кг., тоже из артистической среды, тоже гомосексуалист, тоже католик и одного со мной возраста, только чуть помладше (послезавтра ему 23 года). Он учится в Королевской академии в Гааге и заканчивает ее через год. Его старуха-мать и остальное семейство проживают неподалеку, в С. Он не подозревал, что объявление поместил я. Но как бы то ни было: с первой же встречи мы загорелись любовью (как в сказке) и тут уж точно, если разобраться, не обошлось без Божьего вмешательства. Его зовут Йозеф, и он в самом деле сын министра, который так отвратительно обошелся со мной в 1951 или 1952 г.![I] Так что всё вновь встало на свои места, собрат мой! “Jede Schuld rächt sich auf Erden”, так, кажется, у князя поэтов[II]. Я зову его Шакалом[III]. Мы поженимся, пусть даже федеративно, я имею в виду, без того, чтобы постоянно жить вместе. Я его насчет этого предупредил. Я сказал ему, что знаю всё и могу в точности разъяснить ему, как и что он должен рисовать, чтобы месяца через три загреметь в клинику. Это небывало славный, но для своих лет совершенно зрелый юноша. К тому же прекрасно сложен, на мой взгляд, и исключительно приятной внешности. Когда мы впервые встретились (он заехал сюда по пути из С. в Гаагу), я сказал себе: «Что бы там этот парень не писал, это прекрасно и потрясающе, и нечего скулить», но в его гаагской клетушке оказалось, что это в самом деле блестяще! И он

I Весной 1951 г. Реве получил субсидию на путешествие, назначаемую жюри государственных дорог, за свою новеллу «Меланхолия». Однако вскоре после этого субсидия была отозвана государственным секретарем (т.е. не министром) Й. Ж. Д. Калсом, который аргументировал это тем, что «должен следить за пороками, определенно затрагивающими всеобщее благо или противоречащими нормам общественного порядка и благопристойности». Последовало справедливое негодование Реве (он подал иск против Калса ввиду оскорбления чести и достоинства), многих его коллег (сформировавших комитет по поддержке Реве) и журналистов.

II Гете, «Арфист, из Вильгельма Мейстера: „Denn alle Schuld rächt sich auf Erden.“ «Нет на земли проступка без отмщенья!» (пер. В. Жуковского).

III См. «Циркач», пер. С. Захаровой.

любит меня, как это возможно, нет, и как до этого можно дойти, но всё же это так! Из-за осмотрительной жизни, которую я всегда вел, и поскольку сделался католиком, другого объяснения я так сразу не найду.

Как дела с вашим здоровьем, и как долго вы еще там пробудете? Для меня Ривьера чересчур городская. Я больше люблю природу и ненавижу город, все эти сладострастные виллы на синих морях. И к тому же я не душелюб, как ты. В сущности, я всё это считаю плебейством, будем уж откровенны, что на уме, то и на языке. Однако вы в некотором смысле находите, что тут, что называется, приятно. И Шакал, разумеется. Правда же, красивое имя? Если бы меня уже не звали Герардом, я бы определенно назвался Шакалом. Симон – тоже красивое имя, я так и звался, очень давно, долгое время[I].

Напиши же мне что-нибудь. Прелестная цветная любовная открытка с французскими матросами тоже сойдет. Такие открытки теперь повсюду выпускают.

Я страшно переживаю, собрат мой, потому что всё слишком хорошо. Я всегда так. Не решаюсь поверить в действительность. Кажется, я уже писал тебе об этом. Любовь для меня – нечто проблематичное, величественная и грозная Тайна. (Поэтому картинки в так называемых прогрессивных газетах я считаю богохульственными, ведь они содержат отрицание величия Эроса – величайшего, всезатмевающего и всепокоряющего Бога). Давать любовь я умею, пусть даже она порой и неумелая, спотыкающаяся, надоедливая и устраивающая чужие дела, но принимать любовь для меня очень трудно. Все мои религиозные страдания проистекают из моей уклончивости принять Любовь Господню, из страха вновь ее потерять. По крайней мере, мне кажется, что дело обстоит именно так.

Ты все еще соблюдаешь сухой закон? Я тоже. Дней десять назад я был у великой поэтессы Васалис[II]. Она тоже (три года) ни капли, и не страдает. У нее больная печень, не из-за алкоголя, но из-за какой-то грязной инфекции (гепатит), которой она заболела десять лет назад.

I Реве начинал писательскую карьеру под псевдонимом Симон ван хет Реве.

II M. Vasalis (Margaretha Droogleever Fortuyn-Leenmans) (1909–1998) – поэтесса и психиатр.

Я исправил пробный оттиск «Милых мальчиков». Хорошая книга, мне кажется. 12-й выпуск «Языка любви» в печати. Мы приближаемся к продаже стотысячного (100000) экземпляра, но Йохан Б. В. не хочет ничего с этим делать, потому что изобилие праздничного шума работает превратно и возбуждает недоброжелательство. Мы теперь целиком настроены на публикацию новой книги. Ну, типчики, не падать духом. 22 декабря Хюс В. Б. и я отправляемся в мои Укромные Владения до 1 января. От души будем рады вашему приезду на Рождество, но я лучше бы устроил вас в гостинице в Ля П. или Д[I].

С любовью,
Ваш
Герард.

Гаага, 16 декабря 1972

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за твое письмо из Кап д'Ай, с изящными открытками Пресвятой Девы Лагетской и парижских, в которых ты просишь о совместной работе над твоей coverstory[II] в «Гаагсе пост». Честно признаться, вся редакция «Гаагсе пост» представляется мне скопищем отбросов, в особенности этот бесплодный клеветник и гнусь, этот мертворожденный кошачий грипп Х. Х. Знаешь, если бы я не был Герардом Реве, я стал бы Симоном Кармиггелтом. Но я бы лучше умер, чем стал бы этаким Х. Х. Они, конечно, попробуют втоптать меня в грязь, и у них разумеется, ничего не выйдет. Я отослал весьма доброжелательную экспертизу о твоей работе и личности, выполненную в таких коротких фразах и четким почерком, что они, вполне возможно, поместят ее факсимиле. Никто – за одним-единственным исключением – не пишет столь изящно, как ты, и ни у кого нет такого прекрасного характера, вот к чему это сводится. Между тем у меня, как я тебе, полагаю, уже писал, появился новый

I Предположительно, гостиницы «La Picholine» и «Domaine La Françoise».

II Статья, иллюстрация к которой дана на обложке журнала.

Суженый, действительно совершенно исключительный юноша, но об этом позже. Его зовут Шакал, он приезжал погостить в Верт, где я отмечал мое 49-летие обедом в Бельгии, предложенным мною самому себе и еще восьми персонам, за 300 примерно гульденов. Считаю это катастрофой, но участникам, надо полагать, я доставил большое удовольствие. Было условлено, что музыки не будет, но музыка ревела, как на ярмарке. Так жаль потерянных денег! В воскресенье нам нужно туда опять, в этот раз с Йоханом Б. В. Полаком, Тигром, Мышонком и Ханни и, как и в прошлый раз, с Хюсом, Шакалом и мной. Шакал раньше был помолвлен с Марией, с которой у него «ничего не было». Этот Ребенок, стало быть, вообще говоря, не от него. Он рисует замечательно, полон огня и страсти, и мысль его прослеживается очень четко. На следующий год, весной 1973 г., он сдает выпускной экзамен в Гаагской Королевской академии, получит, D.V., M. O.-A. & M. O.-B[1], и сделается кем-то вроде художника-докторанта. Он занимает в Гааге половину первого этажа в трущобе, в отвратительном районе проституток, очень шумном, скандальном и небезопасном, и на каждом квадратном метре тротуара – четыре-пять растоптанных, как плевок жевательного табака, комков собачьего дерьма. Припарковаться невозможно, или возможно с большим трудом, а на соседнем участке утоптанного песка я могу стоять сутки за 7 (семь) гульденов. Всякий, кто может себе это позволить, поступает очень разумно, сбегая из города.

Не находишь ли ты день на открытом воздухе – не в гостинице при громыхающей дороге, но именно на открытом воздухе – передышкой?

С любовью,
Ваш
Герард.

1 Степени с отличием.

Верт, 22 декабря 1972

Дорогие Тини и Симон,

Сегодня в три часа пополудни мы с Хюсом ван Б. отбываем в мои Укромные Владения. Дороги пока еще не замело, и печка в машине работает хорошо. Сочинение о тебе в «Гаагсе пост» действительно на удивление хорошее и достойное[1]. Этот парень в самом деле что-то понял о 1925-1945 гг., или это могло получиться из-за напористости, с которой ты раскрывал замыслы того или иного. Я, D.V., выезжаю из Веска в день перед Новым годом и, если всё пойдет хорошо и не заметет, вернусь в новогодний полдень или вечер.

С любовью. Ты вновь совершенно в ударе, собрат по перу!

Твой

Герард.

Верт, 2 февраля 1973

Дорогие Тини и Симон,

Напряжение возрастает до почти невыносимой высоты. Количество проданных по предварительному предложению экземпляров моей последней чудо-книги «Милые мальчики» составляет почти 36 тысяч. Между тем, однако, две вещи. Не поставишь ли ты от моего лица свечку в «Попугае»? Насколько я знаю, ты всё еще этого не сделал, а ведь Она вытащила тебя из запоев. (Она – покровительница моряков, утопающих и даже неверующих!) Посему сделай это, не мешкая, пока не поздно, не то попадешь в Ад, который в самом деле существует, так же как и Дьявол, о чем, кста-

1 «Прогулка; портрет Симона Кармиггелта»: Иша Мейер, «Гаагсе пост» 20 сентября 1972. Упомянутая «экспертиза» действительно была напечатана там же, хотя и не факсимильно.

ти, недавно говорил его высокопреосвященство Гейзен[I]. Но я сейчас не об этом. Не знаешь ли ты в Гааге какое-нибудь поистине цивилизованное заведение, где можно было бы приятно пообедать в количестве шести человек? Существуют ли еще рестораны без этой музыки вроде закипающего чайника? Что-нибудь старомодное и пристойное, куда заходят старые плантаторы и индоны[II] (но не черномазые)?

И вот еще что. Я решил опять полностью воздерживаться от спиртного. То есть никаких «время от времени стаканчик вина или пива». Мне страшно. У меня опять ужасные приступы депрессивных страхов, с галлюцинациями и всем прочим в придачу, а зачем мне это нужно? (Ко мне являлся какой-то медведь и соблаговолил поведать мне, что то, что я пишу – сплошной шиш. Только потом меня осенило, что я должен был сказать: «Ты – животное. Ты же читать не умеешь». Но в такие моменты язык отнимается).

Рассказывал ли я тебе о видении Терезы Авильской[III]? Испанская монахиня, которой в течение 35 лет были голоса, повелевавшие ей оставить монастырь и учредить новый орден. В конце концов она повиновалась. Ее духовником был св. Иоанн Креста (Сан Хуан, поэт, мистик, «учитель церкви», святой и покровитель испанских поэтов), и оба некоторое время жили в замке в Оропете[IV], где я побывал и постоял на том же стоптанном пороге, на котором стояли и они. Ну да ладно. Тереза во время одного из своих странствий чуть не утонула, переходя вброд бурную ледяную реку. В самый разгар борьбы со стихией ей явился Христос, сказавший: «Смотри, как я нынче обхожусь со своими друзьями». На что Тереза ответила: «Теперь я понимаю, отчего у тебя так мало друзей». Но всё это – довесок, собрат мой, ну посмейся хотя бы. Смеяться-то особо не над чем. Но до чего же ты хорошо выглядел! Тини тоже, но мне показалось, что какая-то у нее тяжесть на душе. Или, может статься, она, в свою очередь, позволила себе побыть усталой и изможденной.

I Joannes (Jo) Baptist Matthijs Gijsen (1932) – католический епископ, историк церкви.

II Индонезийцы.

III Тереза Авильская (1515–1552) – испанская монахиня-кармелитка, католическая святая, автор мистических сочинений, создатель орденской ветви «босоногих кармелиток». Католическая церковь причисляет её к Учителям церкви.

IV Оропеса (Oropesa) – муниципалитет в Испании, входит в провинцию Толедо в составе автономного сообщества Кастилия – Ла-Манча.

Вчера вечером я взял да и поддался порыву и выпил полтора литра вина. Что не есть хорошо. Только никому не проболтайся. Откройся Деве, в «Попугае», если пожелаешь. О цене не беспокойся. Поставь 4 свечи (по 30 центов), но в щелочку больше гульдена не бросай. Папа перебьется полгода без новой машины.

Стало быть, как сказано: таково желание Великой Богини, накрепко заткни бутылку и кувшин. (Да святится Имя Ее).

Твой рассказ с перечислением событий дня, несколько дней назад, великолепен. Названия не помню. Ты делаешься весьма экономным на слова и невероятно метким. Студент, который торгует газетами, зарабатывая себе на учебу и смотрит, торгует ли кто-нибудь газетами, зарабатывая себе на учебу – точнее не напишешь.

Выше нос, дорогие мои. Всё в порядке. Хотел еще что-то написать, но забыл. Стало быть, попроси Ее в «Попугае», пусть меня не забывает.

С любовью, ваш

Герард.

(пишет занятно, и всё-то он пишет).

P.S. Прилагаю почтовые марки, чтобы подвигнуть твой моральный дух).

Шован, 25 февраля 1973

Прекрасные Писатюшки,

В комнате – 7 градусов Цельсия выше нуля, а на дворе бушует метель в 8-9 баллов. Впрочем, у огня уютно. Мы с Йозефом отчалили в среду вечером и прибыли сюда в пятницу утром. Через неделю уезжаем, D.V., назад, в Отчизну, если только сможем отсюда выехать, ибо ныне Укромные Владения замело снегом. Мне пришлось оставить машину в 150 м. отсюда, на перекрестке трех дорог, поскольку последний и самый узкий участок дороги вдоль весьма отвесного откоса напрочь занесен снегом и покрыт льдом. Соседи гоняют на своем американском военном грузовике 1944 года,

но я с моим ничтожным опытом не рискую ездить по обледенелой тропинке шириной 15 см.: слева – скала, справа – почти вертикальный обрыв, значащийся в земельном кадастре как участок земли, но на аэроснимке – чистая фикция.

Вчера мы спускались на машине вниз, но не ради удовольствия. У нас теперь запас воды на неделю, хлеба – на три дня, и неограниченное количество съестных припасов – картофель, зимняя капуста и сотни банок консервов из родных пенатов. Сосед Ален Шастен и его мать привезли нам вчера кучу дров и предложили посыпать солью верхнюю часть дороги, чтобы очистить ее ото льда, но я отверг это предложение, ибо при оттепели дорога превратится в болото, что так же опасно, как и лед, по которому мне придется пробираться, дабы не ударить в грязь лицом.

С меня спало всё напряжение по поводу книги. Как ты, наверное, знаешь, первый тираж на третий день был уже раскуплен (50000 экз.) Мнения прессы по поводу книги весьма разнообразны. Я в полной мере наслаждаюсь бескорыстными обсуждениями различных опустившихся литературных собратьев. Величайший после Эразма светоч культуры Вим Зал[1] пишет в журнале «Элсевир», что «Милые мальчики» – полный и абсолютный провал и т. д.; моя предыдущая книга – «Язык любви» – напротив, «шедевр»! Я внимательно перечитал его – скупую – прошлогоднюю рецензию на эту книгу, но о «шедевре» там ни словом не упомянуто! И «старик» Альберт С. пишет под псевдонимом «Геррит Комрей» в воскресной газете «Врей Недерланд», что моя работа – полный ноль, и «так любой сумеет». Когда бы так! Я имею в виду, слава Богу, не любой, иначе бы мне пришлось собирать манатки. Поверишь ли? Что «любой умеет» писать так, как пишу я? Ну, старый Альберт Геррит С. Комрей в любом случае не может, что очевидно. Или если всё-таки может, отчего же он этого не делает? Срубил бы сто тонн за книжку, и тогда ему не пришлось бы потеть за чаевые в этой облыжной газетенке, и он даже смог бы оплатить себе курс лечения от алкоголизма! И от запоев бы за собственные кровные вылечился!

Мы живем просто роскошно, несмотря на всяческие хлопоты. При том, что Шакалу тут очень нравится, и он хотел бы прожить здесь большую часть года. Еще раз резюмирую то, что касается

---

1 Wim Zaal (1935) – журналист, литератор, эссеист и рецензент. Многие годы работал литературным редактором в «Элсевире».

критики: половина прессы целиком за Dietti Rambies, вторая – категорически против, что, на мой взгляд, всегда очень хорошо, и это поистине отличный знак. Я согласен со словами Оскара Уайльда – в вольном переводе с английского на нидерландский, потому что дословно не помню: «Когда критики вцепляются друг другу в глотки, художник чувствует себя прекрасно». (И еще одно дивное, там же: «Не знаю, продажны ли критики, но, судя по их внешности, они никогда не просят много»[I].)

Мартин Рос[II] пишет – кажется, в «Общей газете», – что «раздутая задача» книги «Милые мальчики» не может справиться с ее монотонностью. Ты понимаешь, что он имеет в виду? Как может какая-либо задача когда-нибудь быть другой? Подобный пиздеж – это как отскребать краску с оконной рамы, приговаривая: «Мужик ведь салата не умеет вырастить!». Этот Рос распространяется насчет того, что во второй части книги Мышонок, наущаемый мною, удовлетворяет свое противоестественное желание с Фредди. Но Мышонок исчезает ровно в середине пятой главы, которых всего девять, и во второй части книги вообще не появляется ни разу! Такие исключительные вещи читаешь в обсуждениях. Говорят, например, что я делаю книге «Милые мальчики» неслыханную, бесконечную, в высшей степени интенсивную рекламу. Но я дал всего два интервью, одно – вертской рекламной газете, другое – ежедневнику «Пароль»[III]. Я, как пишут, уже «много раз зачитывал отрывки из книги». Я выступал с отрывками всего два раза, а именно в театре Bzztôh в Гааге[IV] и пойдя

I «Пусть критики расходятся во мнениях, – художник остается верен себе». Оскар Уайльд, «Портрет Дориана Грея», пер. М. Абкиной.

«– Затем он спросил, не пишу ли я в газетах. Я ответил, что даже не читаю их. Он, видимо, был сильно разочарован и сообщил мне, что все театральные критики в заговоре против него и все они продажны.

– Пожалуй, в этом он совершенно прав. Впрочем, судя по их виду, большинство критиков продаются за недорогую цену» (там же).

II Martin Ros (1937) – издатель, публицист.

III 8 января 1973 г. Реве дал интервью Берту Буларсу (Bert Boelaars, корреспондент NPS (De Nederlandse Programma Stichting, Нидерландский фонд программ).

IV В театре Bzztôh в Схевенингене 16-17 февраля 1973 г. состоялось крещение книги «Милые мальчики». Справедливости ради нужно сказать, что Реве, кроме вышеупомянутых случаев, уже 1 ноября 1972 г. зачитывал отрывки из «Милых мальчиков»: на праздничном собрании в честь юбилейного издания «Вечеров» (см. письмо от 31 окт. 1972), закончив свою «Блистательную речь» кратким отрывком из главы «Тяжелее воздуха».

навстречу настойчивому предложению АВРО[I]. ВАРА[II] с тех пор меня бойкотирует, такое впечатление. Это называется «Мне и без того гласности хватает», по словам карпатской рожи – Германа В.[III], который своей обсыпанной перхотью коро коро башкой при появлении в телеящике вызвал у меня почти невыносимый зуд в голове. Он также преградил мне путь к потрясающей семейной программе по воскресным полудням, именуемой "НОС киоск"[IV], поскольку я «чересчур коммерсант». Он, разумеется, делает всё это «за так»; за несколько месяцев, будучи главным редактором, он растоптал основанную на рабочие центы редакцию ежедневника, и тоже «за так». Левые теперь поистине начинают привирать. До того они были просто слабоумными. Теперь же они уподобляются немецким фашистам, например, не допуская достойных профессоров к преподаванию. Еще пара лет, и они начнут сжигать издательства и книги, не угождающие их вкусам. Левые никогда не придут к власти в Нидерландах легальным путем. Отсюда их ненависть к парламентарной демократии и стремление к этому порталу диктатуры, к районной избирательной системе, их насилие и террор. Ну да, то, что подавляющая часть художников жаждет красной диктатуры, это понятно. На что свобода бесплодному художнику? Что Херри Муллесу[V] в свободе печати, а Тону Регтину[VI] – в свободной науке?

Я полагаю, что нашей свободе осталось жить лет пять, от силы десять. Ладно, может быть, я чересчур мрачно смотрю на вещи.

Нужно просто работать. Но обладать талантом – преимущество сомнительное. Ближний прикончил бы тебя за милую душу. Покуда ты еще не выбрался на свет и лежишь на дне, они считают, что ты грандиозен. Но как только твои книги станут хорошо расходиться, а ты начнешь зарабатывать пару центов после половины, или ¾, или 4/5 жизни, проведенной в бедности – этого они тебе никогда не простят.

I "Algemene Vereniging Radio Omroep" – Нидерландское радиовещание.

II "Vereniging van Arbeiders Radio Amateurs" – Союз рабочих-радиолюбителей.

III Скорее всего, речь идет о Германе Вигболде (Herman Wigbold, р. 1950).

IV Nederlandse Omroep Stichting – нидерландский фонд телевидения и радиовещания.

V Игра слов: Харри Мулиш – Herrie Mulles (с некоторой натяжкой можно перевести как «мул-скандалист»).

VI Antonius Aegidius (Ton) Regtien (1938–1989) – политик и публицист. Он написал книгу «Вьетнамский трибунал Стокгольм Роскилде», осуждающую американское вторжение во Вьетнам.

Я опять переделал свое завещание, и всё, насколько возможно разумно уладил согласно моему крестьянскому пониманию.

Побывал ли ты в церкви «Попугай», в конце концов?

С большой любовью к вам, Йозеф и

Ваш Герард.

(пишет занятно, и всё-то он пишет.)

Белый поэт Города и Деревни.

Гаага, 12 марта 1973

Дорогие Тини и Симон,

В последние дни меня опять одолевают неслыханные приступы тоски. Очень способствует литературной работе, ты бы сказал. Но сейчас, однако, мне везет. В остальном всё, впрочем, в определенном смысле очень хорошо. Я эти два дня живу у Шакала, в Гааге. Во время нашего пребывания в моих Укромных Владениях соседский мальчик Ален со своим Bûle Dauzerre расчистил руины и свалил в пропасть несколько тонн щебня. Дней этак через десять я снова собираюсь туда, скорее всего один, и снова примусь за строительство. Надеюсь дней за восемь-десять установить водяной резервуар. Если кирпичный король Жильбер Алэз из Веска действительно явится бетонировать крышу, к осени я, наконец-то, сделаюсь обладателем собственного жилого дом.

Нельзя слишком долго концентрироваться на разных мыслях, – так и повеситься недолго. Где же я собираюсь в конце концов жить? Время покажет, но не исключено, что мне придется сделать из Шована этакое центральное убежище, и из этого центра всю жизнь мотаться туда-сюда. Жизнь, кстати, – это путешествие, и повсюду проездом, собрат мой. Больше всего бы я хотел для начала съездить в Лурд, побыть там в день Господня пробуждения (Благовещение, 25 марта). Писал ли я тебе, что в Лурде, на Троицу 1972 г., в 18.20, поставив машину в небольшом парке, тянущемся вдоль Esplanade du Paradis (напротив Hôtel “N. D. De Piétat et du Paradis”) видел Беспощадного Мальчика, с родителями или опекунами,

в винно-красной Симке модели 1501, номерная доска 163 MG 47? На нем была охряно-желтая рубаха с расстегнутым воротником; поверх нее – зеленый джемпер в горизонтальную полоску из черных и серых ромбов, и светло-коричневые, грубого хлопка блестящие брюки с толстым, простроченным справа налево швом в Расщелинке. Туфли «обычные», волосы темно-русые, прямые; лет, скорее всего, 15½. Я всё это записал тогда на выданном в банке конверте «Советы путешественнику», чтобы сохранить свидетельства для последующих столетий.

(Каково было бы существование, если бы не Она, собрат мой, Утешительница, Избавительница, Прославленная и Венценосная?) Позже, неподалеку от статуи Венценосной, в большом парке святилища, я видел также и Вольфганга Мл. под видом немецкого парашютиста в паломничестве. Я всё больше и больше полагаюсь на Нее, тогда всё бывает хорошо. Она по той или иной смутной причине исключительно благоволит ко мне, – оттого, надо полагать, что у Нее не всё в порядке с головой. Но я частенько задаюсь вопросом: отчего именно Ей сейчас более, чем чему-то или кому-то другому, поклоняется Церковь? «Потому что Она только помогает и утешает, – говорит Шакал. – Она не осуждает. Она не судья». По-видимому, он прав.

Я, признаться, временами выпивал, собрат, но сейчас снова перешел на совершенное воздержание. Без алкоголя всё немного менее скверно. Мне жаловаться не пристало: Шакал меня любит, что бы я ни говорил и ни делал; отчего так, не знаю, и не знаю, как это всё возможно, но это так. Это – милость, я думаю, потому что я иногда так возвышенно писал о Боге, который, должно быть, был в крепком подпитии и у него двоилось в глазах, когда Он создавал этот мир. Я должен написать еще один прекраснейший стих о Марии, – такой стих, чтобы мне, скажем, целый год не пришлось корпеть над бумагой. Читал ли ты, что неделю-другую назад Хоппер[1] написал в «Народной газете» про начало главы «Всё для имени»? Ты помнишь эту картину, когда я записываю свое имя в школьном гроссбухе? Я немного нафантазировал насчет того, что имя там было записано с ошибкой. Он же, Хоппер, произвел разведку и выведал истину, и действительно, моим школьным почерком было начертано: Gerard Cornelis, через «c»! Случаются же удивительные

1 Нико Схепмакер (Nico Scheepmaker; 1930–1990) – спортивный журналист, поэт, переводчик и колумнист, был известен под псевдонимами Hopper и Ivo Vettewinkel.

вещи, собрат мой, поскольку я полагал, что весь этот пассаж в книге был лишь сентиментальным вымыслом[1].

Огромное спасибо за свечи в «Попугае». Сходи еще раз 25 марта.

Позавчера после обеда мы были у Паула Стенбергена и Миры. Несколькими часами позже им предстояла премьера. Однако они приняли нас весьма радушно. Мы болтали без умолку и бойко обменивались впечатлениями о последних событиях. Когда я вышел из комнаты отлить, они сказали Йозефу, отчего бы мне не писать что-нибудь другое, я вечно пишу об одном и том же, о чем мы постепенно уже узнали – отчего бы мне не написать *настоящий* роман?

Я совершенно вышел за рамки и пустился сумасбродничать: купил Шакалу букет из двенадцати очаровательных лиловых гвоздик и голубую узамбарскую фиалку в горшочке.

Самое лучшее – держаться за работу. Никогда не забрасывать ее, иначе уже через несколько дней с тобой будет покончено.

Я чувствую себя относительно энергичным и в добром здравии. Вся эта стройка и кладка кирпичей во Франции, на свежем воздухе, невероятно закаляет. Времени не хватает, и приходится напрягать все силы, чтобы вечером быть в состоянии раздеться, а не свалиться, как есть, в постель – до того выматываешься к концу этакого дня. Кто знает, может быть, увидим вас еще этим летом на горé.

Сегодня моя задница дважды выпекала потрясающие пирожки из дерьма, – они выскакивали мгновенно, почти без шума, соответственно в восемь или в половине одиннадцатого утра или чуть позже, какая разница. Если процесс начинается с оглушительным грохотом и выхлопом, получается нечто вроде череды дробных маленьких троечек, постепенно уменьшающихся в размерах, но в то же время продолжающих выходить. Но теперь я останавливаюсь.

С любовью, Йозеф также присоединяется. Ваш

Герард.

---

1 В «Волксблад» от 26 марта 1973 Хоппер подробно пишет об этом случае, приводя многочисленные цитаты из изобилующего частностями письма Роя Логгера – режиссера, продюсера и сценариста.

Верт, 5 июня 1973[I]

Дорогие Тини и Симон,

Утром восстал где-то минут в двадцать-половину седьмого и сразу почувствовал: мне нужно выпить всего лишь глоток теплой воды, и процесс пошел. И точно, в ванной, которая также и тайный сортир, я изверг такое, что назвал бы подковой, которая, однако, тут же исчезла, – поднявшись с унитаза, я успел заметить только слегка искривленные ее края в сливе. Стало быть, я не смогу научно доказать, что это была подкова, но лично, в глубине души, я убежден, что это точно была она. Теперь следующее: где-то в четверть девятого мне опять приспичило, и на сей раз это был помет примерно того же веса, в чашу, а не в слив, и отчетливо был виден, и что это было? Точно! Знак доллара. Эта подкова вкупе со знаком доллара означала одно: удача в финансовых делах, в денежном смысле, стало быть. И, кстати, не зовутся ли деньги в народе «грязью земной»? Всё совершенно точно совпадает, ибо мой издатель Йохан Б. В. Полак рассчитался со мной за прошлый год, и выручка за изданные им в 1972 г. великолепные книги, вышедшие из-под моего пера, составляет брутто *** гульденов. Но где-то в половине двенадцатого мне вновь приспичило! На этот раз получился скорее плакат, подтверждение всему предыдущему, а именно: «Нормальное количество отходов в день для женщины среднего роста и веса». Здоровье – это поистине прекрасная штука, собрат мой! Вонь становилась с каждым разом всё более пронизывающей, аж в носу защипало.

Кстати, посылал ли я тебе следующий великолепный стих? Кажется, нет. Я его испек во Франции, отдыхая вечером от строительных работ. *(Dichter und Bauer)*[II].

I Эти письма ранее не публиковались в книге «Милая жизнь».

II Поэт и Строитель *(нем.)*.

БЛАГАЯ ВЕСТЬ[I]

Я с бьющимся сердцем сидел перед цветным телевизором
и думал: «Ведь Его Святейшество упомянет о растущем
падении морали?
И точно, только лишь он раскрыл рот, посыпалось:
decadentia, immorale, multi phyl жуттко куцци платти;
influenza filmi i cinema bestiale
contra sacrissima matrimoniacale
criminale atheistarum rerum novarum,
et cum spiritu tuo[II]*, кароччи:*
всё чинни чиннарри.

Жаль, что так быстро кончилось.
Но после была отличная военная музыка.
Эта жизнь прекрасна. И к тому же вскоре –
вечная жизнь на небесах. Вот и спрашивается:
чем мы это заслужили?

Осенью выйдет мой сборник стихотворений «Поющее сердце». Весной 1974 – книга писем «Милая жизнь», и также в 1975 книга, которая по структуре должна походить на «Платную любовь» и будет называться «Циркач».

Я не болел. Во Франции я почти четыре недели без перерыва занимался строительством. В конце этого месяца снова еду туда, с Шакалом. Да, это внезапный огромный скачок для вас, что должно быть несколько стеснительно, и я это понимаю: сначала он годами был с Анни, а теперь вдруг заявился с «какой-то» Мартой! И я в конце концов не хочу отказываться от Анни, и т. д.

Кстати, Шакалу я тоже посвятил стихотворение, вот оно:

I Версия от 5 июня 1972 с несколькими незначительными изменениями была опубликована в сборнике стихотворений «Поющее сердце» (1973), а позже вошла в сборник рассказов «Свой дом».

II Rerum Novarum *(лат)*. Дословно – Новых явлений, вещей – от первых слов: «Однажды пробуждено желание нового …» – энциклика Папы Римского Льва XIII от 15 мая 1891 года. Cum spiritu tuo – «И с духом твоим» (dominis vobiscum) *(лат.)*.

Наконец-то у Йозефа получилось со мной:
теперь я знаю, что у меня есть мужчина.
На улице я гордо семеню рядом с ним,
молча поглядывая на него.
Стану носить блузки в цветочек.

Ты видишь, горизонт чист.

Когда вы уезжаете отдыхать? Приезжайте в начале июля в Grand Hôtel du Levant в Дроме, Drôme (Reve)[1]. Спросите у Пауля Стенбергена, хорошо ли там. Милый, душевный городишко; на каждом углу тихонько судачат о том о сем, а старинные окраины исключительно романтичны. Довольно людно, и в то же время удивительно мало шума. Вот ведь курьез: это протестантский город, давний оплот французской реформации. Кафедральный собор напротив вашей гостиницы – один из *culte protestante*. Местные жители тут более опрятны, приличны и добросовестны и менее жестоки, чем где-либо во Франции, на мой взгляд. Некоторые из здешних лиц – истинно человеческие.

Как ревматизм Тини? Мягкая погода должна облегчить страдания. В Дроме в июле вы не будете трястись от холода, в этом смею вас уверить.

С любовью,

Ваш Герард.

Верт, 8 июня 1973

Дорогие Тини и Симон,

Я ни на кого больше по-настоящему не сержусь. Пишу тебе, Шимон, потому что совершенно оглушен и язык у меня отнялся из-за твоего вечернего рассказа «Матушка». Настолько точно и совершенно в смысле выбора слов, дозирование, строй, ритм, и т. д. – такое я редко у кого встречал. (И положительно непретенциозная

1 Игра слов: Drôme – название места *(фр.)*, droom – мечта *(нид.)*; Rêve – мечта *(фр.)*, Reve – имя.

вещица, которую ты, надо полагать, сам ни в грош не ставишь). Здорово ты втиснул в свою вчерашнюю рубрику воззвание в защиту Амальрика[I] – просто сгусток крови. Умираем стоя, собрат мой.

У Шакала – разгар экзаменов (Королевская академия). На 98% уверенность, что пройдет. Он больше по-человечески не сможет избежать Европизды (ты знаешь, я впервые в действительности воспринял это слово). Я ходил в церковь, и вот, пожертвовал 2,50 гульдена (не случайно, вместо 1 гульдена, а специально) на 4 свечи и (тихонько) сказал: «Сударушка, если Шакал *не сдаст* – Тебе виднее – что-то будет». Я тогда перекрещусь в протестанты. Они Её упразднили, как тебе известно. Нападение – лучшая защита. Застращать Её, и дело с концом.

С огромной любовью.

Как Тинин ревматизм?

Ваш Герард.

P.S. Пьян. Грязь такая кругом, собрат мой. Прости.

Верт, 13 июня 1973

Дорогие Тини и Симон,

Жизнь продолжается. А посему хочу вот о чем тебя попросить. Не мог бы ты на днях – в любом случае не откладывая надолго – передать Йохану мои письма, чтобы он их откопировал? Я имею в виду все письма после последнего[II] в «Платной любви». Ты уже отдавал мне на просмотр небольшой сверток писем, датированных после этого срока, но копий с них не найти, если они, разумеется, вообще существуют. (Лучше в корзину, чем потом искать). Они войдут в книгу, но я вновь совершенно полагаюсь на твое суждение касаемо исключения пассажей, неделикатных либо неприемлемых

I Андрей Алексеевич Амальрик (1938–1980) – диссидент, публицист, писатель. За свою правозащитную деятельность подвергался преследованиям, был сослан в Сибирь. В 1976 г. эмигрировал.

II Т.е. после письма от Дня поминовения 1971 г.

для юных девиц. Я их редактирую, готовлю к печати, отдаю на перепечатку и оставляю на твое полнейшее усмотрение и письменное одобрение. (Мои неблагодарные отравленные стрелы в адрес таких, например, любезнейших, сердечных и гостеприимных людей, как Паул С. и Мира В., нужно выпустить, или включить в ироническом ключе и в самой смягченной форме).

Вчера провел за рулем ровно 10 часов. (Вел машину). С любовью, милые похотливые комики жизни. Как Тинины сочленения? Если ничего не помогает, нужно ей в Лурд; а если уж и это не поможет, тогда не знаю. (И всё же, побоку лицемерие, и дурь богословскую, и опиум народа: после Лурда у тебя на месяцы материала хватит, собрат!)

С любовью, ваш

Герард.

(А также привет от выздоравливающего Хюса ван Бладела).

Шован, 18 июля 1973

Дорогие Тини и Симон,

Жизнь наша – умирание на обочине. Но это к слову. Нас несет по течению, хотим мы того или нет. О чем бишь я? Я к тому, что я впервые за недели и месяцы сижу в машине и потребляю вино из большой бутыли. Это сознательно: я имею в виду, что я намерен надраться. Утром подписал предварительный контракт на покупку дома в Поэт-Лавале, – примерно в четверти часа езды от Стенбергенов. Я уже много лет назад положил свой алчный глаз на упомянутый дом с участком, и вот вдруг Шакал проведал, что дом выставлен на продажу! Я вообще-то ожидал, что цену заломят здорово, однако она оказалась приемлемой и не превысила половины моих расчетов! Ну я, разумеется, тут же в крик, что, мол, «слишком дорого», и через несколько дней перетягивания каната сделался счастливым обладателем дома за энную сумму, включая расходы. Дворянское гнездо на холме я еще достроюю, тут уж меня не удержишь, но стройку приостановлю на полностью закрытой и полузакрытой

комнате, плюс, разумеется, завершение возни с цистерной, которую мы с Шакалом сейчас впихиваем в кучу мусора глубиной примерно в метр, – вокруг будет каменная стена, чтобы не померзло зимой.

Новый дом в П. – большой буржуазный дом с прилегающей к нему небольшой фермой, всё в относительном порядке – вода, свет, отхожее место, всякие там ванные принадлежности и т. д. На задах – садик размером так в 18 на 50 метров. Участок с трех сторон выходит на дорогу, а с четвертой граничит с развалинами церкви. Никаких, стало быть, соседей. Здание походит на старинный корабль: спереди высоченное, посередине пониже, сзади снова повыше середины, но пониже форштевней. Фасад довольно импозантный, двойной, посередине на углу фронтон осыпался (небольшой поворот на дороге), с парадным крыльцом и большим балконом, к которому ведет каменная лестница, откуда я буду обращаться с речами к народу или принимать овации. Так я этот дом и назову: La Grâce. *La Grâce* не означает «Дом «Трава»», как ты сгоряча мог бы подумать, но: «Милосердие». (Мне кажется, я тебе уже излагал, что мы только милостью Божьей можем спастись и ни в коем случае своим участием или заслугой – в этом смысле я подсознательно скорее Протестант, нежели Католик. Ты – ничто, и в сущности это кошмарно! Осознай же это. Но в сторону это. Смотайся-ка лучше по-быстрому, поставь от моего лица пару свечек).

Этим утром, подписав бумаги, бродил я по деревне Поэт-Лаваль и горько сожалел, что мне уже стукнуло 50. Мне бы найти и купить этот дом в мои 35! Потрясающая мысль: уже этой осенью, и в любом случае следующей весной точно, я смогу предоставить его в ваше распоряжение – когда захотите, а мы с Шакалом слиняем на гору, в Дворянское гнездо. Деревня определенно по вашему вкусу. Невероятно по-домашнему. Тут живут по преимуществу люди *á la retraite*[I]. Это не для туристов; французская деревенька (± 21 дом), владельцы которых – *Преходящие вещи стариков*[II]. И кругом – *замершие дачные участки:* старые котлы, лейки, клумбы с фиалками и всякое такое. Мирная паника старости, собрат мой. («Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру»). Ну вот, а теперь о том, что Стенбергены, в сущности, очень приятные люди.

I Пенсионеры *(фр.)*.

II «Van oude menschen, de dingen, die voorbij gaan» – роман Луи Куперуса (Louis Marie Anne Couperus), (1863–1923).

Он переживает по поводу Смерти, такое мое впечатление. (И это при том, что он – сызмальства католик! Ты это понимаешь? Я до этого добирался невероятно трудными путями, а он попросту отвергает Милость, полученную им уже при крещении. Иногда просто в тупик заходишь.)

Ну, эй вы там, держитесь! Чего там, несколько лет и осталось-то. Выше голову, – я это серьезно.

Ваш

Герард.

P.S. Да, есть ли у тебя Библия?

Верт, 29 июля 1973

Дорогие Тини и Симон,

Сердечное спасибо за письмо от 17 июля. Реакция «Пароля» мне кажется весьма неэлегантной, но я не собираюсь ничего с этим делать. Совершенно не желаю предпринимать что-либо для или насчет «Пароля». Вокруг него царит весьма странная чопорность, едва лишь речь зайдет о настоящих чувствах, истинной религиозности и, прежде всего, какой-либо героике, возвышенности или нежности. (В тот же день – фото монаха, сжегшего себя заживо, – вот это, впрочем, можно, что довольно странно). Увидишь Сандберга[I], расскажи ему об этом. Что я ему сделал, чтобы заслужить такое грубое обхождение? Ну да ладно, сейчас газеты ведутся на всякое дерьмо. Знаешь, что я считаю апогеем? То, что мой стих – «один из лучших» – отвергнут, в то время как мне хотят заказать статью на ту же самую тему! Стихотворение «Таинство»[II] напечатать в ежедневнике невозможно, а *мою* статью о Лурде в том же самом ежедневнике – пожалуйста? Это же народное развлечение, этакая лапта – писать письма Реве и выпрашивать подачки.

I Herman Willem Sandberg (1918–2008) – журналист. С 1961 по 1981 был главным редактором «Пароля».

II См. «Митин журнал» № 66, 2013, стр. 228, пер. С. Захаровой.

Понятно, это будет зависеть от меня. Разумеется, мне не следовало посылать стихи в футбольную газету. Возможно, я всё же тебе напишу еще письмо, хотя это напрасные хлопоты: просвистит над козырьком их аяксовой фуражки.

Вчера мы с Шакалом вернулись в Верт; доехали нормально, хотя и с большим трудом из-за огромных пробок на дороге. Я всё никак не нарадуюсь покупке дома в Поэт-Лавале. Как знать, может быть, я туда насовсем переселюсь. Еще нигде в Голландии не жил я пристойно, спокойно и безопасно.

Где пропадал этот стих «Таинство»? Хотелось бы получить его назад, пока я не прочту его в изуродованном виде в *Propria Cures*[I] или услышу по радио.

С любовью,

Герард.

Грас, 16 октября 1973

Дорогие Тини и Симон,

Огромное спасибо за твое письмо примерно недельной давности; я подарил его Покровителю Q. из Рона, для его архива: там оно сохранится термостатически, а мне пришлось бы долго его разыскивать, согласно принципу: «лучше в корзину, чем потом искать».

Приятно слышать, что мое выступление на твоем юбилее вам понравилось. Я хотел уехать во Францию уже двумя неделями раньше, но остался, когда Жанна Рос[II] попросила меня выступить с речью. Я пошел на это, чтобы поддержать вас, просто по настоящим теплым человеческим мотивам, без задней мысли, а также для того, чтобы немедленно подтолкнуть свой собственный торговый бизнес с помощью некоторой гласности. Но о чем я должен был говорить? Добрый совет дорогого стоил. Мне вспомнилось,

---

I Propria Cures (*лат.*: занимайся собственными делами) – старейшая студенческая газета Нидерландов.

II Jeanne Roos (1916–2001) – журналистка и первая телеведущая НТС. После войны работала в «Пароле».

как я 14½ года тому назад, в ветренный полдень, столкнулся в Амстердаме на Стадхандерскаде с Хансом Андреусом[1]. Он шел в школу, читать там поэзию. Я спросил: «Для кого будешь читать?» Он ответил: «Только для самого себя: иначе разбрасываешься».

Такие чествования обычно – поистине катастрофа, но я полагаю, что вы так или иначе получили удовольствие. Это милость Божия, если ты в состоянии вынести подобный сорт демонстраций. Я имею в виду, люди так любят изливать на кого-нибудь все эти немного патетические, полуискренние, полунеискренние чувства, и ты поступаешь как невежа, если не подставляешь им для этого свою голову.

Сумбурное торжество, и твой главный редактор нуждался в пространстве. Это растянулось не на ¾ колонки, а на ¾ страницы.

Смотри: Сандберг и С. выступают нечасто, не то что мы с тобой. Нужно быть невероятно кратким, четким и сильным, и немедленно, с первой строчки захватить внимание читателя.

Твой новый сборник рассказов исключительно хорош. Со времени твоего выздоровления ты достиг новых вершин, превосходящих прежние: это не только мое мнение, но и других, кто понимает.

Напиши мне. 14 декабря 1973 мне исполняется пятьдесят. По справедливости, ты бы должен меня торжественно поздравить. Речь идет о том, что Йохан Б. В. Полак устроит для меня банкет в какой-то гостинице, куда не допустят вороватый народец и где будет натянут большой транспарант с надписью: СМЕРТЬ РАБОЧИМ! Это будет в отеле Promenade в Гааге. Если еще и орденскую ленточку дадут, то какому-нибудь местному государственному секретарю придется явиться, чтобы ее вручить. Вообще говоря, я не отказался бы от внушительного конверта с известным содержимым, поскольку немало потратился, хотя деньгами не швырял. Этот дом в Поэт-Лавале оказался весьма выгодной покупкой. Когда я приехал его посмотреть, то приступил к подсчетам следующим образом: «Крыша в нормальном состоянии?» Все вопросы – к себе самому, стало быть, ибо подобные вещи у владельца спрашивать бессмысленно, хотя на свете полно домохозяек, интересующихся у продавца, прочная ли материя, свежая ли рыба или птица. Но я рассудил так: представь, что крыша прохудилась, и починка большая, но несложная, стало быть, франков на 10000. Канализация в порядке? На вид отличная, но, возможно, с ней предстоят ежедневные сражения,

1 Hans Andreus (1926–1977) – поэт и писатель.

и через полгода придется перекрывать половину улицы: 5000 франков. Электропроводка хорошая? Всё работает, но вот вселяется новый владелец, и вдруг электрическая компания заявляет, что «тут не по предписанию». Следовательно, 5000 франков. Рамы и двери? Придется обновлять: 5000 франков. (Мира Вард говорит, что нужно поковырять ножом оконные косяки, но что это даст?) Таким образом, я подсчитал, что с учетом возможных затрат на ремонт мне это обойдется в 25000 франков. Если я смогу купить дом за *** франков, то у меня будет дом в приличном состоянии на *** франков. Я получил его за *** франков, и крыша не протекает, канализация исправна и электропроводка на ¾ новая. Вся починка уложится в 5000 франков, подумал я.

В передней части дома, окнами на улицу, две комнаты в бельэтаже – большая и маленькая. Большую я обогреваю великолепной старинной печью с изображенными на ней зимними пейзажами, маленькую – электрическим радиатором. В маленькой я работаю. Вид у меня на красивые, поросшие хвойными деревьями горы.

В Укромных Владениях каменщик накрыл мой домик прекрасной бетонной крышей, и в нем уже наполнилась водяная цистерна (6½ тысяч литров).

Вчера, по дороге вниз, из Шована, я наехал на обломок скалы, сползший вниз на обочину из-за дождей, а я его не заметил. Машина перевернулась и повисла почти горизонтально дверным окошком к земле, качаясь, над обрывом глубиной метров в 60. Если бы я ехал на пару километров быстрее (я спускался почти шагом на первой скорости), угодил бы прямо в бездну. Ситуация была сложная, собрат мой. Я был пристегнут ремнем и находился в относительной безопасности. Но чтобы выбраться из машины, мне нужно было выпутаться из ремня. Страх и ужас пришли потом. Я всё-таки выкарабкался и влез на капот, высоко над обрывом, и, черт возьми, машина выпрямилась, медленно и торжественно. Прокол в шине, но не в поверхности скольжения, и несколько вмятин и царапин. Было бы скверно, если бы от машины ничего не осталось, но я не могу обнаружить серьезных повреждений, и она по-прежнему отлично разгоняется на большой скорости. (То есть не виляет вправо-влево). Это потому, мне кажется, что я верую. Я потом хотел напиться от пережитого страха, но магазины, к счастью, были «fermés le lundi»[1]. От соседки Жермен Ш. (в Укромных Владениях)

1 Закрыты по понедельникам *(фр.)*.

я получил в подарок 7 саженцев инжира, и вчера, после всех этих кувырков, посадил их в большом саду (ок. 1000 м.^{2} ± 50 x 20) за домом.

Порой я чувствую себя здесь невероятно одиноким, но через некоторое время вновь более-менее доволен. Я сейчас работаю над третьей главой книги, которая, вероятно, будет называться «Циркач». Содержание опять совершенно сумасшедшее. Книга писем «Милая жизнь» должна выйти летом 1974, а стихотворный сборник «Поющее сердце» – примерно через месяц.

Моему старику-отцу постепенно приходит конец. Он совершенно выжил из ума и просится «домой», «к моей жене». Адрес – «где-то неподалеку». «На той стороне реки». Какую мощную символику использует ополоумевший! С виду он еще вполне в здравом рассудке. Я говорю ему: «Отец, ты всё путаешь. Твоя память тебе маленько изменяет». «Да». «Женщина, к которой ты рвешься, моя мать, ее больше нет. Она умерла 14 лет назад, в 1959. Ты уже не сможешь увидеться с ней, по крайней мере в этой жизни». Он (агрессивно): «Чушь собачья». Материализм вообще неслыханно агрессивен, поскольку у него слишком ничтожная платформа, чтобы на нее опираться: в сущности, это вовсе не платформа. Святая Мария Богоматерь, молись за нас, грешных, сейчас и в час нашей Смерти. Аминь.

С любовью от Великого писателя

Герарда.

Верт, 29 октября 1973

Дорогие Тини и Симон,

Спешно посылаю текст письма, которое Симон должен начертать своей рукой его благородию Министру Культуры и т. д. Ты можешь, разумеется, воспользоваться собственным выбором слов, но для всех сторон было бы лучше, если ты станешь придерживаться моего текста: это сэкономит энергию. Письмо нужно отправить заказной экспресс-почтой, по адресу: Министерство

Культуры, Отдыха и Социальной работы, отделение театра и литературы, Аллея Сэра Уинстона Черчилля 362, Рейсвейк (Ю.Г.)[I] Текст следующий:

«Дорогой Соратник (или: Ваше Превосходительство; или: Прогрессивно-католическая карпатская рожа на марксистско-ленинской основе, – как тебе будет угодно и что сочтешь уместным).

14 декабря сего года известный нидерландский писатель Герард Реве надеется отпраздновать свое пятидесятилетие, по случаю чего его издатель устраивает банкет в Клубе Пюлхри Студио[II], Ланге Морхаут, Гаага. Весьма вероятно, что я на этом собрании должен буду обратиться к Юбиляру с торжественной речью.

Между тем из достоверного источника до моего сведения дошло, что рассматривается присуждение Герарду Реве Королевской награды, но процесс этот замедляется ввиду сопротивления и возражений религиозного и государственного характера.

Вокруг имени и личности Герарда Реве возникло некоторое количество прискорбных недоразумений. Известнейшее из них уже многие годы является результатом довольно нелепого обвинения в «Богохульстве». Я не нахожу в его работе ничего подобного; напротив. Люди просто не умеют читать.

Согласно другому, столь же вздорному обвинению, Герард Реве в своей работе непочтительным образом задевает Ее Королевское Величество. Да, в его книгах («Язык любви» и «Милые мальчики») действительно речь идет о некоей королеве, но всякий, кто читает книги, понимает, что имеется в виду скорее мистическая фигура, отражение собственной покойной Матери писателя, а также Богоматери – как, например, было весьма четко объяснено Абом Виссером в рецензии в «Леувардер курант»[III]. Но кто бы ни была эта королева, нигде о ней не упоминается в каком-либо недоброжелательном или порочащем тоне!

В дополнение к этому смею обратить Ваше внимание на тот факт, что Герард Реве – убежденный монархист, который принял бы награду с подобающей скромностью и очень высоко оценил бы ее.

С бойцовским приветом,

Ваш

Симон Кармиггелт.

I Южная Голландия.

II Художественное сообщество.

III De Leeuwarder Courant – старейшая газета Нидерландов, основанная в 1752 г.

Верт, 2 ноября 1973

Дорогие Тини и Симон,

На подпоре Лардерского моста в Верте я прочел выведенные мелом по бетону надписи: «Группа III – круглые дураки». «Герард – мудила». «Франц – говно». Думаю, что грядет война, если хотите знать мое мнение.

О чем же я собирался написать? Ах да, вспомнил, хотя это не срочно. У тебя, судя по статистике, в запасе еще лет 12. Если ты сейчас посадишь деревце инжира, есть шанс, что успеешь собрать с него плоды. С орехом такое не пройдет, поскольку для него требуется чуть ли не четверть века: так медленно тлеют *Черепаховые Угли*[I].

Я получил большое удовольствие от Рождественской Речи Короля Совы[II]. Если ты пастор, не пытайся действовать так, словно ты не пастор. У меня сложилось впечатление, что он сожалел о том, что не может ввести карточную систему на солнечный свет. И ни слова, ни единого слова об *альтернативном* (теперь это слово, в сущности, должно быть заменено словом *релевантный*) энергообеспечении, например, электрический ток, получаемый при помощи силы ветра, так, как сейчас начали делать в Америке. Как только к власти приходят марксисты, тут же начинается нужда, и каждый год урожай гибнет из-за засухи. Прав ли Господь? Поневоле засомневаешься.

Ты еще получишь список «больных», согласно доктору-Горемыке[III].

I Zoo langzaam verbranden Schildpad Kolen (игра слов: от Kolenbranderschildpad, угольная черепаха) – реклама табака.

II Имеется в виду Joop den Uyl – Johannes Marten den Uijl, (1919–1987) – политик, премьер-министр в 1973–1977 гг, руководитель Партии труда в 1966-86 гг. Фамилия созвучна нидерландскому слову «Сова» – de uil.

III Вероятнее всего, имеется в виду психиатр Cornelis Johannes Baptist Joseph (Kees) Trimbos (1920–1988). Он в буквальном смысле случайно попал в психиатрию, ибо, будучи инвалидом II мировой войны, не мог работать участковым терапевтом.

Больше упомянуть не о чем. Огромное спасибо за последний твой поход в «Попугай».

Ваш Герард.

Верт, 18 ноября 1973

Дорогие Тини и Симон,

Вчера совершенно не пил, сегодня опять немного принял.

Довольно сильно встревожился из-за решительно подлой рецензии во вчерашнем «Пароле». Я не считаю, что люди обязаны по закону любить всё, что я пишу, но критика должна быть честной и по существу. Да будет тебе известно, что ни строчки не читал из Клоса, Бутенса и Билдердейка[I], и на полке их книжек не держу. Прежде всего способ, которым разделались со стихотворением «Таинство», очень сильно меня ранил – уже второй раз. В первый раз его не могли опубликовать (умерщвления военнопленных и тушение сигарет о лицо, это пожалуйста), и вот сейчас. Третьего раза я дожидаться не стану и навсегда прерываю всяческие отношения с «Паролем». Не смог бы ты сделать мне одолжение и похлопотать о том, чтобы 14 декабря[II] – никаких репортеров из «Пароля»?

Эти фото я нашел, разбирая бумаги.

С любовью,

Герард.

I Willem Johannes Theodorus Kloos (1859–1938) – поэт и значительный представитель «восьмидесятников». Pieter Cornelis Boutens (1870–1943) – поэт, классик. Willem Bilderdijk (1756–1831) – историк, лингвист, поэт и адвокат.

II День рождения Реве.

Верт, 30 ноября 1973

Дорогие Тини и Симон,

С сегодняшнего дня я попытаюсь совершенно воздерживаться от алкоголя, даже от минимального количества. Мне нужно так много работать. Надеюсь, что книги, стоящие в моей программе, будут когда-нибудь завершены. В любом случае для них уже существуют названия. Вот, к примеру: *Человеческая Похоть; Братец и Сестричка; И Его Сестренка Тоже; Зайди-ка Сзади; Верность Путем Неверности; Черное Проклятие (ярко-реалистический роман об апартеиде); Мы Еще Живы; Клеймо Неверности; Строчим на дому; Признания Молодого Прелюбодея; Чрез Марию К Иисусу; Один Ребенок Не Помеха; Славная Деваха; Под Музыку; Любовь В Армии; Трижды Обесчещенная Фотомодель; Любовная Жизнь Нашей Принцессы; Прекрасная Новая Книга для Чтения в Поезде; Маловато – не Беда; Две-Три Горстки Сахару; Отбери Любовника у Сына; Обоеполые Мальчишки; Можно В Тебя?; Рабочий Люд Ворует; Все Такие; Бивачная Жизнь; Я Умею Строчить; Хорошо, Что Есть Полиция; Оживает Секс, Дружок: Динь-дилинь Еще Разок?; Книга о Футболе Для Больших Мальчиков; Неуловимая Юность.* (Авторские права защищены).

Между тем циркулируют различные слухи. Утром подхожу к телефону, чтобы позвонить, но не успел я набрать номер, как слышу в трубке чей-то голос:

– Нельзя ли поговорить с г-ном Де Вризом?

– Его нет, – отвечаю я; ведь это же правда?

– Его нет? А где же он?

– Дома.

– Дома? Что вы имеете в виду, дома? Он болен?

– Г-н Де Вриз сломал ногу.

– О Боже… и… но… что мне делать с синими формулярами?

– Да выкиньте их, и всё.

– Что вы такое говорите?!

– Выкиньте, говорю. Всё равно война будет.

Кстати, как тебе понравилось выставка мод в «Единороге»[1], в большом городе Венендале? Знаешь ли, что я был весьма впечатлен

1 Магазин шерстяных изделий, основанный Тигром и Мышонком после разрыва с Реве.

и взволнован той девушкой в серых вельветовых брюках? Я совершенно завелся из-за нее. Как ты думаешь, она согласится, если я сделаю ей предложение? Нужно ведь учесть, что я не так уж и молод.

Я вновь с большим интересом смотрел по телеящику передачу Евангелистского Радио. Я бы очень хотел прочитать для этой передачи свои стихи религиозного содержания! И этот хор на фоне солнечного восхода, и трубы! С их программой об однополой любви – мужчины с мужчинами и дамы с дамами, так называемой гомофилии, стало быть – я не вполне единодушен. Согласно доктору-Горемыке это болезнь. Мне бы не нужно было ничего лучше, чем этакий милашка доктор, который так много учился, но в таком случае это довольно своеобразная болезнь, которая позволяет тебе здравствовать и дожить до глубокой старости!

Если ты снова поставишь на мой счет свечи для Марии, против моего пьянства, можешь попробовать преклонить колени перед Ее алтарем. Или ты опасаешься, что кто-нибудь увидит? Знаешь что? Отчего бы тебе не переодеться женщиной, тогда никто тебя не узнает. Если ты преклонишь колени, я в своем сборнике писем стану писать о тебе еще умереннее и благожелательнее, нежели сейчас.

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 8 января 1974

Дорогие Тини и Симон,

Завтра утром вновь отбываю, дней примерно на 14, на мою вторую родину. Буду там ежедневно работать над книгой (по утрам) и продолжать благоустройство дома (после обеда): Dichter und Bauer, этим всё сказано.

Хотя я и не пью, после банкета у меня осталось легкое похмелье. Все, похоже, были полны воодушевления. Твое выступление прошло великолепно. Это, я считаю, завидный дар – уметь столь метко импровизировать, в то же время не отклоняясь от темы.

(Я вновь отложил покаянные проповеди, для истории литературы. До этого епископа, запретившего мне Священную Мессу, которая, как я надеялся, прольет немало бальзама на мои душевные раны, я еще доберусь, хотя пока не знаю, как. Вечно у меня что-то. Тебе никогда Мессу не запрещают, или что там еще!)[I]

В Поэт-Лавале, ближе к Рождеству, у нас с Йозефом что-то не заладилось, и уже 29-го мы вернулись сюда. Что случилось, мне всё еще толком неясно. Полагаю, что в отношении Любви я должен начать привыкать к мысли о том, что всю свою оставшуюся жизнь мне предстоит прожить одному. (Для меня это непросто). На свое объявление НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА ИЩЕТ ЮНОШУ В КАЧЕСТВЕ ДЕВУШКИ я получил лишь горсточку откликов, порой в высшей степени затейливых. Одно – с весьма эксцентрической фотографией; больше рассказывать не буду, поскольку у тебя дети. Нет ли у тебя для меня кого-нибудь на примете? Симпатичная, жизнерадостная девушка – тоже неплохо.

Напиши мне еще такое письмо, чтобы я со смеху помер!

Я теперь работаю над 4-й главой – это амальгама так и не законченного рассказа про гроб[II] и «Большой торт» («Тирада» ± 1969, 1970?)[III]. Становится чрезвычайно захватывающе, и посему риск, что настроение в книге вновь прояснится и сделается повеселее, пренебрежимо ничтожен. (Как я сказал однажды ребятам из Телеящика, которые хотели поручить мне «закрытие дня»[IV]: «Если я закрою день, он никогда больше не откроется»).

Напиши же мне что-нибудь; хотя бы пару строк. Ибо всё, что ты описываешь, не придумано, а увидено, подмечено, что ли. Ты замечаешь еще больше горя, чем я. Как тебе сообщение про собаку,

---

I Служение торжественной благодарственной Мессы, которая должна была состояться в церкви Св. Терезы Авильской в Гааге по случаю 50-летнего юбилея и 25-летия с начала писательской карьеры Герарда Реве, было запрещено епископом Роттердама монсеньором Симонисом и кардиналом Алфринком под предлогом того, что «ситуации, в которой может быть нарушен порядок во время службы, где будет присутствовать Христос, необходимо избежать любой ценой». (см. «Feestrede, uigesproken op 14 december 1973 te Den Haag in Pulchri Studio» в сборнике «Свой дом»).

II См. стр. 35 в книге «Циркач».

III Рассказ «Большой торт» (De grote taart) был опубликован в сентябре 1970 («Tirade» №159).

IV На радио и телевидении: краткая возвышенная речь, завершающая дневную программу.

спасшую 9 своих щенков? Это возвращает присутствие духа. О чем мне писать вам? То есть, что вам больше всего по душе? О Смерти? О бедствиях, из давних лет, со школы? О напрасных, скорее бурных, нежели глупых, влюбленностях в Мальчиков? О людях, полагающих, что они созданы друг для друга, тогда как это не так?

Я знаю правдивую историю об одной девушке, которая с этим столкнулась. Была война; она, закинув голову, глядела в небо, и ей в горло угодил крупный осколок воздушного снаряда. Потом она сбежала в Англию, но корабль ее был торпедирован, и только она и еще один молодой человек уцелели. Посему она решила, что должна выйти за него замуж, и так они и поступили, но позже он «раскрылся» как гомофил. Тогда они развелись, и она вновь вышла замуж. И вот теперь живет во Франции, на какой-то горе, от этого брака у нее слабоумный ребенок, которого она водит на веревке, словно козла, и бросает ему куски хлеба. Выше голову! Всё чин чинарем.

Ваш

Герард.

Грас, 29 января 1974

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за карту и письмо, которое мне переслали. Сегодня с часов примерно 9-10 утра по сю пору, до трех часов дня, корпел над 4-й главой, и на сегодня достаточно. Работа продвигается, медленно, но верно. Не хватайся за бутылку, когда у тебя депрессия – вот секрет. У меня в доме 22 бутылки хереса, 8 – виски, 2 – рома, 1 можжевеловой и около 30 бутылок отличного Côtes du Rhône 1970, еще молодого (из цифр «1970», естественно, истине соответствуют только две первые), но я ни капли в рот не беру. Если что и употребляю, то половину ¾-ой бутыли красного за вечер, а на следующий – вторую половину. Если выпью больше, плохо сплю, и, что само по себе удивительно, больше и не хочется. 4-я глава постепенно разбухает и переходит уже в 5-ю и 6-ю главу, подзаголовок последней гласит: *«В которой автор вспоминает*

о своем визите к гробовщику, где должен принести свои извинения ввиду семейных обстоятельств; в которой он произносит нечто вроде молитвы».

Я уже немного мерзну, поскольку впервые за три недели, что я тут, льет ливмя. Дождь стекает с холма, но в дом вода не попадает. Тут достаточно домов на склоне горы, в которые вода проникает будь здоров. Мой дом нафарширован, я хочу сказать, что его приподняли на ± 1½ метра над землей при помощи булыжников и песка, перед тем как залить пол бетоном. Стоит ли дом в воде или нет, никакой разницы, поскольку нижний этаж расположен высоко, и там сухо. Но на той стороне всё иначе. Дом морского пехотинца – трясина! Он сперва намеревался продать его за 110 тысяч, затем за 130 тысяч, потом снова за 110 тысяч, и вот теперь вовсе не желает продавать. Его тут никогда не бывает, и я ни разу его не видел, но он в самом деле существует, так же, как и Бог. Дом вдовы Бракар тоже снизу насквозь промок от воды с холма. Но мой дом совершенно сухой. Ввиду дождя атмосфера холодней, чем обычно. Без дождей тут почти всегда лето.

Позавчера погода переменилась в худшую сторону. В ночь на воскресенье сильно подморозило: я думаю, градусов на 10 как минимум. В тени иней лежал до полудня. Рано утром появился на улице Деревянный Король со своей инвалидной собачкой. Он был в высшей степени диковинно укутан в бесчисленные пальто и шали, а также, в целях борьбы с холодом, определенно прибегнул к полной кооперации с Королем Алкоголем и его пособничеству. Он хрипло распевал и отплясывал посреди улицы нечто вроде народного танца, обучения которому я не видел ни в одном танцклассе. После полудня вновь потеплело.

Я заменил старую газовую колонку на большой электрический столитровый бойлер, поставляющий воду в 4 местах дома. Операция обошлась мне в 1200 гульденов, но теперь всё в совершенном порядке. Бойлер поставляет ночное электричество во всем доме. За полцены, что выгодно, если частично им обогреваешься.

С любовью, ваш

Герард.

Грас, 18 февраля 1974

Дорогие Тини и Симон,

Вчера нечаянно напился сверх меры (2 бутылки красного Côtes du Rhône). Из-за этого сегодня чувствую себя нечистым и виноватым. Тем не менее, мы отмечаем праздник Бернадетты Субиру, которой, если не ошибаюсь, именно в этот день сто двадцать лет назад явилась в гроте фигура, поведавшая: «Я – Непорочное Зачатие», что, по моему мнению, означает: «Я – Спасенное Человечество», или «Я – спасенное Творение», или же «Как Сын мой есть Спасение Души, так я – Спасение Плоти». Она была дурочкой, Бернадетта, и посему ее не пустили в начальную школу, она страдала от астмы, а семейство жило в такой нищете, что в доме не было топлива, чтобы готовить еду, так что Бернадетте в тот день пришлось собирать на берегу пни, принесенные рекой Гав[1]. Неважно, помешанный ли ты, нищ, или болен – главное, что ты умеешь услышать в сообщение нечто важное. Ребенка и ее родителей чуть ли не затравили до полусмерти, и священник оставил под блюдечком ок. 100 гульденов, чтобы они отреклись от своих показаний, но папаша Субиру вернул деньги. И из тех земель и с тех времен началось победное шествие, вероятно, величайшей с рождества Христова религиозной Истины. Полный порядок. Если у тебя какая хворь, отправляйся в Лурд. А Тини сможет возблагодарить Её за то, что ревматизм отступил.

Писал ли я вам, какие тут были сильные дожди? Представь себе, Мадам Мельничиху здорово затопило. Она, почти рыдая, показывала мне всяческие раскисшие тряпки, которые, по ее словам, были коврами и дорожками. Она спросила у меня, затопляет ли дома в Голландии. Вроде бы она читала что-то такое в газетах или видела по Телеящику.

«Раньше – да, – сказал я, – но с тех пор как у нас новая Королева, больше не затапливает. Когда она взошла на трон и две избранные из Народа невинные девы возложили на ее голову корону, она присягнула на Конституции и на Библии, и от себя прибавила: «Да ниспошлет мне Господь Мудрости». (И прослезилась). В ту же ночь ей был сон, в котором Господь сказал: «Я пролью слезы». На следующее же утро Королева призвала всех мудрецов и правителей

1 Гав-де-По (*Gave-de-Pau)* — река на юго-западе Франции.

и сатрапов из различных краев. Наимудрейший из них, уже совсем седой, истолковал сон: «Грядет великий дождь». После этого Королева провозгласила решение выстроить дамбы. Семь лет подряд ее народ строил дамбы. Пришел дождь, и длился он сорок дней и сорок ночей, но дамбы спасли страну. Всяческие красные агитаторы и дурные люди, ненавидевшие нашу Королеву и отказавшиеся строить дамбы, погибли жалкой смертью в воде».

Госпожа Мельничиха сочла, что у нас очень хорошая и мудрая Королева. «У нас республика», – сказала она. «Лучше республика, чем ничего», – утешил я ее.

Но правда ли, настаивала она, что в Нидерландах страх как холодно, и растет ли там виноград? «Только белый виноград, – поведал ей я. – Когда приходит пора собирать урожай винограда, поля уже покрыты снегом, который сдувают большими машинами, так называемыми ветряными мельницами (moulins à vent). Из-под снега и собирают виноград, – снежно-белый, разумеется. Первая бочка – для Королевы; она одним глотком выпивает большой бокал и исполняет для Народа ритуальный танец. Потом она отправляется в церковь для благодарственной молитвы»[I].

Завтра я возвращаюсь в Отчизну.

С большой любовью, ваш

Герард (белый поэт города и деревни).

Верт, 29 марта 1974

Дорогие Тини и Симон,

Вчера я был сильно не в себе. Обещаю, что больше не повторится. Это оттого, что я здорово перебрал. Вчера после обеда явился Вими[II], уже более не в качестве любовника, как 12 лет назад, а в качестве корреспондента потрясающей семейной газеты «Элсевир-

I См. рассказ «Вино» в сб. «Вертер Ниланд», пер. С. Захаровой.

II Wijtze Gerrit Carel (Wim) Schuhmacher (1894-1986) – художник и дизайнер, первый возлюбленный Реве, с которым Реве жил в Лондоне и Амстердаме до 1963 после развода с Ханни Михаэлис.

ский журнал». Они обдумывают *ковёр-что-ли*[1], и я предложил им для публикации отрывок из «Милой жизни», на выбор, за кругленькую сумму (Три Тысячи Гульденов). Если отдашь им за так, оформят тяп-ляп, а текст будет кишеть опечатками.

Сможешь прислать мне эту корректуру с обратной почтой? Ибо у меня нет другого экземпляра, а текст мне в скором времени может понадобиться.

Количество предварительных заказов всё растет, и первый выпуск будет распродан к дате выхода книги. (На сегодняшний день уже продано 18000 экз. из 20000).

Я зарабатываю очень приличные деньги, но остаюсь прост в привычках, невзыскателен и скромен, как всегда. Неприятность в том, что с деньгами так мало можно сделать. Я имею в виду, что более невозможно нанять или купить персонал, рабов, плотников, каменщиков или домашнюю прислугу. Их всех непрерывно наущают красные клеветники, и они не работают, встают поздно, пьют в открытую, воруют почтовые марки и даже деньги и драгоценности, и т. д.

С любовью, ваш

Герард.

Грас, 6 апреля 1974

Дорогие Тини и Симон,

Пришли мне, пожалуйста (как печатный материал, обычной почтой), корректурный лист «Милой жизни». Если еженедельник захочет выбрать отрывок из текста для предпубликации, я не смогу ничего найти, сравнить или вымерить. (Есть реальный шанс, что «Элсевирский журнал» кое-что купит).

Я приехал вчера вечером и застал всё в полном порядке и хорошем состоянии. Две упаковки простокваши шестинедельной давности были еще отличные. (Благодаря спасительной Бак-Террии Ацидофилюс).

I T.e. cover story.

В Валансе я был застигнут дождем, и здесь, несмотря на регулярные часовые прорывы солнца, дождливо и непогоже. Но не холодно. Можно затопить печь, а можно и не топить.

За что мне приняться? Дел – огромное количество. Я, хорошенько обдумав, начал вырубать внизу, в стене возле камина, нишу для Марии. Невидимый, встроенный в стену кабель подпитывает вечную лампочку в 6 ватт, грушевидную, ярко-розовую, освещающую Ее снизу. К счастью, Она носит очень длинные юбки.

Царит большое беспокойство по поводу смерти Президента[I]. По пути на Юг я наблюдал громадные перемещения войск, якобы маневры, а на самом деле – формирования биваков примерно в 10, 12, 14 км. от крупных городов, таких как он, Марсель, Тулуза, Бордо, Дижон и т. д. Имеется в виду путч в центре, поддерживаемый и частично управляемый армией и прежде всего воздушными силами. Ввиду того, что я в этой стране владею двумя домами с усадьбами и являюсь католиком и гомосексуалистом, я, если придется выбирать, буду скорее за правых, нежели за левых. Левые хотят сделать людей счастливыми, в точности так же как Инквизиция несколько веков назад хотела спасти всех, и точно так же, как большевики обрекли на смерть 18 миллионов ни в чем не повинных людей по обвинению «в шпионаже в пользу Италии и Японии»(!). На Кубе «нас» (я имею в виду мальчиков, исповедующих мужскую любовь), пропололи еще основательнее, нежели Гитлер в Германии. Об этом не прочтешь в газете «Врей Недерланд». Она, кстати, насчет Кубы годами молчит как могила – слово говорит само за себя. Под Франко я бы мог жить и даже время от времени там-сям публиковаться, под Схатом[II] или Мао или Фиделем или Регтином меня после изуверского судилища на месте бы расстреляли. Знаешь, от чего меня тошнит? От того, что ни один из этих поклонников свободы и пальцем не шевельнет, не выкрикнет ни единого протеста во время выступления здесь русского балета, чешской «школьной театральной труппы» или московского госцирка. Протестовать и выходить на демонстрации против запрещенных папским нунцием пилюль – сколько угодно, только не во время официального визита в Амстердам этой высочайшей карпатской рожи из Румынии, где продажа и применение противозачаточных средств запреще-

---

I Жоржа Помпиду.

II Peter Ane Schat (1935–2003) – композитор, придерживающийся демократических взглядов. В 60-х гг. активно участвовал в общественных преобразованиях.

ны, и женщина может запросить *разрешение на аборт* только после рождения *4-ого* ребенка!

Да это так, пиздеж, и я – всего лишь фашист, примкнувший к движению не ради выгоды, а из идеалистических соображений. (Знаешь, что я просто обожаю военный клич Франко? Не этот, который: «Меньше работать! Выше зарплату!» Но: “Por Dios y por España!” («За Бога и за Испанию!») Ради этого можно вылезти из окопов, по крайней мере, я бы вылез, и, будьте спокойны, еще куча другого народу. («За Бога и за Искусство!»)

Из-за *Большого Шоу Герарда Реве*[I] опять поднимется невероятная шумиха. Прежде всего из-за диалогов между Господом и мной. Ох, эта «бомба» людям кровушки попортит. Старый как мир вопрос: «Ужели Зло тоже от Бога?» Я полагаю, да. Но как же иначе, по крайней мере, если исходить из Сотворения Мира. Как мог Господь создать мир без Зла, День без Ночи, Жизнь без Смерти, и т. д.? Нельзя же? Стало быть, нечего и причитать. То есть я хочу сказать: Бог мог создать, Бог мог не создавать. Но уж если он берется за дело, Сатана тут как тут (он же – Старый Змей). Возможно, Богу не стоило созидать, но у меня такое ощущение, что так было нужно: я имею в виду, это было нечто вроде пробного отпуска из клиники профессора Помпе[II], и Он, образно выражаясь, не должен был упускать шанс. Вот так мне это видится. Ему дали чересчур много карманных денег.

Я получил от нотариуса купчую плюс 13155 в новых франках (возмещение переплаченного). Последними тут до меня жильцами были брат и сестра, очень старые, лет 80. Больные, дряхлые, они продолжали жить друг ради друга. Он умер ночью, без четверти час, она – двумя с четвертью часами раньше. Говорят, их похоронили вместе. Да упокоются они под крылом Господним.

Первый тираж (20000) «Милой жизни» уже почти распродан. Если я когда-нибудь разбогатею, куплю развалины близлежащей церкви и восстановлю ее, и превращу в Храм, день и ночь открытый для мистического служения Ей. (Некоторую сумму я, разумеется, заначу, чтобы втайне творить всякое добро).

I Телепрограмма Роба Тоубера с участием Реве 17 мая 1974 г. Роб Тоубер: Robert Jacobus Noordervliet (1936–1975) – нидерландский телережиссер, взявший за сценический псевдоним имя матери (Touber).

II Судебно-психиатрическая клиника.

Последний рассказ очень хорош. Старые, больные, изнуренные люди: как тебе удалось настолько вжиться в них! Я считаю, это потрясающе.

Не падай духом! Ваш преданный друг по переписке

Герард.

Грас, 20 апреля 1974

Дорогие Тини и Симон,

Сердечное спасибо за твое письмо с корректурой текста моей новой чудо-книги «Милая жизнь». В первой правке смещены страницы, а я, согласуясь с первой правкой, должен был вести письменные переговоры с чудо-газетой «Элсевирский журнал» относительно эксклюзивной предпубликации, которая, возможно, не состоится ввиду того, что они не хотят платить столько, сколько я запрашиваю. (Я: 3000. Они: всего лишь 1200.) Но что такое деньги? Здоровье и удача, и созидательная сила, и Вера значительно важнее. Я должен ссылаться на даты писем и развернутые цитаты в текстах рекомендуемых отрывков, но не могу указывать: «страница такая-то, строка такая-то», поскольку у них, у редакции упомянутой великолепной газеты, другой вариант корректуры. Но тут уж я сам виноват.

О непродуманных размышлениях в «Милой жизни» относительно г-на Кеса из гостиницы А. в С<теге> я сожалею ужасно. Знай же, что у меня, одному Богу известно как, засела в голове идиотская мысль, что ты уже видел сверенную и отпечатанную рукопись книги. Возможно, это из-за того, что я читал тебе главы из «Циркача», и твои замечания принял близко к сердцу. Теперь же, подытоживая, я считаю, что не так уж и страшно, если кого-то принимают за извращенца, в то время как он в действительности совершенно естественным образом вступает в связь с обнаженными женщинами. Мною овладевают всяческие мысли, и вот результат. О чем только не начнешь думать, сидя этак в харчевне, глядя по сторонам и всё подмечая, – растекаешься мыслями.

Мне безразлично, что касается оценки человека – как личности, я имею в виду, – *l'homme* ли он, как меня тут, надо полагать, называют, или нет. У немецкого актера Вольфганга Кордана на эту проблему был также в высшей степени толерантный взгляд. Ты знал его? Я – нет, или отчасти: встречал раза два-три. В любом случае он был весьма солидным, непоколебимым и, разумеется, от и до *l'homme*. Его уже, сдается мне, несколько лет как нет в живых, и очень многие знакомые мне люди никогда даже не слыхали его имени. Он был из немецких эмигрантов. Возможно, после войны – пережив немецкую оккупацию – он покончил с собой, как поступали многие. Да упокоит его Господь под своим крылом. Мне помнится, что он был весьма привлекательным мужчиной; после войны вечно играл «хорошего» немца в фильмах и во всех этих бесчисленных, сколь героических, столь и же и невыносимых спектаклях на тему нидерландского Сопротивления. Он чуть ли не съехал из-за этого, но сохранил чувство юмора и хорошее расположение духа. Однако теперь я вот о чем: я повстречал его как-то раз у последующего триумфатора Нобелевской премии для Нидерландов и Колоний[I], Геррита Каувенара, который спросил у него: «Вы не находите непристойным запихивать это самое мальчику в зад?» Это было давно, и всё было по-иному, и я в те времена далеко еще не был таким католиком, и т. д., и т.п., то есть мне подобный вопрос показался чересчур. Но Вольфганг Кордан разделался с ним весьма кратко: "Loch ist Loch"[II] – был его ответ. Возможно, мы должны вложить в уста бедного, замученного сына г-на Кеса девиз сына нашего братского народа.

О политике нам более не стоит много рассуждать. Разумеется, мы одного мнения относительно Франко, и я всего лишь хотел указать на то жуткое обстоятельство, что люди выражают протест против смертных приговоров Франко (два за десять лет), но против подобного же в России, в Китае – тысячи приговоров, вынесенных «конфуцианцам-реакционерам» – на Кубе и т. д. – совершенно нет. Испанское удушение приводит нас в еще больший ужас, но оно «гуманнее», нежели повешение, потому что согласно испанской методе всё свершается за секунду, т.е. это казнь, приравнимая к обезглавливанию. И оба приговоренных совершили политические преступления.

I Т.е. премии П. С. Хофта.

II «Дырка есть дырка» *(нем.)*.

Знаешь, в чем неприятность? Когда я завожу речь о подобных вещах, левая пресса именует меня «сторонником Франко», что, вообще-то, не соответствует истине. В 1940-1945 гг. мы отстаивали весьма ограниченную свободу (¼ миллионов безработных и колониальный режим за рубежом, который интернировал националистов без суда) у абсолютистского, тоталитарного государства: смесь добра и зла против Зла как такового. ("The bad against the worst", как говорят англичане). И вот теперь кое-что, отчего я не сплю ночами. Не настанет ли вновь такой момент, когда нам, как в 1940 г., придется выбирать? Не представляет ли Франко, по сравнению с *Брежневым или Мао**, просвещение и гуманность? Я подчеркиваю адвербиальное уточнение этим «представляет»; эта подчеркнутая фраза при цитировании точно будет опущена Петером Схатом, или газетой «Де Вархейд», или еженедельником «Де Ньиве Линие». Кто эта карпатская рожа? Когда группа Сопротивления Тито после войны одержала верх, он запытал и истребил всю группу «Пароль» Михайловича[I] по абсурдному обвинению в «сотрудничестве с немецкими оккупантами». Думал ли ты, что мы с тобой сумели пережить власть Паула де Грота или Теуна де Вриза или Маркуса Баккера[II]?

Франко, например, не преследует евреев и не признает расизма. Евреи, сбежавшие в 1940-1945 гг. в Испанию, пережили войну. Евреям, сбежавшим в Россию (например, из Польши), повезло меньше: Сталин всех их выдал Гитлеру или замучил в концентрационных лагерях. Франко не выдал Гитлеру ни одного еврея.

Я вот что пытаюсь доказать: существуют действительно свободные страны, настоящая демократия – Нидерланды, Скандинавия, Англия. Францию и Америку тоже можно более-менее причислить к свободным странам. Остальные я подразделяю соответственно на страны с режимом *авторитарным* и страны с режимом *тоталитарным*. В странах с авторитарным управлением свобода

---

* Принц Такой-то и Такой-то, согласно восторженной статье в «Пароле», «перевоспитывается». Спрашивается: кто определяет, кого нужно «перевоспитывать», и как долго, и в чем должно заключаться «перевоспитание»? Это я так, просто интересуюсь. *(прим. Реве)*

I Драголюб (Дража) Михаилович (1893–1946) — сербский военный деятель, участник Балканских войн и Первой мировой войны, командующий движением четников во время Второй мировой войны. Был обвинен Тито в предательстве и расстрелян.

II Marcus Bakker (1923–2009) – политик Коммунистической партии Нидерландов.

весьма ограничена, в тоталитарных свободы не существует вообще. В тоталитарном государстве нет ничего святого, кроме государства. Государство всемогуще и всеведуще. В этом весь ужас. В Испании жене не приходится давать показания против мужа или подписывать заявление, в котором она требует суда над ним как над предателем. В России, Китае, Чехословакии и т. д. – на каждом шагу. В авторитарных государствах власть могущественна, но далеко не всемогуща. И если мы должны бороться и защищать свои права перед Абсолютистским Государством, которое содержит миллионы своих сограждан в лагерях принудительного труда, нам не стоит, я полагаю, отвергать союзничество со странами, в которых в любом случае не существует рабских лагерей, и где Красный Крест может добиться встречи с заключенным.

Теперь мы с тобой, я полагаю, должны попытаться констатировать, в каких мнениях мы единодушны. На мой взгляд, это сводится к тому, что ты говоришь: «В вопросе защиты свободы я принимаю союз с лишь совершенно свободными странами». С точки зрения этической – высокая и благородная установка, но я говорю: «Такая установка – шаткая роскошь и фикция».

Я затрачиваю неимоверные усилия на борьбу с Королем Алкоголем, который есть Сатана, Старый Змей, алчущий разлучить человека с Господом. Странно, что Бог борется сам с собой в подобии Сатаны, но это так и не иначе. Сие есть впечатляющая тайна, о которой еще не сказано последнее слово. По-моему, писать письма в редакции газет не помогает. Двойственность путей Господних мне, кстати, кажется занимательной штукой. И то, что Зло – от Бога, тоже славно. Ибо вообрази себе, если бы оно было не от Бога? Тогда всё обернулось бы скверным образом или стало попросту неуправляемым, а то зло и вовсе воцарилось бы надо всем. Но да, это всё непросто. Мне-то что, пусть будет непросто, или даже совсем непостижимо. Атеист говорит: «Это невозможно, следовательно, этого не может быть». Верующий (например, устами Тертуллиана) говорит: «Он умер. Он воскрес. Это невозможно, следовательно, это так и есть»[1]. Думается мне, что этот второй далеко зашел. Я не считаю, что нечто есть правда, поскольку оно нелогично. Но можно признать что-то за Истину, которая находится в противоречии

---

1 Ср.: И Сын Божий умер: это бесспорно, ибо нелепо. И, погребенный, воскрес: это несомненно, ибо невозможно. Тертуллиан, («О плоти Христа» (*лат. De Carne Christi*)).

с логикой, при условии, что, измеренное с чувством, оно больше чем логика. «Символ Веры не заслуживает доверия», говорит какой-то современный немецкий еретик, которого по трусости и слабости духа все еще не вышвырнули из Р.-К. Церкви. «Символ Веры – истина сердца», отвечаю я на это. Почему мы кого-то любим? И т. д. Раньше люди тоже были способны жертвовать собой ради другого.

Нет, к сожалению, я сейчас не тружусь для искусства, а занимаюсь бесконечными починками, круша и ломая и снова строя. Тяжелая, но благодарная работа. Я вновь влюблен, на этот раз в Песчаного Кролика[I]. В будущую среду или четверг я, Deo Volente, снова на Родине.

Возможно, что твое или Паула С. письмо к властям относительно меня произведет впечатление. Не знаешь, когда список будет передан по телексу или, по крайней мере, с него снимут эмбарго? В воскресенье днем? Вечером? Ну, посмотрим. Мне бы только продолжать писать прекрасное.

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 3 мая 1974

Дорогие Тини и Симон,

Сегодня я собираюсь вновь приступить к работе. Праздник кончился, но что это был за праздник! Рыцарский орден определенно недурно на меня поиздержался. Трудно объяснить. (Возможно, ты еще не забыл, как они года два – два с половиной назад в аллее Венендала пытались сбить Тигра автомобилем).

В роскошной газете «Дезе век»[II] от 8 мая, номер 14 (на первой странице стоит «Бывшая монахиня занимается сексом со стачечниками»), ты обнаружишь трогательный репортаж о вручении премии с дословным и совершенно безошибочным воспроизведе-

I Adriaan Willemse – молодой голландский художник, любовник Шакала.

II «Эта неделя».

нием моей благодарственной речи[1].

Возможно, впервые за всю свою жизнь я позволил себе окунуться в почести как в доброжелательную заботу, приливную волну, как в прибой забвения и примирения. Вероятно, потому, что рыцарский орден – это архетипическая сказочка.

Здесь, дома, застолье продолжалось около 36 часов. В самый день Королевы я должен был появиться на банкете у бургомистра, в ратуше. В час пополудни он пригласил меня выйти на парадное крыльцо – ну, ты знаешь, куда ускользают приличные люди – чтобы показать себя народу. «Гармония» (80 человек) трубила и гремела что было мочи. Точно во французском фильме. Я очень стеснялся и чувствовал себя хреново, но не как раньше: в душе моей шевелилось нечто вроде счастья, не знаю, как и сказать, да и нужно ли, но я думаю, что можно.

После полудня у меня тут состоялся банкет с сотнями присутствовавших, на площади к дверям явилась «Гармония», и мне пришлось выйти на улицу и встать под знамя. Всё, жизнь, как это называется, больше тебя самого, и это хорошо. Но я сдался и произнес поистине прекрасную и прочувствованную благодарственную речь. Чуть не со слезами на глазах, представь себе, еле удержался.

(Как только мы с бургомистром вышли на крыльцо ратуши, явились Паул Стенберген с Мирой Вард, и остановились посмотреть на той стороне улицы, перед церковью).

По окончании торжественной церемонии, в понедельник утром, я перешел улицу и в церкви возложил на алтарь Марии букет роз, врученный мне одной приятельницей. Всё – в глубочайшей тайне исключительно для еженедельника «Дезе век», несмотря на благоприятные возможности.

Популярная чудо-газета «Маргрит» купила за 1000 (тысячу) гульденов первую главу «Циркача», которую я назвал «Рождение».

Теперь за работу. С горячей любовью,

Ваш Герард.

---

1 В честь Дня Королевы в 1974 г. Реве был посвящен в Рыцари Ордена Оранских-Нассау. Его «Благодарственная речь» была опубликована в сборнике «Свой дом».

Грас, 11 июня 1974

Дорогие Тини и Симон,

Иногда у меня странное ощущение. Мне нужно опять начать писать – с 27 мая работа моя простаивает, и я, по большей части совместно с Хюсом, занимался строительством дома на горé – он будет готов после некоторых отделочных работ, с которыми можно не торопиться – но я всё тяну с писательством. Тебе этот страх знаком – что уже ничего не станет получаться. Я застрял на середине седьмой главы.

Я часто испытываю – нет, не грусть, но безучастность: для чего мне, одинокому мужчине, две усадьбы, для чего мне тут дом из семи комнат + ванная, дворик, помещение под лавку на задах дома и в придачу сад на 1000 м²? Люди тут очень приветливые, что да, то да, нужно признать. В них есть некая человечность, задумчивость, чувствительность: французские протестанты, – поистине высокий класс по сравнению с католическим скотом, это по всему заметно. Название моего дома они считают очень красивым. (Я сначала подумывал о NOTRE REINE, изящная двусмысленность, но слишком уж утомительно всякий раз это объяснять). Мадам Свиные Глазки непрерывно снабжает меня салатом со своего огорода, а мадам Черный Песик приносит клубнику, также собственноручно выращенную. (Мосье Свиные Глазки, как тебе известно, [77], сам того не зная, спас этот дом от пожара).

Деревянный Король Экклезиаст говорит: «Всё предопределено; мы просто об этом не знаем». 7 лет он боролся с Дьяволом и в итоге победил его[1]. В одном углу его фермы водятся привидения; так утверждают люди, но сам он говорит: «Может, и так, а может, и не так». У него есть лошадь, которой 31 год, и собака, которой лет 20, обе хромые и проку от них никакого, но он продолжает о них заботиться: «Это мои товарищи», говорит Мосье Экклезиаст. Вот так и протекает жизнь. Номеров на домах у нас не будет: совет отклонил наш запрос.

Паул и Мира уже несколько дней как вернулись к себе. Операция оставила на нем ощутимый след; по его лицу заметно, что он терпит сильные боли. Мы пытаемся разговаривать, но отчего это всегда заходит в тупик, я не понимаю. После полбутылки он

1 См. рассказ «Милость» в сб. «Вертер Ниланд», пер. С. Захаровой.

заходится криком и пытается что-то мне доказывать; в этом я убежден, но что именно? Что я неправильно живу, думается мне. Ну, и кому от этого хорошо? Я отвечаю: «Ты совершенно прав», но он продолжает вопить еще сильнее, «будучи под обстрелом». Не то чтобы это было неуютно.

Вы можете занять мой дом внизу, когда пожелаете: я тогда переберусь на гору, все равно собирался этим летом. В этом доме такие же удобства, как и в вашем: там даже есть огромный холодильник за 1000 гульденов, с морозильной камерой.

Наверху, в старой деревне, имеется к тому же прекрасная гостиница, собственность бургомистра и его жены, урожденной *Ярсма*. Там ненадолго останавливались друзья Йохана Б. В. Она недешева, но явно и не мошенническая лавочка, и комнаты расположены на террасах, с которых открывается вид на долину на 20-30 км. Собственная ванная и т. д. Совершенно не обязательно пользоваться кухней, хотя она весьма пристойная. Имейте это в виду в качестве альтернативы.

Мой дом будет поставлять вам всевозможные припасы из обоих магазинов на той стороне, от вина до чистящих средств и лакрицы.

Паул по происхождению католик. Я говорю, коли так, отчего бы тебе с такой-то ногой не съездить в Лурд: отсюда всего 600 км? Или пошли кого-нибудь другого – тоже можно – хотя ногу твою он, понятное дело, захватить с собой не сможет. Тут он начинает злиться. Вот и спрашивается! Я еще говорю ему, что нехорошо, что он никогда не ходит к Мессе. Ну нехорошо ведь это? Писано же: «Ты должен посещать собрания общин». Ты ведь ходишь на собрания членов *Партии Труда Южного округа*[I]?

Я считаю, это легкомыслие с его стороны. Без ноги, что ж, тоже можно, если придется. Я ему рассказал, что в древности во Франции жила одна великая актриса, у которой тоже была одна нога. Вместо этой недостающей ноги у нее было колесо. Она к тому же и пела, изумительно, и ее прозвали Иволгой, потому что она была родом из Валлонии[II]. И всё же лучше быть писателем, нежели актером. Я еще ему сказал, что с моей точки зрения это странно, что кого-то, кто лишь изображает то, что написал другой и, следовательно, сам художником не является, сразу же

I План застройки города Амстердам-Юг.

II Игра слов: иволга – wielewaal (wiel – колесо; waal – валлонец) *(нид.)*.

производят в Офицеры Оранских-Нассау и Рыцари Нидерландского Льва, в то время как кто-то, кто сам пишет и является истинным художником, становится лишь Рыцарем Оранских-Нассау. Мне это кажется не совсем справедливым. Но если будешь писать Паулу, скажи ему, чтобы поехал в Лурд, или, по меньшей мере, пусть какая-нибудь местная добрая колдунья из *Orphanage du Convent du Sacré Coeur*[I] произнесет над его ногой волшебные заклинания, или вот хотя бы Вдова Бракар (или Бранкар[II]) с той стороны – она одержима подземным духом.

Я иногда совсем не пью, и тогда весь день изнемогаю. Страх не проходит, и борьба всегда будет заканчиваться вничью. Французы всегда пьют *что-нибудь*, дни напролет. Для нас в этом таится опасность, ибо северянин – кальвинистский полуночник и неумеренный жуир.

В *Le Dauphiné Libéré*[III] напечатан изящный репортаж о *Le Grand Ecrivain hollandais Gérard Rêve*[IV]. Я бы его тебе послал, но должен быть уверен, что получу его назад, поскольку это моя последняя газетная вырезка. Попрошу Йохана, чтобы отправил тебе копию.

С любовью, ваш

Герард.

Грас, 12 июня 1974

Дорогие Тини и Симон,

Осенняя пора моей злосчастной жизни. Потому ли это, что я слишком цельный и слишком пылкий человек? Мне помнится, что я как-то в половине четвертого утра устроил погром в доме одно-

---

I Сиротский приют при обители Святейшего Сердца Иисусова *(англ., фр.)*.

II Brancard *(фр., нид.)* – носилки для больных.

III Le Dauphiné Libéré (*фр*. Свободный Дофине) – южно-французская региональная газета.

IV Жан Дюран: «Удалившийся в Поэт-Лаваль (Дром) выдающийся голландский писатель Герард Реве, с давней репутацией «проклятого поэта», только что реабилитирован Королевой Юлианой».

го типа, утверждавшего, что Эдгар Аллан По был невеликим писателем, а Уолт Уитмен – невеликим поэтом. Я сказал: «В твоем существовании нет ни проку, ни смысла». Так и сказал. Не думай, что я поторопился. Я продемонстрировал ему гениальность По в одной из немного неловких “Poems written in youth”: *Alone*[1]. И прочел ему два стихотворения Уитмена из тех времен, когда тот был санитаром Красного Креста во время Гражданской войны:

LOOK DOWN FAIR MOON

Look down fair moon and bathe this scene,
Pour softly down night’s nimbus floods on faces ghastly, swollen, purple,
On the dead on their backs with their arms tossed wide,
Pour down your unstinted nimbus, sacred moon.

СКЛОНИ СВОЙ ВЗОР, СВЕТЛЕЙШАЯ ЛУНА
(На поле битвы)

Склони свой взор, светлейшая луна, омой картину эту,
Пролей ночной поток сиянья мягкого на пурпур ужасных, вспухших лиц,
На мертвецов, что навзничь лежат, раскинув руки вширь
Пролей свой безграничный нимб, священная луна.

RECONCILLIATION

Word over all, beautiful as the sky,
Beautiful that war and all its deeds of carnage must in time be utterly lost,
That the hands of the sisters Death and Night incessantly softly wash again,
and ever again, this soil’d world,
For my enemy is dead, a man divine as myself is dead,
I look where he lies white faced and still in the coffin –
I draw near,
Bend down and touch lightly with my lips the white face in the coffin.

---

1 Реве взял это стихотворение девизом в свою книгу «Стар и одинок».

ПРИМИРЕНИЕ
(В день капитуляции южан)

Реченье надо всем, прекрасное, как небо!
Прекрасно, что война и все ее кровавые дела
в свой срок изгладятся из памяти всецело,
И руки двух сестер, что Смерть и Ночь зовутся, непрестанно

и нежно омывают вновь и вновь
сей грязный мир,
Ведь враг мой мертв, слуга Господень,
подобный мне,
Он мертв;
Гляжу на гроб, в котором он лежит, недвижный,
На бледное лицо –
Я приближаюсь к гробу,
Склоняюсь, чтоб слегка губами тронуть
Бескровное лицо.

Я знаю, конечно, что Уитмен очень много написал, и в целом «Leaves of Grass»[1] невыносимы, но человеку дозволено накатать десятки тысяч плохих строк, если при этом он напишет пару дюжин бессмертных, которые и говорят, и затрагивают несказанное.

Я еще разверну в отдельном анализе свои протесты против людей и общества. Мы стоим у Фермопил, и враг ломит, это я знаю, конечно, но это не остановит меня, и я буду сражаться до последнего.

С любовью, ваш
Герард.

1 «Листья Травы» – сборник, вышедший в 1855 г.

Грас, 25 июня 1974

Дорогие Тини и Симон,

Знаешь ли ты, что здесь также существует Служба сбора, забирающая людей старше 60-ти, при условии, что три взрослые персоны подписывают и предъявляют соответствующий документ, или в том случае, если семь взрослых персон позвонят в тот же день? До чего тесен мир!

Я безумно вожделею к 15-летней дочке содержателя кафе – просто изнасиловать ее готов. Ее мать еще молода и довольно привлекательна, хотя ноги у нее коротковаты – вот она очень даже не против. В зеленной лавке она улыбается и смотрит на меня так, словно я спаржа, которую она готова засосать одним чмоком. Папаша, я думаю, понимает, что я за штучка, но этот мужик в любовных делах не авторитет, ты знаешь.

Моя книга потихоньку продвигается. Хочу закончить ее в октябре. Полдня я занимаюсь строительством на горé, где уже виден конец и завершение работы.

Я действительно имел с Паулом беседу о Боге и Любви, причем он понял, о чем я толкую. Он человек церковный, воспитан на катехизисе и т. д., а это нередко закрывает доступ к истинной религиозности. У него буквальное, по большей части, представление о религии, каковое было ему внушено в детстве. Я думаю, что он до сих пор думает, что я думаю, что Бог действительно существует, и т. д. Символ веры и Вечное Божественное Материнство и Соизбавительство Марии – бессмертные истины, запечатленные в сердце. Благодаря им я живу и пишу, и не впадаю в скаредность, и не спиваюсь до донышка.

Уже второй раз за время, прошедшее со смерти моей матери, она являлась мне во сне, пытаясь поведать нечто важное. Видение – при дневном свете, в 6 утра, – было столь четким и обладало такой артикуляцией, что меня охватили сомнения. До сих пор я считал, что подобные сны – всегда отражения мыслей спящего, хотя содержание их, разумеется, может быть в высшей степени символическим, и они даже более достойны внимания, нежели мысли, приходящие к тебе в бодрствующем состоянии. Но теперь я начинаю думать, что наши Мертвые где-то неподалеку и могут являться нам.

На горе́ мне придется – не люблю я это дело, и даже ядовитых змей не убиваю – травить крыс. Выбора нет: дело не в том, что они сжирают то-то и то-то, а в том, что заражают все подряд – мыльницы, пластик, бумагу, книги, одеяла, парусину и обувь. Яд – безболезненный и «гуманный», содержащий антикоагулянт: он настолько разжижает кровь, что у животного постепенно начинается внутреннее кровотечение, оно осоловевает, теряет сознание и умирает. Вчера я наблюдал мелких остроухих четвероногих; умирая, они нетвердо блуждали в траве. Их нужно убивать, во имя жизни, но это не есть хорошо. Я имею в виду, что всё, что мы делаем или позволяем делать, дурно и грешно. Только милость Божия может смыть с нас эту грязь, и ничто и никто иной. Счастливы люди, подразделяющие животных на полезных и вредных и одобряющие уничтожение вредного животного с точки зрения не только материальной, но и нравственной!

Человек – самое несчастное существо из всех тварей Божьих. Как только Богу пришло в голову придумать нас? Кто ему внушил эту мысль? Сатана? Я имею в виду: мы созданы «по Его образу и подобию», и «мы Его и род»[1]. Но в то же время мы не в состоянии выполнять возложенную на нас задачу и осознаем, что мы – дурные и останемся таковыми всегда.

Ну что ж, будем продолжать работать. Что еще остается, кроме петли? Интересно, Бог продолжает трудиться? Что-то я сомневаюсь.

Государственная служба Нидерландского телевидения и радиовещания (НРТ) подготовила и транслировала *Большое Шоу Герарда Реве*. Но из-за трансляции этого шоу 30 членов Католического Радиовещания (КР) отказались от членства! Наверное, Бог всё же существует. Как знать.

Если тебе на глаза попадется экз. «Маргрит» с моим рассказом «Рождение» (1 глава из «Циркача»), вырежь ее и пришли мне. Номер вышел, я знаю, но, разумеется, им там недосуг выслать мне экземпляр.

Ну, не падай духом! Ваш любящий

Герард.

---

1 Быт., 16:27; Деян., 17:28.

Грас, 2 июля 1974

Дорогие Тини и Симон,

Жизнь устраивает порой неожиданные злосчастья: сегодня утром, постирав белье, я вылил в сортир ушат, не содержавший, по моему убеждению, ничего, кроме грязной воды, – и при этом выплеснул трусы, которых из-за мути не заметил. Хорошие трусы, и чистые вдобавок – я имею в виду, что известные пятна цвета сиены жженой были отстираны до белизны.

Видел девушку лет 17 в коротких, синих в мельчайшую вертикальную серую полоску, очень узких брючках и тончайшей атласной черной блузке; она рвала почтовую открытку и бросала на ветер клочки.

У нее были изящные, упругие грудки, торчащие, словно ¾ лимончика: я хочу сказать, что они были высокие, очень красиво напряженные и, насколько я мог рассмотреть сквозь тонкую ткань, чуть-чуть сужались ближе к телу. Отрежь ¼ лимона и приставь плоской поверхностью к телу, и получишь картину. К телу этой девушки приставлять не имеет смысла, ибо там уже всё приставлено. Соски натягивали тускловатую ткань. И вообще она была необычайно хороша. Я подобрал клочки, которые смог найти: не знаю, все ли. Сколько радости и печали могло в них содержаться!

Вчера я заходил к Стенбергенам. У Паула, на мой взгляд, дела идут нормально, и он поправляется не по дням, а по часам, а вот Мира вся изнылась по поводу своего радикулита, несмотря на то, что то и дело лежит пластом на кровати с плитой из ДСП, которую я ей притащил.

Когда я к ним прихожу, они меня не видят, потому что в у них с фасада нет окон. Они живут наверху, за лоджией. Внизу у них никогда не запираемый винный подвал. Я всегда спускаюсь туда, выбираю две различные марки вина, сдуваю с бутылок пыль, выкарабкиваюсь из подвала, поднимаюсь на каменное парадное крыльцо, стучу, вхожу и любезно предлагаю им бутылки в подарок.

«Ах, Господи, да, спасибо тебе, мы знаем эту марку, да, и тот же год, представь себе, Паул. Очень мило. Ты тоже начинаешь разбираться в винах?»

«Ох, да, понемногу. Но эта хрень дорожает. Действительно хорошее вино больше задаром нигде не достанешь». И т. д. Это славная

система, дешево и тащиться никуда не надо. (Я в большинстве случаев хожу к ним пешком, здоровья ради, а также чтобы не стирать шины на довольно негладком въезде).

Ты не знаешь, дуется ли на меня г-н Кес из «Оружия Атлона»[I]? Как думаешь, может, открытку ему послать?

7-я глава готова. Девочка-автостопщица, четырнадцати с половиной лет, садится ко мне в машину. В следующей главе я лишаю ее невинности в своем грузовике – я ведь раньше был шофером грузовика. Так что терпение. Но у меня уже дико на нее стоит, прежде всего оттого, что она так похожа на своего братишку, которого я никогда не видел.

Только бы, ребятушки, мне эта книга удалась! Вот тогда я пойму, что чего-то достиг и сделался писателем европейского формата. Если я на этом разбогатею, буду втайне совершать всякие добрые дела.

Ты знаешь, что Булли ван дер Кнак вовсе не осерчал на меня за ту книгу[II], напротив, и ей-богу, у него идет продажа! «Если вскорости заедешь, можешь выбрать офорты, – пишет он, – в счет тех 500 гульденов, которые ты мне послал полгода года назад». Я, право слово, не помню, что за 500 гульденов. Сделаю добро – и забываю, а вот плохое помнится. Что-то есть во мне от святого, так и гороскоп мой говорит.

Не знаешь ли ты, какая газета захотела бы опубликовать мое стихотворение «Для нашего наследия»?[III] Или у тебя его еще нет? Что ты думаешь о «Свободных Нидерландах»?

Пришли хоть пару строк.

С любовью, ваш

Герард.

I “Het Wapen van Athlone”, ресторан в Стеге.

II «Милая жизнь» (письма Ф. Паннекуку, А. Виссеру и С. Кармиггелту).

III «Расистское» стихотворение Реве. См. стр. 9.

Грас, 1 августа 1974

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за твое письмо от 11 июля из Сан Доминго. Могу я тебя попросить, чтобы ты в дальнейшем писал только на одной стороне листа? Теперь мне от него никакого толку, поскольку обратная сторона полностью исписана. В сущности, письма как такового нет, остался только жест, намерение и сердечность, которым оно дышит.

Не мог бы ты пока что повременить со свечами, или вообще какое-то время не ставить их? В день, когда ты попросил Ее о «свете» для меня, Она явилась мне в поистине ослепительном Ночном явлении, о чем я представил Покровителю Q. подробный письменный отчет. И в пятницу 19 июля я в своем автомобиле въехал в водосточную канаву и восемь раз перевернулся в поле. Несмотря на то, что автомобиль и оснащение пришли в полнейшую негодность, г-н Герард Реве и его пассажир, младший брат Эрнст-Ян (24 года)[I], будучи оба пристегнуты ремнями безопасности, остались совершенно невредимы[II]. Автомобиль вновь встал на место, на все четыре колеса, и заглох. Хотя интерьер автофургона был полностью уничтожен, статуя Богоматери осталась неповрежденной в своей раке, а масляная лампа перед ее образом продолжала ровно гореть. «Никаких сомнений в том, что прежде Она работала в цирке, – сообщил редакции г-н Реве в телефонном разговоре, – или же нужно считать это *чудом*, и в это я на раз-два-три не поверю». С разрешения владельца поля, земледельца и наполовину голландца, на этом месте будет возведен в качестве благодарности небольшой памятник[III].

I Эрнст-Ян Энгелс (Ernst-Jan Engels, 1950) – один из «Величайших Любовей» Реве, художник, с которым у Реве была страстная связь летом-осенью 1974 г., нашедшая отражение в его сборнике писем «Я любил его». После разрыва с Реве он провел несколько лет в закрытом психиатрическом учреждении.

II «В этот день Реве получил «ужасное письмо» от своего давнего возлюбленного, Шакала, и совершенно потерял голову. Отхлебнув добрый глоток, он сел за руль (…) Третьим пассажиром был Роб Тоубер, который за секунду до несчастного случая так перепугался, что выскочил на ходу. (…) Эрнст-Ян, ничего не пивший, заявил в полиции, что за рулем был он; анализ крови был отрицательным». (Берт Буларс, «Королевские годы (Вертский период Герарда Реве»)).

III Несчастный случай произошел в Монтелимаре (Южная Франция), о чем сообщает почти дословно цитируемая Реве заметка в газете «Op de Keper» 19 авг. 1974 г.

В следующее воскресенье я возвращаюсь в Отчизну для покупки такого же, совершенно нового, автомобиля, который, D.V., будет доставлен 12 августа.

Я рад, что ты смог оценить стихотворение «Для своего наследия». Оно, D.V., появится в грядущем юбилейном номере *Propria Cures*.

Мне нужно приниматься за 8 главу, а я всё не решаюсь. Однако чувствую приближение вдохновения.

Дом на горé теперь совершенно готов, что касается капитальных работ. Остается только оштукатурить, покрасить, встроить трубу и проложить кабели. (Тогда у меня будет подключение к электросети).

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 8 августа 1974

Дорогие Тини и Симон,

С прошлой пятницы у меня новенький автомобиль. Что касается страховки, я сравнительно благополучно отделался. Страховая фирма обычно требует репатриации машины; к счастью, в моем случае все расходы были полностью покрыты благодаря абонементу в так называемом Интернациональном Рейсовом Аккредитиве. Вечером 22 августа я D.V. возвращаюсь на свою вторую родину.

Я-то думал, что ты знаком с творчеством Набокова. Он великий писатель, и в нем чересчур много индивидуальности и характера для того, чтобы стать лауреатом Нобелевской премии. Известность пришла к нему слишком поздно, хотя знатоки почитают его уже лет 20. «Лолита», душераздирающе прекрасный роман, настолько же популярен и широко покупаем, насколько и недооценен. Книгу эту считают порнографической, в точности, как и мои работы, и не понимают, что по существу в ней идет речь не о 13-летних девочках, – так же как и в моих книгах, по сути дела, речь не о Мальчиках и гомосексуализме. Это «ересь буквальности», слепота к символам.

(Еженедельник «Маргрит» нашпигован сексом – страницы кишат размерами «пениса», пилюлями, «спиральками», кондомами, пессариями, истечениями, о том, как женщина «кончает» (так и написано), о том, как делать это втроем, вчетвером, впятером, свобода, обмен партнерами и т. д. и т. п., но мое стихотворение «Таинство» было отвергнуто, поскольку в нем речь идет о *Любви*, об этом великом табу нашего времени).

Да, Набоков камня на камне не оставил от коммунистической геббельсовской пропаганды. Россия была вовсе не отсталой страной, а пятой (!) мировой индустриальной державой. И с марта 1917, под властью Временного правительства, существовала неограниченная свобода печати, и в тюрьмах не содержалось ни единого политического заключенного.

Я более не читаю газет, и «Пароль» не читаю, – он постепенно, шаг за шагом, подпадает под политическое влияние и уже давно не смеет напечатать что-либо против красного террора, против масового мошенничества с социальным обеспечением и т. д., и именует патологических убийц «борцами сопротивления», а российских героев сопротивления – «диссидентами». Как можно раскрыть номер «Врей Недерланд», чтобы тебя на него не стошнило, для меня загадка. Если португальская и греческая диктатуры рухнут и у них будет демократия, это еще не достаточно: только тогда всё будет хорошо, когда там угнездятся красные террористы. Я думаю и надеюсь, что Фернандинуса и Бибелебонсебеб когда-нибудь в каком-нибудь коммунистическом концлагере забьют насмерть дубинами, и эту шелудивую рептилию Брюгсма[I] иже с ними.

Наконец-то я приступил к 8-й главе. Я лишь неделю спустя испытал “delayed shock”[II] из-за несчастного случая: дней на десять у меня почти отшибло память и случались приступы головокружения и потери речи. Мой прежний амстердамский врач прописал мне два дня беспробудного сна, и это ощутимо помогло. Теперь вновь чувствую себя прежним, исполненным огня, веры и боевого духа.

I Вероятно, имеется в виду Marinus Daniël (Rinus) Ferdinandusse (1931) – писатель. Несколько лет был главным редактором Propria Cures и «Врей Недерланд». Bibeb – псевдоним журналистки Elisabeth Maria Lampe-Soutberg (1914–2010), сотрудницы газеты «Врей Недерланд». Willem Leonard (Boebie) Brugsma (1922–1997) – журналист.

II Послешок *(англ.)*.

Какая потрясающая вера, что некто в 78 лет еще в состоянии сеять семена веры в темнейшие и отдаленнейшие места – я имею в виду смерть в Париже – в разгар любовной работы – кардинала Даниэлу[I].

С любовью, ваш

Герард.

Верт, 26 октября 1974

Дорогие Тини и Симон,

Еще немного терпения. Переписываю набело 9-ю главу «Циркача». В свое время получите на прочтение 7, 8 и 9 главы, или же я приеду и сам вам их прочту.

Когда «Циркач» выйдет в свет (Deo Volente в марте 1974), я покончу с художественными книгами по искусству и буду писать без затей, для собственного удовольствия: я имею в виду настоящие человеческие книги, в которых будет просто любовь, а не всякие глупости.

Получил от Французской республики вид на “établissement définitief”[II] в Поэт-Лаваль. Финансовая сторона в связи с моим поселением там либо останется неизменной, либо принесет мне значительные фискальные выгоды. Во Франции можно все bona fide затраты на ремонт и уход за домом “La Grâce” интегрально вычислить из моих облагаемых налогом доходов.

I Jean Daniélou (1905–1974) – французский католический теолог, историк, кардинал; член Французской академии. Даниэлу умер 20 мая 1974 года в Париже от сердечного приступа, когда поднимался по лестнице в квартиру стриптизёрши Мими Сантони с крупной суммой денег. Согласно показаниям Мими Сантони, они предназначались для того, чтобы внести залог за её любовника, сидевшего в тюрьме.

II Постоянное проживание *(фр.)*.

Но что такое деньги? Нужно только верить в Бога и любить. (14 ноября будет 4 месяца нашему роману с Эрнестом де Р.![I] Кто бы мог подумать!)

Между тем – с теплом и любовью, ваш

Герард.

Верт, 31 октября 1974

Дорогие Тини и Симон,

Существование наше ужасно, не правда ли? Я считаю, что Бог обязан *что-то* делать, если он желает продемонстрировать свою добрую волю; это не обязательно должно быть готовым решением, речь не о том. Смотри, послезавтра ты выступаешь по телеящику, и я скажу: смирись с неизбежностью, хватай свой шанс: все тебя знают, всякий так или иначе о тебе слыхал, и респект тебе, то есть они будут считаться со всем, что ты скажешь.

Мой новый суженый, молодой художник Э. Р., купил на Площади ремесленную картинку маслом за тридцать пять гульденов, подписал ее и принес в Комитет по дополнительной занятости художников[II] (ранее «Ответная Услуга»). И говорит: «Я бы этого не сделал, если бы действительно мог с ним поравняться, но это определенно прелестная вещица».

А я занимаюсь истолковыванием своей исходной точки зрения на сообщество этнических групп, разъяснением, почему должны появиться дома для белых. Я написал, что «наши черные сограждане в невинности своих сведенных к минимуму одеяний наилучшим образом смотрятся в их естественном окружении». Тут же опять поднялась дикая шумиха.

I Под этим именем в сборнике писем «Я любил его» выведен Эрнст-Ян Энгелс, которому посвящена книга.

II Распоряжение Министерства социальных дел относительно художников, не располагающих достаточными средствами к существованию, если имеются доказательства того, что они профессионально занимаются изобразительным искусством и этим зарабатывают на жизнь.

Иногда такое чувство, что наши мертвецы сражались впустую!
Ну, не падай духом.
Ты разрешишь мне прочесть «Для нашего наследия» в твоем Шоу?
С любовью, ваш
Герард.

Верт, 5 ноября 1974

Дорогие Тини и Симон,

Не откажетесь ли вы 14 декабря сего года – в субботу – принять участие в интимной трапезе с милейшими людьми здесь, в Верте, в не лишенном прелести заведении, где нет музыки? Будет человек пятнадцать. Наш знаменитый коллега Ян де Хартог[1] тоже попытается почтить нас присутствием, но это зависит от муссона. Его парусная яхта сейчас на полпути между Бермудами и Азорами.

Ваш человеколюбивый друг
Герард.

Верт, 24 ноября 1974

Дорогие Тини и Симон,

Несколько ободряющих слов в эти сумрачные дни. Люди зависят друг от друга.

Знаете, что мне понравилось? Вещица Симона о Дислексике или Дислексии. Все, разумеется, опять заведут шарманку, что старик – потому что он, разумеется, много старше меня! – опять пиздит об этой своей занудной политике, но это сильно, Симон, ты знаешь? Это раз. А теперь я нахожу твой большой рассказ

1 Jan de Hartog (1914–2002) – писатель.

(о человеке, в монологе, прерываемом лишь короткими, отпускаемыми втуне репликами; он начинается перечислением существующих в мире видов *пальм*) поистине совершенным – в отношении темпа, ритма, композиции, стилизации (воображаемый, но очень убедительный разговорный язык): всё! (Иногда я, читая твое, бываю немало горд, когда замечаю, что ты по достоинству ценишь мой стиль, если инкорпорируешь его в свою работу).

Всё прекрасно, или почти всё, ты так не думаешь?

Подходит вам пятница 13-го? Это счастливая дата.

Где там у вас поблизости можно найти в воскресенье парковку? Пройдись, что ли, вечерком, прогуляйся. Есть ли в нерабочие часы шанс поставить машину в районе кольца каналов?

Я бы в ближайшее воскресенье заехал к вечеру или попозже пропеть вам три главы из книги.

С 1 декабря я официально переселяюсь во Францию. (Эмиграция). Я там уже примерно 2/3 года. У меня теперь имеется французский вид на жительство, а также письменное согласие местной Налоговой инспекции. Меня здесь вычеркнули из списка налогоплательщиков, и по окончании 1974 г. я уже не облагаем налогом в Нидерландах. Это имеет существенные выгоды, ибо я могу все bona fide затраты на дом интегрально вычислить из моих облагаемых налогами доходов.

С любовью,

Герард.

Верт, 6 декабря 1974

Дорогие Тини и Симон,

Встреча была воодушевленной и плодотворной, прежде всего обе твои поправки касаемо 9 главы и мелодрамы в главе 10 или 11[1]. Прилагаю экземпляр фашистской газеты «Элсевирский журнал», которую порекомендовал бы тебе купить, но сомневаюсь, что ты это сделаешь.

---

1 Реве согласился с замечаниями Кармиггелта к роману «Циркач». Например, Кармиггелт предложил сделать сестренку и монахиню одним и тем же лицом.

Репортаж о Чили показался мне весьма интересным. По большей части он подтверждает мои предположения относительно чудовищного террора Альенде.

Еще мне показалось ужасным, что мы можем защищаться против обвинений (антисемитской) IKOR[1] лишь платными колонками объявлений! Поместил бы «Пароль» эти тексты в своей редакционном пространстве? Сомневаюсь.

С любовью, ваш

Герард.

Грас, 9 января 1975

Дорогие Тини и Симон,

Напиши мне сюда, если твоя выдающаяся башка к этому располагает.

Когда долго бываешь один, как-то остаешься в стороне. Теперь я выписан из Нидерландов и прописан во Французской Республике. В отношении налогов тоже; с письменного разрешения г-на Инспектора я окончательно уехал, после уплаты выкупа в *** гульденов, составляющего примерно ¾ от суммы, которую еще должен уплатить Государству. Тут, к счастью, я тоже обязан платить налоги, но значительно в меньшем размере. Здесь можно вычитать меньше, надо сказать, и все bona fide работы в доме (ввиду того, что он – твоя собственность и ты в нем действительно проживаешь и прописан) отнести на счет нетто доходов. Французское государство поощряет благосостояние трудящихся, а не паразитов, как в Нидерландах. Здесь у нас всё еще это позорище: получать социальное обеспечение, не будучи в действительности больным, и оставаться безработным без насущной надобности. Тех, кто симулирует болезнь и втихую работает по-черному, сажают за решетку, если поймают, как в случае с Домелой

1 Нидерландское межцерковное средство массовой информации, возникшее после Второй мировой войны.

Ньивенхаусом и Трулстрой и Папашей Дресом[1], которые бы тоже этого желали.

Но довольно о материальном. Когда у меня выдается свободная минута и я не отдаю ее молитве, погружаюсь в философствование. Я прочел Спинозу и Ницше. Спиноза почти переходит все границы человеческого мышления. Я не верю, что какое-либо человеческое логическое мышление может завести еще дальше, чем оно уже зашло. Это философия, противоречащая и религии, и математике. Однако он – монист, без символов. Это грандиозно, но идет вразрез с причудами Жизни и Любви.

Ницше мне не по душе, хотя под вынесенным им христианству смертным приговором должен подписаться каждый. Это чересчур философия Воли, и только одной Воли. Действительность последует, это его закон, если я правильно понимаю. Бог мертв, утверждает он, но что нам с того? Я имею в виду, какой нам с тобой прок от мертвого Бога? Этого у нас и дома хватает. Кроме того, это всего лишь полуправда. «Мы празднуем Твою Смерть, объявляем Твое Воскресение и ожидаем Твоего Возвращения в Блаженстве», поется в Мессе, и так оно и есть. Когда – это вновь отдельный вопрос.

Знаешь, какой философ кажется мне совершенно потрясающим? Артур Шопенгауэр. Учение Спинозы – чистой воды теизм (Бог есть вещь бесконечно протяженная и мыслящая: “substantia infinita extensa et cogitans deus est”), Ницше приносит чистое учение о Воле, но Шопенгауэр провозглашает учение о сознательном, которое, в сущности, – хотя Шопенгауэра нельзя назвать христианином, – удивительно близко подошло к Гнозису и Христианству. Шопенгауэр говорит, что вселенная есть творение «слепого», или выдающего себя за «слепого», Бога, которого мы должны побудить более пристально взглянуть на свое творение. Мы должны, иными словами, ткнуть вечный дух носом в собственное

---

1 Ferdinand Domela Nieuwenhuis (1846–1919) – политик, социал-анархист и антимилитарист, один из основателей социалистического движения в Нидерландах и основатель газеты «Свободный социалист».
Pieter Jelles Troelstra (1860–1930) – адвокат, журналист и политик. Социалистический лидер 1918 г., призывавший к революции в Нидерландах. Во Фрисландии получил широкую известность как писатель и поэт.
Willem Drees (1886–1988) – политик, убежденный социал-демократ. премьер-министр Нидерландов с 1948 по 1958 год. Дрес пользовался популярностью и получил прозвище «папаша Дрес».

неудачное воплощение, тогда изменения проявятся к лучшему, благодаря осознанию. Христианская догма Человековоплощения Бога (или Боговоплощение человека) весьма этой мысли параллельна. Притом у Шопенгауэра бесподобный стиль, как у истинного поэта или мистика. Странно, что из писаний пессимистов всегда исходит глубокая отрада, а от оптимистов сам в гроб полезешь. Шопенгауэр утомляет, и всё же от него очень взбадриваешься.

Между тем у меня, разумеется, тоже великолепные собственные идеи о Боге. («Не пристало женщине сложа руки сидеть»)[1]. Смотри, дело, в сущности, обстоит следующим образом: Бог создал человека, поскольку был одинок и оттого испытывал немыслимые страдания. Он хотел создать нечто вроде Себя самого, однако с другой стороны совершенно независимое, что могло бы по собственной воле отвергнуть его или возлюбить. Сей необдуманный эксперимент, как видишь, вышел боком. Жертвенная смерть Бога (через Его Сына), так сказать, есть признание Богом собственной вины. Как бы то ни было, Бог ощущает свою ответственность перед нами и перед творением, и никогда не позволит нам сгинуть бесследно. Тут и доказывать нечего. Если кто-то говорит, что он, по пристальном рассмотрении мира, утверждается в том, что Бог покинул мир и теперь правит Сатана, я не смогу это опровергнуть. Это вопрос темперамента. Человек может верить в Бога, а может и не верить: тут уж свобода выбора. Я далеко не во всем согласен с Богом, но волей-неволей всё же верую в него. Поэтому мне постоянно здорово везет. Почему бы тебе не стать католиком, Симон, как Тини и я? Наступает время задуматься о Вечности, а не только лишь о том, как бы выпить да с кокотками побаловаться. (Ты, кстати, знаешь, кто это такие, *кокотки*? Звучит как некая рискованная закуска).

Макет «Я любил его» выглядит невероятно убедительно: весь в серебристых, красных и черных тонах, и очень приятный шрифт. Я получил задаток в ½ тонны, но тем не менее уверен, что книга будет иметь успех. Там сидят замечательно действенные, честные и знающие люди, в «Нидерландском Элсевире». Я бы очень хотел, чтобы они издали другие мои книги, например, *Мой Муж и я, Тигр на Охоте, Мой Сын или Мать и Сын*. Но их еще нужно написать.

---

1 Цитата из рассказа «Поэтишко» нидерландского писателя Несцио (Jan Hendrik Frederik Grönloh (1882–1961).

Красная глава «Циркача» готова, – я, думается, забыл об этом упомянуть.

С любовью, ваш

Герард.

Грас, 29 января 1975

Дорогие Тини и Симон,

В следующую субботу мой сын Э.[I] и я отбываем из Поэт-Лаваля. в Отчизну. С твоей стороны очень любезна готовность освободить меня от выступления в «Бейенкорфе», но я постараюсь всё же выступить, пешим шагом, так сказать[II]. Мне еще предстоит набубнить всякой чепухи по радио, по Телеящику, в присутствии газетчиков Интернациональной Мировой прессы и т. д.

Текст моей речи вчерне готов. Там о временах 30-летней давности, о типографии Йессе. То есть не о твоем и моем искусстве. Я позабочусь, чтобы ты вовремя получил его. Мне кажется, вышло весьма симпатично.

Хорошего тебе настроения. С любовью, ваш

Герард.

I Эрик Б., студент-медик, с которым Реве познакомился 31 августа 1972 г. на дне рождения Эрнеста-Яна.

II 11 февраля 1975 г. в амстердамском супермаркете «Бейенкорф» состоялось открытие выставки «Смотри, Симон Кармиггелт; писатель в изобразительном искусстве»; по этому случаю Реве выступил там с речью (см. стр. 388).

Верт, 4 февраля 1975

Дорогие Тини и Симон,

Хотите сделать доставить мне громадное удовольствие? Я стар и болен, и смерть не за горами, и я не знаю, умру ли я в Благодати.

Но мой измученный, бессонный разум неутомимо трудился над текстом выступления, с черновика на чистовик, с чистовика на перепечатку, и после этого он был тридцатикратно размножен и сшит – для Интернациональной Мировой прессы. Так что обойдись, пожалуйста, без заслуженной, но весьма неблагоприятной критики: что твой брат работал не в «Пароле», а в «Трау»[1], что пачка сигарет стоила 80 гульденов, что «Пароль» долгие годы выходил не в печатном виде, а размножался на ротаторе и т. д. и т.п. Моя речь, нужно признать, кишит фактическими несоответствиями, но, что касается сути, там всё до ужаса правдиво. Так что не цепляйся. (А если всё же станешь цепляться, я взорвусь.)

Другое, что тебе в ответной речи – если, конечно, она прозвучит – нужно и даже должно дистанцироваться от моего абсолютизма и упрямства. Но сделай это в обычной манере типа: «Вы всё это слышали. И горе вам, если вы с этим не согласны!»

Текст мой напитан Кровью и Слезами.

В твоем ответном слове весьма относительно может сработать описание моего жизненного пути, «Беспокойная жизнь», напечатанное на обратной стороне моей новой великолепной книги «Я любил его».

Можешь позвонить мне в Амстердам, если хочешь. Только не после четверти десятого ночи.

С любовью, ваш

Герард.

P.S. Ты должен поступать, как *ты* хочешь, но сделай так, как *я* сказал.

1 Trouw («Верность»).

Верт, 19 марта 1975

Дорогие Тини и Симон,

Позавчера в 17.00 был завершен черновик, а вчера, в 22.44 – чистовик моего нового жизненного романа – «Циркач». В целом: 194 страницы текста, каждая ок. 285 слов; текст подразделен на 4 книги и 13 глав. На мой взгляд, это совершенно прекрасный и важный для дела всей моей жизни биографический роман; можно сказать, «Фауст» Реве. (Потому и немецкий солдат в «Милых мальчиках» тоже назван *Вольфгангом*).

В следующее воскресенье я, D.V., отбываю на мою вторую Родину. «Я любил его» (я считаю ее с точки зрения документации отличной книгой, но с литературной точки зрения не очень ценю) хорошо продается, и первый выпуск – 30000 экз. уже полностью разошелся, так что сумма аванса в виде роялти честно заработана. Обложка переиздана; содержимое – пока нет, хотя решение уже принято: я имею в виду, что речь идет о количестве экземпляров.

Книжки, на которые подразделен новый роман, называются: I – *Рождение* (главы 1, 2, 3); II – *Смерть* (главы 4, 5, 6); III – *Нисхождение* в Ад (главы 7, 8, 9); и IV – *Воскрешение* (главы 10, 11, 12, 13).

Более особо сообщить не о чем. Вскоре собираюсь взяться за еще одну книгу, полную, поистине исполненную Любви, потому что это прекраснейшее из всего, что может быть, я так считаю. «Циркач», D.V., выйдет в конце января 1976.

Пребывайте в хорошем настроении. Ваш трудолюбивый муравей-писака

Герард.

P.S. Просьба о легализации моего сокращенного имени уже принята к рассмотрению, и королевский указ об утверждении оного будет в свое время напечатан в Правительственной газете. Опять любезность со стороны Королевы, не правда ли?

Грас, 8 июня 1975

Дорогие Тини и Симон,

Сил нет как хочется выпить, но, Слава тебе Господи, глотаю Рефьюзал-пилюли, отбивающие тягу к алкоголю (находка франко-канадской гинекологини д-ра Рефьюзал). (Здесь в Кооперативном Винном аукционе можно заполучить *кубитейнеры* на 28, 48 и т. д. литров, которые, если их выдаивать с помощью пластикового краника, сдуваются, как шарик, чтобы в вино не проник воздух. Вино не портится как минимум в течение месяца, и цена ему примерно 1,72 фр. за литр. Какая жалость, что у тебя диабет.)

Утром к нам явились некие люди: столетний юноша и тетка, зашедшие передать приветы от Тини и Симона Кармиггелтов. Под конец тетка поведала, что она – Сарче Бюргерхарт из «Народной газеты». Это были люди, которые мне совершенно не нравятся, и я подозреваю, что они с вами совершенно не знакомы. Ну да ладно, они тут были всего полчаса и даже взаймы не попросили.

Напиши мне. Я в отчаянии и в скверном расположении духа, но в остальном чувствую себя пристойно. «Циркач» выйдет еще до праздника Св. Николая в 1975, а *Большое Шоу Герарда Реве* покажут в воскресенье вечером 28 сентября. По слухам, *Большое Радио Шоу Герарда Реве* «Я любил его», подготовленное Робом Тоубером для ВАРА, – 4-6 передач – выпущено не будет. С чем это может быть связано? Если отменяют чью-то трансляцию из-за его горячего темперамента, это же чистая дискриминация? Испортить весь вечер, посвятив телепрограмму коммунистической гадюке Теуну де Вризу, чья церковь за 20 лет укокошила по меньшей мере в 20 раз больше невинных людей, нежели моя Церковь за 20 столетий!

Но что я хотел написать? Да, солнце светит, и потеплело, и кончилась эта идиотская ледяная и дождливая весна.

Я начал новую книгу о любви, думаю, что назову ее «Комната брата Вольфа»[1]. После первого параграфа первой главы следует второй:

«Ну, и что ты думал, несчастный читатель? Дрянь, страдалец ёбаный, которому никогда не нравится то, что я пишу, потому что, на твой взгляд, в моих книгах «слишком много этого самого»

---

1 Первая глава (см. собр. соч. Реве, т. VI) ненаписанного романа, завершенная в Грасе в июле 1975. Осенью 2001 издана тиражом в 100 экз. с авторской подписью.

и «слишком мало об этом»; слишком много того, чего нет у тебя, чего ты не знаешь и никогда не узнаешь и не получишь: преклонения, верности, любви; и слишком мало о том, чего у тебя в избытке: тупость, отвращение и малодушная ненависть. Что делать? В сущности, тебя бы надо запинать до смерти, если бы не было грешно тратить на это силы.

Ну, продолжим». И т. д.

Как видишь, недурственное начало. Поистине идейное искусство. Дашь ты, наконец, знать о себе?

Ваш фашиствующий закадычный друг

Герард.

Грас, 9 августа 1975

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за открытку от 6-го. Да, в ту минуту, когда вы зажигали свечи, в валанской конторе служитель префектуры поставил печать и подпись в моем французском удостоверении личности *(carte de séjour)*. Нужно заполнить кучу бумаг и здорово побегать, чтобы тебе его выдали, но теперь я, наконец, проживаю официально здесь, а не в Отчизне, и моя недвижимость и банковский счет пока что в безопасности. Кстати, ты знаешь, что опять выдумала эта красная юдохрень в Гааге? Что я «основал предприятие за рубежом» и, следовательно, должен платить 60% от стоимости моего авторского права Государству Нидерландов – за всё, что я написал до 1974 г. включительно. Я имею в виду не гонорар, но стоимость моей работы как капитала. Нечто вроде ограбления беженца, выкуп, так сказать. Разумеется, я подам в суд. Я же не основал никакого предприятия за рубежом? Ну да, я работаю здесь, но если бы это было настоящим предприятием, было бы недурно зарабатывать на жизнь писательством. Ведь «предприятие» включает в себя издание моих книг? С моего капитала, т. е. авторского права, там, на Родине, помимо меня кормятся еще издатель, типограф и книготорговец? Но какова идея: Государство имеет право оттяпать 60%

от твоего честно нажитого, как только ты возжелаешь перемахнуть через Стену и минное поле! Это ли не грабеж? И если бы Государство каким-то образом посодействовало осуществлению этого авторского права! Однако со стороны нидерландского правительства я видел прежде всего закорючки. Вот ведь говенная страна!

Вся эта черная афера – поистине чудовищная трагедия; классический пример того, как добро порождает зло. Человек просветленный упорствует, доказывая всем и каждому, что греха нет и Дьявола не существует. (Ренегатствующий экс-католик Адриан С. из Нантерре говорит, что мир «произошел просто из аммиачного облака». Но он при этом не рассказывает, Кто вытащил пробку из бутылки с аммиаком. Бог, надравшись, принялся шарить в тумбочке под кухонной раковиной вместо того, чтобы поискать в шкафчике с напитками, – такая бочечка, откроешь, и она сама собой освещается. Так говорит моя Вера, и это подтверждено тремя церковными соборами). Ну вот смотри, суринамец, задыхающийся от нищеты в Парамарибо, пытается пролезть в Амстердам, ибо там будет ему относительное счастье, и кто же посмеет его за это упрекнуть. А вот то, что власти набитых до отказа Нидерландов, где нет ни работы, ни пространства, принимают тысячи иммигрантов, – это преступление и, *с моей точки зрения,* расизм. Ни гроша не стоящие человеколюбие, равноправие и братство. Не было в Амстердаме никакого расизма, но вот появился Ден Эйл – и пожалуйста. Народ не способен рассуждать логически. Голландец, проторчав 7½ лет в списке на жилье, обнаруживает, что суринамец через две недели после того, как его сюда впустили, без проблем получает квартиру – народ, разумеется, окрысивается не против Самкалдена или Ден Эйла, ибо их задевать не смей, а против суринамцев. Если тебя мучает осознание вины, переведи деньги в Суринам, но только не этим амстердамским сукам! Да ладно, в конце концов. Мне тут хорошо. Черные осаждают города, – они же не не в состоянии отлипнуть от витрин, зеркал и бус, и забивают уши хреномузыкой, и долбятся до потери сознания.

Всё, я более не вмешиваюсь в политику, по крайней мере в положение дел в государстве. Ну да, мы должны привечать черных, ибо они наши сограждане и мы за них отвечаем, но пусть уж они живут своей собственной жизнью, раз их природа разумом обделила. Было бы трагедией, но совсем не обязательно катастрофой, если бы они основали свое собственное государство. В открытом соревновании, в свободном обществе негр попадет в жопу.

Но об этом нельзя, это табу. Потом-то уж твоя правда, – тысячи негритосов усыплют цветами могилу «Старины Герарда», которая превратится в нечто вроде святыни. Да, правда, я человеколюб, но человечество меня не понимает.

Я попросил Ханни, мою прежнюю белокожую хозяюшку, передать вам целиком отпечатанный экземпляр «Циркача». Как прочтете, верните мне его, пожалуйста.

Нет ли у вас на примете этакой беленькой для меня? Примерно моего возраста (28), не из поэтов, деловитой и всё же приятной, и чтобы не заводилась, когда я насчет Мальчиков. Пусть будет хороша собой и вякнуть может, но чтобы отнюдь не возражала против того, чтобы у меня время от времени чесались на нее кулаки. Вы там поглядывайте, если что, ладно?

В день Поминовения 1975 выйдет «Циркач». Две последние главы я прочел одной Весьма Знатной Особе. Она сказала: «У меня нет слов. Я не знаю, что сказать». Я ответил: «И не нужно, Сударыня. Я видел слёзы в глазах Вашего Величества, и этого мне достаточно». Блаженны мы, поэты.

С любовью, ваш

Герард.

Грас, 7 августа 1975

Дорогие Тини и Симон,

Если всё сложится как надо, Ханни пришлет вам почти окончательную рукопись «Циркача». Очень прошу, сразу по прочтении отошлите ее на имя «г-жи магистр Й. М.»[1] И дайте об этом знать. Пара слов в открытке – и я буду весьма признателен.

Подлинное противоречие заключается не в противопоставлении неграмотности развитию; не между правым и левым; не между искусством и обществом, молодежью и пожилыми, пишущими и не пишущими. Подлинное противоречие – между Городом и Деревней. Я не горожанин и никогда им не был. Горожанин – враг

1 Йозин Мейер.

истинного вдохновения, истинного творческого начала. Город – мнимый образец порядка, а в сущности это хаос. Я не должен больше привозить сюда горожан. Это существа, питающиеся от сети; выдерни штепсель из розетки, и они умрут. Они не могут представить себе тишины, мира без электричества. Они не знают, в какой четверти стоит луна. В Бога не верят, потому что не ведают тишины, и потому что газеты и Телеящик знают всё, а если не знают, то знает энциклопедия.

Горожане парализуют меня, мою работу и все чувства и мысли. Я по летнему времени встаю в 6 утра, по зимнему в 7. А эти – в 9-10. Пока приведут себя в порядок, «встряхнутся на день грядущий» – одиннадцать, полдвенадцатого. Выезжают куда-нибудь на машине, но – летом, промокшие от пота, возвращаются назад, кипя от ярости: «Всё закрыто». Когда они продирают глаза, у других начинается сиеста. Приходится готовить в другое время, потому что они завтракают в 11, полдничают в 4 и ужинают в половине десятого. Потом они желают «пропустить рюмочку» на террасе, но в 9 вечера все, включая содержателя кафе, отправляются спать. Когда эти люди работают? Когда они могут мне помогать по хозяйству, буде таково их желание? Мне нужно достраивать, пока не нагрянула жара. Они встают и лезут под душ – я тоже, но к этому времени я уже отработал полдня. Пока они напишут письмо домой – почта уже ушла.

Горожанин пуст, ленив, нахален и бесконтактен. В подъезде он не знает в лицо того, кого встречают на лестнице, и здесь тоже полагает, что можно третировать всех и каждого или обращаться неучтиво.

У меня уже более не существует критериев: исповедуешь ли ты мужскую любовь или нет, или что ты читаешь, или за кого голосуешь, но: «Как рано ты, никем не принуждаемый, поднимаешься с постели, или как поздно ложишься?» И: «Веришь ли ты в мир без громкоговорителей, можешь ли обойтись без картофельного пюре, ешь ли ты оливки и чеснок и хлеб, который здесь пекут?»

С любовью. Я опять завожусь, так что прекращаю.

Ваш

Герард.

Грас, 19 сентября 1975

Дорогие Тини и Симон,

Большое спасибо за твое письмо с вдохновляющей оценкой моей последней дивной книги «Циркач». Мы вновь застыли в ожидании. Мне бы здорово помог успех книги. Бабки почти на исходе. Ну да, Покровитель Q. поможет чем может, но мне нужны деньги. В 1973, почти два года назад, я купил этот дом за наличные, и у меня оставалось еще 1 800 гульденов и машина. Теперь же я в считанные сроки должен был вложить немалые деньги в этот дом, а в Нидерландах пришлось выплачивать астрономические налоги – переехал, и тут же давай плати. Так что башлей у меня кот наплакал: тысчонок десять. Но если книга удастся, то я снова на коне.

Я опять потихоньку прикладываюсь, а порой и весьма. Правда, пью вино, но это тоже штука опасная, ибо местное, очень хорошее и недорогое. Они его продают в канистрах, и никому нет дела, что я потихоньку, ровно мышь-алкаш, сижу и заливаю глотку. Так что не поленись, сходи в известное место да поставь за меня свечку, а лучше две или три.

Впервые за это время меня хоть что-то до слёз растрогало – твоя книжечка об Элсхоте[I], которую Хюс привез с Родины. Сделано отлично, и двух зайцев одним ударом убил: очень много рассказал об Элсхоте, мы ведь ни о жизни его, ни о работе ничего не знаем, а о тебе сразу же видно, какой ты писатель, или чего хочешь добиться. Захватывает невероятно, – эта последняя, уже без него, встреча и то письмо, которое он не отправил[II]. Ну а теперь, собственно, о писателях: знаешь, кто очень хотел бы с тобой встретиться и здорово уважает твою работу? Не кто иной, как великий протестантский нидерландский народный писатель Ян де Хартог,– он недавно заезжал ко мне и два вечера подряд в моем обществе и в своем сопровождении нажирался и насасывался в гостинице “Les Hopitaliers”. Первое существо в моей жизни, которое поглощает пищу еще быстрее, чем я. Он очень одинок, мается сомнениями, застенчив и мил, в общем, полная моя копия. Потрясающий рассказчик

I «Заметки о Виллеме Элсхоте», 1974.

II Имеется в виду начатая и незаконченная книга в форме письма сыну, жившему в Швейцарии перед началом Второй мировой войны и собиравшемуся воевать на бельгийском фронте.

и имитатор. Работает как черт, поскольку во всех этих его толстых чудо-книгах всё документально, – описания мундиров, даты, погода, и когда битва началась. У мужика целая контора, где-то в Бельгии – он там втихую снял под псевдонимом помещение, увешанное схемами и флажками на булавках. На дверях написано: «Х. де Х.», под этим именем и разгуливает. Мне нельзя об этом говорить, а то рассказал бы тебе, разумеется. Вот и не знаешь, что видишь, и видишь ли вообще. Только представь себе. Он же всё почти раздает, вдовам, сиротам, весь в мыслях о Боге и что делать дальше. Нет, правда, милейший человек. Надо бы тебе с ним познакомиться.

Послезавтра я опять отбываю на Родину, 28 сентября сего года, ровно за 3 минуты и 14 секунд до выпуска «Памяти Роба Тоубера» по Телеящику, и прямо до выпуска *Большого Шоу Герарда Реве.*

Несколько месяцев подряд наслаждаюсь обществом Мальчика из Марселя, матроса, замученного и полуоглохшего, – ему лучше остаться со мной, чем продолжать шарить по морям. Ему не сидится на месте, он моет, чистит, готовит, красит стены и хочет навсегда остаться со мной[1]. Я вижу в нем что-то большее. Он совершенно неграмотен, практически не умеет писать, но такой милый и нежный, и очень смышленый. Если я в неурочное время прихожу домой, он слушает Дебюсси, Шуберта, Малера или Паганини, или еще какую-нибудь старую болванку для парика. Его зовут Якоб Схафтхаюзен, по имени знаменитого водопада, – он наполовину немец, наполовину швейцарец. Лет ему примерно 27. Я его зову Пятницей, – в этот день мы с ним встретились. Ей-богу, дар Божий в момент Моего полного крушения. И белый совершенно, представь.

Ну, что там нового в Амстердаме? Белым можно уже появляться на улице после восьми вечера? А дальше-то что будет?

Как тебе это интервью во «Времени», 3 сентября (начиная от стр. 17) – здорово, правда? И сравни с дегенеративными каракулями Бибеб в тех же «Врей Недерланд».

---

1 Юп Схафтхаюзен (Joop Schafthuizen), Матрос Лис (1948) до последнего дня жизни писателя оставался предан ему.

Еще должен выйти симпатичный репортаж с цветными фотографиями Укромного Убежища, по теле-еле, думаю, что 20-9-1975[I].

Ну а теперь, прощаюсь с вами,

с любовью, ваш Герард.

I Интервью Лео Рейкенса («Слава Богу, что я уехал из Нидерландов») появилось в газете «Де Тейд» не 3, а 5 сентября 1975 г.; статья ««Укромное Убежище» Герарда Реве» (текст Хенка Ховинга, фото Нико ван дер Стама) появилось в «Телевизир» не 20, но 27 сентября 1975 г.

Симон Кармиггелт и Герард Реве
на вечере по случаю 50-летия Реве, 1973

ПИСЬМА СИМОНА КАРМИГГЕЛТА ГЕРАРДУ РЕВЕ[I]

I Письма Кармиггелта цитируются по книге «Носом в книжку» (S. Carmiggelt en Peter van Straaten, “Met de neus in de boeken”, 1979).

ОТ АВТОРА

Когда «Пароль», в котором я работал, после войны стал выходить как ежедневник, двадцатидвухлетний Герард (ван хет) Реве был там самым молодым репортером. Он уже имел опыт работы в подпольной газете, из которой и возник ежедневник. То, что он был великолепным стилистом, я заметил только прочтя один его рассказ в «Раюм Бан»[I], газете для юношества, которую издавало наше новое предприятие. И что он, как «частное лицо», обладал необычным чувством юмора, дошло до меня тогда, когда наш главный редактор в припадке веселья пригласил весь состав на «праздник кудрявой капусты».

Мы взяли в ресторане эту старинную голландскую еду и запивали ее – в рамках послевоенной нужды – чем-то горячительным. Когда тарелки опустели, главный редактор воззвал с не вполне искренней жовиальностью: «Спич! Необходимо произнести речь. Предоставляю слово самому молодому. Герард, давай».

Герард поднялся с места. Повисла смущенная тишина. Я ему не завидовал. Но он преспокойно сказал: «Вообще говоря, я такого рода сборища не приветствую. Но должен сказать – это мило».

И снова уселся.

В редакции нашей он работал недолго. Его звала литература. Он опубликовал «Вечера» (1947), «Вертер Ниланд» (1949) и «Конец семьи Бословиц» – на мой взгляд, наиболее захватывающую историю на нидерландском языке о судьбе евреев. Потом по разным причинам он решил писать по-английски.

Незадолго до выхода первой книги Реве на этом языке – «Акробат и другие истории» – я посетил его в квартире на Галерее в Амстердаме, чтобы взять интервью об этом необычном эксперименте.

Когда я вошел, он протянул мне листок, на котором был отпечатан следующий текст: «С моей точки зрения, интервьюер совершенно свободен писать всё, что ему угодно. Таким же образом и фотограф, уполномоченный делать снимки, имеет право

I «Широкая дорога» *(нид.)*.

опубликовывать их без предварительного согласия. Таким же образом я должен попросить о следующем: избегайте возникающих, как правило, в интервью фактических ошибок, искажений имен и неверных дат. Будьте любезны прислать мне копию. В таком случае я в ответном письме укажу вам на возможную чепуху, с каковыми указаниями вы вольны поступать на свое усмотрение». (...)

Интервью состоялось в сентябре 1955 г. В последующие годы мы встречались весьма нерегулярно. Он покинул Амстердам.

Однажды утром, весной 1971, он забежал ко мне перед визитом к дантисту, поскольку был в моем районе. В то время он жил в Венендале.

Мы говорили о его работе. Он писал «Язык любви». Но депрессии мешали ему работать над книгой.

Наша беседа привела к возобновлению контактов и весьма обширной переписке, продолжавшейся около двух лет. Тридцать девять писем, написанных им моей жене и мне он, с некоторыми поправками, включил в «Язык любви». Свою часть переписки я никогда не публиковал полностью. Герард Реве – писатель, чьи письма – тоже литература. Своим же письмам я придавал меньше значения. В «Прекрасный подарок» я включил только некоторые читабельные фрагменты[1]. Теперь, когда Реве опубликовал объемистую книгу «Письма Симону К.», я значительно расширил подборку своих писем, поскольку для бесчисленного количества читателей его книг они предоставляют дополнительную информацию. Не пугайтесь: в субботу 15 января 1983 в интервью, данном «Паролю», Реве отозвался обо мне как о корреспонденте: «Он не написал мне ни единого содержательного письма». Не такое уж, стало быть, тяжелое чтиво.

20 мая 1971

Дорогой Герард,

Этот ответ на твое письмо от 16 мая я начну со зрительного воспоминания. Не помню, сколько лет назад это было. В то время ты только что осознал свою гомосексуальность и стал открыто говорить о ней в печати.

---

1 В книгу «Прекрасный подарок» (1979) вошли 8 писем. В сб. «Носом в книжку» – 16.

В тот летний полдень я сидел в открытом кафе на Клейне Картманплатсун. Ты проходил с кем-то мимо и не заметил меня. Ты встал в очередь у театра Сити, кажется, за билетами на фильм Феллини. Я подумал: «Его жесты изменились. Он двигается и держится совсем по-другому. Непринужденней, свободней». И ты разговаривал со своим спутником весело, совершенно расслабившись. Я подумал: «Похоже, он счастлив. Как хорошо для него. И какая катастрофа для него, как для писателя и для меня, как читателя».

Это не «анекдот», а чистая серьезность с моей стороны. И, возможно, вклад в проблему твоей депрессии. Каждый писатель страдает от тех депрессий, которые заслуживает. Твои тебе по размеру. Но если это не мешает тебе писать «Здоровую жизнь», они, на мой взгляд, не должны создавать особых проблем. Только для тебя самого как «частного лица» и для окружающих. Но не для тебя, как писателя, и не для меня, как читателя. Я не собираюсь тебя в чем-то убеждать. Это, разумеется, невозможно. Но я, как читатель, всего лишь хочу убедить тебя в том, что отчаяние и сомнения для твоей работы совершенно необходимы. Если бы ты, образно выражаясь, выпил некий волшебный – не алкогольный, разумеется – напиток, который сделал бы тебя безоглядно счастливым, с тобой, как с писателем, было бы покончено. Сомнительно, чтобы ты продолжал тогда писать. Почему? Счастливые люди в этом не нуждаются. Но если ты всё же продолжал бы писать, читать этого я бы не стал. Что мне нужды в ничтожных откровениях счастливца? Вся твоя работа дрейфует, готовая пойти ко дну, на темном подводном течении твоего отчаяния. Если ты вытянешь ее оттуда, ничего не останется. Отсюда и мой страх, когда я увидел тебя у театра. Я хочу сказать: не недооценивай свое отчаяние. Если ты более не отчаиваешься и чувствуешь себя “happy”, твой стиль потеряет упругость, присущую ему сейчас. «Частное лицо» – это тебе скучно, согласен. Но что означает частность писателя? Ничего. Читатель безжалостен. Хемингуэй был прав, когда сказал: «Писатель не может уйти на пенсию» и послал себе пулю в висок, осознав, что не сумеет закончить свою последнюю книгу о Париже. Сейчас модно считать ее дрянью. Это не так, хотя она значительно ниже его обычного уровня. Но если ты *сейчас* можешь писать «Здоровую жизнь», тебе на некоторое время придется отложить самоубийство.

Пойми меня правильно: я не хочу, как некий «гуманист», удерживать тебя в жизни против твоей воли. Я говорю, как читатель-

эгоист, который еще не всё прочел. Но желающий прочесть всё. (Если ты преждевременно порвешь с жизнью, ты ограбишь меня. Это преступление. (...)

15 июня 1971

Как мило с вашей стороны потратить столько времени на поиски отеля для нас в Венендале. Я хотел просто позвонить по телефону, а вы устроили из этого целую экскурсию. Ни малейшего сомнения в том, что комната нас совершенно устроит. Бами мы обожаем. И не затрудняйся поисками rosé. Тини выпьет стаканчик хереса и единодушно со мной переключится на красное. Я умолчу о том, что ты разбавляешь его водой. Поскольку у меня в жизни не было садового сарая, я никогда не имел возможности припрятать там бутылку и потихоньку отхлебывать из нее. Впрочем, в моей тревожной жизни пьяницы был один аналогичный случай. Лет десять назад я попробовал перейти исключительно на красное. Мы тогда жили на Ветерингстраат. Несколько раз за вечер я покидал комнату, двигаясь с непринужденностью человека, собравшегося по малой нужде. Оказавшись вне поля зрения, я спускался вниз, в кабинет и отхлебывал добрый глоток коньяку из припрятанной в шкафу бутылки. Тини всегда очаровательно притворялась, что ничего не замечает. Однако потом, когда я в самом деле перешел на красное, она сказала: «Ты что же, думал, что у меня нюх отшибло?» Ну вот, видишь. Лучше длинные волосы, чем близорукость[1].

27 июня 1971

Только что нас с ветерком доставили из Венендала в Амстердам. В начале поездки мы предложили оплатить часть стоимости бензина и сказали, что предложим еще дважды, но четвертого раза не будет, и мальчики трижды отвергали наше предложение и, стало быть, знали, что делали, чего нельзя сказать о многих других.

1 Буквально «Лучше длинные волосы, чем короткое зрение». Лозунг голландских хиппи.

По дороге[I] мы с Х(енком) говорили о том, что ты все свои письма пишешь перьевой ручкой и не сохраняешь копий. Мне кажется, это довольно неразумно с твоей стороны. В твоих письмах встречаются великолепные фразы, которые не должны пропасть. Если сохраняешь копии, то различные фразы и пассажи при последующем перечитывании могут вдохновить тебя на произведение Искусства. Таково, по крайней мере, мое мнение. Возможно, письма и Искусство для тебя совершенно разные вещи. Я свои ответы тебе перепечатываю на машинке, поскольку предпочитаю сохранять переписку обеих сторон. Мы с Хенком условились, что я позабочусь о копиях твоих писем. Я тебе их перешлю. Он сказал, что в Венендале фотокопировального центра нет. Жалкое местечко в окружении прелестных лесов. Если ты когда-либо прочтешь мою вещицу «Городок», не ассоциируй ее полностью с Венендалом. Я просто смел в кучу все унылые впечатления от визуально менее привлекательных человеческих поселений и приправил некоторыми wisecracs[II] из других источников. Да ладно, делаем, что можем. Смешиваем и месим. Реализм замочной скважины мертв. Неумолимо вмешивается рука писателя.

Твое обхождение с моим вице-королем Алкоголем пришлось мне весьма по душе. В этом отношении твои действия под тихим и тактичным руководством мальчиков представляются мне более чем разумными. (Любая страсть жаждет вечности. Но вечность так длинна, ее трудно выразить в бутылках. Если ты позволяешь дорогим тебе людям расщеплять твою вечность на то, что реклама собачьего корма столь точно именует «готовыми к употреблению кусочками», – ты хорошо устроился. Но ты прав: никогда не пей в компании людей, которые вызывают в тебе такое отвращение или просто смертельную скуку, что из-за них ты растворяешься в винном угаре. Когда я, давным-давно, пришел в Круг, я был способен за две минуты мертвецки опьянеть, не сделав и глотка, от одного вида заседавших там харь. Самый воздух там сбивал с ног. Алкоголь – загадочное зелье. «Много пить» – не существует такого. Но существует: пить в неподходящее время, при роковых обстоятельствах и в неподобающем обществе).

Когда ты упомянул о том, что твои бурные припадки ярости происходят просто из-за недостатка нескольких миллиграммов

I Из Венендала, где Кармиггелты гостили у Реве.

II Остротами *(англ.)*.

витамина В, я испытал одновременно облегчение и разочарование. Стало быть, никакого благородного гнева, всего лишь пренебрежение аптекой. Тело манипулирует духом. Мне припомнилась статья одного эскулапа, в которой говорилось, что Марсел Эмантс[1], вечно жаловавшийся на то, что у него леденеют ноги, возможно, страдал от серьезного нарушения циркуляции крови, что объясняло бесконечную мрачность его книг. У другого медика я в юности вычитал, что марксизм обязан своему происхождению марксовой язве желудка. Если бы у него всего лишь потели ноги, царь-батюшка сидел бы себе на своем троне, как и подобает. Но никаких «если» не существует. Я имею в виду – если бы Адам сказал Еве: «Нет, не хочу яблоко, банан хочу» – ты бы сейчас тоже совсем другие книги писал, как ты думаешь?

2 июля 1971

Как обещано, прилагаю фотокопии всех писем, которые ты писал мне перьевой ручкой в мае-июне. Одно я перекопировал с обеих сторон, поскольку на обороте – вполне законченное письмо Йохану Полаку. (Интересные заголовки. Напиши все эти книги. Но для этого тебе придется испросить у Господа ночную лицензию). Судя по лежащей перед тобой кипе бумаги, ты явно «не дымом в воздухе писал». Я нахожу, что там много прекрасных фраз, которые ты мог бы превратить в Искусство, но не думаю, что ты станешь это делать; ты в них попросту не нуждаешься. Это в высшей степени завидно.

Главу «Язык любви» я сперва прочел ночью, после двух бутылок вина. Но алкоголь, кроме хорошей реакции за рулем, отнимает у нас еще и способность к чтению чего-то сложнее детектива. Лишь перечитав рассказ на следующее утро, на террасе кафе «Американ», я заметил, с каким мастерством он написан. Он заслуживает почетного места рядом со «Здоровой жизнью», поскольку обладает той же неослабевающей стилевой напряженностью. Он представляется мне длинной, туго натянутой струной. Композиция рассказа вновь свидетельствует о некоей таинственной утонченности. Неожиданная вставка с описанием деревьев, юношеские воспоми-

1 Marcellus Emants (1848–1923) – писатель.

нания или совершенно подавляющий вид из окна, заставившие мой дух кровоточить, действуют невероятно сильно в этом рассказе, исполненном дикой нежности, плывущей по течению постоянно сдерживаемой ненависти. Что касается молодчика из Цюриха – спокойно, у меня масса времени, садись поудобнее, – твои страхи упустить какую-либо деталь необоснованны. Ты описываешь его не пером, а ланцетом.

Любовь, самоубийство, безумие. Об этих пленяющих тебя побуждениях я слыхал премилый анекдотец от одной продувной бестии – полицейского, разъезжавшего по ночам в автомобиле по докучливому городу, чтобы за ничтожную зарплату убирать всё то свинство, до которого я за сто тысяч монет даже щипцами не дотронусь. Слушай. Супружеская пара, проживавшая на четвертом этаже старого дома с прелестным закругленным фронтоном, приходит на вечеринку, где крепко набирается. Они знакомятся там с некоей дамой и решают заняться любовью втроем, дабы внести свой посильный вклад в дело раздувания пожара сексуальной революции. Мужчина отсылает женщин домой, освоиться, надо думать. Уже глубокая ночь. Он появляется через полчаса и начинает раздеваться. Дамы в постели. Внезапно мужчину охватывает сомнение в затеянной афере. Ярость, хмель, отчаяние и отвращение приводят к химической реакции, побудившей его к смелому решению. Он разбегается и прыгает, не заморачиваясь открыванием окна, сквозь стекло четвертого этажа, но во время прыжка жажда жизни оказывается сильнее, так что он ухватывается за крюк, которыми оснащены все амстердамские дома, выходящие на канал, на тот случай, когда появятся люди с веревкой и блоком[1]. Он висел там, голый, истекающий кровью, и кричал, что не хочет больше жить (что вылилось в бессмысленный шум, ибо ему нужно было просто разжать руки, чтобы упасть в объятия Иисуса, верно ведь?) Женщины вызвали полицию, и агент, поведавший мне эту историю, затащил его внутрь. «Этот чувак меня всего кровью заляпал, – сказал он. – Слава тебе господи, форма на мне была старая; замучаешься ведь пятна выводить». Хорошо, что существует полиция. Но видишь, самоубийство – это тебе не фунт изюму.

13 июля 1971

---

1 Т.е. купцы, торгующие прямо с канала: товары поднимались при помощи веревки наверх к покупателю.

Вчера у меня выдался увлекательный, хотя и несколько макабрический день в этом странном Амстердаме, набитом юнцами и девами со всего мира, – они могут делать тут всё, что душе угодно и даже более того. Цирк да и только. Поглядел бы ты на это; хотя я понимаю, что ты в прово-времена[I] с воплями отвращения

удирал от «гномиков с Лейденсплейн». Я сидел утром на террасе «Америкэн», кое-что писал, как вдруг ко мне подсел журналист Д. (...) У него была назначена встреча с нашим старинным другом, писателем Ж. Л.[II] Спустя полчаса выяснилось, что старичина давно ждет его где-то в другом углу террасы. Он подсел к нам. Смертельно больная развалина, приехал на день в Амстердам на облучение. Под мышкой у него была зажата французская книжка об онанизме, что мне показалось несколько чересчур. Полгода назад он приходил ко мне с визитом. В то время он еще не был так плох. Невеселый был день. Он жаловался на свою ужасную жизнь в доме престарелых. Мне тогда показалось, что он приходил прощаться. Теперь же, посидев за моим столиком с четверть часа, он спросил: «А вы, собственно, кто?» Я сказал: «Кармиггелт, вы полгода назад приходили ко мне домой». Он покачал головой. «Никогда я у тебя не был», убежденно заявил он. Тут он поднялся и пошел в туалет – уже в третий раз. «Из-за моей болезни мне нужно мочиться каждые полчаса, – сказал он. – Мне ужасно неловко перед этим человеком в туалете. И всякий раз приходится платить четвертачок». (...)

Я покинул общество и пересел в другое место, чтобы дописать текст. Когда я с этим управился, передо мной остановилась незнакомая, писаной красоты, слегка негроидного типа девица и завопила: «Ты – Кармиггелт. Ты круче Вондела[III]. Небесный суд, в конце концов...[IV] – скукотища. Ты не скучный. Ты клевый. Я тоже клевая».

Она уселась рядом со мной. Она была в высшей степени под

I Прово – молодежное движение, возникшее в Нидерландах в 60-х гг. и просуществовавшее 2 года. Оно представляло собой шутливое возрождение ненасильственной в основном анархии и провокацию властей (вариант хиппи со схожими лозунгами).

II Jef Last (1898–1972) – поэт, умерший от рака простаты. Последние годы прожил в доме престарелых Розы Спир.

III Joost van den Vondel (1587–1679) – выдающийся поэт и драматург.

IV Цитата из трагедии ван ден Вондела.

кайфом. Расплывшийся грим превращал ее лицо в импрессионистский портрет. Восемнадцать лет. С четырнадцати на наркотиках. Живет с дилером, «подходящий тип», который постоянно бегает на сторону. «Я тоже шустрю», сказала она. На нее то и дело накатывали затяжные приступы хохота. Проходивший мимо юноша, которого я никогда прежде не встречал, прикоснулся к моей руке и сказал: «Симон, не давай этой телке себя подцепить». Она крикнула, некстати расхохотавшись: «У меня эти дела». И, внезапно посерьезнев: «Меня все кто хочет лапают. Это хорошо. Я поэтому и жить могу, я только на морфии, но послезавтра я с него соскочу, пойду в «Бяйенкорф»[I] работать». Я спросил: «Кем?» Она глянула на меня своими прекрасными черными глазами, словно пробудившись ото сна, надвинула почти до переносицы маленькую синюю шляпку и воскликнула: «Продавщи-и-ицей». После чего еще несколько минут хохотала до изнеможения.

Что нам с этим делать, гражданин писатель? Будучи вуайером по профессии, я подумал: «Великолепный женский монолог, но я знаю, что никакая актриса, кроме самой этой девицы, так сыграть не может». Так что видишь, что жизнь в стольном граде бурлит и изобилует живописными сценками, которых лишена деревня.

21 июля 1971

Из твоего письма от 19-ого я с искренней радостью замечаю, что ты немного пришел в себя. (Стучу по дереву). Я тоже вполне сносно держусь на ногах, хотя так же не смею об этом писать. Если Стег все еще актуален, надеюсь, что мы будем вполне в состоянии прогуляться по лесу. Посмотрим. Прежде всего, ничего не надо форсировать.

Твой рассказ «Благодарность» великолепен. Но я его еще на некоторое время придержу[II]. Во-первых, сегодня вечером у меня в газете твой брат (дурацкая мысль, что кто-то в Ленинграде сможет прочесть мой рассказ). И, во-вторых, между «Зверюшками» и «Благодарностью» должно быть здоровое пространство, иначе «они» – мои возлюбленные читатели – скажут: «Опять поленился сам

I De Bijenkorf («Улей») – сеть крупных промтоварных магазинов.

II Рассказ, который Реве подарил Кармиггелту для его рубрики “Kronkel”.

написать», что отнюдь не является правдой. Сам посуди. Напротив, я ежедневно пишу разную «чуму», которую мой добрый друг Адушка Вельдхун всем с большой охотой желает подцепить. Милый, высокоодаренный парень. К сожалению, его (камбоджийская) жена более не разрешает ему со мной знаться – женщина чрезвычайно красивая, но очень дикая, из принципа ненавидящая всех, с кем он дружен. Возможно, это некая форма любви, недоступная нашему мелкому нидерландскому пониманию. Мы же всего лишь маленькая крестьянская страна. Я не знаю. Тем не менее это так.

Выдержка из служебника («цепляться за актуальное» это называется, что, разумеется, чушь собачья) напомнила мне одну историю, которую поведал Эдвард Элиас[I]. Это было в скором времени после войны, в те времена, когда священники подозревали, что с Богом стряслось неладное и приходили в ужас от «Ладно, пастор тоже может посмеяться над шуткой, если не стесняется. По всему видать, что к происходящему надо приспосабливаться». Что есть в высшей степени нерелигиозная, глупая мысль. Какое мне дело до пастора, который любит шутки? Вот поди объясни. Эдвард Элиас слушал тогда радиопередачу одного пастора, который начал следующим образом: «Фельетонист Эдвард Элиас пишет короткие, порой практически не привлекающие внимания тексты, которые всегда свидетельствуют о большой, теплой любви к человеку. Иисус Христос тоже…» И так далее. Поторопился, подумал я. В конце концов, существуют величины несравнимые, хотя Эдвард нередко писал замечательные вещи.

Что «Стаканы» – вредная вещица, я с тобой не согласен. Эллен Вармонд[II], большая любительница употребить, писала мне в одном – кстати, весьма изящном – письме, что перешла на вино по совету врача, который добавил: «Согласись, что это совет, от которого будет прок. Бросай пить – у тебя печень уже через уши вылезает. Ты наверняка и сама об этом думала». Она к этому присовокупила: «Всю мою семью разносили по могилам под пение «Делириум тременс»». Она прекрасный человек, и перо у нее весьма острое. И она покорнейше просит тебя не слишком торопиться в могилу, поскольку ей, после того как ты почишь в бозе, предстоит в Литературном музее весьма утомительная обязанность – разбирать все

I Eduard Maurits Elias (1900–1967) – журналист и писатель еврейского происхождения.

II Ellen Warmond (Pietronella Cornelia van Yperen) (1930–2011) – поэтесса.

твои предсмертные письма. Ты уж, пожалуйста, проникнись к ней сочувствием.

Но к делу. Если истинные алкоголики – я не имею в виду типов, которые пьют только по воскресеньям: две паршивые стопочки перед обедом и не более – благодаря этому рассказику с крепких напитков перейдут на вино – мы спасены. Что бы это «спасены» ни означало. По крайней мере, на этом свете.

Что касается вина, у меня, кстати, тоже серьезная проблема в кафе «Америкэн». Там с некоторых пор появился новый официант, парнишка лет примерно двадцати трех, который мало в себе разбирается, однако нечто вроде жизненного плана имеет. Он восхищается моими рассказами. Месяц назад я сидел утром на его территории за чашкой кофе. Когда я собирался расплатиться, он сказал: «Нет, г-н Кармиггелт, вы мне подарили столько удовольствия вашими рассказами, что это – за мой счет». Я ответил: «Чрезвычайно любезно с вашей стороны. Большое спасибо». Забавно то, что теперь всякий раз, когда я нахожусь в его зоне обслуживания, он не берет с меня платы. Разумеется, я протестовал. Он сказал: «Сударь, это вовсе не проблема, нам ведь дают бесплатные талоны на кофе, стало быть, мне это ничего не стоит». Но в половине шестого, когда я чувствую, что не прочь бы выпить винца и приземляюсь на террасе «Америкэн», если оказывается, что это его территория, мои намерения идут прахом, ибо талонов на вино у него нет, но заплатить 2,25 за бокал он мне не позволяет. Поскольку я не хочу пропивать мальчугановы денежки, то, заметив его приближение, скрепя сердце опять заказываю чашку этой кофейной бурды. Захватывающий вариант борьбы с пьянством, не находишь?

(...) Хотя для писателя каждый опыт уникален, нужно быть осмотрительным с количеством чужих проблем, которые можешь взвалить на свои плечи. Рассказывал ли я тебе когда-либо (вполне возможно, память у меня сдает) что моя старуха мать привыкла говорить, прослышав о чьем-нибудь добром деянии? «Замечательно, но для этого я не слишком хороша». Она была женщина реалистичная. Сердечный привет от нас и, надеюсь, до встречи в Стеге. Если только ты в самом деле хочешь. И прежде всего, не пиши через силу. Ничего не «надо», всё можно». Прежде всего, твори Искусство.

1 августа 1971

Прилагаю фотокопии. Я думал, они у тебя все есть.

Перечень, которым ты начинаешь письмо от двадцать четвертого, мне очень понравился. Литература, однако. Благодаря всему этому и болезненной точности, возникает поразительный двойной эффект. Забавно и одновременно печально. Напоминает список изданий пятнадцатилетней давности, из которого исходит сладковатый трупный запашок, что любого здравомыслящего человека должно удержать от того, чтобы когда-либо еще написать хоть слово. Но мы же вовсе не здравомыслящие люди, а некая разновидность графоманов. (...)

Я полностью разделяю твое мнение о том, что мы никогда не должны примыкать к какой-либо группе, но общаться только с очень тщательно отобранными людьми. Большинство литераторов – завистливые язвы. Я предпочитаю актеров. Те по крайней мере могут историю рассказать, над которой можно посмеяться. (Ко ван Дейк[1] порой в кулуарах превосходит свои немалые сценические успехи). Я понимаю, что гомосексуалисты объединяются, чтобы защищать свои интересы. Но допускать, что они с человеческой точки зрения имеют что-то общее, также некая субтильная форма дискриминации. В данном случае это столь же странно, как союз гетеросексуалов или рыжих. Недавно приходил ко мне один довольно важный человек – директор (разорившегося между тем) дамского модного магазина в Амстердаме, который хотел, чтобы я вступил в Ротари-клуб. Это, полагаю, была немалая честь. Покуда он сидел и рассказывал о том, что меня ждет, я с трудом подавлял желание облевать ему коленки. Эти люди каждую неделю собираются на ланч. Нужно быть с ними. По очереди каждый член клуба читает доклад о своем ремесле. Прибыв за границу, нужно немедленно посетить местное отделение клуба. Опять на ланч тащиться. И пиздеть. Тогда получаешь в этом филиале флажок, который по возвращении нужно предъявить в клубе. Все эти флажки украшают обеденный зал. Группы из четырех человек регулярно навещают членов клуба, которые держатся особняком, с целью «поближе познакомиться». А ты думал, что Дьявола не существует? Я вывернулся, наболтав, что страдаю падучей, которая не позволяет мне принимать регулярное участие в ланчах. Зачем это людям надо?

---

1 Ko van Dijk (1916–1978) – актер и театральный режиссер.

Одиночества боятся? Скуки? Смерти? Не знаю. Да мне и не нужно.

На Ада Вельдхуна у меня другой взгляд. Он родился и вырос в Иордании – потому и разговаривает так. Но он нередко говорит замечательные вещи. Вернее, говорил – я с ним больше не вижусь. Твоя юношеская травма, возникшая из-за неправильной речи всезнаек – они же бедолаги, да, – мне незнакома, но ты прав в том, что несчастливое детство – золотая жила для писателя. Мои родители были весьма разумными и довольно обеспеченными людьми. И все же в детстве я не был счастлив. Я ни во что не вписывался, ненавидел школу, не успевал, но должен был годами в ней «сидеть». Лишь со временем это ощущение собственной второсортности меня оставило. Оно долго мучило меня. Теперь я более не чувствителен к критике моих текстов со стороны людей, которых мало или вовсе не знаю. Я давно уже прекратил собирать газетные статьи. Недавно кто-то прислал мне вырезку из некой провинциальной газеты, в которой неизвестный разнес меня в пух и прах. Всё, что я подумал: «Он пишет «раздумывать» через «о», а ведь там «а»? Заглянул в словарь и убедился, что я прав.

Мое имя имеет английские корни. Ведь граф Лестер бывал в наших землях в 16 веке[I]? Он недолгое время жил в замке в Дирене[II]. Среди солдат приведенного им войска был некий Роберт Кармайкл, который спутался с голландской девицей. И вот пожалуйста. Гельдерланд кишит Кармиггелтами. Некто однажды по доброте душевной отследил мою родословную. Сплошные батраки, деревенщина или вовсе никто, и все они писали имя по-разному. «Кар» означает нечто вроде «Св.», а вторая половина фамилии – производная от «Михел». Чудно, впрочем, что в Лондоне англичане часто спрашивают у меня дорогу. То, что в моей внешности есть нечто британское, подтвердилось недавно в том же Лондоне, когда я в мужском модном магазине рассматривал рекламную брошюру курток Daks[III]. Один из изображенных там типов в такой курточке был как две капли воды похож на меня. Тини тоже согласилась. Мелочи с большими последствиями.

I Robert Dudley, первый граф Лестер (1532–1588) – в 1585–1587 гг. во время войны с Нидерландами командовал там английскими войсками. По предложению голландцев стал генералом-губернатором Республики Соединённых провинций. Интервенция, однако, потерпела провал.

II Dieren – город в восточных Нидерландах (провинция Реден).

III DAKS – британский дом моды.

Описание твоего визита к Ханни мне показалось очень трогательным. В смысле литературном тоже, хотя ты не имел в виду литературу. Нежное и мрачное, но не отчаявшееся.

Роза Спир, которой принадлежит идея Дома ее имени, ухитрилась отдать концы до того, как он был открыт. Сатанинская задумка. Кто теперь сгоняет в кучу престарелых работников искусства?

Если бы у меня была привычка к молитве, я бы каждый день молился: «Боже, если я останусь один, позволь мне быть одиноким». Но не знаю, смог ли бы. Более одного дня мне без Тини не обойтись. А вот моя мать вполне могла, хотя у нее постоянно бывали посетители. Поскольку она была очень веселая, люди охотно приходили к ней, чтобы «подзарядиться» духовно. Бывало, я звоню ей и говорю: «Мы хотели бы зайти», она отвечает, что сначала должна заглянуть в ежедневник, а потом говорит: «Лучше приходите в субботу, вообще-то я по субботам днем читаю, ну да разок можно и пропустить». И всё же она любила нас и радовалась нашему приходу. Надеюсь, что если доживу до старости, буду таким же.

Я пока что не впал в уныние. Устал, правда, но работаю каждый день. Напиваюсь редко. Только если бываю в депрессии. В такие дни приходится быть осторожным с плодами винной лозы.

18 августа 1971

Утром получил твои письма от 16 и 17 августа. То, что ты пишешь о страхах и робости, узнаваемо. Когда у меня депрессия, мне стоит больших трудов перешагнуть порог. Если всё же выхожу, стараюсь держаться поближе к дому. Завидев знакомого, прикидываюсь, что не узнаю его. Боюсь, что со мной заговорят. По мне это тоже видно. Только изредка кто-нибудь пытается втянуть меня в разговор, который по моей вине быстро иссякает. Когда со мной всё в порядке, я треплюсь легко и даже занятно. Боюсь, что в день страшного суда свидетели, которые должны будут рассказывать, какими мы были, станут столь яростно противоречить друг другу, что оправдательный приговор при отсутствии доказательств вполне возможен.

Я, как и ты, сейчас не в лучшей форме, но борюсь с этим. Святое правило: ни дня без строчки. Я уже целую неделю пишу чисто

рутинные вещицы, которые от меня ничего не требуют. Вновь появившись в газете, я смогу растянуть их на много месяцев. Заставляю себя выходить из дому и не сидеть сиднем дома. Закончив рассказ, всё же иду на террасу «Америкэн», намеренно: там бывает масса знакомых и можно много с кем пообщаться. Я просто хочу преодолеть себя и не робеть. Черновик этого письма я пишу там же, на террасе. Мой почерк меня устраивает. Только что ко мне за столик приземлился некий весьма активный молодой человек – по всей видимости, общественник. Из Гааги. Что-то там у него с группой юных кабаретистов. «Мы ставим различные вещи по вашим рассказам, – заявил он. – Нужно ли нам испрашивать вашего разрешения»? Я нисколько не рассердился, мне даже это понравилось, поскольку в черном настроении меня что угодно может рассердить и мне не хватает целительной дозы безразличия, без которого жить невозможно. Я просто сказал: «Обычно существует некоторая договоренность. Дайте мне знать, что люди делают на моем материале. И не упоминайте мое имя в программе». Это же существенно, правда? Если они там напортачат с моей вещью, публика, по крайней мере, не будет знать, что вещь это моя. The rest is silence[I].

Разумеется, мы не должны читать письма на телевидении. Мысль “Feind hört mit”[II] убьет весь смысл нашей переписки. Желание, чтобы что-то было написано специально для них, есть полная чушь. Уж лучше предоставлять возможность писателю время от времени зачитывать избранные отрывки из своей книги: будет куда лучше, нежели срать по приказу. Но поразмышляй-ка на досуге о своем возможном выступлении по радио, когда закончишь книгу. Никогда не делай ничего потому, что этого желает другой. Возможно, подведя черту под последней главой, ты освободишься настолько, что без труда сможешь вытрясти из рукава тексты для парочки выступлений. Но там видно будет.

(…)

Вот мимо проходит юная дама с собачкой лет двенадцати. Она очень одинока. От ее подруги я знаю, что она каждый вечер возится с крестом и буковками – она спиритка – чтобы узнать, как долго еще предстоит прожить собачке, поскольку ужасно боится, что та умрет. И всякий раз объявляется дух ее матери, с которой она была сильно не в ладах, и дух этот возвещает: «Два…» И больше ничего.

I Остальное – молчание *(англ.)*, последние слова Гамлета.

II Болтун – находка для врага (букв. «Враг слушает») *(нем.)*.

Два дня? Два месяца? Два года?

Немного отвлеклись, старина.

Вчера приходил с визитом один издатель, приятный человек, впрочем, с неприятным вопросом: не хотел бы я занять место в редакционном совете его издательства. Я уже вижу себя на деле, оскаленными клыками вгрызающегося в рукописи, которым лучше было бы оставаться ненаписанными, что облегчило бы мне жизнь. А ты читаешь всё, что присылают тебе «на оценку»? Я всё еще терпеливо это исполняю. «Но вы нам в совете нужны еще для идей», – сказал издатель. «У меня нет идей, – сказал я. – Я не могу судить, что нужно издавать, а что нет. Всё, что я считаю действительно хорошим, уже издано». К счастью, он больше не настаивал. Дорогой Герард, упорно сражайся с депрессией. Ты знаешь, что в один прекрасный день выберешься из нее. Завтра (в четверг) мы уезжаем до воскресенья в Гаагу. Повод: юношеские сантименты.

27 сентября 1971

Позавчера, вернувшись из Италии – после Леванто заехали еще на пару дней в Милан – нашел твои письма. 12 ноября мы будем в «Монтани», к концу дня. Насчет кутить на твои кровные – постараюсь себя ограничивать. Что касается ванной – устроимся. Йохан Полак, думается мне, ранняя птаха, а мы поздно восстаем из перин, так что не передеремся.

Если в твоей новой книге будет глава под названием «Письма к собрату по перу», полагаю, что журналюги станут звонить мне и интересоваться, не я ли тот самый собрат, поскольку о переписке в нашей редакции некоторые знают. На что я буду просто отвечать: «Да, письма адресованы мне». Далее я их буду спроваживать к тебе. У тебя же все равно нет телефона, а если ты его заведешь, номер должен быть настолько засекреченным, чтобы ты его сам с трудом помнил. В скобках: было ли такое недавно в Венендале, пару недель назад, что какой-то тип из «Телеграфа»[1] позвонил тебе в дверь и рвался войти, чтобы взять интервью, а ты его не пустил? И если да – был ли это тот самый тип, о котором мы недавно говорили? Если это он, то ты дал ему правильную оценку, поскольку от

1 «De Telegraaf» – крупнейшая утренняя газета.

заметки, которую анонимно накропал незваный посетитель, смердело недостоверностью. «Совершенно измочаленный Г. К. Ван т («хет», надо понимать) Реве открыл дверь и лишенным выражения тоном сказал: «Нет, я никого не принимаю». Подобный сорт химерической хрени печатают лишь потому, что у тебя нет желания пускать к себе кого попало.

Я обеими руками за то, чтобы заседать в любой комиссии в твою честь. Но приурочивать национальный сбор к 25-летнему существованию «Вечеров» я тебе решительно не советую. Ты должен исходить из инициативы своей Возлюбленной Публики и того, что происходит в головах этих людей. Голландец готов переводить деньги на счет голодающих черных ребятишек в дальних странах. (Посланное ими, как ты знаешь, по большей части прилипает к рукам коррумпированных личностей, полагающих нормальным, что детишки голодают, и тратящих деньги на кадиллаки (белые) и дорогие парижские платья для своих любовниц. Разумеется, это всё демагогия, но я люблю демагогию.)

Ты, однако, не голодающий негритенок, но широко читаемый писатель. Стоит тебе заикнуться о деньгах, ты навредишь своему «имиджу». Станут говорить: «Бедолага. Ему нужны башли. Наверно, его больше не читают». Но ты не бедолага. И твои книги читают. И ты только что закончил новую. Посему ты не должен ходить с шапкой по кругу. Эти восемь тысяч гульденов за машину ты же можешь легко получить, как задаток или что?

Ты читал в номере «Холландс Маандблад»[I] за август-сентябрь статью Карела <ван хет Реве> об Анни Ромейн? “Annie get your gun”[II] называется. Прочти непременно. Мастерская вещь, убийственная, написана со спокойствием и иронией, против которой все бессильны. Она здорово на него разозлится.

1 октября 1971

I «Голландский журнал» – литературный ежемесячник.

II Анни, доставай ружье *(англ.)* – намек на одноименный мюзикл по мотивам книги о жизни американской женщины-стрелка Энни Оукли.

Утром получил твое письмо от 29 сентября. Очень любопытно, о чем ты пишешь. Уж точно не плохое и не ужасное. Ты такое не можешь. Я – да, хотя пытаюсь свести это к минимуму. Здорово, что итальянская вещица тебе понравилась. Я ее тоже с удовольствием перечитал. Нет, концовка была не придумана. И “one clock” тоже нет. Он так и сказал, этот миляга.

Твоя фразочка насчет того, что «еще двенадцать лет, и мне шестьдесят» напомнила мне давний разговор с Эдвардом Элиасом в кафе, где я сидел за бокалом вина и стаканчиком «Адвоката». Он был неутешен и сказал: «Подумать только, Симон, через восемнадцать лет мне семьдесят». Я ответил: «Этак мой внук может сказать: «Дедушка, подумай, через семьдесят шесть лет мне будет восемьдесят». Он тогда рассмеялся. Возможно, ты сейчас тоже. Жизнь, конечно, коротка, но не настолько, чтобы ты двенадцать лет проглотил, как таблетку аспирина.

Такие детские разговоры, конечно, больно слушать, но на твоем месте я бы не стал принимать их близко к сердцу. В это «на твоем месте» я вкладываю двойной смысл. (...) Венендал имеет, разумеется, все мизеры серенького провинциального местечка. В Амстердаме можно жить анонимно, не слушая поневоле весь этот детский лепет (и неделями лежать в комнате мертвым, пока соседи не встревожатся из-за необычно сладковатого запаха на лестнице – это местный фольклор). Но я не думаю, что жизнь в Амстердаме смогла бы тебя закалить. Хемингуэю для каждой книги нужна была другая женщина. Тебе – другое место. Чтобы писать, тебе нужен был Амстердам. Потом Греонтерп. Теперь Венендал. А в будущем – один Бог знает что. Но не Амстердам. Здесь ты будешь слишком часто и слишком сильно испытывать раздражение. Если хочешь жить в Амстердаме и не съехать с катушек, тебе придется, как мне, плевать с высокой колокольни на некоторые вещи, не из равнодушия, но во спасение жизни. В сущности, Амстердама для меня не существует. Это проекционная ширма моих чувств и настроений. Если у меня всё хорошо, мне тут нравится, если я в депрессии, я существую в аду. Но ты при любом настроении должен в Амстердаме много пропускать мимо себя. Неподалеку от меня, по соседству стоит слегка накренившийся дом с огромной слепой стеной, – полное раздолье для наших конкурирующих писателей на стенах. Каковым они основательно пользуются. Вот, например:

Нет террору против южных моллукцев.

Свободу Бобби Силу[I].

Прекратить убийства Черных Пантер[II].

Не допускайте строительства метро.

Убейте Сухарто[III] (императив множественного числа; сам граффитист этого не делает, но повелевает мне и Тини разделаться с чернокожим).

Напротив этого списка покупок я в последний раз стоял рядом с пожилым человеком, который, пробормотав себе под нос эти пять воззваний, сказал мне: «Это что же, всё это уже сегодня нужно сделать?» Вот так и живем в Амстердаме. Иначе никак.

То, что ты пишешь о богослужении и церквях, я могу понять, хотя пытаюсь существовать без того и без другого. Но полагаю, что привнесение земного в веру отнимает у нее всякий смысл.

В рассказе о свечах – я изменил Ханса на Вольфа – я написал: «Ибо Вольф – католик. Не такой прогрессивный, которого Бог обратил в образец лишенной любви непереносимости, проявляющий себя в грызне по вопросам об общественных структурах. Нет, он – верующий католик, регулярно посещает службу и вдумчиво размышляет о бессчетных мистериях».

(Если хочешь что-либо изменить в этой характеристике, можно, поскольку рассказик пойдет в ход только через пару недель).

2 октября 1971

Утром пришло твое письмо от 28 сентября, заметно более веселое, чем то, на которое я реагировал выше. Список пятнадцати слов, в связи с автомобилем, в самом деле ошарашивает. Эти совпадения кажутся мне развлечением ангелочка, который в небесах малость заскучал, потому что обладает большим чувством юмора и не любит музыки тромбона.

Утром пришел и номер «Сомы». Я перечитал «Язык любви»

I Robert George «Bobby» Seale (1936) – американский политический активист, один из основателей партии «Черные Пантеры».

II Партия чёрных пантер (англ. Black Panther Party for Self-Defense) – афроамериканская организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения. Была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы.

III Хаджи Мухаммед Сухарто (1921–2008) – президент Индонезии в 1967-1998 годах.

и вновь нашел его потрясающим. Но не выпало ли оттуда два слова? «Наши почерки были практически неразличимы». Не лучше ли было бы «не отличимы друг от друга»? А то складывается впечатление, что «наши почерки были едва заметны». Не мог бы ты попросить «Сому» сделать две копии того, что ты им недавно отправил, и одну переслать мне? Просто мне интересно, что ты уже написал после опубликованного. (...) Люди, утверждающие, что я занудствую, оставляют меня равнодушными, если только ты и еще по крайней мере пять человек так не считают. Меня за эти годы уже не однажды элита хоронила, но я всякий раз выбирался из ямы. Только сам пишущий может определить, не кончилась ли его масленица. А уж совершенно уверен он может быть только тогда, когда умрет телесно. Я полагаю, ты думаешь так же, поскольку в одном из твоих писем удивленно констатируешь, что рассказ тебя увлекает, чего раньше с тобой никогда не случалось.

29 октября 1971

Твой страх, что мы отдалимся друг от друга из-за того, что ты пишешь, необоснован. Пойми меня правильно: если ты всерьез будешь отстаивать превосходство белой расы над черной, я сочту это чепухой, противоречащей твоей вере. Можно ненавидеть только группы – например, политиков – сознательно избравших нечто предосудительное. Но негры не выбирали, хотят они быть черными или нет. Фашисты – те да. Разумеется, в их среде тоже были нюансы и различия. Такой человек, как Эрих Вихманн[I], попади он в осаду, был бы непременно убит немцами. Но общество, с которым я имел дело, будучи репортером «по фашизму» в газете «Народ» года за два до войны, состояло главным образом из сброда. Порой жалкого сброда. Беспомощные, ничтожные представители среднего класса, мечтавшие о том, что победа фашизма положит конец еврейскому «Бяйенкорфу» и красной кооперации. Один фашистский лидер, хваставшийся своим мундиром, предложил тогда испытывавшему финансовые затруднения «Народу» свой партийный архив. И НСД-сты...[II] Мне нужно было по делам газеты в Гел-

I Erich Wichmann (1890–1929) – нидерландский художник, фашист.

II Национал-социалистическое движение в Нидерландах в 1931–1945 гг.

дерланд на их Проповеди[1]. Массовые сходки под открытым небом, где, например, один тип в палатке, торгующей жареными сосисками, кричал: «Копченые колбаски. Не жидовские». (Он имел в виду фабриканта консервов Сваневелда, еврея). Еще мне вспоминается один мерзкий средних лет обыватель, растолковывавший на этом собрании кучке интересующихся, почему евреи – никудышный народ. Он держал небольшую гостиницу и рассказал: «Я однажды сдал комнату молодому жидяре, по имени Йозефус Йитта. На следующее утро его нашли мертвым в постели. Самоубийство. Я сказал: «Сука, другого места не нашел?»

Этого человека я никогда не забуду.

Что касается «не жалей розги», я скажу следующее:

«Рассказы» и их эротическая функция мне совершенно понятны. Но, возможно, ты не примешь во внимание мои повествования. Твои – эротические – я с тем же успехом не воспринимаю. Я, конечно, знаю, что ты пишешь отменно, но для меня мальчики ничего не значат, и описание их пыток меня нисколько не возбуждает. Поэтому часть этой главы всецело проходит мимо меня. Ты, конечно, можешь писать всё, что угодно, с моей точки зрения, но, что касается меня, я бы предпочел побольше отступлений, таких, как, например, великолепная сцена вручения цветов. В такие моменты ты, так сказать, внезапно взлетаешь с фотоаппаратом в воздух и удаляешься. Если ты приводишь только диалоги, ты даешь себе, как стилисту, меньше шансов. То, что ты в письме от двадцатого октября рассказываешь о Маман и ее сестрах, настолько прекрасно, что я думаю: «Это было бы отличным отступлением в первой части, если умело вставить эпизод».

28 ноября 1971

Для начала передай спасибо Хенку за его сердечное письмецо, которым он пытался меня взбодрить. Твое письмо от 25 ноября содержало также весьма ценимую попытку. Но я еще не выкарабкался из колодца и вижу всё исключительно в черном цвете.

Украшением дня была весьма подавляющая почта. Вот пример. В Брюсселе живет некая слепая женщина. У ее мужа – Бог знает

---

1 Пропагандистские собрания НСД на открытом воздухе.

зачем – имеется абонемент на «Пароль». Он читает ей вслух мои рассказы. На них она реагирует письмами, которые, невзирая на слепоту, умудряется сочинять на больших листах серой бумаги. Огромные каракули карандашом – еле-еле расшифровываемые. Недавно я читал по телевидению один рассказ, действие которого происходит в ночном клубе и называется «Цветы для слепой». День назад я вновь получаю от нее письмо, в котором написано, что ее муж прочел ей в телепрограмме, что я буду читать этот рассказ.

Она пишет: «Я думала: рассказ будет обо мне. У нас нет аппарата, настроенного на нидерландские программы. У друзей есть. Хотя я больше не выхожу из дома по вечерам, в тот вечер мы всё же пошли к друзьям. Погода была ужасная – дождь и пронизывающий холод. Я была разочарована, когда осознала, что рассказ был не обо мне».

Славное письмецо на пустой желудок, а? Прямо видишь, как бедолага вечером с мужем под руку тащится по Брюсселю под дождем и ветром с сердцем, бьющимся от переполняющей его надежды. Но что навело ее на мысль, что рассказ будет о ней? Тут я ей ничем помочь не могу.

Жефа Ласта я навещал. Он лежит в WG в большом грязном зале, полном больных мужчин. Рядом с ним полумертвый дедуся. Чуть подальше – молодой негр, полностью одетый, ноги в туфлях на кровати и тоскливо смотрит в потолок.

Когда я зашел в зал, у Жефа сидела девушка лет восемнадцати. Я подошел к его кровати. Он сказал девушке: «Ты можешь идти». Она ответила несколько ошеломленно: «О. Ну ладно. Тогда я пошла». Надела куртку и ушла. Я уселся на освободившийся стул. Всё утро я тщетно искал, что бы такого занятного ему рассказать. Но этого не потребовалось. Он сразу же заверещал, как будильник.

Для начала: «Чей большой палец повернут вниз, чтобы воспрепятствовать имени Жефа Ласта быть где-либо упомянутым?» И пошла литания. Написанная им книга, которую издатель не хочет издавать, хотя функционер в издательстве обещал. Завоеванная им за рубежом слава, которая в газетах замалчивается. Обещания газетных редакторов, которые никогда их не выполняли. И Теун де Вриз, которого в интервью попросили перечислить любимых нидерландских писателей, его, Жефа Ласта, не упомянул. «И ты тоже», прибавил он.

Он ныл и ныл и ныл. Мне и рта раскрыть не пришлось. Только

слушать – в том числе и жалобы на WG. «Трусов тут не дождешься». На нем была такая белая больничная рубаха. А в другом ряду лежат люди, которые его изводят, говорит он. Они его называют предателем революции или что-то вроде того. И в только что вышедшем переиздании книжки А. де Кома[I] «Мы, рабы Суринама» не упомянуто, что Жеф фразу за фразой для мальчика формулировал. «И даже вежливости им не хватило мне экземпляр прислать». И так далее.

Ну вот, ты спрашиваешь, каков был итог моего визита. Я чувствовал себя неловко, ведь мне-то копии обеспечивают. Он же, по его словам, постоянно рассылает в газеты свои статьи и с обратной почтой получает их назад. В то время как я изворачиваюсь ужом по телефону, отбрехиваясь от призывов написать что-нибудь. Как всё несправедливо устроено в писательском мире. Если бы в Нидерландах нашлось три тысячи человек, готовых раскупить все книги Жефа, он был бы избавлен от забот. Но трех тысяч, ясное дело, не сыщется.

27 декабря 1971

Половина четвертого дня. По-моему, подходящее время суток для присланного тобой начала – прекрасного – книги. Свет какой-то грязноватый. Скоро быстро стемнеет. Тогда станет не видна вытоптанная футболистами трава. В жилищах повсюду зажгутся огни. Можно будет видеть и внутреннее убранство – кто в наше время держит шторы? – и, согласно этому времени года, рождественские елочки. Чуть позже увидишь восходящее синее око бюссюмского циклопа[II], проверяющего, все ли на месте.

Пишу тебе с запозданием, поскольку имелась масса причин, по которым я не мог сделать этого раньше. Мало того, что мой декабрьский невроз разгулялся вовсю (я просто не переношу этот месяц, когда воздух непрерывно звенит от словечка «уютно»), еще

I Cornelis Gerard Anton de Kom (1898–1945) – суринамский революционер, поэт и писатель-антиколониалист, коммунист, участник Сопротивления в Нидерландах.

II Bussum – община и город в провинции Северная Голландия, севернее города Хилверсюм.

и тяжелый удар – внезапная смерть Годфрида Боманса[I]. Я был с ним в приятельских отношениях и высоко ценил его труды. Кто-то недавно сказал мне: «Боманс – большой писатель, но не говори этого вслух». И это правда. Мы с Тини были на его похоронах, которым предшествовала пышная церковная служба. Его брат, всю жизнь не вылезавший из монастыря, руководил службой и сказал добрые слова о Годфриде и его книгах. Я был также на отпевании Ван Далсума[II], но там всего лишь зачитали из скверно отпечатанной книжонки, даже не упомянув, что Ван Далсум как творческая личность что-то значил. Но для Боманса они расстарались. После похорон мы с несколькими его друзьями пошли топить горе в вине, что было предусмотрено. В битком набитой церкви шныряла дородная, замотанная в лиловое пальто старая баба, оснащенная фотоаппаратом со вспышкой, которая щелкала всё подряд: скорбную вдову, коленопреклоненного епископа, гроб, еще раз гроб и опять гроб, и брата[III] с кубком вина. Надо думать, она всё это вклеит в альбом и будет показывать таким же старым бабам, поясняя: «Это похороны Годфрида Боманса». Я возненавидел ее несвойственной мне лютой ненавистью и, обладай я твоим темпераментом, непременно треснул бы ее по башке алтарным подсвечником. Мы же, выпивая после службы, поносили ее с такой ненавистью и отвращением, что у нее, должно быть, в боку, а то и в сердце закололо. (...) Из вышеизложенного ты можешь сделать вывод, что я очень уж изнурен, чтобы давать квалифицированные советы. «Жить, чтобы охотиться» – для меня доказательство того, что ты работаешь отлично, не снижая своего уровня. Так что стисни грабли. И, прежде всего, не прыгай из разных там окон. На мой взгляд, это рискованнейший способ: крупный шанс протянуть еще лет двадцать в инвалидной коляске с подвесным взрывателем, катящейся по дороге к концу. Кроме того, большинство инвалидов осознает, как прекрасна и отрадна, в сущности, жизнь. Они постоянно жаждут, чтобы их вкатывали в концертные залы и театры и вывозили в дельфинариум или лес, чтобы полюбоваться красками осени. Вчера у меня был мальчик из школьной газеты. Он поведал: «Когда я сказал своему отцу, что собираюсь к вам, он ответил лишь: «О».

I Godfried Bomans (1913–1971) – писатель.

II Albertus Wilhelmus van Dalsum (1889–1971) – театральный актер, художник.

III Брата Боманса, монаха, проводившего церемонию отпевания и погребения.

Я спросил: «Ты имеешь что-нибудь против этого человека?» Отец ответил: «У него хорошая квартира, он каждое утро берет ванну и может позволить себе ездить на такси. Я – нет. Но он смотрит на жизнь мрачновато, а я ей радуюсь». Ну не курьез ли, а?

Кап д'Ай, 6 октября 1972

Из посланных мне из Амстердама и сразу же переправленных сюда писем твой шип язвит различных причастных к искусству личностей, двое из которых мне дороги. Мой опыт общения с означенным А. Р. Холстом могу назвать исключительно приятным. Ты не придаешь значения его работе. Но отчего же ты пишешь ему тогда, что станешь искать для него издателя, который напечатал бы его последние стихи? И это при том, что он в последние годы регулярно публиковал сборники, в которых, на мой вкус, имеются превосходные стихи, хотя он, разумеется, совсем иной поэт, нежели Блум и Ден Брабандер[1]. Да читал ли ты его последние сборники? Ну ладно, разрешаю тебе считать их совершенно ужасными. Но нужно ли размазывать по стенке бедного Паула Стенбергена из-за того, что ты – совершенно несправедливо – считаешь уничижительным его отзыв о твоем новом строительстве? Он, между прочим, так же умеет работать руками, как и ты. Я видел снимки жалких руин, превращенных им в дом, которым он владеет теперь во Франции. Когда ты говоришь, что он не знает, что означает «делать себя второстепенным для призвания», я должен понимать это так, что ты никогда не видел его на сцене.

Кстати, я действительно понимаю, какой дом ты намерен строить в Веске. Простое жилище для того, что Блум называет «суровым существованием». Роскошь – эта та опасность, которая представляет серьезную угрозу определению Блума: «деньги – время». Тот, кто может себе позволить не иметь потребности в дорогих безделках, покупает свободу, это верно.

Что за странная материя – деньги, насмотришься до полного абсурда в казино Монте-Карло. Поскольку в этом городке существует больше кафе, в которых можно работать, чем здесь, я регулярно

---

1 Gerard den Brabander (Jan Gerardus Jofriet) (1900–1968) – поэт, книжный дизайнер и переводчик.

езжу туда автобусом. После трудов праведных закусываю в казино. Еда тут, вообще говоря, дешевая, поскольку ее продают только для того, чтобы немного поддержать силы игроков, которые от голода того и гляди упадут в обморок; а так им не приходится покидать зал. Они нередко появляются жуя, сандвич в руке, и вновь усаживаются на дожидающееся их место за столиками для игры в trente-et-quarante[I]. Ты когда-нибудь видел эту игру? Это еще грубее, чем рулетка, и я думаю, что ты бы очень разозлился. Представь себе человека, смахивающего на глупого брата Николаса Крузе. Такой же толстый и немытый, закутанный в замусоленный костюм, плечи запорошены перхотью. Стоптанные туфли месяцами не чищены, в ноздрях – окаменелые серые сопли. Некоторое время он хмуро следит за игрой, затем внезапно выхватывает из бокового кармана два пятисотфранковых билета и швыряет их на «красное». Крупье переворачивает карты, «красное» выигрывает, и человек этот получает жетон на тысячу при ставке. Он оставляет его на столе и прячет в карман банковские билеты.

«Красное» опять выигрывает. И опять. И опять. За считанные минуты он выиграл более двух с половиной тысяч франков. Черты его лица не изменились (ни один мускул на лице не дрогнул). Он лишь слегка задыхается. Затем проигрывает жетон на тысячу, покидает стол и обменивает остальные на деньги, которые запихивает в карман. В буфете покупает чашку кофе за полтора франка. Из брючного кармана достает носовой платок, давно не видавший стирки, и протирает им ложечку перед тем, как помешать ей коровий навоз. Его лицо ничего не выражает – самое большее сонливость. Непостижимый субъект. Читал ли ты “Dostojewski am Roulette”[II]? Старое издание «Пайпера», со всеми документальными данными о писателе-игроке. Он проигрался в пух и прах в Хомбурге[III], заложил все, что было у него и жены, и тогда в промозглых каморках, за которые даже своевременно не мог заплатить, принялся писать книги «Идиот» и «Бесы», чтобы получить новые бабки из России. Никакой поддержки от Министерства культуры. Только кредиторы, которые, вернись он в Россию, немедленно упекли бы его за решетку.

I «Тридцать-сорок» *(фр.)* – «Красное и черное», азартная игра.

II «Достоевский за рулеткой» *(нем.)*. Книга Рене Фюлёп-Миллера и Фридриха Экштейна, 1925.

III Bad Homburg vor der Höhe – город в Германии, курорт в земле Гессен.

Хюс Дейкхаюзен[1] написал мне длинное письмо, ворчливое – потому что ты ему не ответил насчет «Гандалфа». Когда он попросил у меня разъяснений относительно твоей неблагожелательной оценки его газеты, я, разумеется, направил его к тебе. Теперь он мне пишет, что собирается опубликовать мое письмо, в котором я это сделал, в «Гиде», и этот орган печати, кроме того, обнародует тот факт, что ты ему не ответил. Ну что же, так и надо. Погода тут, в любом случае, прекрасная. Сердечный привет.

28 ноября 1973

Теперь нам нужно поплевать на ладони, чтобы собрать какой-то материал для моей литературно-исторически столь важной речи на празднике в честь твоего пятидесятилетия в «Пюлхри-студио» в Гааге.

Я, следовательно, желаю приподнять завесу над моей частью нашей с тобой переписки. А также ссылаюсь на фрагменты, изъятые из твоих писем при публикации в «Языке любви». Прежде всего я имею в виду подделки.

24 сентября я тебе (якобы) написал: «Я тоже живу в окружении загадок. Так, мне попалось на глаза заказное письмо, проштемпелеванное в Гронингене 28 ноября 1922 г. Открытка адресована Яну Нюдигу, Вейнхавен, Роттердам. Текст гласил: «Дорогой Ян. Йост не решается сам написать, что ему не нужна печка, потому что нам ее абсолютно некуда поставить. Он просто ее для уюта хотел. Молитвослов не наш. Всем приветы. Пиа». Кроме того, один читатель газеты прислал мне книгу предположительно тех же времен, под названием «Люди и времена» Эверарда Е. Гевина. Когда я ее пролистывал, оттуда выпала вырванная из тетради страничка, на которой было написано карандашом: «Милый, я рано встаю, мяско тебе пожарила. И не забудь что обещал! Твоя Юлия». Поистине, что мы можем об этом думать?

Я думаю, было бы правильно, если бы ты в свой ответ включил то, что в действительности выпало из твоего письма от 28 сентября 1971 («Язык любви»), а именно: «Немедленно после этого

---

1 Guus Dijkhuizen (1937–2013) – писатель, публицист и владелец галереи. Основал газету «Gandalf» в 1964 г.

я подобрал лист бумаги, лежавший на тротуаре, на котором было написано: 1. Водительские права 5. Дорого 6. Раньше 7. Хрупкий 8. Железорезная пила 9. Важно 10. Знать 11. Сосед 12. Автомобилист 13. Обещать 14. Защищать 15. Повторять.

Я шел забрать свою машину из автомобильной фирмы, где она проходила техосмотр. Связь тогда также весьма очевидна: У меня есть (1) водительские права, но они (5) дорого обошлись, потому что все становится дороже, чем (6) раньше. Нужно быть осторожным, поскольку и ты, и автомобилисты весьма (7) хрупки, и из-за рассеянности порой водителя порой приходится вырезать из разбитой машины (8) железорезной пилой. (9) Важно, чтобы сидящие за рулем это (10) знали. Это может случиться с твоим (11) соседом и с тобой тоже, но в принципе это может случиться с каждым (12) автомобилистом. Ты можешь твердо решить всё что угодно и (13) обещать все что угодно, но лучше всего (14) охранять себя путем наивысшей осмотрительности. Можно (15) повторять это до бесконечности. (Вероятно, в самом деле существуют 15 богов)».

Вот такая твоя цитата.

Ты можешь вплести сюда что-нибудь о вторжении в не предназначенные для тебя телефонные разговоры.

Как насчет того, если на мой вопрос о твоих литературных планах ты прочтешь мне длинный список безумных названий книг, которые намеревался написать?

У нас всё сравнительно благополучно. Напишешь мне в скором времени? Сердечный привет,

Симон.

Разумеется, план выполнен не был. Герард Реве в последний момент отказался от этого игривого замысла, я в «Пюлхри-студио» произнес совсем другую речь, а он закончил собрание в весьма серьезном тоне.

Макс ван Рой

ИНТЕРВЬЮ С ГЕРАРДОМ РЕВЕ И СИМОНОМ КАРМИГГЕЛТОМ

Как явствует из «Языка любви», Реве и Кармиггелт на протяжении многих лет вели оживленную переписку – о разнообразных аспектах писательского дела, о жизни и смерти. В книге, однако, отсутствует голос Симона Кармиггелта.

Это упущение исправлено в нижеследующей беседе, состоявшейся в доме Симона Кармиггелта и опубликованной в первом номере «Холландс Дип»[I] 8 ноября 1975 г.

Кармиггелт облачен в серый шерстяной пиджак, серые фланелевые брюки и удобные туфли без шнурков. Герард Реве появляется в фетровой шляпе на юношеских кудрях. Мышино-серый головной убор был куплен во Франции по случаю, однако решительно не сочетается с его запачканными краской вельветовыми брюками, рабочими ботинками на профилированной подошве и синей джинсовой курткой. К одному лацкану ее приколота орденская ленточка – знак его провозглашения Рыцарем Оранских-Нассау в вертской мэрии в апреле 1974 г. Ленточка поблекла и вытерлась, и, похоже, по рассеянности ее не раз стирали вместе с остальной одеждой.

Еще у народного писателя имеется изобретенная в 50-х для домохозяек корзина для покупок, в которой он носит необходимые принадлежности: авторучку, чернила, газетные вырезки и неоконченную работу. Пса Лу[II], к сожалению, Реве с собой не взял, ибо тот осложнил бы путешествие поездом из Верта, – он еще молод и, по словам хозяина, столь же мил, сколь и непоседлив.

Разговор продолжался около четырех часов. Сначала пили кофе, затем были откупорены обе бутылки красного вина, презентованные из чувства признательности редакцией «Холландс Дип». Хорошее вино, но не слишком дорогое (10,75 за бутылку), – к нему, прежде всего, алчно прикладывался Герард Реве. Кармиггелт же, напротив, не выпил ни капли.

I «Hollands Diep» («Голландская глубина») – журнал, посвященный вопросам культуры. Существовал с 1975 по 1977 гг.

II Loup – волк *(фр.)*.

Во время несколько хаотического и перескакивающего на различные темы разговора неизбежно всплывает испанский вопрос[I] (только что приведенные в исполнение смертные приговоры), сообщения, касающиеся этих событий, и средства массовой информации в целом.

Реве: …С такой газетой, как «Волкскрант»[II], я никогда не могу потягаться мнениями. Такие уж они красные, такие попики-неожопики, как их мой братец называет.

Кармиггелт: Очень хорошее определение.

Реве: …Знаете, одного еврея спросили, какая у него самая любимая музыка. Он отвечает: «Опера «Гугеноты» Мейербера». Его спрашивают: а что так? А он: там попики и кадики друг друга мочат, а жидяра из этого музыку делает.

На глаза попадается вино, и Герард Реве немедленно вспоминает историю человека, которого посадили на винный паек.

Реве: …Ну, знаете, что самое лучшее? Вино пейте, красное вино, лучше ничего быть не может. Он не спросил, сколько ему можно, и начал хлестать довольно прилично. То есть хлестал, сколько ему надо было, но чересчур-то ведь тоже не особо хорошо, а?

Кармиггелт: Если очень много, то нет, конечно.

Реве: Вот я что замечаю: есть существенная разница в том, что именно пьешь. Качество. Если пить эту красную сиводралу, в самом деле ноги протянешь.

Кармиггелт: Мерзость.

Реве: От этих литровок за два-тридцать франков организму точно не поздоровится.

Кармиггелт: Да, но слишком хорошее вино тоже пить не дело. Очень дорогие вина – настолько тяжелая вещь, что напиваешься до бесчувствия. Ей-богу, факт.

Реве: Нет, нужно выдержанное, доброе выдержанное…

Кармиггелт: Бери бутылку гульденов за шесть-семь. Вот как это. Молодого-то вина можно бочку выпить. Это тебе не красные чернила, потому что дешевое вино – не что иное, как красные чер-

---

I В 1975 г. умер диктатор Франко.

II De Volkskrant («Народная газета») – национальная ежедневная утренняя газета; в настоящее время центристский таблоид.

нила. Не знаю, какую дрянь они туда подсыпают. И кислятина к тому же!

Реве: Да, или такой подозрительный сладенький привкус, ну, ты знаешь; весьма сомнительный вкус.

Творчество и выпивка?

Кармиггелт: Великолепный предмет для обсуждения. Я раньше вполне мог писать выпивши. На следующий день перечитаешь, и вроде вполне пристойно получилось. Но со временем это прошло, и всё, что я писал во хмелю, оказывалось чушью. Псевдонаходки. Нечто такое, за чем гнался явно под влиянием алкоголя. С течением времени – а длится это, разумеется, годы – замечаешь: что-то путное можешь изложить на бумаге только когда трезв.

Реве: Г-н Кармиттелт практически сгубил свое здоровье пьянством.

Кармиггелт: ...Да что вы говорите, г-н Ван хет Реве, э-э... г-н Реве... Однако ты же сам мне как-то рассказывал, что одна глава из «Ближе к тебе» или из «По дороге к концу», в которой действие происходит на писательском конгрессе, написана полностью под влиянием алкоголя, и ты потом ни слова в ней не изменил.

Реве: Это правда, но опять-таки это было лет двенадцать назад. Подписываюсь под твоими словами: когда молод, переносишь больше алкоголя, и твои умственные способности остаются на достаточно высоком уровне. А с возрастом алкоголь тебя просто изнашивает. Но правда и то, что, напившись до полубесчувственного состояния, совершенно отпустив тормоза, трясущейся рукой запишешь четыре-пять слов, и на следующий день они послужат тебе отправной точкой для дальнейшей работы. Это вполне реально. Но вообще креативность и алкоголь – две противоборствующие вещи. Могу сказать, что писатель должен воздерживаться от алкоголя, так же как и алкоголик не должен пить.

Кармиггелт: Но как твой собутыльник могу заметить: я убежден в том, что похмелье имеет под собой некоторую созидательную основу.

Реве *(весьма воодушевленно)*: Да, да, да... Да, конечно. Заметь, мы, люди искусства, живем в большом душевном напряжении, и тогда тебе необходимо это похмелье, ну, выпить, чтобы всё в тумане растворилось: стереть всю эту проблематику перед тем, как

завалиться в постель. И похмелье: в сущности, ты всё еще пьян, но хорошо отдохнул – вся эта ненависть, отвращение, тем не менее, принесли мне вполне недурные результаты. Я точно знаю, что некоторые стихи были написаны с похмелья.

Кармиггелт: Совершенно верно. Но это, разумеется, требует огромной самодисциплины, поскольку нужно держать в узде похмельную плаксивость. Katzenjammer[1], хм…

Реве: Точно.

Кармиггелт: Но если тебе это удастся, нахлынет поток тоски, которым очень даже можно воспользоваться.

Реве: Такое случается со мной с похмелья – теперь его у меня практически не бывает. Я могу очень сильно принять, но на следующий день никакой головной боли, никакой тошноты. Только это странное, угрюмое, хм… Но должен сказать, что, э-э… Черт возьми, что я сказать-то собирался? Башка плохо работает. Я был на пути к чему-то… и опять сбился.

Кармиггелт: Ну, ладно…

Реве: Нет, я хочу сказать, что в состоянии похмелья не чувствую себя плохо. Даже довольно хорошо себя чувствую, и никакие мои умственные способности не ограничены. Память работает исправно, а память для писателя очень важна. Тут дело в том, как долго я могу концентрироваться и все эти атрибуты в башке удерживать, ведь работаешь-то, в общем, не с картотекой.

Кармиггелт: Похмелье очень сильно изолирует. Это доказывают и некоторые твои отрывки, где ты описываешь безотчетный страх перед случайными прохожими. Это есть выражение того странного состояния, в которое твой дух приходит, когда не просыхаешь. Кстати, есть люди, которые в состоянии опьянения написали потрясающие вещи.

Реве: Можно сказать следующее: алкоголь, как известно, растормаживает, но в целом снижает уровень. Разговор делается вульгарным. Дешевым. Напряжение снимается, проблемы решаются проще. Но если ничего не выходит из-за того, что человек невероятно заторможен, и что-то вполне получается, когда он выпил – пусть уровень немного ниже – а сам по себе этот некто имеет очень высокий уровень, – это всё же благо, что он принимает на грудь и благодаря этому может работать. Но в целом не нужно себя обманывать. Это всё побасенки…

---

1 Похмелье *(нем.)*.

Кармиггелт: Хочешь карамельку душистую?

Реве: Нет, спасибо, предложи вот господину. Я чуть попозже.

Кармиггелта редко рецензируют.

Кармиггелт. Ну и хорошо. Мы книги никогда в периодику не отсылаем.

Реве: Нет? А почему?

Кармиггелт: Потому что мы исходим из идеи, что если ты каждый год выдаешь по книге и всякий раз отсылаешь ее в газету, людей от этого начинает тошнить. Но если кто-то проявляет к тебе интерес и просит экземпляр для обсуждения, то это редко когда только для того, чтобы тебя по стенке размазать.

Реве: Да ну, уж тебя да по стенке размазать. Чушь какая.

Кармиггелт: Ну ладно, хорошо…

Реве: Мы и сами с тобой не знаем, что мы – величайшие писатели Нидерландов.

Кармиггелт: Ага, ага, ну конечно…

Реве: Ты знаешь, какой бред я вычитал в этой дурацкой газетенке «Телеграф»… И что там? Величайший носитель культуры со времен Эразма – Ситняковский[I], сходил в гости к Хермансу и теперь именует его – *величайший нидерландский писатель*. Жаль, что «Телеграф» не печатает писем читателей, а то я бы уж написал, что там в информацию закрались прискорбные ошибки.

Кармиггелт: Когда бы ты написал, они бы уж точно напечатали.

Реве: Да?

Кармиггелт: Но ты же всё равно не оцениваешь Херманса так низко?

Реве: Нет, я просто хочу сказать: перегнул палку.

Кармиггелт: Мы с тобой раньше часто говорили о Хермансе, и ты тогда сознался, что пишешь о нем не особо дружелюбно, а думаешь гораздо лучше. Ты же всё-таки считаешь его писателем, который что-то значит в нидерландской литературе?

Реве: Большой, но совершенно прогнивший талант, который больше ни в чем не проявляется. Превратился в бестолковщину, и чем дальше, тем хуже. Полное сужение сознания. И вечно это нытье в писанине, эта полемика… Вечно тот или иной мстительный роман о ситуации, в которой он, Херманс, является героем. Мне

I Ivan Sitniakowsky (1944) – литературный критик.

кажется, это очень типично, что он 20 лет просидел в Гронингене и, оттуда уехав, только теперь набрался храбрости об этом писать. Вот ведь трус невероятный, а.

Кармиггелт: Нет, тут я не согласен. То, что он имеет против людей, ну, скажем, ментальность, с которой борется, он так часто в более чем уничижительной манере… – не могу сказать, что распинал, но изливал на бумаге. Нельзя сказать, что он это сегодня с утра начал.

Реве: Нет, но если это, скажем, его начальник или кто-то с работы, он об этом и заикнуться не смеет, понимаешь?

Кармиггелт: Нет, я с тобой не согласен, ну да ладно…

Реве: …Ну правда же. И женщины и дети, понимаешь. И мертвецы. Дю Перрон[I] и Тер Брак[II]. Обвинять Дю Перрона в том, что он умер от сердечного приступа во время бомбардировки аэродрома, возле которого жил… В то время как Дю Перрон уже тогда был практически мертв. Падающего подтолкни. И писать о самоубийстве Тер Брака; что тот таблетки якобы выблевал. «Превратил свою смерть в грязную лужу»… и писать такое, пока вдовы еще живы. Это гнусно.

Кармиггелт: Тут я с тобой согласен.

Реве: Безнравственно это. Против женщин и детей, это он герой. Но настоящее, честное сражение с кем-то, кто бросит вызов, – на это он никогда не осмеливался и не осмелится.

Условия для творчества.

Реве: У всех по-разному. Есть люди, которые пишут в кафе, среди толпы. Полагаю, что Гресхоф[III] предпочитал писать за столиком кафе, хе-хе…

Кармиггелт: Ну, я тоже не гнушался.

Реве: …Не могу писать, если вокруг меня толкотня. Мне в самом деле нужно уединение, покой, и прежде всего не прерываться, так, чтобы я знал, что целыми днями никого не увижу. Чтобы по черепушке не стучали.

I Charles Edgar du Perron (1899–1940) – поэт, критик и прозаик.

II Menno ter Braak (1902–1940) – писатель-модернист и литературный критик.

III Jan Greshoff (1888–1971) – журналист, поэт и литературный критик.

Кармиггелт: Запросто можно писать и в кафе, но тогда столько ерундищи слышишь. И совершенно не обязательно сидеть в малюсенькой кофейне, чтобы слышать, о чем люди говорят. Это отвлекает, потому что придаешь всему этому некое болезненное значение, – я, по крайней мере, точно. Но в большом трактире, где вокруг только невнятное жужжание, мне отлично работается.

Реве: То, что ты имеешь в виду, в сущности тоже своего рода тишина, только шум на заднем плане. Ты поглощен анонимностью, в которой точно так же можно раствориться, сидя на чердаке.

Кармиггелт: Да, это сопоставимо, но мне абсолютной тишины не нужно. Когда сидишь в большом кафе, размером с эту квартиру, начинаешь прислушиваться к разговорам, и голова больше не работает. Но, господи, всё постоянно изменяется, я раньше в поезде мог писать.

Реве: Лучше всего я себя чувствую в тихом, закрытом пространстве. Нечто вроде крепости, с одним окном.

Укромные Владения.

Реве: Мне стоит только встать на колени, вышибить карабином стекло, и я любого смогу уложить. И этот горный серпантин, ста двадцатью метрами ниже, тоже могу непрерывно обстреливать из миномета, если понадобится….

Кармиггелт: Вот и Бальзак так же поступал.

Реве *(смеясь, что можно нечасто увидеть)*: Да, да… Я ранняя птаха. Я встаю, выпускаю пса, немного прогуливаюсь и варю кофе. Потом ожидаю утренней почты и в полдесятого-десять приступаю к работе. После двух часов дня я больше не могу строчить как бешеный, только кирпичи класть и отвечать на письма. Но творчески я к этому времени уже исчерпан. Только если это в самом деле необходимо (обязательный текст или что-нибудь в этом роде). По необходимости я на очень многое способен и, возможно, под давлением смог бы работать и днем, но ночью… нет, не могу.

Кармиггелт: Когда мои дети были еще маленькими и жили дома, я мог писать только после того, как их уложат спать. В те времена я много работал по вечерам и ночами, но потом стал действовать по-другому.

Реве: Ты очень рано ложился спать и вставал опять, когда дети лежали в постелях, да?

Кармиггелт: Когда они были еще малышами, их укладывали часов в восемь, и я немного читал им вслух или рассказывал сказку. Они засыпали, и я тоже ложился на часок и до трех ночи чувствовал себя отдохнувшим. И тогда вполне мог проработать всю ночь. Но вот вопрос, большое ли в том преимущество, потому что ночью и чувствуешь, и думаешь иначе, чем днем. Не знаю, у тебя тоже так?

Реве: Ночью вещи представлялись тебе лучше? Забавнее?

Кармиггелт: Ну, не знаю. Иногда я перечитывал написанное в утренней искренности (утро – очень искренний момент), и всегда находил что-то, о чем думал: вот это точно показалось таким прекрасным под влиянием лунного света. Ночью, возможно, человек в большей степени склонен к легкой патетике.

Реве: Нет, нет, ночью мир кажется более пугающим, он сильнее над тобой довлеет.

Кармиггелт: В любом случае он другой, с этим я согласен; другой, нежели утром, когда берешь в руки лист и говоришь: да что это там, в сущности, написано? Я не думаю, что существует большое различие между утром и днем, но между утром и ночью – точно.

Реве никогда не пишет ночью?

Реве: У меня никогда не было привычки работать ночью, полагаю, этому можно выучиться. По вечерам мне, однако, видится нечто большое, драматическое, героическое в человеческом существовании. Если вечером побродить там, где я сейчас живу… Всё такое громадное, природа, луна, шествующая сквозь облака… Я имею в виду, что живу там, где осознаешь, какая сейчас четверть луны, а вот амстердамец этого не знает.

Кармиггелт: Видишь, теперь ты говоришь, что атмосфера ночи на тебя воздействует. По крайней мере на то, что ты пишешь, и как пишешь.

Реве: Надо как-нибудь попробовать, Бог знает, что из этого выйдет хорошего. Но утром я не раздражен, и жизнь мне снова улыбается. Тогда я в шутку говорю тому, кто в этот момент рядом со мной: новый день, полный надежд.

Кармиггелт: Что касается надежды… Вот я тебе расскажу. Мой зять – он завтра защищает докторскую по классической филологии – написал совершенно непонятную для меня работу об Эмпе-

докле. В ней имеются 10 тезисов и, поскольку ты произнес слово «надежда», я упомяну один тезис, который мне кажется чрезвычайно интересным. Это тезис номер пять, и звучит он так: «Воззрение Й. Й. А. Схрейена (диссертация, Амстердам 1965) и В. Марга (Цюрих 1970) о том, что оставаться в долгу перед «Эрга» Гесиода (стр. 90-105) из-за Зевса имеет целью утешение человечества – весьма маловероятно!» Типичное воззрение классика, который говорит: «Должна быть надежда, это нам внушает христианство».

Реве: Вера, надежда и любовь.

Кармиггелт: ...И что надежда – это не для подлинного утешения человека, но только для того, чтобы сделать его жизнь приятной до того момента, как он перейдет в мир иной. Очень хорошее утверждение.

Существует ли надежда, согласно Герарду Реве?

Реве: Да.

Кармиггелт: Ты ведь очень ненадолго сюда приехал, а?

Реве: Да, к счастью. Говенная страна, знаешь ли.

Кармиггелт: Да? Тебе здесь больше не нравится.

(Реве сурово кивает: нет; рот искривлен недовольной гримасой.)

Отвращение становится всё сильнее?

Реве: Да, но позитивная вещь, разумеется, в том, что ты ценишь, где сейчас находишься, что тебе там хорошо работается и, кроме того, ничего тебя там особо не злит. Я рад, что мне не нужно быть здесь. В этой стране так много тратится энергии на перебранки из-за ничего и на всяческие дискуссии. <...>

Кармиггелт: Но за границей мы тоже совершенно не существуем как страна. Можно месяцами читать французские газеты и ни разу не наткнуться на Нидерланды. Единственные, кто там упоминается, это Крёйф[I] и Том Оккер[II], и это в то время как мы пестуем идею, что мы, в сущности, правим миром!

I Hendrik Johannes Cruyff (Cruiiff) (1947) – тренер и бывший футболист сборной Нидерландов, «Аякса» и «Барселоны».

II Thomas Samuel «Tom» Okker (1944) – известный в те времена теннисист.

Реве: Да, точно. (...) «Роттердамсе Курант»[I] пару лет назад напечатал нечто вроде: пора бы этому Никсону уйти в отставку. А в «Де Вархейд»[II] следующее: «Поберегитесь, господа с Уолл-стрит! Подпись: домохозяйка».

Кармиггелт: Но домохозяйка, мне кажется, имеет право на такое заявление. Кстати, так всегда и было. Еще с довоенных времен я помню, что во «Алгемене Ханделсблад» некто помещал ежедневные отчеты о делах за рубежом и однажды написал такую фразу: «Мы делаем Китаю еще одно предупреждение». Потом это высказывание несправедливо приписали Хилтерманну[III] или Лунсхофу[IV], но это всё неправда. Однако сама идея, что нечто подобное может быть напечатано в нидерландской газете: вся эта толпа китайцев: ты читал уже «Ханделсблад»? Последнее предупреждение получили мы! Черт возьми, что делается? И всё по-китайски: ванг, вонг, венг... Потрясающе!

Французская политическая перебранка проходит мимо Герарда Реве?

Реве: Ну, я иногда покупаю газету, если мне куда-то нужно ехать, в Нидерланды, например, а в ней кривотолки о забастовке на автозаправках. А больше я не знаю, что там делается. Замечаешь, что прекрасно обходишься без газет и телевидения. Солнце просто встает, и ему не нужно никаких вступлений, передовиц или чего-то в этом роде.

Кармиггелт: Нет, но то, что ты сейчас говоришь, связано с тем фактом, что у тебя совершенно иная отправная точка и другая манера писать, чем у меня. Я имею в виду: мое место среди всего это-

---

I Nieuwe Rotterdamse Courant («Новая роттердамская газета») – старинная нидерландская газета. В 1970 г. вместе с «Algemene Handelsblad» («Всеобщей торговой газетой») образовала единый печатный орган, «NRC Handelsblad» – ежедневную общенациональную газету.

II De Waarheid («Правда») – основанный в 1940 г. подпольный печатный орган коммунистической партии Нидерландов, просуществовавший до 1990 г.

III Gustavo Bernardo José Hiltermann (1914–2000) – журналист, политический комментатор, издатель, историк, один из основателей журнала «Элсевир». Работал в газете «Телеграф», но в 1942 г. уволился из нее после того, как фашисты заставили его опубликовать антисемитскую статью.

IV Kees Lunshof (1945–2007) – журналист, колумнист и политический комментатор, в свое время заместитель главного редактора газеты «Телеграф».

го тут, в Нидерландах. Для меня это было бы совершенно невозможно… Я четыре месяца просидел во Франции, но уже через два понял, что в струю не попал. Я должен быть тут, среди всех этих соплей и воплей.

Реве: До некоторой степени правда… Актуальность – твой предмет, стимул, но по существу не твоя тема.

Кармиггелт: Нет, верно, я не актуально пишу. Но…

Реве: Потому что твоя лучшая проза выше актуальности, хотя актуальность – твой материал.

Кармиггелт: Да, и разговорная речь. Не забывай, что телевидение оказывает огромное внимание на речь. То, что люди в пивняках говорят друг другу, диктуется рекламой.

Реве: Да, этой фигней… Например, они там рассуждают о «трендах», или говорят: «обалдеть». Меня это из себя выводит!

Кармиггелт: А сериалы! Я в прошлое воскресенье сидел утром в крошечном кафе; входит детина, заглядывает в угол и говорит: «Брата свово ищу». А за стойкой – молодая девица, и она ему говорит: «Его здесь нет». «Да, – говорит детина, этак сварливо, – а только я брата ищу!» Девица тогда говорит: «Ааах, хлопни-ка рюмашку, *Кун Фу!*»

Реве: Он что, китаец был?

Кармиггелт: Нет, это же передача, в которой один тип вечно ищет своего брата!

Реве: Оооооо!

Кармиггелт: Абсолютно дурацкая передача о китайце, который может передвигаться по воздуху в поисках своего брата. Сплошные шаблоны, и всё это накладывает отпечаток на обычную человеческую жизнь. Живи я в Южной Франции, я бы не понимал, что люди там в точности говорят.

Реве: Да, а я вот понимаю, и это очень занятно. Но они там не слышали об огромном количестве вещей. Когда бельгийское телевидение снимало документальный фильм о великом писателе Герарде Реве, Деревянный Король – мой сосед – целый день потратил на подготовку к барбекю: яму вырыть, зажарить барана, установить подмостки, вокруг столы расставить и скамейки, которые он занял в школе. Деревянный Король – весьма живописная личность, и когда съемочная группа приступила к работе, один из операторов навел люксметр на эту лиловую испитую рожу… И что парняга делает? Раскрывает пасть, он решил, что ему что-то туда вкусное положат. Вот уж поистине святая простота.

И какая же политическая система является наилучшей для писателя?

Кармиггелт: Просто оставить человека в покое, то есть система, при которой мы живем в Нидерландах.

Реве: Я думаю, что лучшая – более-менее либерально-капиталистическая система, при которой желающие осчастливить ближнего своего имеют как можно меньше шансов.

Кармиггелт: Ну да, так оно и есть… Я тоже как огня боюсь людей, которые начертали на своем знамени, что хотят меня осчастливить. Да посадить они меня хотят, ничего другого я себе представить не могу. Но тут, в Нидерландах, можно публиковать всё, что захочешь; можешь говорить что угодно.

Реве: Ну, если эти люди добьются своего, мы уже не сможем говорить то, что хотим.

Кармиггелт: Неправда. Ты говоришь об «этих людях», но эти люди не сидят в правительстве. Юп Ден Эйл, например, в высшей степени честный человек. Человек, который на большом собрании объединения нидерландских профсоюзов заявил: «Я – реформист». В зале, конечно, ропот, но он действительно реформист. Я тоже реформист.

Реве: Да, потому что это способ подобраться к браздам правления.

Кармиггелт: Нет, это вовсе не так.

Реве: Это человек, который всего лишь озабочен тем, чтобы оставаться у власти и быть популярным, и ничего более.

Кармиггелт: Нет, нет и нет. Ты совершенно заблуждаешься. Ден Эйл очень честный человек, который…

Реве: Ну, я считаю, что это гнусное правительство. Я считаю, что гнусно печатать талоны на бензин и срубать пять гульденов за такой листочек, и при этом отлично знать, что карточная система введена не будет.

Кармиггелт: Слушай, однако я таких деталей не знал. У меня и машины-то нет.

Реве: …И нет чтобы сказать: мне нужно от вас пятнадцать гульденов, потому что мне нужно сто миллионов гульденов, стало быть, ставлю галочку. Так было бы честнее, понимаешь, чем рассуждать о какой-то пользе от этих талонов.

Кармиггелт: Это вещи, которые мне ничего не говорят. Я понимаю, что должен платить. Это повсюду так.

Реве: Если я уезжаю из Нидерландов, я должен заплатить пятьдесят процентов от стоимости моих авторских прав. С тобой случался подобный идиотизм? Чтобы отнимали половину твоего имущества, когда ты пересекаешь границу, и на каком основании, неизвестно.

Кармиггелт: Н-да, ладно, э-э, по всей вероятности ты должен платить налоги, и если много зарабатываешь, должен много платить. Это же логично!

Реве: Но владельца *черной яхты*[1] арестовывают, а сто тысяч других, обдуривающих социальное обеспечение да притом еще и работающих по-черному, не арестовывают. Правительство заявило, что их преследовать не будут. Правосудие правящего класса. (...) Корпоративное государство, вот к чему стремится современный социализм. Вот к чему стремится Ден Эйл: правительство с возрастающим числом полномочий, в точности как президентство во Франции. И со временем никаких больше выборов.

Кармиггелт: Ну, ну, ну, это чепуха.

Реве: Зачем проводить выборы, если капиталистические средства массовой информации манипулируют человеком и не дают ему возможности думать? Тогда уж гораздо лучше привести к власти *красное правительство,* очень хорошее; не давать людям возможности делать ошибочный выбор. Представь, что проходят выборы?

Кармиггелт: Я полагаю, Рабочая партия выиграет. Таковы прогнозы.

Реве: Да, разумеется, чернь за них голосует, все, кто работать не хотят.

Кармиггелт: Нет, нет, нет, чепуха. Очень многие хотят работать, но не могут найти работу. И есть те, кто злоупотребляет социальным обеспечением, но это касается любого социального обеспечения. Если хочешь с этим бороться, нужно поднять на ноги целую армию служащих, и вернешься к довоенному положению: утаишь монету – сперва на тебя соседи настучат, а потом мировой оштрафует. Это положение, к которому мы ни в коем случае не должны возвращаться.

Реве: Нет, но я считаю, что это правосудие правящего класса, когда рабочего отпускают на свободу, а предпринимателя нет. Кого-то, кто водит за нос соцобеспечение, и таких сто тысяч, под руководством....

---

1 Имеется в виду незаконная покупка частной собственности.

Кармиггелт: Количество оставляю на твоей совести, ты из пальца высасываешь.

Реве: Ах, да сходи к директору биржи труда…

Кармиггелт: Ну ладно, хорошо, полагаю, тут мы не сходимся. Да этого и не нужно.

Дискуссия началась с вопроса о влиянии политической обстановки на творчество.

Кармиггелт: Позвольте мне: люди, которые оставят тебя в покое. Я имею в виду, для авторитарных систем типично то, что они боятся цифр. Это единственная форма искусства, которой они боятся.

Реве: Да, но ты никогда не делаешь различий между авторитарной и тоталитарной системой. А ведь это очень важное различие. Авторитарная система – это система, препятствующая человеку делать определенные вещи, а тоталитарная – это, напротив, система, заставляющая человека делать определенные вещи, понимаешь?

Кармиггелт: Нет.

Реве: …В Испании я мог бы без опаски жить и писать.

Кармиггелт: Если только не по-испански, в таком случае.

Реве: …Значительную часть моей работы я смог бы опубликовать, другую значительную часть моей работы я бы опубликовать не смог. Но я смог бы опубликовать ее за пределами Испании, испанское государство нашло бы это превосходным и поприветствовало бы валюту, понимаешь ли. Но при коммунистическом режиме ни в стране, ни за рубежом я бы опубликовать ничего не смог. Существуй я при режиме Франко, меня пальцем бы никто не тронул.

Кармиггелт: Да, если бы только ты не написал по-испански книгу в духе «долой Франко». Речь примерно об этом. Это и есть свобода писателя. Не правда ли? Или ты сейчас пишешь книгу о том, что…

Реве: А я могу кучу всякого другого написать!

Сумятица и крики. Оба писателя рвутся высказаться. Выигрывает наиболее упорный. Это Герард Реве.

Реве: Если бы я жил в России, мне бы сказали: ты в любом случае должен написать книгу, и я написал бы книгу о Лурде, книгу о моей юности. И мне сказали бы: это индивидуалистский сентиментализм. Или я написал бы книгу о религии и мне сказали бы: это ошибка. Ты что, думал, что мы будем тратить деньги великого советского народа на такую ничтожную книгу? Понимаешь? Напечатана может быть только книга, воспевающая политическую систему.

Кармиггелт: Да, но это…

Реве: Если Франс Паннекук – он живет в Испании – собирается делать оттиски, офортный лист в лавке для художников – десять центов. В Нидерландах это стоит два пятьдесят. И никто не скажет о такой картинке: да, это сентиментальное пейзажное искусство, ты должен сделать что-то о прогрессе человечества. Но если он сделает карикатуру на Франко, мало ему не покажется, усек?

И это ущемление свободы.

Реве: Да, стало быть, это ущемление части твоей свободы.

Кармиггелт: Но свобода неделима.

Реве: Разумеется нет.

Кармиггелт: Разумеется, свобода неделима. Я имею в виду…

Реве *(горячо)*: В России я ни о чем не мог бы писать. Ни одной буквы мне не опубликовали бы, и на Кубе, и в Чехословакии, и в Венгрии тоже нет.

Кармиггелт: А никто с тобой и не спорит. Это же ясно как божий день.

Реве: Да, но там всех под одну гребенку стригут. Говорят: это тот же самый режим, того же сорта. То есть не делают различий между авторитарным и тоталитарным, а различие это очень важное, потому что большинство режимов в мире более-менее авторитарные. И я считаю, что когда дойдет до построения в боевом порядке, придется, возможно, принять авторитарные режимы в свой лагерь, понимаешь? Если выступать против Брежнева, нужно взять в сторонники Франко и, сверх того, католическую церковь. Ничего другого не останется.

Кармиггелт: Нет, я думаю, что ты так должен обозначить: свобода, которую ты всё еще видишь во франкистской Испании, не есть подлинная свобода.

Реве: И всё же это свобода; я смог бы там жить!..

Кармиггелт: Нееет, это...

Реве: Если я сейчас, как голландец, перееду в Испанию и смогу опубликовать некоторые стихи и кое-что из прозы – далеко не всё – я смогу там жить и буду свободным. И никто не станет мне докучать! Но с моими деньгами я не могу переехать ни в Восточную Германию, ни в Россию. И кстати, мне пришлось бы платить четыре гульдена за рубль, которому цена тридцать пять центов, и, прежде всего, каждые две недели отмечаться в полиции.

Кармиггелт: Но проблема в том, что ты утверждаешь, что, в сущности, свобода – это когда ты в каком-то государстве можешь опубликовать часть своих трудов, но другую часть предпочтительно не публиковать, поскольку из-за этого у тебя будут большие проблемы. Такая система, следовательно, несвободна. Об этом и речь. Отправной точкой нашего разговора было: какая система, какая форма совместного существования является для писателя наиболее приемлемой, и наиболее приемлемая – это та, которую мы сейчас имеем, например, в Нидерландах. Здесь никто никому не говорит: этого нельзя. Далее, то, что от тебя хотят денег, если ты много зарабатываешь, это ясно как божий день, и я считаю, что это правильно. Просто неприятно. Я бы тоже предпочел оставить все деньги себе, я скверный человек, это правда. Но я понимаю, что должен платить налоги, и если я много зарабатываю, то и платить я должен много, но это совершенно не задевает моей свободы как писателя. И я считаю, что если в какой-то стране можно опубликовать лишь часть написанного... Люди в Советском Союзе так делали, и некоторые даже получали орден Ленина, но непрерывно думали: то, что я в действительности хочу написать, приберегу на попозже. Все они погибли, поскольку не перенесли этого.

Реве: И есть такие, которые даже часть написанного не смогли опубликовать, им разрешалось писать только на заданную тему.

Кармиггелт: Вот именно.

Реве: Уступки, на которые нужно идти в России – или, проще говоря, ограничение свободы – можно рассматривать эквивалентными тем, что в Испании, но это очень, очень существенное...

Кармиггелт: Еще раз: свобода неделима.

Реве: Не знаю. Смотри, свобода не является неделимой, ибо свобода – это иллюзия. Ты не свободен. Внешние обстоятельства,

возможно, создают видимость формальной свободы, но человек рожден не для свободы.

Кармиггелт: Ты совсем по-другому заговорил, а именно с философским подходом к вопросу о земном существовании и в какой степени человек может себя реализовать. Вот об этом ты можешь рассуждать до бесконечности.

Реве: Это гораздо важнее, чем весь этот политический треп, вообще говоря.

Кармиггелт: Речь шла о том, какая система наиболее приемлема для писателя.

Реве: ПеТе, ХИС, ХДП, ППР[1], почем я знаю.

Кармиггелт: Мы – общество, устроенное на основе различных мировоззрений.

Реве: Мы – аббревиатурный народ.

Кармиггелт: ...И никогда от этого не избавимся. Но ты же не можешь отрицать, что любому народу присущи *свои* особенности! Мне кажется, само по себе уже славно, что тут каждый немедленно организует радиовещательное общество.

Реве: Лучше помереть, чем быть голландцем. А хуже всего: быть голландцем и к тому же еще жить в Нидерландах. Вот это, я считаю, ужасно.

Кармиггелт: Лично у меня – тут мы с тобой не совпадаем – есть огромная потребность жить там, где мое место. И место мое в Нидерландах, – видимо, потому что я такая же каналья, как и все эти голландцы. Я не смог бы долго функционировать в обществе, в котором живу на правах гостя. Могу себе представить, что художник это может; почему бы, будучи художником, не переехать в Южную Францию и не попытаться работать там?

Реве: Ну, у меня сильнее ощущение, что мое место там, где я сейчас живу, а не здесь. Там я чувствую себя гораздо защищеннее. Это одно из мест на земле – мне пятьдесят второй год – где я чувствую себя в безопасности. Вообрази!

И что же это за чувство защищенности?

Реве: От меня ничего не хотят. Я там не известен. Там знают, что я писатель, но моих книг они, к счастью, не читали. Больше

---

1 Партия Труда, Христианско-исторический Союз, Христианско-демократический Призыв, Политическая Партия Радикалов.

обо мне ничего не знают, кроме того, что я личный друг королевы и посвящен в рыцари. А здесь ты – некто конкретный, понимаешь. Ты должен где-то сотрудничать; должен писать о западном европейце, зажатом между производством и потреблением, как сказал Бен Бос[I]. Хотя он явно не имел в виду, что здесь нужно выстаивать очереди за туалетной бумагой и бритвенными станками, как в Москве. Но, стало быть, ты должен писать о том и о сем…

Кармиггелт: Да не должен ты.

Реве: …И вся эта сволочь и эти гады, которые к тебе являются. Жаль, что я никого из них не прибил; что ни день, какой-нибудь помзамдиректора, зашедший потолковать об удельном весе господа Бога. Который говорит: ваши политические воззрения довольно консервативны, а? Да, весьма консервативны. Я настолько старомоден, что против концентрационных лагерей, а также против концентрационных лагерей, дорога в которые вымощена благими намерениями. И коммунистический антисемитизм я считаю антисемитизмом, хоть он и именуется антисионизмом, дурь какая-то вообще. К счастью, некоторых я отвадил.

Кармиггелт: Да, тебе это удалось.

Кармиггелту мешает известность?

Кармиггелт: Ну, разумеется, никуда не денешься.

Реве: А я вот настолько знаменит, что ко мне всё меньше голландских пилигримов… Они остаются на той стороне и щелкают фотоаппаратами из кустов, или залезают друг другу на плечи, чтобы сделать моментальный снимок через окно.

Разговор заходит о более чем пристойном способе, которым журналисты Кармиггелт и Реве прежде брали интервью. Сама вежливость. В настоящее время: Реве, невзирая на протесты Кармиггелта, заговорил о «мошенниках из ВПРО»[II]. И Бибеб ему тоже не угодила.

Реве: Взять эту бабу да из окна выкинуть, с третьего этажа.

Кармиггелт: Это не полумера, однако брать интервью очень сложное искусство.

I Ben Bos (1930) – графический дизайнер, автор многочисленных книг.

II VPRO – Либеральное протестантское радио.

Реве: Они просто цензурируют. Что их политическую улицу не устраивает, они не берут.

Кармиггелт: Но это, разумеется, дурное качество.

Реве: Они спрашивают: что вы думаете о капитализме? Ну, говорю я, капитализм – лучшая система, потому что производство шире, и вся хрень распределяется лучше, чем при коммунизме. И что касается национализации, объясняю я, государство должно платить зарплаты и массу всего прочего, в то время как если не национализировать, часть доходов может к рукам прилипнуть. Об этом я три четверти часа проговорил, а в «Врей Недерланд» напечатано в скобках: «указывает на бессмысленность национализации».

Кармиггелт: Да, но это…

Реве: Послушай же, когда меня посвятили в рыцари того-то и того-то, я держал речь и сказал, что еще пять лет назад я такого отличия получить не мог бы. Кроме того, я спросил себя в боязливом сомнении, возможно ли будет это через десять лет, если к власти придут определенные люди. И тогда ВПРО спрашивает: что вы хотите этим сказать? Я говорю: ну, я хочу сказать, что если эти люди придут к власти, с нами будет покончено, поскольку на Кубе таких, как мы, всех уже ликвидировали… И в интервью этого нет.

Кармиггелт: Я думаю, что нечто такое видится тебе очень симптоматичным для ВПРО, но это не столь для них симптоматично. Вероятно, для сокращений были какие-то практические причины.

Реве: Нет, нет, нет, нет…

Кармиггелт: …Потому что они вовсе не такие ужасные фальсификаторы. Это просто люди: нацелил камеру и вперед.

Реве: Нет, они в самом деле искажают! Вырезают из пленки и клеят потом как хотят. Они сделали звукозаписи и полностью сфальсифицировали. Я семь или восемь раз имел дело с ВПРО… Я тогда сказал: а пошли вы к черту, больше не являйтесь. Плебеи. Сволочи. Со свободным сбором новостей и выражением собственного мнения обо мне это не имеет ничего общего. Смотри, когда они говорят: мы считаем, что Реве – великий засранец, мерзавец и фашист… Это их право. Но они берут текст и вырезают из него там восемь слов, там одиннадцать, там четырнадцать, потом склеивают их вместе и выдают за твой текст. Мне они такое устроили. А ты вот не веришь.

Кармиггелт: Нет, это не типичный метод ВПРО, ты просто столкнулся с кем-то тебе враждебным.

Реве: Ни с кем иным я никогда и не сталкивался.

Кармиггелт: Если ты столкнулся с кем-то, кто против тебя… Но с письменным интервью в точности то же самое. Интервью – это нечто между двумя людьми: связь. Если к тебе является человек, и ты чувствуешь: этот тип и отравить может, тогда оставь всякую надежду.

Реве: Нет, это не имеет ничего общего с антипатией. Я не имею в виду кого-то, кто приходит и излагает свое мнение обо мне. Я имею в виду кого-то, кто от скуки пишет в газетах: он два года просидел в тюрьме за растрату и, кроме того, совершил акт насилия над восьмилетним мальчиком. Если кто-то такое пишет, это не имеет ничего общего с выражением мнения, антипатиями или симпатиями. И ВПРО такое вытворяет, то есть просто склеивает вещи, которых ты никогда не говорил.

Кармиггелт: Это, конечно же, ни при каких обстоятельствах не приемлемо. А что касается остального – ты же сам в прошлом журналист, не хуже меня знаешь – когда беседуешь с кем-то в течение двух-трех часов, поневоле приходится сокращать текст.

Реве: Именно так, но сокращение не означает взять абзац и выудить из него несколько слов, так что весь смысл меняется.

Кармиггелт: В таком случае это скверный журналист или злопыхатель.

Реве: Мы вот говорим о прогрессистах, но то, что учинили мне ЛПР и «Врей Недерланд», «Элсевир» или АВРО[1], например, мне никогда не учиняли. И это ведь грязная, мерзкая, вонючая организация, которую финансирует нефтяной капитал, но я за них подписываюсь, знаешь ли. Я так или иначе предпочитаю капитализм, в интересах моей собственной безопасности, собственной башки, собственного дома.

Кармиггелт: Ну, разумеется, если ты впускаешь в дом какого-нибудь редактора из «Врей Недерланд», и лично его знаешь, и тебе известно, что́ этот человек регулярно пишет, то впустить его в дом – вопрос доверия. Если у тебя сложилось впечатление, что этот тип что-нибудь такое напорет, скажи ему, что не впустишь…

Реве: У меня теперь собака есть.

Кармиггелт: И ее они тоже зарежут.

---

1 AVRO – Генеральная ассоциация радиовещания.

Реве: Ой-ёй, у него клыки будьте-нате! Ты бы посмотрел. Великолепный пес, я его как-нибудь приведу.

Кармиггелт: Хорошо, парень.

Реве: Я еще разок-другой приеду в Нидерланды и больше никогда.

Кармиггелт: Больше никогда?

Реве: Нет, пару раз мне нужно будет за скарбом, а после этого уже никогда не вернусь.

Кармиггелт: У тебя еще остались здесь дома́, собственность?

Реве: Нет, слава богу, ничего.

Кармиггелт: От Дома «Трава» тоже избавился?

Реве: Тоже продан.

Кармиггелт: А там, в Верте, небось куча барахла осталась?

Реве: Старинное бюро и красивый комод, но их, наверно, можно в два приема перевезти машиной. А после этого никогда уже не вернусь, потому что забираю свои паи, пока Ден Эйл половину не оттяпал. Бабло, за которое я пахал как проклятый и налоги платил, понимаешь? Смотри, Нидерландское государство в течение двадцати пяти лет ни разу не заявило: писать книги – не такое уж трудное дело, и ты же не нищий? Они у меня только пособие на путешествие отняли да по судам затаскали…

Кармиггелт: И не облагаемую налогом награду дали, премию П. С. Хофта.

Реве: Восемь тысяч гульденов.

Кармиггелт: Вот так ну, не облагаемая налогом? Это же кучу денег ты тогда получил.

Из писем в «Языке любви» явствует, что и Реве и Кармиггелт в определенные моменты испытывают страх утратить способность писать. Это по-прежнему так?

Реве: Нет, мне очень хорошо пишется. Я могу строчить как проклятый, нести что попало. Никаких проблем.

Кармиггелт: Это так, да, но с годами эта способность, конечно, уменьшается, потому что наступает некое безразличие, приличествующее твоему возрасту. Думаешь: ну дааа, еще всё придет.

Рутина?

Кармиггелт: С одной стороны рутина, с другой – ощущение, что так было всегда и теперь снова так будет. Скорее смиряешься с фактом, что одна неделя выдается немного хуже другой; по молодости очень от этого страдаешь, потом уже нет.

Реве: Чувствуешь некое освобождение, когда можешь сказать: если больше ничего не получится, я всё-таки написал то и то и это. Тогда попусту не напрягаешься, и так даже лучше. А также освобождается дорога к источнику, так сказать, который часто перекрывается невротической напряженностью. Я считаю, что с возрастом… Нет, ты не становишься безразличнее, вовсе нет. Заинтересованность только углубляется.

Кармиггелт: Но под «становиться безразличнее» я имею в виду: становиться безразличнее по отношению к вопросу: достаточно ли хорошо то, что я делаю. И это, разумеется, неразрешимый вопрос, потому что, разумеется, никогда не бывает достаточно хорошо. Когда ты молод, это страшно подавляет, но позже думаешь: посмотрим. Во всяком случае, у меня это так. Конечно, газета оказывает мне огромную поддержку, поскольку газета – весьма антипатетический предмет, который с такого рода вещами не считается. Газета просто говорит: ты должен писать каждый день, тебе за это платят. Великолепная тактика. Очень хорошая исходная точка, избавляющая тебя от всего того, чем ты не обладаешь в том случае, если у тебя нет необходимости писать.

Реве: Знаешь ли ты, что я в этой популярной великолепной газете <«Холландс-Дип»> завел рубрику, и ежедневник «Пароль» получает исключительную предварительную публикацию одиннадцатой главы «Циркача»? Недурно, скажи?

Кармиггелт: Да, очень хорошо. Что это за глава?

Реве: Та, где две лицевые, две изнаночные; о вязанье государыни и о том, что меня посвятят в рыцари.

Кармиггелт: Точно.

Вернемся к рутине.

Кармиггелт: Ну, рутины, разумеется, не избежать. Раз в год мне нужно составить сборник, и приходится пересматривать всё то, что я за этот год написал. В этом мне помогают три человека: двое из них в течение года присылают мне пару-тройку названий и говорят: вот это, я считаю, кое-что для сборника;

и еще один мой друг, который делает окончательную вычитку. И если всё это окинуть взглядом, можно точно сказать, что рутина, а что совсем нет. При этом нужно быть чрезвычайно осмотрительным, чтобы не заявить: эту вещь нужно включить в сборник, потому что ее было чрезвычайно трудно писать. До этого никому нет дела.

Перечитывает ли Реве свои опубликованные книги?

Реве: Предпочитаю этого не делать.

Кармиггелт: Ну, я не всё перечитываю, что за год написал; гляну на первую строчку и думаю: о нет, только не это. Я очень хорошо помню, о чем там. Мне всякий раз нужно пятьдесят текстов, и я выбираю семьдесят, о которых могу сказать: вот, это сойдет. Тогда я всю кипу передаю главному редактору, и тот делает окончательный выбор. Я вижу их вновь только тогда, когда сажусь править, а потом уже свои собственные вещи не читаю, нет.

Реве: Г-н Кармиггелт проворачивает огромную работу.

Кармиггелт: Благодарю вас.

Реве: Слушай, вот этот твой рассказик, «Проклятье», месяц назад, о кафе, в котором кельнеры всякий раз должны появляться в разных привлекательных костюмах, он совершенно прекрасный, ты знаешь.

Кармиггелт: О да, да, да.

Реве: Такой печальный, такой печальный.

Кармиггелт: ...И то, что там, где прежде когда-то было кафе, размещалась тогда авиакомпания некой эмансипированной пустыни. И на следующий день мне звонят... (имитирует носовой звук): С вами говворррит Эйрр Нигеррия, это не про наш? Кокнам действительно приходить клиента... – говорит этот тип.

Реве *(бурно)*: Власть – белым!

Кармиггелт: Я говорю: нет, нет, это не про вас, нет. И это в самом деле было не про них, я просто вдохновился в кафе под Городским театром. В этом кафе по вечерам никогда никого не бывает. Никогда. Там можно совершенно спокойно сидеть и работать.

Герард Реве проголодался и попросил бутерброд с арахисовым маслом, но г-жа Кармиггелт сначала должна была сделать покупки. Теперь она вернулась.

Г-жа Кармиггелт: Бутерброд?

Реве: Чудесно, да.

Г-жа Кармиггелт: С ростбифом и арахисовым маслом?

Реве: Нет, нет, какое арахисовое масло, с ума ты сошла. Ростбиф и печенку.

Г-жа Кармиггелт: Сколько?

Реве: Ну, штук восемь.

(*Всеобщее веселье*)

Г-жа Кармиггелт: Только что целый хлеб купила, а мы хлеба мало едим.

Реве: Нет, два, два.

Кармиггелт: Два бутера.

Реве: Две горбушки!

Кармиггелт *(жене)*: Он горбушки хочет, горбушки ему!

Г-жа Кармиггелт: Нет у меня горбушек.

Кармиггелт: О господи, да, у нашего пекаря нет горбушек.

Герард Реве писал в «Языке любви»: «Я над тобой старший как стилист. Ты надо мной – как драматург».

Реве: Ну, я никогда бы не смог так, как он: введение, развитие интриги, тема, мотив, всё в одной колонке. Очень трудное métier[1]. Люди этого не осознают, они мыслят цифрами: семьсот слов – платим столько-то, двенадцать сотен – столько-то, пятнадцать сотен – столько-то. У меня нет проблем с двумя с половиной тысячами слов, но если «Холландс Дип» говорит: тысячу слов… Вот это ничего себе задачка. Если только ты не какой-нибудь взахлебщик. Такие бывают, они, как улитки, выделяют слизь, и как только в миске или в стакане наберется достаточное количество, закругляются и отсылают. Вот Ремко Камперт в «Хагсе Пост», например.

Кармиггелт: Ну, он пишет славные вещицы, мне кажется.

Реве: Боже, боже, боже, ну давай скажем, что это славно, да…

Кармиггелт: Право, мне часто они кажутся очень славными.

Реве: Всем нам как-то жить надо, но уж лучше помереть, чем зваться Кампертом и такие штуки писать… Я сочту его одним из наших величайших молодых писателей, только если мне не нужно будет его читать. Скажем так: величайший носитель культуры со времен Эразма, ха.

---

1 Ремесло *(фр.)*.

Кармиггелт: Очередной.

А что скажет Кармиггелт о стилистических и драматургических достоинствах Реве?

Кармиггелт: Ну, у него, разумеется, совершенно другая манера письма. В переписке мы однажды это обсуждали…

Реве: Симон – огромный талант. Я – гений. Разве не так?

Кармиггелт: Вне всяких сомнений.

Реве: Ничего такого, я просто действительно хочу сказать: ты – очень большой талант.

Кармиггелт: Да, но «очень» я бы всё-таки взял в кавы…

Реве: Я хочу сказать: он почти такой же крупный писатель, как и я; почти никакого отличия.

Кармиггелт: Да нет, почти, это правда… Довольно об этом. Но это очень интересно. Сколько стоит твоя новая книга, вообще говоря?

Реве: Двадцать пять гульденов в переплете и четырнадцать девяносто в мягкой обложке. В сущности недорого, скажу я тебе, для такого симпатичного издания.

Кармиггелт: Но речь, в конечном итоге, идет о содержании.

Реве: Ну, поехали дальше.

Кармиггелт: Весь курьез этой новой книги в том, что он всякий раз вводит новое «я». Там есть три «я». «Я» – рассказчик, ближайшее к нему самому, затем «я» водителя грузовика (и это совершенно не он), и еще некто из семьи, постоянно при дворе…

Реве: Но когда я пишу о своей юности, я упоминаю о том, что был водителем грузовика. Ты же знаешь?

Кармиггелт: Да, но хорошо, с того момента как ты есть ты, ты уже другое «я», нежели человек, который на первых шестидесяти страницах…

Реве: …Но ты не должен повсюду рассказывать: хахаха, Герард Реве никогда не был водителем грузовика! Это нехорошо так говорить.

Кармиггелт: А я и не говорю. Я только сказал, что это курьез, что у тебя есть книга, в которой «я» переменчиво. Такого почти нигде не встречается, и это очень интересно читать, потому что «я», который появляется в конце книги у королевы, опять совершенно другой человек.

Реве: Эволюция. Это очищение.

Все ли свои рукописи предоставляет Герард Реве Кармиггелту для ознакомления?

Реве: Я придаю большое значение его оценке.

Кармиггелт: Эту рукопись я читал в отрывках, и некоторые главы он здесь зачитывал вслух.

Реве: И честность повелевает упомянуть, что он подсказал мне идею некой интриги в двенадцатой главе. Мне совершенно не приходило в голову, что эта награжденная монахиня, чье лицо было обожжено, потому что она выносила отрезанных огнем от выхода детей из больницы, что эта женщина должна быть идентична той изнасилованной мною в девятой главе девушке. И это в самом деле было очень романтично.

Кармиггелт: Меня осенило, когда он читал мне вслух, и я подумал, что это будет хорошим продолжением темы. И после того, как он зачитал ту главу, в которой насилует барышню, я дал ему некоторые технические советы, потому что то, о чем ты говоришь, в сущности, чисто биологически не...

Реве: ...Только акробат мог бы...

Кармиггелт: ...Только акробат мог бы вытворить такое. Существо без позвоночника. Ты слегка поправил текст, и тогда это, на мой взгляд, сделалось не так уж совершенно невозможно. При первом прочтении я подумал: если ты хочешь с ней этакое проделать, она должна быть великаншей. Я сделал небольшую техническую заметку, потому что у меня сложилось впечатление: его “touch”[1] ему немного изменяет.

Имеются ли, кроме Кармиггелта, еще какие-либо критические голоса, которые Герард Реве ценит и к которым прислушивается?

Реве: Я зачитываю свои книги международной домохозяйке и моему сводному брату Хюсу ван Бладелу, – он, э-э, самый необразованный человек в Западной Европе, и он вносит невероятно дельные замечания. Так, рыцарь и государыня поднимаются на возвышение в форме лилии, и он говорит: что это еще такое за возвышение в форме лилии? Он, разумеется, перепугался, что люди

---

1 Зд.: мастерство *(англ.)*.

где-нибудь лодыжками….

Кармиггелт: …В щели застрянут.

Реве: Вот смотри, моя амбиция – написать книгу, которую сотне тысяч людей будет приятно прочесть. Скажем, авантюристический роман с лежащим на поверхности и ясно прослеживающимся действием, увлекательный, чтобы в нем было о любви и, возможно, о моих идеях о мире и человеческом существовании. Для того, кто хочет это открыть для себя – пусть открывает, понимаешь?

Кармиггелт: Но как ты объяснишь тенденцию, – которая, разумеется, в твоих книгах совершенно очевидно присутствует, – постоянно вводить людей в заблуждение?

Реве: Это еще ничего. Полагаю, что эти перемены курса и иронизирование не оказывают большого влияния на сюжет в целом. Можно, конечно, сказать, что настроение в «По дороге к концу» и в «Ближе к тебе» меняется довольно резко, однако в «Циркаче», например, это проявляется гораздо слабее.

Кармиггелт: «Циркач» написан в определенном тоне, и ближе к развязке вдруг принимает совершенно барочную форму: посвящение в рыцарство; это великое событие во дворце. И внезапно всё становится совершенно иным, чем прежде.

Реве: И всё же были намеки, что к этому идет.

Кармиггелт: Да, кое-какие намеки были, но до двух этих последних глав всё же ближе к обычному реализму.

Реве: Я считаю, что десятая и одиннадцатая главы образуют этот переход, и – когда мне не спалось, я иногда перечитывал книгу – что бы ни думали о моих трудах, плевались бы или не любили книги Реве – но в том случае, если их любят, это более-менее Фауст Реве. Я считаю, что эта книга дышит высокой, величественной гармонией, как музыка Дебюсси, Дюпарка или Равеля, а ведь их музыка где-то лет двадцать пять назад считалась малогармоничной. К ней нужно привыкнуть, и теперь невозможно себе представить, чтобы кто-то осмелился назвать ее атональной или негармоничной. Что касается техники и композиции, знаешь ли, эта книга есть единое целое.

Кармиггелт: С подобной точки зрения ты вполне можешь так сказать, но речь о том, насколько *обычные* люди – для которых, как ты говоришь, ты пишешь – смогут это понять.

Реве: Я полагал, что смогут.

Вышесказанное имеет отношение (см. письма в «Языке любви») к переоценке или недооценке читателя?

Реве: Я свои книги делаю доступными для того, кто хочет иметь к ним доступ. Существуют писатели, которые сознательно закрывают доступ обычному человеку; они находят это ниже своего достоинства. Но я считаю, что это огромный выигрыш, когда некоторые, читая мою книгу в поезде, всякий раз, прочтя страницу, вырывают ее и выкидывают в окошко. Так поступал Израэлс[I], едучи в трамвае на пляж писать картины. Он читал книгу и не хотел вновь натыкаться на одну и ту же страницу. Таким образом, чтобы быть совершенно уверенным в том, где остановился, он всякий раз выкидывал ее из открытого трамвая.

Кармиггелт: Открытый трамвай в Схевенинген[II], они тогда еще существовали... Я знаю здесь, в Амстердаме, одного пожилого господина, очень приятного человека, который мне иногда пишет письма – медик, но давно на покое; однажды он, еще студентом, принимал участие в каком-то диспуте вместе с Слауэрхофом[III] и Вестдейком[IV]. Вестдейк в студенческие годы тоже время от времени пописывал, но Слауэрхоф – это уже было имя. От него очень многого ожидали. И вот этот господин мне рассказал следующее: случайно в начале тридцатых он ехал в открытом трамвае в Схевенинген; рядом сидел Вестдейк, с которым они со студенческой поры не встречались. И вот он спрашивает у Вестдейка: «Ну как, пишешь еще иногда что-нибудь?»

Реве *(восторженно)*: Ай, хорошо!

Кармиггелт: Если можешь такое сказать Вестдейку, ты незаурядная фигура, ха. Это было очень незадолго до того, как Тер Брак со товарищи открыли Вестдейка.

Реве: Но это иллюстрирует, естественно, тот факт, что Вестдейк никогда не жил в сердцах нашего народа.

Кармиггелт: Его крупные публикации тогда еще не появились,

I Jozef Israëls (1824–1911) – жанровый живописец.

II Scheveningen – район в Гааге, популярный курорт на берегу Северного моря.

III Jan Jakob Slauerhoff (1898–1935) – поэт, прозаик, переводчик. Служил судовым врачом.

IV Simon Vestdijk (1898–1971) – писатель и поэт, автор более семидесяти романов, рассказов, стихов, литературоведческих монографий. В послевоенный период считался живым классиком. Как и Слауэрхоф, служил судовым врачом.

но Вестдейк написал по крайней мере одну фантастически хорошую книгу: «Сошествие в ад господина Виссера». Это мастерский роман.

Реве: Я тоже много прекрасных книг написал.

Кармиггелт: Ты тоже прекраснейшие книги написал, да.

И Реве понимает писательство шире, чем Вестдейк.

Реве: Я перешагнул через ряд идиотских интеллектуальных предрассудков. Ибо мы погрязли во всяческих заблуждениях, нагроможденных романтикой. Что искусство прежде всего не ремесло, но призвание, связанное с прогрессом и спасением человечества… всю эту свистопляску запустила в ход романтика. В целом идея такова: художник должен быть беден; нужно, чтобы его не понимали; художнику полагается умереть от чахотки и только потом быть оцененным… Очень многих это только подстегивает. Слауэрхоф тому истинный пример, он жил согласно такой схеме и действительно умер от чахотки[1].

Кармиггелт: Нужно быть изгоем.

Реве: Нужно сделать женщине ребенка и не жениться на ней. Нужно наделать долгов и скандалов и, в конце концов, в молодости умереть от чахотки…

Асоциальность Герарда Реве проявляется иным образом.

Реве: Наилучшая асоциальность – это социальность. Порой говорят: истинная церковь – вне церкви. Однако истинная церковь всё же может быть и в церкви, потому что в таком случае тебе в самом деле кто-то досаждает. Вот ты написал книгу, и некоторые покупают ее не для того, чтобы расстраиваться. Они желают получить удовольствие от чтения; именно за это они платят четырнадцать девяносто. Это всё еще по меньшей мере двенадцать-пятнадцать литров супербензина… Если только Ден Эйл своего не урвет, тогда литра два будет. Но эти люди не желают заморачиваться, они просто хотят получить наслаждение, и я горжусь тем, что могу им его предложить, и заодно весь мир моих идей, всю мою проблематику,

---

1 Это утверждение верно только отчасти. У Слауэрхофа действительно был туберкулез, а во время своего последнего рейса он заболел малярией, от которой и умер в 38 лет.

все мое барахло, – мне же всё равно надо от него избавляться. Иначе я рехнусь.

Писательство истолковывается в самом широком смысле. В сущности, это торжище.

Реве: Всё это рекламирование, по существу, редко когда умышленно и целенаправленно, но в Нидерландах ужасаются всему, что слышат.

Кармиггелт: Ты тоже всегда подшучивал над созданием рекламы. Ты, я полагаю, единственный в Нидерландах писатель, который по радио и телевидению, к месту и ни к месту, указывает цену своих книг, что в переплете, что в мягкой обложке.

Реве *(хихикая)*: ...А я так обо всем искусстве думаю. Люди должны смеяться, и послание должно дойти: ты написал картину, и кто-то хочет повесить ее на стену, но в столовой он этого сделать не может, потому что приглашенные на обед гости, увидев ее, подавятся.

Художник – шут.

Кармиггелт: Пишешь в газету, делаешь что-то на телевидении и таким путем завоевываешь известность в Нидерландах, и твои книги раскупаются. Тогда не можешь вдруг заявить: мне надоело, больше не буду иметь с этим ничего общего. Я, например, никогда не засекречивал свой номер телефона, потому что считаю, что люди, прочтя что-то в газете, могут звонить мне в любом настроении – приподнятом или брюзгливом. Это их человеческое право. Им что-то там наврали в газете, по телевидению и радио, и они хотят порой отреагировать.

Реве: Совершенно с тобой согласен, но не могу принимать всё это на себя. Рехнуться же можно. Я не в состоянии позволить такое; я с такими ссориться начинаю. Но ты по гороскопу – весы, ты никогда ни с кем не ссоришься.

Кармиггелт: Верно, а вот ты решительно не можешь сдержать сильных эмоций, когда к тебе в определенный момент в дверь позвонят.

Реве: Да, убить готов.

Кармиггелт: Со мной такого не бывает. Я думаю тогда: ну да,

ах… Мне звонят почти исключительно женщины, и порой они несут чушь, а иногда бывает трогательно или занятно.

Реве: До меня по телефону не добраться, но занятные письма я получаю. И также много от женщин; семьдесят процентов моих читателей – домохозяйки с двумя, тремя детьми.

Кармиггелт: Мне думается, что женщины более склонны реагировать.

Реве: Но я подозреваю, что большая часть читателей тоже состоит из женщин.

Кармиггелт: Вполне возможно. В сущности, исследований никогда не проводилось, но, вероятно, это в природе некоторых женщин – желание что-то сказать и сразу же схватить трубку и позвонить.

На улице завыла собака, и через открытое окно звук наполняет гостиную Кармиггелта. Реве уже прежде с теплотой рассказывал о своей собаке, которая не смогла приехать с ним в Амстердам.

Кармиггелт: Твоя собака! Твоя собака всё-таки явилась!

Тысячу километров за хозяином, преданное животное.

Кармиггелт: Трогательно. Такие вещи всегда описывают в книгах.

Реве: И я этому верю.

Кармиггелт: Вот видишь! Надо его впустить.

Реве: Ну, что есть, то есть, у меня милый пес… Но, подводя итог, получаем: у нас имеется собственная проблематика, которую мы отражаем в книгах, ремесло и клоунада. Нужно быть великолепным клоуном и предлагать определенное количество развлечений. Это пункт первый.

А последний?

Реве: Эта клоунада, понимаете. Люди должны за свои кровные получить истинное удовольствие, но нидерландский менталитет таков, что они желают млеть от восторга, а искусство тут ни при чем. Хочешь млеть – ступай в церковь.

Искусство должно развлекать?

Кармиггелт: Понятие «развлечение», разумеется, невероятно широко. И мы говорим об удовольствии от чтения, и это тоже понятие чрезвычайно растяжимое. Что такое удовольствие от чтения? Это нечто для дамских журналов, каковых более не существует; это нечто милое и приятное, но к книгам Герарда Реве ни малейшего отношения не имеет, я бы так сказал.

Реве: Помнится, где-то год назад один дамский журнал попросил у меня для публикации главу или отрывок. Мне такие вещи льстят, и я очень тщательно выбираю представительную главу, которая, прежде всего, будет понятна вне связи с книгой. Я почитаю за честь то, что писателю предлагают дать текст для журнала, который читают тысячи людей. Но ведь целая куча писателей на это скажет: я? Рассказ в «Панораму»[I]? Стихотворение в «Либелле»[II]? Боже милосердный, да отчего бы и нет? Если твой стих хорош, это же потрясающе, что его прочтет миллион людей?

Кармиггелт: О да, тут я с тобой совершенно согласен. Речь идет только о том, что…

Реве: …Прежде всего нужно ценить то, что эти люди выбирают сильную литературу и хотят опубликовать ее в своем журнале. И если говоришь: я в эти игры не играю! – тогда претензии к данному журналу, что он якобы не отличается высоким культурным уровнем, просто взяты с потолка.

Кармиггелт: Таких обвинений я не предъявляю. Истинно дамских журналов сейчас, собственно, почти не осталось. Существующие же все весьма модернизированы и тем самым сделали возможным появление «Стори»[III].

Реве: Однако забавно то, что «Стори» в первый раз вышла с рекламным текстом, в котором наличествовал отрывок из «Языка любви» – тот, в котором я пишу о домохозяйках – в то время как я никаких текстов им не давал. Со всем цинизмом этот журнал нарушает самые разнообразные табу. У него ненормальная, извращенная направленность в стиле 30-х. Но эта формула, похоже, в финансовом отношении себя оправдывает, а?

I “Panorama” – журнал для мужчин.

II “Libelle” («Стрекоза») – дамский журнал.

III “Story” («История») *(англ.)* – нидерландская версия таблоида для женщин преимущественно с низким уровнем образования.

Кармиггелт: В огромной степени, но это потому, что они заполняют нишу, образовавшуюся в результате того, что прежние дамские журналы теперь озадачиваются также и мировыми проблемами; суровая правда жизни, стало быть, обступила чайный столик. В то время некоторое количество женщин от этих журналов отказалось.

Реве: Вопрос, впрочем, в том, действительно ли это суровая правда жизни или же всё это неправдоподобно и нечестно, э, совать нос в жизнь всяческих черных народов...

Кармиггелт: Некоторые говорят: я больше не хочу это читать, потому что это уже не моя привычная «Либелле» или «Маргрит»[I]. И они выбирают «Стори», потому что этот журнал очень тщательно избегает подобных вещей.

Реве: Люди имеют право на сласти и сахарную глазурь на пироге, ничего плохого в этом, разумеется, нет.

Кармиггелт: Никаких возражений. Но ты сказал: этот дамский журнал берет у меня целую главу, и какие есть возражения? Никаких возражений, тут речь о том, писал ли ты ее специально для того, чтобы они это напечатали. Если нет, то какие могут быть возражения, можно только радоваться тому, что глава разойдется миллионным тиражом.

За исключением некоторых замечаний со стороны Реве писатели на этот предмет имеют одинаковое мнение. Вопрос: известно ли заранее развитие сюжета в процессе работы над рассказом?

Кармиггелт: С Виллемом Элсхотом[II] дело обстояло таким образом: у него в голове уже имелась целая книга еще до того, как он начинал ее писать. Как сказал Шеридан[III]: «Пьеса готова, нужно только написать слова...» У тебя ведь не так.

Реве: Нееееет, но намечены основные черты драмы.

Кармиггелт: Ты знаешь, куда клонишь, но в процессе тебе приходит в голову куча всего разного.

Реве: Диалог и описание, да. Кстати, я сейчас вычеркиваю

I “Margriet” – крупнейший нидерландский дамский журнал для всех возрастных категорий.

II См. примечание **I на стр. 261.**

III Richard Brinsley Butler Sheridan (1751–1816) – ирландский драматург, поэт, владелец Лондонского Королевского театра, политик-либерал.

гораздо меньше, чем прежде. Черновик я пишу одним махом и потом переписываю набело. Только если концовка или вся структура главы не складывается, переделываю два, три, четыре, пять, шесть раз. Но тут не вопрос изменения лексикона: если я знаю, о чем речь, это бесконечное оттачивание стиля и не более. Стиль у меня совершенно устоялся.

У Кармиггелта тоже?

Кармиггелт: Вообще я бы так не сказал. Если найдет вдохновение, сразу сядешь и напишешь. Но бывает, что страшно маешься. Сперва я пишу черновик в толстой французской тетради в клеточку, чтобы точно знать объем текста. Но иногда страшно маешься, зачеркивания, отсылки к левой странице… Один-единственный раз во время перепечатки я пришел к заключению, что слишком мало написал; в остальном существует опасность, что я не впишусь в «мое пространство». Тогда при перепечатке я сокращаю.

Реве: Ты страдаешь от нехватки места? Сколько тебе слов нужно: тринадцать сотен?

Кармиггелт: Гораздо меньше, семьсот пятьдесят или около того.

Реве: Господи Иисусе.

Литература как источник вдохновения?

Реве: У меня есть двенадцать-четырнадцать книг, и я постоянно их перечитываю. Большего мне не надо… Вся эта современная писанина, бухтенье, мятежная суета, пиздеж о политической вовлеченности. Как-то меня это не трогает.

Кармиггелт: Да и не надо. Возьми последнюю книгу Боба Ден Эйла[1], она невероятно забавная: «Пути Господни неисповедимы и редко когда приятны». Мастерски написано. Обхохочешься.

Реве: Братец премьерский, э?

Кармиггелт: Нет-нет-нет, это просто совпадение.

Реве: Купил себе псевдонимчик.

Кармиггелт: Да нет же, его зовут Ден Эйл, это распространенное имя. А книга в самом деле просто отличная.

---

1 Jacob (Bob) den Uyl (1930–1992) – автор коротких абсурдистских рассказов.

Реве никогда не испытывает потребности в стилистических образцах?

Реве: Немногих писателей, которые меня завораживают, я знаю наизусть, а больше нет никого, потому что все они уже умерли. И то, что пишут сейчас, совершенно нечитабельно. Молодые писать не умеют, их в школе этому не учат.

Кармиггелт: Ну, это, знаешь ли, неправда! Ден Эйл и Бисхёвел[I] – мастера короткой прозы. И Менше ван Кёлен[II] тоже очень талантлива.

Реве: Да уж лучше помереть, чем так зваться. Лучше уж зваться Герардом Реве. В наши дни они там в типографии название книги и имя автора одним шрифтом набирают. И видишь: «Блекерс Зомер»[III], «Менше ван Кёлен». Вот и думаешь: Блекерс Зомер – красивый псевдоним, а Менше ван Кёлен… так это же здорово, такой маленький человечек затерялся в таком огромном городе[IV]. Занятное название.

Кармиггелт: Это что касается ее имени. Но пишет она отлично, ей-богу!

Реве: Ты весьма великодушно судишь о людях.

Кармиггелт: Это вовсе не великодушное суждение. Послушай же: если кто-то приносит мне книгу и говорит: прочти это, и через десять страниц оказывается, что это “not my cup of tea”[V], я дальше не читаю.

Реве (*обращаясь к г-же Кармиггелт*): Совершенно прелестное платье на тебе, Тини. Это твоя портниха пошила?

Г-жа Кармиггелт: В прошлом году.

Кармиггелт: В полосочку, хм.

Реве: Это то самое платье, в котором ты была, когда к тебе на улице привязались? Ты пришла домой и сказала: хорошая у меня портниха?

Г-жа Кармиггелт: Нет, это было давно, в Италии. Да и я тогда была помоложе.

I Maarten Biesheuvel (1939) – писатель, мастер короткого рассказа.

II Mensje van Keulen (Mensje Francina van der Steen) (1946) – писательница.

III “Bleekers zomer” («Лето Блекера») – первый роман писательницы, сразу принесший ей известность.

IV Игра слов: mensje – человечек, Keulen – Кёльн.

V Не для меня, не моё *(англ.)*.

Кармиггелт: Итальянцы – похотливые люди, распутный народец.

Г-жа Кармиггелт: Я была тогда в черном платье. Лет восемь назад.

Кармиггелт: Ты всё такая же.

Г-жа Кармиггелт: Ты прелесть.

Реве: И дама говорит мне: *женщины здесь быстро старятся*. Я говорю: Ну, так долго я здесь не пробуду! *Мы недавно сидели на пляже с одной блондинкой*. Я говорю: ты с чем меня хотела усадить на пляж, не иначе как с ведерком и лопаткой?.. Это Франс Вролейк[1].

Кармиггелт: Всегда прекрасен, хм.

Реве: Хотел бы я еще разок его в моей программе… я имею в виду, на торжественный вечер его заполучить, Роб Тоубер без умолку говорит о Франсе Вролейке. Ты когда-нибудь видел его на сцене?

Кармиггелт: Да, с чем-то вроде опереточной программы. Изображал старомодного комика. Все эти хиты.

Реве как-то писал, что совершенно не выносит людей с неправильной речью. Оценивается ли соотечественник по разговорной речи?

Реве: Существуют люди, которые возводят вульгарную речь в добродетель. Окончили четыре класса начальной школы и считают это большой заслугой. Я не считаю это позором, вовсе нет, но и заслугой не считаю. Если в наши дни кто-то говорит: там-то и там-то я выступаю с чтением того-то и того-то, обычное дело, – всегда находится какой-нибудь тип с вульгарным акцентом, который заявляет по телевизору: ну-ка, ну-ка, назовите нам парочку домишек. И вся нидерландская публика думает: ну конечно, он небось пару книжек прочитал, насчет слов соображает. Понимаешь? Возвеличивать невежество, неумение ничем интересоваться и отсутствие способности размышлять… Я считаю, что неумение думать, глупость и нежелание учиться не есть заслуга. Романтическое возвышение простого народа, в то время как простому народу любой ценой нельзя давать высовываться…

Кармиггелт: Спорное утверждение, ну да ладно…

Реве: …Нет, уж ты послушай, мой новый возлюбленный, ма-

---

1 Frans Vrolijk (Jan Versteeg) (1924 –1999) – актер и юморист.

трос немецко-французского происхождения, частично глухой и никогда ничего не читал, но имеет замечательно ясное суждение обо всех вещах. Начитанность – это не критерий.

Кармиггелт: Это в точности вопрос, о котором речь: иметь ясное суждение, которое не привязано к определенному уровню образования или определенной социальной позиции.

Реве: Нет, но если в наши дни в телепрограмме появляется кто-то, кто говорит: *он имеет*[I], тогда этот человек имеет правоту, понимаешь. Я считаю, это нелепо. Если кто-то окончил гимназию, с его мнением уже не считаются.

Кармиггелт: И это тоже неверно, потому что телевидение и радио загажено докторантами. Но есть что-то в том, когда ты говоришь, что некий сорт идеализирования рабочего класса, некий сорт «арбейдеризма»[II] возрос.

Реве: Смерть рабочим!

Кармиггелт: ...Новый арбейдеризм, царствовавший в двадцатых годах среди интеллектуалов и художников. И вот он снова. Видишь, как интеллектуалы барахтаются в пыли, лишь бы только, ах пожалуйста, рабочие их заметили. И это, разумеется, отвратительная картина.

Реве: Да, рабочий люд вороват.

Смех, но также и негодование со стороны г-жи Кармиггелт.

Реве: А ты ехала когда-нибудь в лифте с рабочими? Гадостная вонь, фу!

Г-жа Кармиггелт: Зато ты как огурчик.

Кармиггелт: А сам-то в штанах рабочих.

Реве: Да, но я настоящий и честный рабочий: я тружусь.

Кармиггелт: Полагаю, мы опять седлаем твоего любимого конька: Г. К. Реве и Социальное Обеспечение, часть I.

По каким еще критериям оценивает Герард Реве своего ближнего?

I Вместо: «у него есть».

II От “arbeider” (рабочий) *(нид.)* – низкопоклонство перед рабочим классом, преувеличенное внимание к требованиям, поведению, желаниям рабочих и т.д.

Реве: Мои критерии – эстетические. Я смотрю на рот, на губы. Если линия губ тонкая, рот поджат, то нехорошо. Хорошо, когда большой нос; большой нос означает в большинстве случаев… э-э… большой второй нос.

Г-жа Кармиггелт: Не тешь себя надеждами.

Реве: …И тех, кто очень медленно ест, поубивать нужно. Знаете ли вы, что Ян де Хартог[I] ест быстрее, чем я! И голос иногда может раздражать.

Кармиггелт: Но это просто физический недостаток и часто не соответствует тому, каков человек на самом деле. Встречаются люди, у которых необычный голос из-за незначительной ошибки природы. Испорченная запись.

Завязать разговор с незнакомцем?

Реве: Ни за какие коврижки. Отбиваюсь, избегаю как только возможно. Я, собственно говоря, нелюдим. Если мне нужно выйти из дома, я сперва выглядываю из окна, и если там люди, выбираю другую дорогу, ну и, разумеется, и там появляется пара прохожих. Я не могу общаться с людьми.

Кармиггелт: Что касается меня, то тут зависит, в каком я настроении. Бывает, что болтаю со всеми подряд без умолку, а в другой раз могу только немного послушать собеседника. Тогда я замыкаюсь в себе и создаю впечатление: к этому не приближаться.

Реве: Я вечно попадаюсь в ловушку. Выходя на прогулку, я принимаю все возможные меры, чтобы мне никто не попался по дороге, но все равно наталкиваюсь на кого-то, кто не вписывается в схему. И тогда уже мимо не пройти, и стоишь на узенькой тропке и треплешься с каким-нибудь, как говорится, местным шаманом. Церковник, он знает, что я великий писатель, единственный в округе, у кого есть некий успех, некая идея, и вот он со мной заговаривает. От отчаяния я тоже начинаю говорить, но, разумеется, остаюсь самим собой и высказываю всю дребедень, что и всегда. И тогда он платит мне той же монетой и несет чушь. Тут, говорю, собака моя: послушайте, вы животных тоже благословляете? Потому что я часто слышу, что животных тоже благословляют, а моя собака такая славная, я, значит, очень хочу, чтобы ее благословили. А он: ну, да, если это действительно необходимо, но в последнее

I См. примечание I на стр. 247.

время мы этого не делаем. Я говорю: а машину благословите? Да, говорит он, машину, это можно.

Кармиггелт: Но ты ведь тоже с удовольствием записываешь все эти абсурдные разговоры. По крайней мере, в письмах, которые ты мне писал, что в «Языке любви»…

Реве: Да, тогда я, по крайней мере, от них отделываюсь. Избавляюсь от них. Я же о них не прошу. Я очень люблю людей, знаешь ли, они премилые, но не общаюсь с ними и предпочитаю, чтобы они со мной не заговаривали. Но я испытываю огромное уважение к ним и запоминаю всё, что они говорят, вот только не знаю, что мне с этим делать. Мне теперь нужно разобраться с некоторыми вещами: сад в тысячу квадратных метров, его возделывает Деревянный Король. Я могу брать оттуда какие угодно овощи и фрукты, но как я с этим всем управлюсь, для меня загадка. Как-то само собой происходит. Но что касается человеческих контактов, с этим легче. Ни к чему не обязывает.

Там вы меньше известны.

Реве: При разговоре постоянно обмениваешься рукопожатиями и никогда не заходишь к людям в дом. Кроме Деревянного Короля, который семь лет боролся с дьяволом. И что, вы победили? – спрашиваешь его. Да, я победил, говорит он, но своими силами этого сделать невозможно. Ежели не лежит на тебе милость Господня, нипочем битву не выиграешь. Нет, конечно, говорю я тогда, а чего он хотел, дьявол? Дьявол хотел, чтобы он пил, даже когда он пить не хотел. И вот теперь он выиграл битву, он пьет только тогда, когда хочет[I]. Надо признаться, хочет он часто.

Смотри, вот такую историю мне человек рассказал, без телекамер, без прессы вокруг, но это мгновенность и архетипическая глубина, которые меня так трогают.

Кармиггелт: И это совершенно прекрасно.

I См. рассказ «Милость» (пер. С. Захаровой) в сборнике «Вертер Ниланд».

«Я ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ, ИНАЧЕ СВИХНУСЬ»

Интервью Йоке Мюлдера с Герардом Реве[1]

334 – ...Но сказал же Оскар Уайльд: Всякое искусство совершенно бесполезно.

– *Ты часто повторяешь, что искусство бесполезно.*

– Это дарует утешение.

– *Почему?*

– Потому что указывает на то, что искусство есть нечто божественное, от Бога, стало быть, ибо в Боге тоже нет никакого смысла. Иметь смысл – означает быть с чем-то связанным, чему-то подчиненным, из чего-то происходить.

– *Твоя работа тоже не имеет смысла?*

– Слава Богу, не имеет, нет.

– *Но какую-то функцию она для тебя исполняет?*

– Да, можно так сказать. Когда я не пишу, я схожу с ума. Я уже сошел, но я имею в виду, сходишь с ума таким образом, что поладить с этим нельзя. Другим в тягость, себе в тягость. Это уже началось, но пока что не столь далеко зашло.

– *Ты сказал: в Боге тоже нет никакого смысла. Ты можешь пояснить свою мысль?*

– Нет, нужно у самого Бога спрашивать, что он об этом думает. Я нахожусь в мире со многими вещами, Король Алкоголь побежден, и если спросить: а что в перспективе? Мда...

---

1 Опубликовано в журнале «Элсевир», № 18, 29 апреля 1972.

– И что же в перспективе?

– Работа, ничего другого не остается. Не знаю, чем еще я мог бы заниматься. Я очень надеюсь, что обрету некий покой, но не думаю, что он будет мне дарован.

Мне хочется порой наслаждаться жизнью. Закончив книгу, уехать в путешествие, обратить в роскошь заработанные деньги. Но роскошь и богатство мне отвратительны. Я истинный кальвинист, настоящий пуританин. Счастлив мой Бог, что я сделался католиком, а не меннонитом или либералом-реформатором. Это была вспышка здравомыслия. Я не могу наслаждаться успехом и его последствиями, не могу ничего с этим сделать, не могу стоять на месте, и всё сводится к тому, что я вновь оказываюсь за письменным столом.

Я ни в чем не вижу проку, это, конечно, печально, я должен с этим примириться. У меня поместье во Франции, полтора гектара, рай земной, мне его нужно возделывать, осесть там, и всё же ничего из этого не получается.

– Почему нет?

– Похоже, что это просто невозможно. Роскошь, богатство, – этим я себя, вообще-то, не балую. В дорогом отеле я чувствую себя смертельно несчастным, в дорогом ресторане – потерянным.

Я обладаю хорошо развитой способностью концентрироваться, но очень чувствителен к шуму; а гама и грохота ни один человек вынести не может; по крайней мере, я не могу. Очень трудно писать в шумной обстановке; я порой практикуюсь в этом, думая: мне нужно уметь писать при любых обстоятельствах, в том числе и за столиком в ресторации. Извлечь вставочку, поставить чернильницу, лизнуть перо – кругом прыскают в кулак, так и слышишь чужие мысли: малый-то с приветом, а? – и приступить к работе. Письмо на пару страниц, прекрасно, если удастся. Истинная моя цель – поглядеть, смогу ли я одержать победу над Временем. Мне кажется, нам поистине грозит наступление культуры общепита, – поневоле приходится слушать соседский телевизор; в парке, закрытом для любого вида моторного транспорта, на тебя наезжает мопед. И тебя же назовут фашистом или реакционером, если начнешь против всего этого возражать.

На собственно работу у меня выпадает три четверти часа в день. Хорошо, думаешь, великолепно, всё у меня еще получается, дело спорится, да, и тогда хочется встать и отпраздновать – прогуляться или почитать книгу. Бываешь так счастлив, так доволен из-за этой пары строчек, что думаешь: больше не надо, всё отлично получается – пробуждать словами, но тогда нужно оставаться за письменным столом, это великий момент. И в то же время мучение, ибо писать – совершенно незавидное дело, почти такое же неприятное, как...

Хищная птица ненавидит вылетать из своей расщелины, она гораздо охотнее осталась бы в гнезде, это научно доказано. Хищные птицы в Артисе[I] чувствуют себя превосходно и никуда не хотят улетать, дали расписку и обещали всё на свете, только бы им не нужно было крыльями махать, лишь бы оставаться дома, чтобы не пришлось падать, как парашютист, на добычу, это им кажется ужасным.

Вот так же и писать – ужасно; однако иначе никак, разумеется, не с голоду же помирать, и нельзя допустить, чтобы о тебе сказали: «Он выдохся».

– Ты иногда опасаешься, что не сможешь больше писать?

– Такие опасения кажутся настолько обычным делом, что не стоит по этому поводу убиваться. Тут то же самое, что думать, что на тебе лежит вечное проклятие. Конечно, от опасений этих страдаешь, но нужно от них отстраняться. Мудреная наука – принимать всерьез всё это мировое свинство, и, тем не менее, рассматривать его относительно. Хорошо сказано, не находишь?

– В чем выражается страдание от этого беспокойства?

– Например, когда вышла книга из печати, а ты результатом не доволен. Когда все от восторга прыгают и говорят, что это потрясающе, а ты думаешь: как быть со следующей? Сейчас я на полпути, потом ее закончу, что тогда? Когда думаешь: Смерть, конец, – в сущности, это было бы лучше всего.

– Ты утверждаешь, что писательство – ни в коем случае не хобби.

I Зоопарк в Амстердаме.

– Нужно просто продолжать, выбора нет. Можешь сказать: я обращусь к кому-нибудь за помощью, но где ее найти? Когда молод, думаешь: пойду к кому-нибудь, кто знает. Замечаешь, что когда пишешь, чувствуешь себя менее несчастным чем тогда, когда не пишешь. Стало быть, пиши, да и всё. Делай это как можно лучше, и когда скажут, что это грандиозно, – ну да, на какой-то момент поверишь, а потом снова за работу. Я начал новую книгу, я пишу непрерывно. Раскрывать замысел заранее – плохая примета. Знавал я писателей, они так свои сюжеты заворачивали, что дух захватывало. И никогда из этого у них ничего не выходило. Держишь пасть на замке, тогда есть шанс, что на бумаге что-то появится. А раскроешь пасть, ни строчки не выдавишь. Но, конечно, появится другая великолепная книга, хм.

– Почему «конечно»?

– Ну не бог же весть что? Не могу же я плохую книгу написать? У меня нет выбора.

Я часто сам себе вставал поперек дороги, часто сам себе ненужные трудности создавал. Все эти бессмысленные, почти кляузнические войны с карликами Позитивно-Христианской Части Населения, с людьми отнюдь не моего масштаба. Если они сейчас что-то вякнут, я отвечу: вы совершенно правы. Нужно обдумывать не то, как пнуть неприятеля, а то, как его можно использовать. Каким образом выехать на той шумихе, которую он поднял. Пусть делают, что хотят. Для меня теперь важно: как обстоит дело с моим банковским счетом и продажей моих книг. Как я могу использовать тех, что беснуются и орут на меня, для процветания моего дела.

Я пришел к определенному выводу. И еще вот что меня занимает: сколько времени мне осталось и какое всё это расточительство. Я заседал в конгрессах на темы «Бог Мертв», или «Будущее Религии» или «Религия Будущего». На такого рода пустопорожние собрания я больше не хожу. Если у меня появляются идеи, я должен раскрыть их в книге, а не сидеть в прокуренном зале за сотню-другую гульденов. Это означает идти на поводу у тщеславия. Чтобы сказали: тот выступил мило, и этот тоже, а вот Ван хет Реве высказался в корне неправильно, просто прекрасно. И опять ты добился великолепного результата, исключительный блеск, – а ты отправляешься домой, кипя от ярости. Таким манером жилье

не оплатишь, и булочнику не заплатишь, и мяснику. Это всё любимое занятие тех, кто обожает слушать самих себя, все эти форумы в теологических общественных центрах и экуменистических депутациях. Я над какой-нибудь вещицей для той или иной газеты три недели сижу. За это время можно целую главу написать.

Я теперь начинаю эти вещи замечать, вижу их гораздо отчетливее. Не брюзжу больше по поводу того, что считаю маловажным. Всегда будут существовать те, кто против коротких юбок, против абортов и гомосексуальности. Это всё будет сдвигаться, всё будет смещаться. Я не могу позволить себе горячиться по таким поводам. Мне нужно делать свое дело, пункт первый, это прежде всего. Всё остальное должно отойти на второй план, даже я сам. Только работа, одна лишь работа.

– В переписке с Кармиггелтом ты говорил о «чудовищной депрессии» и т.д. Как ты себя сейчас чувствуешь?

– Факт того, что эти письма были написаны, сам по себе уже огромный прорыв. Излей всё на бумаге, пусть психиатр попытается убедить пациента записать свои горести. Если ему это удастся, дело, считай, почти выиграно. Я всё записываю, так что я не так уж плох. Если кто-то может доверить бумаге свои передряги, неприятности, искушения, сомнения, тот уже сильно продвинулся.

– Ты в то время страдал.

– У меня всегда с этим скверно обстояло. Я предрасположен к тяжкой меланхолии. Я часто слова прочитываю по-иному: Ауде Аккерстрат, например, у меня становится Доде Аккерстрат[I]. Для меня тогда это название приобретает совершенно иную окраску. Вполне возможно, что мне было предопределено родиться меланхоликом, которому придется в жизни весьма несладко. И что я буду писать прекрасные книги, окрашенные оттенком Великой Печали.

– Всё зависит от того, что ты делаешь со своей депрессией.

– У меня такая куча невзгод, и в сорока книгах не опишешь. Большая Книга – «Книга Фиолетового и Смерти», я постоянно

I Улица Старой Пашни – улица Мертвой Пашни *(нид.)*.

о ней говорю, но закончить ее, полностью дописать никак не выходит[1]. Эту книгу может завершить только Господь Бог, если у него найдется для этого время, желание и настроение.

Я вижусь с очень немногими, никуда не хожу, не выношу бахвальства, меня это слишком утомляет. Кроме того, я встаю в шесть утра, рано ложусь, в десять. Для большинства людей в девять вечера жизнь только начинается. По этой причине общения не получается. И тогда замыкаешься в себе.

– Ты что-то притих, отвернулся…

– Нет, давай дальше, следующий вопрос.

– Тяга к спиртному, которую ты преодолел.

– Мне предупреждения были. Нервные припадки. Рука отнялась, отказала совсем. Я счел, что это прекрасно, просто шик – отнялась к черту правая, а я и левой могу шедевры писать. И приступы белой горячки у меня случались. Бывают же люди, которые знать не знают, что такое делириум, это просто куда фишка ляжет. Мне тогда по башке шарахнуло; такая уж, видно, у меня потрясающая башка. Это голова, говорят. Ничего путного по этому поводу сказать не могу.

Я пережил белую горячку. Никому такого не пожелаю. У меня был выбор: курс лечения в шесть недель, каждый день на ложку меньше, знаешь, или разом со всем этим покончить, напичкавшись таблетками. Я об этом знал. Я спешил, я подумал: хочу выкарабкаться, и, стало быть, сказал: давайте ваши таблетки. И вот потом двинуться не можешь, а делириум тем временем продолжается. Три дня я пластом пролежал. Это сошествие в ад.

Ад в самом деле существует, сударь мой, я там побывал. Согласно римско-католическому учению, в ад нужно верить, но не обязательно верить в то, что там кто-то есть. Он и впрямь существует, ад, и там впрямь никого нет. Это поистине чудовищно.

– Но ведь это хорошо, претерпеть такие трудности и всё-таки преодолеть их. Пройти сквозь бури, приступы неслыханных депрессий.

---

1 “Het boek van Violet en Dood” – опубликована в 1996 г.

– Жизнь-то всё-таки недурная штука, правда?

– Это ты сейчас говоришь, а чуть позже, а завтра?

– То же самое скажу.

– Ты писал: «Я вновь отложил самоубийство на неопределенное время»[1].

– Да-да. Погоди, я тебе кое-что прочту, это еще не опубликовано.

«К тому моменту мне было сорок восемь, в этом году исполнялось сорок девять. Большинство из моих собратьев-художников, совершивших деяние – пустивших себе пулю в лоб или принявших яд – сделали это давным-давно, гораздо раньше – по преимуществу в возрасте 30-40 лет. Не было ни дня, более того – ни часу, чтобы я об этом не думал. Делай, либо не делай – и малоутешительным было осознание того, что, похоже, это была единственная мысль, сумевшая пережить все остальные банальности и клише: прочее было бахвальством, предрассудками или же поверхностными суждениями. Я не знал, на чьей стороне была правота. Вопрос заключался в том, имелась ли существенная разница в выборе: спустить курок – осушить склянку с отравой – или писать то, что писал я. Мне можно было писать – и не стреляться; можно было застрелиться и не писать. Можно было и не писать, и не стреляться – но, сдавалось мне, третья возможность к рассмотрению не принималась. А ещё можно было какое-то время писать, а уж потом только пустить себе пулю в лоб. Что ж, поживём – увидим. Но, родившись на свет и пожив так, как я, большой разницы не наблюдаешь, подумалось мне. Не исключено, что те, кто совершили деяние, воображали, что таким образом сумели добиться чего-нибудь или привести в движение некие механизмы, и считали, что тем самым оправдали собственное существование: купил револьвер да и шлёпнул того, другого или же себя самого – но я подозревал, что дело как раз было совсем не в этом; да, вот тут и крылось самое обидное: полагаешь, что совершаешь поступок, тогда как в действительности ты всего лишь рабочий сцены, подряженный режиссёром пальнуть за кулисами в пьесе, написанной и разыгранной кем-то другим – ты в ней ни актёр, ни даже статист – в то время как пьеса яв-

1 См. «Переписку», 9 мая 1971 г.

ляется столь идейной и общественно-реформаторской по духу своему, что в целом нет никакой разницы в том, когда грянет выстрел, и даже в том, грянет ли он вообще – стреляй, не стреляй, заплатят в любом случае».[1]

И опять я ничего не мог с этим поделать. Это слишком задерживает действие в книге. Но всё же я этого не делаю, – потому, надо полагать, что это ничего не решает. Ты *знаешь* точно так же продолжать. *Знаешь*. Я начал так говорить в шутку, «знаешь» вместо «можешь», и вот привязалось.

Я ко всему прочему еще и зубоскал, ужас. Вокруг меня порой такой хохот стоит, хотя я частенько не понимаю, с чего бы. Ах, если изображаешь из себя клоуна, – будь любезен, выкаблучивайся. Уныние побоку, позаботься об удовольствиях, это ведь тоже в твои обязанности входит, – скажешь, нет? Так что давай, скачи до потолка, а то и в лифте – народ постращай. Сидишь за столом и говоришь: сударыня, вы владеете секретом превосходной подливки, – в то время как перед тобой какая-нибудь дурацкая котлета, больше смахивающая на кусок дерьма, и приговариваешь: и как только у вас такая замечательно коричневая подливка получается; делай что угодно, тебе бы лучше помереть или сквозь землю провалиться, но остановиться ты не смеешь. Я никогда не ем подливки. А вот еще для красного словца можно ввернуть: ты с таким талантом не родился, ты его взял взаймы и в конце концов будешь обязан вернуть Творцу. Тоже ведь прекрасно, а? Тоже хорошо, а? Что-то еще будет, да, я еще очень много чего могу.

– Ты справился с теми сильными депрессиями?

– Полагаю, что да. Эти сильнейшие, интенсивные депрессии, они были связаны также и с алкогольным воздержанием. Три четверти года назад я решительно отказался от ежедневного дозволенного мне стакана вина. И это пошло мне на пользу. Эффект в полной мере начинаешь ощущать через год. Если выдержишь, депрессии становятся реже и короче. Так можно дольше лямку тянуть. Пишешь что-то, потом к этому возвращаешься, и всё нужно держать в голове, – без спиртного гораздо проще. Оно – скверный Товарищ, плохой Советчик, абсолютно.

Алкоголик – тот пьет слишком быстро и не может остановиться.

---

1 См. гл. 5 романа «Милые мальчики».

Меры не знает. И со мной это случилось. Но если не начинать, это хорошо; стоит же выпить один стакан, возникает немалая опасность, что за ним последует другой, и так далее. Не думаю, что снова стану пить.

Депрессии, да, если эта цена, которую мне придется заплатить за то, чтобы я мог работать, то я согласен, мне всё равно. Нужно работать. Если в обмен на книгу я должен заполучить тяжкую депрессию и впасть в тоску тщетности, пожалуйста, я это цену заплачу.

– Правда?

Ты молчишь.

– Два дня не вставать с постели, ничего не есть, всякое такое – может случиться, я над собой не властен, я имею в виду… я не знаю, но теперь у меня такое впечатление, что я… э-э… я сумею справиться.

У меня нет сотоварищей по искусству, с которыми я мог бы обсуждать литературный стиль. Если бы существовали писатели, которые с такой же честностью и жесткостью трудились в том же жанре, что и я, можно было бы сказать себе: у него я бы мог поучиться, или: вот этому я расскажу, что он еще должен сделать, чтобы получилось хорошо. Но нет таких, полный вакуум. У Флобера, боровшегося с собственными эмоциями, наблюдаешь схожую ситуацию.

Идеи сексуального насилия, садизма, мазохизма, смешение сексуального насилия с религиозным экстазом, в сущности, не новы. Пару тысяч лет назад все это было в порядке вещей. В те времена существовала храмовая проституция. Хочешь общаться с Богом, общайся со жрецами или жрицами. И не то чтобы это было можно – это было нужно. Фактически это было даже еще экстремальнее.

Печаль, которая тобой овладевает… У людей есть невероятно раздражающая привычка выуживать совершенно второстепенное. Дарвин, говорят они, сказал, что человек произошел от обезьяны. Он этого никогда не говорил. Ван хет Реве, говорят они, сказал, что Бог – осел. Ван хет Реве этого никогда не говорил. Миллион терзаний на странице, придаточных предложений, и кавычек, и точек с запятой, автор просто из сил выбивается, а ведь речь идет о восьми словах. Дождь, я, любовь, он, любовь, мне, знак вопроса, дождь на улице.

Читателю остается только стиль, способ, которым ты развиваешь мысль. Он задерживает внимание на второстепенных вещах. Я имею в виду, если выставляешь в витрине керамику, тобой обожженную и красиво глазурованную, и размещаешь ее в тачке, чтобы выглядело этак по-деревенски, то люди заходят в лавку и желают купить тачку. Вот что я имею в виду.

Ты должен быть самим собой и смириться с тем представлением, которое читающей публике угодно иметь в отношении тебя. Не стремиться достичь чего-то, что в глазах читателей совершенно недостижимо. Они должны думать: я бы тоже мог так писать, это чистое совпадение, что это он написал. Довлеет сопротивление Герою. Это не касается героя мертвого, чьи мучения и беды подробно описываются в книге. Живого же героя, который чего-то достигает, люди на самом деле не понимают. Конечно, можешь восторжествовать, при условии, что изображаешь из себя угнетаемого парию. Нужно испытать страшные трудности, нужно продолжать испытывать страшные трудности, нужно, чтобы ты никогда от них толком не оправился, вот как нужно – ну что же, с этим у меня порядок. Это общечеловеческое, и так хочет читатель. Он должен думать: Ван хет Реве это тоже не чуждо.

Я – за Порядок и Истеблишмент. В штыковую бросаются только бездари. Созидающий художник страждет покоя, для полной концентрации и целостности. Истинный художник не является революционером. Я писал: значительная часть моей возлюбленной публики ликует, потому что я революционер и против истеблишмента. Потому что я описываю то, что не является текущими общественными событиями. Недоразумение, заключаю я.

Возможно, я должен его подпитывать, это недоразумение. Перестать говорить: это не так. И всё же… Я вполне могу изображать паяца, но принимать позу я не могу. Говорить что-то, чего я не имею в виду – мне это не по силам. В духе: молодежь всё чаще сталкивается с непониманием; или: вся эта компашка закоснела, всю хрень надо с ног на голову поставить. Я не могу пересилить себя и сказать такое.

Я слишком опасаюсь того, что они мне тут тоже всё вверх дном перевернут, устроят кавардак на письменном столе, поколотят окна, и тогда рукописи унесет ветром. Все эти поклепщики с их бородами и велосипедными очками, с их лепетом про общество потребителей – оссысво потерпителей – утраченный текст они

не восстановят, не напишут книгу, которую пишу я… да что там.

С Табу нужно не бороться, а использовать его, подчинять себе. Я полагаю, что бороться с табу – много чести для него. Изрыгая потоки слов, которые принято считать нецензурными, я ничего не выиграю. Я не нарушаю никаких сексуальных табу; я привношу в мои книги определенные аспекты телесной любви, и благодаря этому они художественно легализованы, они становятся частью человеческих эмоций. Интересно, что в рецензиях, какими бы сложными они ни были, сло́ва «гомофилия» не встречается. Ибо я его не отстаиваю. Я не Боец и быть таковым не желаю.

Я очень долго боролся с гомофилией. Много лет прошло, прежде чем я с ней примирился. К сорока годам я понял, что это всё правильно и хорошо, во всяком случае этически индифферентно, что просто… что нельзя сказать, хорошо это или плохо, просто нужно с этим жить, что это часть тебя самого, и отрицание этого нанесет вред твоей работе, ибо затронет другую – разочарованную – часть тебя.

Было бы легче, если бы этого в моей жизни не случилось. Это настолько затормаживает. Идея, что ты должен показать: я тоже могу быть обычным человеком. Что ты должен пытаться объяснять: всё сводится к одному и тому же, речь идет о такой же страсти, отчаянии, желании, одиночестве. Ужасно много сходства и ужасно мало различий.

Это всё те же романтические идеи. Цепляться за них – неправильно. Но ладно, если я привлекаю особенное внимание из-за того, что пишу на эту тему да еще на ней зарабатываю, да, тогда вперед, тогда я, по меньшей мере, извлеку какую-то пользу из моей гомосексуальности. Не правда ли, это прекрасно, что та книга Фудрейна о психах и душевнобольных больше не на первом месте, что, наконец, во главе списка стоит книга о нормальных, обычных людях[I].

Я – романтико-декадентский писатель. Но что это говорит людям? Их наука отстает на несколько лет. Процесс дебилизации идет полным ходом, и телевидение этому способствует. Человек слабеет разумом. Я с молодыми людьми не могу обменяться здравым словом. Они уже не говорят по-человечески, живут, мямля трафареты, выдержки из выдержек. Я вычитал фразу в газете регионального Совета молодежи вертского округа, буквально следующее: «Навозные кучи западного менталитета укореняются в области рабо-

I См. письмо Реве от 28 марта 1972 г.

ты социального обеспечения». Что означает эта фраза? Я задал вопрос и получил ответ на трех страницах – сам черт не разберется. А ведь им платят субсидии, они заседают в большом здании. Куда всё катится, сударь?

– Чувствуешь ли ты себя всё еще приверженцем римско-католической веры?

– Нелегкий предмет, вообще говоря, религия действительно очень сложная вещь.

– Продолжай.
Да?

– Тухлая, вонючая хрень, но всё же для меня это истинная вера.

– Какова ее роль в твоей жизни? Ты находишь в ней опору?

– Нет, не опору, но это, я полагаю, не есть цель и смысл религии. И функции религия тоже не имеет. И пользы. Можно завести шарманку: существует ли Бог? У меня есть, по крайней мере, то, что я называю Божественным Опытом. Существует ли Святая Дева? Откуда мне знать? Но ей угодно было отвадить меня от бутылки, по соответствующей моей просьбе, – это, я считаю, весьма любезно с ее стороны. Существует она или нет – что мне с того, это неважно. Когда реален ад? Когда читаешь о нем в катехизисе или когда в него попадаешь?

Универсальный характер католицизма, вот что меня так привлекает. В нем есть простор для искусства и признание его, чего фактически нет в реформаторских религиях. И если всё же хочешь веровать, выбери тогда старую, испытанную церковь, которая, кроме того, переняла, включила в себя многое от предшествующих вероисповедований, в том числе языческих и дохристианских.

Протестантизм беспросветен, ибо в нем есть место для ночной стороны, тьмы, для сатаны, для греха. Наверно, оттого я так люблю церковь, что она столь развращена. Ибо это порочная церковь. Поскольку практика учения представляет собой искажение и непревзойденную ложь, грандиозный ярмарочный китч. Это меня привлекает.

– Почему?

– Видимо, потому, что я мерзавец.

– Ты называешь себя гражданином и писателем.

– Ага, а теперь еще и Маркизом.

– Поясни и то, и другое.

– Меня всегда бесили так называемые художники, бунтующие против общества. Они полагают, что если не моешься, встаешь в полдень и влезаешь в долги, ты – художник. Я называю себя гражданином и писателем, потому что я просто тот, кто пытается зарабатывать, гражданин.

Маркиз – это для защиты. С одной стороны: я не из вашего сброда, я гражданин, плачу налоги, работаю; с другой стороны: я к тому же благородных кровей, принадлежу к свите Божией Матери. Спросите: для чего? За ответом пожалуйте к Господу, сотворившему меня Дворянином. Богу были угодны сословия.

– Как ты оцениваешь «Вечера» сегодня?

– Ничего не могу сказать. После того, как книга была завершена, я в нее больше не заглядывал, ни разу за все двадцать пять лет. Не решаюсь. Не знаю, почему. Говорят, что это совершенно прекрасная и очень значительная книга. Я не возражаю.

– Письма, жанр, которому ты собирался посвятить себя?

– Я обнаружил, что этот жанр мне весьма подходит. Я стремился к большей объективности, которую дает повествование от третьего лица, но уже с самого начала почувствовал, что должен писать от первого.

– Твоя гомосексуальная направленность, со всем, что с ней для тебя связано, переросла в господствующий факт.

– Не потому, что это так невероятно важно. Я понял, что это было случайное расположение звезд, подчинявшееся общим законам. По мосье ты с ума сходишь или по мадам, большого значения не имеет. Ну конечно, народ по-первости на уши вставал, хе-хе; мы, голландцы, в очень многих областях малоразвиты и сильно отстаем. Потому ли мои книги раскупаются – сомневаюсь. Если предмет не удовлетворяет человеческим требованиям, не увлекает, читатель на него просто плюнет.

– Ты подошел к таким сугубым понятиям, как Пытки и Мучения.

– Я думал: напишу-ка я всё это, посмотрим, что будет. И я на этом заработаю, на описании ощущений и мыслей. Большего ведь желать нельзя, разве не прекрасно? Если бы жалобы не посыпались, ничего бы я не заработал. Я обнаружил, что описания эти оказывают интересное воздействие. Вначале думаешь, что многие раздумья и переживания невероятно удивительны, но прежде всего и то, что другие не смогут им посочувствовать, понять. Этот страх… все могут всему сочувствовать. Если только хорошо опишешь. Можно передать тревогу человека, занимающегося резьбой по слоновой кости и не получающего желаемого результата. Когда я читаю набоковскую «Лолиту», меня охватывает та же лихорадка, та же тоска и похоть, что и героя книги, в то время как девятилетняя девочка в отношении плотской любви для меня интереса не представляет.

– Твое высказывание: «Вправду сказать, я также не верю, что это пишу я, – но некто или нечто во мне управляет моим пером и словом»[I].

– Это в определенной степени облегчает жизнь. Как немцу, который сказал: «Befehl ist Befehl[II], а дальше не мое дело». Что можно заявить: послушайте, мной просто управляют. Ей-богу, так лучше всего. Ты не выдержишь, утверждая: я чрезвычайно самодостаточен, я всё черпаю из сокровищницы собственного разума. Гораздо лучше было бы сказать: это мне ангел надиктовал, я только

I См. письмо от 5 мая 1971 г.

II Приказ есть приказ *(нем.)*.

успевал записывать. Тогда избавишься от целой кучи проблем. А с жалобами взывайте к Господу, на оборотной стороне листа.

– И вот это высказывание: «Чего бы мне больше всего хотелось, это умереть и никогда больше не браться за перо, да кто ж мне позволит»[I].

– Нужно на всё смотреть относительно, это необходимость. В определенный момент напряжение настолько возрастает и ты такие невероятные вещи говоришь, что сам себя начинаешь бояться. Тогда переводишь всё это в трезво-юмористическую плоскость. Потому что иначе не вынести. Нельзя писать книгу, которая прожжет дырку в столе, нужно асбестовое покрытие. Никто коктейль Молотова в доме не держит.

– Смерть?

– Смерть – это врата, сударь. И если спросишь: куда? – не знаю. Смерть не есть бессмысленный конец, нет. Для красного словца можно сказать, что благодаря смерти жизнь обретает перспективу и глубину – ага, и что ты на этом выиграешь? Ничего определенного. Возможно, самые чистые и лучшие мысли о смерти являются самыми горькими и невыносимыми, в то время как это мысли правильные.

– Библию читаешь?

– Ежедневно, сударь. У Библейского Союза[II] имеется издание еще в официальном переводе, с ремарками в тех местах, где уж совсем мозги можно сломать. Я бы всем эту книгу порекомендовал. Невероятно, что существуют люди, которые думают, что можно делать что-то в искусстве, ни разу не раскрыв Библии. Для меня это великая загадка.

– Почему?

I См. письмо от 5 мая 1971 г.

II Nederlands Bijbelgenootschap – сообщество, занимающееся переводом, распространением и толкованием Библии.

– Потому что Библия – основа культуры, языка. Кроме того, это восхитительно прекрасно: Книга Бытия, Исход, Левит – невероятно красиво. Где ты найдешь нечто подобное Книге Иова, грандиозной? А эти бреют налысо черепа, мажут их известкой, расхаживают с тамбуринами и вопят: «Харе, харе», а сами хари-то побрили. Они за 35 центов могут мессу за углом послушать, да куда там, только в Индию, автостопом, так нужно.

– Ты довольно свободно рассуждаешь об определенных вещах, а с другой стороны, у тебя много сомнений.

– Я целиком состою из сомнений, но, если работаешь, если хочешь что-то сделать, должен поступать так, словно знаешь массу разных вещей. Сомнения не должны тебя останавливать, нужно продвигаться вперед. Но в чем сейчас можно быть уверенным? Ни в чем. В этом я совершенно уверен…

– Да?

– Я думаю, что я надломлен и надорван, может быть такое? Возможно, хорошо, что я это говорю. Будет ли от этого вред?

– Ты это сам констатируешь.

– Но всё-таки нужно продолжать работать, продолжать трудиться.

Знаешь, что мне кажется прекрасным изречением? Der Gott ist Grosz, mir zu Grosz[I].

Будет ли книга[II] упоминаться регулярно? И то, что она стоит десять гульденов?

– Ты же сам своими книгами торгуешь.

– Десять гульденов за книжку в 231 страницу, в твердом переплете – это не дорого. Я должен немного помогать людям. Как торговец. Король-торговец.

Мой шурин Л., брат Мышонка, говорит: это книга о сексе. Недурно, а?

I Бог велик, слишком велик для меня *(нем.)*.

II «Язык любви».

Мышонок, Тигра и я, нас трое. И это – Бог.

– *Мышонок молод?*

– Только что двадцать пять исполнилось, он очень молодо выглядит. Можно сказать, ему девятнадцать с половиной, хм.

– *Почему?*

– Ну, просто так лучше. Или вот что: когда я его впервые увидел, ему было четырнадцать, и он на длинной веревке запускал лодочку в большом пруду. И лодочка перевернулась. И он плакал. И я его утешал. Ведь хорошо же, а?

– *Почему? Почему ты сейчас начинаешь фантазировать?*

– А так гораздо лучше.

– *Но теперь всё это чистые фантазии.*

– А почему бы мне и не пофантазировать?

Это интервью не было беседой с человеком, чья жизнь – единое целое. Это не кто-то, о котором можно сразу сказать: тут речь о том-то, а тут совершенно не о том.

Это так.

Речь идет о единственной вещи, но она глубоко скрыта и будет запрятана еще глубже.

– *О чем именно?*

– Евреи не смеют произносить этого имени.

– *Да?*

– Бог.

Закончим на этом?

Харри Мулиш

ИРОНИЧЕСКОЕ В ИРОНИИ. О СЛУЧАЕ Г.К. ВАН ХЕТ РЕВЕ[1]

Я призываю еще раз перечитать приведенную выше цитату («Теперь *отделаться бы от этой Суринамской и Кюрасао-Антильской шайки (...) Я наводил справки*»). Предполагается, что она должна быть воспринята как шутка, и ответить на нее нужно в том же духе. В моем случае это выглядит так:

Если бы Ван хет Реве вступил в связь со своим божественным ослом, и способ, к коему он прибег для свершения телесной близости, каким-то чудом принес плоды, тогда их отпрыск несомненно оказался бы мулом, *mule,* – животным, унаследовавшим наихудшие свойства Бога и Ван хет Реве. Зачатие такого мулоподобного (*mulisch*) полубога должно быть любой ценой предотвращено, ибо оно вряд ли может привести к чему-либо другому, кроме появления нового Гитлера.

Но можно воспринять текст иначе, нежели шутку, а именно как сигнал о том, что шутки Ван хет Реве – откровенный кровавый расизм (...)

...Ван хет Реве называет мою мать не еврейкой (коей она является), а «огонь-вода женщиной из Йемена»: стиль здесь – это алиби для того, чтобы сказать то, что в рамках расовой теории сказать нельзя.

Мой отец именуется «альпийским горо-горо», но это не означает ничего, кроме дальнейшей стилизации стиля. Более никакой критики в адрес моего отца, поскольку тот был ярым арийским коллаборационистом, после войны сидел в концлагере и уж определенно не был агентом Коминтерна, в отличие от его собственного. (...)

---

1 В книге «Паника невиновности» (Harry Mulish, “Paniek der onschuld”, “Het ironische van de ironie (over het geval van G. K. van het Reve)”), 1980. Публикуется с сокращениями.

Герард Реве

ОТВРАЩЕНИЕ[I]

352 Отвращение. Это – перекрывающее все остальные ощущения – чувство, которое пробуждает во мне оккупация Чехословакии русским империализмом.

Отвращение к коммунизму, к средневековью-с-телевизором, к дофеодальной системе, не способной существовать без вечной своей маршировки, пыток и казней.

Но еще большее отвращение я испытываю к подлецу, который из года в год всё это обеляет и оправдывает; который и не пикнет во время публичных судов под аплодисменты десятитысячных толп в Китае; который делает вид, что не замечает коммунистического антисемитизма и коммунистического разжигания войны на Ближнем Востоке; который осуждение двух русских писателей на пять и семь лет концлагерей[II] осмеливается ставить в один ряд с моим судебным преследованием из-за обвинения в богохульстве; который полагает, что не стоят упоминания невзгоды сотен тысяч ограбленных и обездоленных кубинских беженцев и который в своей ликующей песне Фиделю Кастро никогда не упоминает официальное число заключенных на Кубе – двадцать тысяч, что примерно в тридцать раз больше, нежели в Нидерландах, хотя, разумеется, неизвестно, нужно ли эту официальную цифру умножить на 3, 5 или 7, чтобы приблизиться к истине, или же, безопасности ради, прибавить к ней ноль; подлец, которому угодно именовать наше общество псевдодемократией, Джонсона – убийцей, а меня – махровым реакционером, и даже в нашем парламенте он считает возможным обвинять Запад в насилии русских над беззащитным чешским народом.

Но сильнейшее и глубочайшее отвращение я испытываю к руководству Партии Труда, которое, возможно, в надежде получить голоса псевдоинтеллигентной черни и распущенной молодежи, готова как в своей партии, так и за пределами ее якшаться с товарищами полицейского государства.

I «Тирада», вып. 12, № 139, сентябрь 1968 г.

II Дело Синявского и Даниэля.

Лео Рейкенс

«СЛАВА БОГУ, ЧТО Я УЕХАЛ ИЗ НИДЕРЛАНДОВ»[I]

Великий народный писатель, певец любви Герард Реве несколько месяцев назад окончательно переселился в Южную Францию. Народ Нидерландов пребывает в замешательстве относительно его будущего как писателя (последняя книга, «Я любил его», вызвала много по преимуществу негативных отзывов) и касательно его связи с католической церковью: за несколько дней до недавно прошедшего фестиваля поэзии в Кортрейке[II] он объявил, что оставляет церковь, и сам же опроверг это заявление на фестивале).

Лео Рейкенс посетил Реве в его укромном жилище[III] во Франции и обнаружил, что живущий аскетом Реве упорно работает над своей очередной книгой, каждое воскресенье исправно ходит к мессе и ломает голову, в каких бы грехах ему исповедоваться в следующий раз.

«Меня волнует, как вы станете добираться на автомобиле», предупредил меня великий народный писатель в переписке, предшествовавшей нашему интервью. Народные писатели для того и существуют, чтобы помогать людям хорошим советом: я решил всё же добираться не машиной, а Фламандским Экспрессом до Монтелимара, в окрестностях которого расположено поместье Герарда Реве.

Переполненные дороги – вещь тягостная, переполненные поезда – не менее. И уж определенно в наши времена, когда купе заняты не респектабельными семействами, держащими путь в соответственные пансионы, а набиты сонливыми, неприкаянными юнцами, чьи сваленные в кучу рюкзаки делают невозможным всякое

I Опубликовано в газете «Де Тейд» 5 сентября 1975 г.

II Kortrijk – город в бельгийской провинции Западная Фландрия. В мае 1975 г. там состоялся фестиваль «Ночь поэзии», где Реве выступил со скандальными стихами, навлекшими на него обвинения в расизме. Он был в черной рубахе, позаимствованной у устроителя фестиваля, с серебряным крестом на груди, к которому позже, по случаю прочтения стихотворения «Для нашего наследия», добавились серп, молот и свастика.

III Дом в деревне Поэт-Лаваль (не путать с Укромными Владениями в Веске).

перемещение по вагону. К сожалению, я не принадлежу к меньшинству, которое могло бы выудить какое-либо компенсационное удовольствие из туго обтягивающих бедра юношеских штанов этих хиппующих путешественников.

После злополучного рейса – вагон-ресторан в наличии имелся, но, пока я ел, был отцеплен на какой-то бельгийской станции – в понедельник, солнечным утром, я прибыл в Монтелимар. На такси я добрался до деревни, расположенной в нескольких километрах от местожительства Реве, – он порекомендовал мне там гостиницу. Мое испорченное поездкой расположение духа несколько приподняла непринужденная беседа с жизнерадостным таксистом, но я вновь раскипятился, обнаружив, что моя комната выходит окнами на гостиничный бассейн, вдоль которого разлеглись обнаженные до пояса женщины. Я, как уже было сказано, в половом аспекте принадлежу к большинству, но испытываю отвращение к разгуливающим нагишом людям и, кроме того, не люблю искусственных бассейнов.

Лишь после того, как мне притащили бутылку вина и я ее употребил, я почувствовал, что в состоянии нанести визит Великому Писателю. Для этого мне нужно было с горы, где располагалась гостиница, вновь спуститься в деревню, которую я только что проехал на такси. Непростая задача, поскольку, кроме блокнота, авторучки и магнитофона, мне предстояло отнести вниз несколько пакетов, – Реве попросил меня купить для него кое-что в Голландии, пообещав расплатиться наличными после доставки.

Владелица – кстати, великолепной – гостиницы, по происхождению из Хильверсума, любезно подвезла меня на машине к своему доброму приятелю «Герарду». Реве живет в довольно маленьком, но прочном доме у деревенской дороги, или, скорее, на окрещенной им – по его словам – и снабженной табличкой Place Gérard Rève[I].

Певец Любви открыл на мой стук собственной персоной и дружески поприветствовал меня. Последовал краткий обход дома, причем писатель прежде всего подчеркивал прочность только что положенной плитки и попросил меня не обращать внимания на сидевшего на стуле образованного – как он заверил меня – уткнувшегося в Талмуд старика, который, как выяснится позже, примерно раз в час будет оповещать о своем присутствии громкой отрыжкой.

I Площади Герарда Реве *(фр.)*.

После того как Реве, словно младенца, укутал микрофон магнитофона в шумопоглощающее одеяло, мы приступили к беседе.

Было решено прежде всего затронуть предмет Святой Матери-Церкви.

– *Вера,* – рубит Реве сплеча, – *есть сложный вопрос, и я весьма затрудняюсь четко обрисовать свою установку.*

Мне очень нелегко встать на какую-либо точку зрения в огромном противоречии – между ортодоксией с одной стороны и тем, чему угодно именовать себя новаторством, с другой. Ортодоксия истолковывает догмы буквально, другая партия – тоже буквально, однако к этому буквальному истолкованию она привязывает неприятие этих догм. Ортодоксия говорит: тот, кого мы именуем Христом и Богочеловеком, буквально восстал живым из могилы, и этой истины мы придерживаемся. Так называемые «новаторы» говорят: это не в буквальном смысле, и посему не имеет для нас никакого значения, и мы это отвергаем.

Догма: «Христос стал человеком, Он страдал, Он умер, Он восстал из мертвых» для меня – наиглубочайшая, единственная и вечная правда человеческого сердца. Но я считаю: сим текстом всё сказано. Я имею в виду: на этом изыскание заканчивается. Я отвергаю расследование в духе: что там было, в могиле? Спрашивается: что мы делаем с пустым мешком? Этот вопрос нелегитимный. Но всё же он весьма для ортодоксии важен, и посему я отвергаю как так называемую современную точку зрения, которая не знает, что делать с Воскресением, так и ортодоксальную, которая желает рассматривать это Воскресение как исторический факт. Понимаете, что я имею в виду? Речь не о том, чтобы разложить на составные части такую догму. Нельзя вытащить из воды некий организм и дать ему жить и размышлять. Он привязан к своей стихии. Так и эта догма привязана к глубочайшим слоям души: если ее оттуда извлечь, от нее ничего не останется. То есть она отказывается от рассудочного анализа и исторического восприятия.

– Стало быть, вы занимаете некую промежуточную позицию, с точки зрения которой интерпретируете ортодоксальный взгляд символически. Это мне весьма импонирует, но именно поэтому я склоняюсь к ортодоксии. Потому что она обладает тем, что – как полагают повсюду, всегда и все, – передается из века в век;

следовательно вы, например, сейчас имеете возможность интерпретировать это символически. «Новаторы» прерывают подобную буквальную передачу и взамен городят вздор – слова, которые уже для следующего поколения не будут иметь никакого смысла.

– Да, да, это правда. Ортодоксальная точка зрения имеет всего лишь организаторское, историческое и охранительное значение. Однако мне очень трудно придерживаться ортодоксальной позиции из-за личных эмоций. Хотя действительно, нередко в определенных ситуациях говоришь: да ладно, чушь какая… просто месса на латыни, как и положено…

И всё-таки я не могу принять ортодоксальную точку зрения. Я всегда страшился некоторых форм фундаментализма. Смотрите, церковь в течение долгого времени сопротивлялась, например, Просвещению, утверждая, что книга Бытия есть история. Подобная установка опасна, ибо тем самым подвергаешься нападкам со стороны тех, кто утверждает, что исторически сие неверно или недоказуемо. Между тем, если сказать, что книга Бытия есть истина религиозная и к исторической действительности отношения не имеет, то подобная опасность не страшна. Клянешься всеми святыми, что Иисус Христос был исторической фигурой – что ж, в этом нет ничего невозможного; весьма даже вероятно, что в основе – пусть и довольно смутной – этих писаний лежит действительное появление исторической личности; но если на том поставить точку и закрыть дело, позиция становится уязвимой, тогда это, по сути, не есть откровение. Суть откровения как раз в том, что оно вечно, вневременно.

– Но в таком случае вновь возникает опасность, что придешь к своего рода “perennial philosophy”[1] и тогда будешь довольствоваться определенными восточно-религиозными текстами.

У меня тоже имеются трудности с историзмом Евангелия, но я всё же принимаю его как исходный пункт, я стараюсь жить по вере в него.

– Да, что ж, я тоже совершенно не против, если скажут: вот домик Марии, его перед самым нападением турок ангелы вознесли

---

1 Вечная философия *(англ.)* – непреходящая основа всякой философии, незыблемость философских догм. Одноименная книга Олдоса Хаксли.

в небо[I] *и, обессилев, совершили промежуточную посадку на Сицилии*[II]*, и немедленно построили там святыню, дабы отметить сей факт. Это красиво и исполнено смысла, никаких возражений. Это сказка, и она бессмертна, так должно быть. Можно еще попытаться купить сена из колыбельки и где-нибудь полюбоваться пером из крыла архангела Гавриила… это очень хорошо.*

Но я нахожу, что враги этого почитания не понимают, что нечто подобное даже теми, кто поклоняется таким вещам, не истолковывается дословно. Они не понимают, что никогда до сознания не доходит вопрос: истинно это или нет? Таким вещам место не в сознании, а в глубинах души. Но сдается мне, что сии так называемые новаторы слепы к символам. Например, они не способны вдохновиться каким-нибудь текстом из Писаний – поэтическим, мистическим, нередко допускающим много толкований и порой даже двусмысленным. Посему им приходится истолковывать всё буквально, и поэтому всё должно быть осовременено.

Отсюда и вся эта шумиха о природе Христа – человеческая она или божественная, как будто в Христе всецелым и неотъемлемым образом не объединены Бог и человек. И вот опять эти макаки утверждают: «Он всего лишь человек». Разумеется, всякий имеет полное право делать подобные заявления, но это иллюзия – думать, что в таком случае они могут быть церковью. Они становятся этическим товариществом или политической партией. А Христос становится тем, с кем можно вступить в дискуссию, с кем можно соглашаться или не соглашаться, а не тем, кто говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь»[III].

Религиозный посыл всегда двусмысленен, и трагично то, что он так мало понят. Я это уже сказал в конце одной из моих популярных чудо-книг, я имею в виду «Язык любви»[IV]*. Я там говорю: «Мы идем в Церковь и спрашиваем Великую Богиню: «Когда?» И Ее прекрасное лицо трогает еле приметная улыбка, и Она отвечает: «Однажды…»*[V] *И мы, стало быть, не знаем, имеет ли этот ответ отношение к… произошло ли это уже или только должно*

I Из Назарета в Лорето.

II Правильно: в Далмации (территория современных Хорватии и Черногории).

III Иоан. 14:6.

IV В русский перевод «Языка любви» письма Реве к Кармиггелту включены не были.

V Из переписки Реве с Кармиггелтом (см. День Поминовения, 1971).

произойти. Ответ всегда двусмысленен. Я буду тем, кем Я буду, и Я стану оказывать милосердие тем, кому Я стану оказывать милосердие. Ответ – как эхо. Только потом узнаешь, что он означал.

Кстати, было бы вовсе недурно сохранить все это интервью на предмет религии. То есть не то, какого писателя я одобряю или что я думаю об уравниловке в Нидерландах. А вот о религии мне есть что сказать.

В общем, так… видите ли, эти новаторы не хотят понимать, что ничего, совершенно ничего не добьешься, если не исходишь из нескольких отправных точек, формирующих учение церкви. Привожу пример: брак, аборт и гомосексуальность.

Церковь говорит: «Брак священен: что Господь соединяет, человек разъединить не может». Это важный исходный пункт, когда двое добровольно соединяются в любови, – тогда сие есть событие, перед которым должны склоняться все силы мира. Другое дело, угоден ли Господу пожизненный брачный контракт – даже если он заключен служителем церкви – в том случае, когда женитьба проистекает из расчета, или является результатом шалости безмозглых юнцов в полутемном подъезде. Моя точка зрения такова: брак священен, но во имя этой святости он имеет право быть расторгнутым. Супружество, не являющееся более таковым, но лишь представляющее собой карикатуру на него, должно иметь право на расторжение. Именно ради святости брака.

Но ведь что говорят новаторы: ничего подобного, брак не свят, это просто туда-сюда-обратно, нечто биологическое, такой химический процесс. Нет, правда, если эти люди добьются где-то чего-то своим кваканьем – одно дело; в церкви же ничего они не добьются.

Mutatis mutandis[1]*: аборт. Никакой здравомыслящий человек не будет утверждать, что аборт – это благо. Аборт – это зло. Разве это благо – обрывать зародившуюся жизнь? С этим все должны согласиться. Те, кто считает, что аборт – это как поставить клизму или высморкаться, не вполне в своем уме.*

Другое дело, что нас всегда изображают как людей ответственных, и в определенный момент мы должны выбирать меж двух огней. Например, человеческому достоинству и уважению к женщине претит требовать, чтобы она дала жизнь плоду, завязавшемуся в ней в результате насилия. Когда на этом настаива-

---

1 С заменой того, что подлежит замене *(лат.)*.

ет Гейсен[I]*, это ненормально, это извращение. Вот что я думаю об аборте.*

И есть еще много пунктов, по которым я хотел бы сказать новаторам: встаньте у основания точки зрения церкви, интерпретируйте ее по-человечески, и в конце концов аборт при соответствующих обстоятельствах будет разрешен и брак расторжим. (Внезапно разъяряется)*: Но чисто ортодоксальная точка зрения иногда бывает бесчеловечна, ей-богу. Когда видишь, что женщину доводят до умопомешательства, потому что муж, латентный гомосексуалист, никогда не уважал ее и не проявлял к ней интереса, и напирают на нее: мол, брак нерасторжим, – я считаю, что это чудовищно. Кстати, если выложишь кругленькую сумму в Риме, или ты – владыка суши и морей – да пожалуйста, церковь твой брак расторгнет. Они тогда там, в Риме, придумают, что невеста свои достоинства перечисляла сотнями, а на самом деле оказалась ноль без палочки. Это тоже безнравственно.*

Между прочим, я бы хотел кое-что сказать о пренебрежении церкви к женщине. Я придерживаюсь мнения, что настало самое время положить конец этому пренебрежению. Но когда слышишь, что некто вроде Алфринка[II] *на просьбу назначить на пост, на должность в церковь, женщину, отвечает: «Нужно сначала посмотреть, что об этом говорит Святое Писание...» Как будто их когда-нибудь хоть чуть Святое Писание волновало. И тогда такой вот Алфринк говорит: «Нет, я против женщин ничего не имею». Знаете, я полагаю, что презрение к женщине никогда столь ярко не выражалось, как этими словами: я не имею ничего против женщин.*

Не знаю, упомянете ли вы это в вашей популярной чудо-газете, но я определенно Алфринку не товарищ. Я никогда не слышал, чтобы он сказал хоть что-то заслуживающее внимание более чем на пару секунд. И я убежден – доказать этого я не могу и не смогу никогда, но в глубине души знаю – что Симонис[III] *и Гейсен были назначены на свои посты по его предложению.*

Но теперь я хочу привести еще один пример ничтожной деятельности так называемых новаторов. Я говорил о необхо-

---

I Joannes Mathijs (Jo) Gijsen (1932–2013) – католический епископ и историк церкви, ярый противник абортов.

II Bernardus Johannes Alfrink (1900–1987) – кардинал.

III Adrianus Johannes Simonis (1931) – кардинал.

димости встать на точку зрения церкви, или по крайней мере не отходить от знакомой и проверенной. Знаете, когда Павел приходит в Афины, он не говорит: всё это идолопоклонничество, все статуи – на помойку. Нет, он говорит: «Я нашел жертвенник, на котором написано: «Неведомому Богу», и единственное, для чего я пришел сюда, это говорить с вами об этом Боге, которому вы уже очевидно поклоняетесь, еще не узнав его»[I]. Видите, какая практичная политика.

Как-то лет семь-восемь назад Высшая Теологическая Школа в Херлене[II] собрала симпозиум на предмет мужской любви, о гомосексуализме. Некоторых участников попросили выступить: д-ра Тримбоса[III], одного специалиста в области нравственного богословия[IV], меня и еще какого-то члена правления профсоюза гомосексуалистов (COC)[V]. Ах, имя не играет роли, однако мне помнится, что звали ее Йокус Вибел[VI] – невероятно много работы она провернула, да.

Ну так вот, начался конгресс, несколько человек произнесли вступительное слово, пошли дебаты, и я сказал этой девице, представительнице общества гомосексуалистов – ума палата у нее, только вот она не знает, куда его приложить, – я ей говорю: «Смотрите, мы имеем дело с церковью в 500 миллионов человек по номиналу, и эта церковь всё еще отстаивает нерасторжимость брака и объявляет всякое внебрачное половое сношение греховным и нечистым. Де-юре, по крайней мере, поскольку церковь знает таких людей и на практике это более-менее допустимо. Но нужно, стало быть, обдумать, какую точку зрения имеет церковь.

Когда защищаешь гомосексуальную любовь, – сказал я этой девице, – нужно ссылаться на родственное, нужно говорить: вот здесь двое одного пола, которые хотят идти по жизни вместе, де-

---

I Ср.: «Сего-то Бога, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:23).

II Heerlen – город и община на юго-востоке Лимбурга.

III Cornelis Johannes Baptist Joseph (Kees) Trimbos (1920–1988) – психиатр.

IV Нравственное богословие (моральная теология) – богословская дисциплина, излагающая учение о нравственности, нормах морали. В христианстве нравственное богословие излагает и обосновывает нормы христианской этики.

V COC Netherlands («Cultuur en Ontspannings-Centrum» – «Центр культуры и отдыха») – старейшая в мире ЛГБТ-организация, основанная в 1946 г. Аббревиатура «COC» первоначально была задумана как нейтрально звучащее прикрытие для реально работавшей организации геев и лесбиянок.

VI Имеется в виду Joke Swiebel (1941) – член Европейского парламента, в то время член правления COC. Реве описывает реальный случай.

лить друг с другом радости и печали, и эти люди желают, чтобы тем или иным образом это желание было признано, или по крайней мере к нему относились терпимо. Не исключено, что точка зрения будет настолько толерантной, что церковь скажет: да, это лучше, чем блядовать направо-налево, лучше, чем проституция, мы готовы занять осмотрительную позицию и одобрить подобное обязательство и, как знать, оказывать сакральную поддержку. Мы, возможно, готовы на то, чтобы – на весьма определенных условиях – благословлять или освящать обручальные кольца. Всё это звучит ужасно по-мещански, но для многих людей такие вещи чрезвычайно важны, и таким образом они, по крайней мере, могут оградить себя от толпы.

И что же делает барышня, когда ей предоставляют слово? Она говорит: «Совершенно не очевидно в наши времена, когда мы ниспровергаем столько святынь, что прочная связь двух человек должна быть таким уж большим идеалом». Ну, она, конечно, не столь дословно выразилась, хотя в сущности имела в виду следующее: почему нельзя сегодня с одним, завтра с другим? Почему бы не втроем или вчетвером, друг на друге, понимаете?

Ничего эта Йокус Вибел своей трепотней не добилась. Лучше бы СОС эту дамочку вообще на конгресс не посылал. И вот думаешь: ну да, вас бы тоже насмерть дубинками забить, ничего лучшего вы не заслуживаете. Члены правления этого союза именуют меня пуританином и викторианцем. Мне до лампочки. Для одного я пуританин, для другого фашист, еще для кого-то вольнодумец, гедонист, мерзавец, язычник и извращенец.

Мы живем в ужасное время. Табу со слова «сексуальность» снято: приличные дамские журналы пестрят статьями о том, как нужно это делать, и что лучше, колечко или спиралька, и как добиться, чтобы у него встало, и как ему то и как ему сё, и в какой позе, да ко всему еще и с картинками, до тошноты. Но мои книги подвергаются поношению. А почему? Да потому, что я пишу не о сексе, а о любви. Кто внимательно читает, тот видит, что в моих книгах говорится вовсе не о гомосексуальности, а о любви, о тайне любви, о нехватке человеческой любви, о героизме любви, которая порой приближается к божественной. И всё это в наши времена считается табу. И это причина, по которой меня в наши времена распинают за идолопоклонничество.

Реве предлагает прерваться на обед. Он накрывает стол, и в качестве подложки я получаю обратную сторону наклеенного на картон свидетельства о присуждении ему рыцарской степени ордена Оранских-Нассау (он же, в свою очередь, во время нашего интервью использует изображение св. Герарда Маеллы[I] над своим письменным столом, чтобы закрепить одеяло, в которое укутан микрофончик магнитофона).

За столом Реве выражает удовлетворение своим французским жилищем.

– Я очень доволен этим домом, ей-богу. Здесь я – уважаемый гражданин, мне никто не мешает, в дверь не стучат, в дом не ломятся. Во Франции это не принято, они и не ожидают, что их пригласят войти.

Вся деревня просто очень довольна, что в ней поселился писатель, такой приятный человек, который обожает животных и к тому же личный друг королевы. Человек, который много пережил и за свое человеколюбие несколько лет провел в заключении, и, в конце концов, получил помилование от ее величества.

Он показывает мне статью из местной *Dauphiné Libéré* с заголовком: “Grand écrivain, longtemps poète maudit”[II].

– Эта вырезка тут у всех дома в буфете лежит. Когда я прихожу, они достают ее из ящика и показывают мне. Oui, c’est moi[III]*, говорю я тогда. Они всё никак не могут поверить, что это я. Кто-то, о котором пишут в газетах, и живет среди них как ни в чем не бывало. Среди нас живет, во плоти. Потрясающе.*

I Gerard Majella (1726–1755) – итальянский конверз Конгрегации Святейшего Искупителя (редемптористов), провозглашенный святым католической церковью. Конверз (Светский брат) – в западном монашестве лицо, принадлежащее к монашескому ордену и живущее в монастыре, но принимающее на себя только часть монашеских обетов и занятое, главным образом, физической работой.

II Jean Durand, «Retiré a Poët Laval (Drôme): Le grand écrivain hollandais Gérard Rêve, longtemps poète maudit vient d’être réhabilité par la Reine Juliana». (Удалившийся в Поэт-Лаваль (Дром): Выдающийся голландский писатель Герард Реве, с давней репутацией “проклятого поэта”, только что реабилитирован королевой Юлианой *(фр.))*. Le Dauphiné Libéré, 5 июня 1974.

III Да, это я *(фр.)*.

Что до меня, я бы тут до конца жизни остался. Здесь у меня покой и относительный комфорт, которые мне необходимы для работы. Это – единственное, чего я еще хочу, – спокойно писать книги.

Когда укромные владения на горе́ через три-четыре месяца будут готовы, я смогу практически не отрываться от работы. Я смогу переезжать туда на лето и, если захочется, проводить там часть зимы. Очень красивый, маленький, славный домик. Вид на триста метров вдаль. Очень трудно добираться. Если машиной – все эти триста метров петлять наверх. Дорога идет вдоль обрывов глубиной в восемьдесят метров – без балюстрад.

Я живу очень просто. Каждый день стряпаю картошку, готовлю овощной салат, или же варю овощи вместе с картошкой, съедаю кусок сыра, яйцо, немного копченого или жареного мяса, апельсин, и всё. И кучу чеснока. Рано ложусь, рано встаю. А дальше как Бог на душу положит. Естественно, по воскресеньям к службе, здесь, в деревне.

В сущности, мне бы надо разок исповедоваться, но я не знаю, в чем. Я совершенно не делаю ничего дурного. Я, вообще говоря, в своем роде святой. Но для проформы всё же надо бы. Да уж, какое там теперь зло. Из сокровищницы собственного разума я обогащаю мой народ и тем самым, пусть не прямо, всё человечество.

Но всё же да, я придумаю, в чем покаяться. Нечистые помыслы, что-нибудь этакое. Я попрошу священника: если тебе на исповеди молодые люди рассказывают, что у них имеются безумные, грешные мысли, что они хотели бы, чтобы мужчина, постарше такой мужчина, милый… ужасно милый мужчина, чтобы он с ними всякие штучки проделывал, присылай их ко мне.

– В таком случае можешь прямо сейчас идти каяться.

– Как в истории из «Декамерона» – о святом отце, который был сердит на молодого человека, не покаявшегося в том, что он влез в сад к соседке, забрался на дерево и, в конце концов, через окно проник к ней и обесчестил ее. Молодой человек яростно отрицает свою вину, но тут его внезапно осеняет. Дама уже приходила к святому отцу жаловаться, и теперь молодому человеку сделалось понятно, как к ней пробраться. Восхитительная история[1]*. Блеск, вот тогда чувствуешь: черт возьми, на что-то и эта церковь годится.*

---

1 Ср. «Декамерон», день 3, история 3.

Перекусив, мы вновь усаживаемся возле магнитофона.

– *Опять о религии будем?* – спрашивает Реве своим приятным замогильным голосом.

– Вы верите в жизнь после смерти?

– *Я полагаю продолжение гораздо более вероятным, нежели обрыв в бесконечное ничто. Я, вообще-то, верю, что как-то это всё не прекращается. Но, разумеется, мы об этом ничего не знаем. (*Он приводит свой излюбленный аргумент, что «оттуда» никто еще открыток не присылал*).*

Хотя бывало, что мне являлись мертвецы – по крайней мере, их можно так назвать. Но если хочешь посмотреть на это с другой стороны, тогда говоришь: да ладно, это тебе приснилось, а сны – обман, и галлюцинации тоже обман. Но случалось, что покойники являлись мне с такой отчетливостью, я ощущал это так ярко, что могу сказать: да, мертвые где-то есть и при определенных обстоятельствах могут заявить о своем существовании. Я постепенно додумался: почему я должен категорически и фанатично отвергать определенное объяснение определенных моих переживаний? Отчего я должен как-то иначе называть опыт, который всегда именуют божественным? И почему я не могу называть Богом то, что всегда так называлось? Или наитием, ниспосланным Святым Духом? Господи, да почему это должно быть запрещено? Даже если сомнения останутся? Почему я должен заранее говорить, что это не так? Я считаю, что это явный фанатизм тех, кто исключительно точно знает, что биологическая смерть есть безвозвратный конец всего. Я считаю, что это аксиома. Я считаю, что это в той же степени аксиоматично и деспотично, как и те, кто утверждает: всё относительно. Это тоже аксиома. Причем они в любом случае саму эту фразу относительной не полагают.

Существует спасение и вечная жизнь. Но если спросят: что такое вечная жизнь, я точного ответа дать не смогу. Я ощущаю это как некую жизнь за *этой жизнью. Не столько существующую во времени* после *этой жизни, но гораздо в более широком смысле: некая всеобъемлющаящая жизнь, лежащая перед, над, после и под этой жизнью. И жизнь земная – ее трактовка. И посему земная жизнь также священна, ибо она есть истолкование большей жиз-*

ни, набросок жизни вечной. Но опять: вечная жизнь после смерти – это непрестанное продолжение настоящего? На этот вопрос нет ответа. И насколько желанна подобная расстановка? Вот вопрос. Таково видение Герарда Реве. Ну, и далее: смерть рабочим, да здравствует капитализм.

– После того, как вы изложили ваши воззрения на религию гораздо более определенно, нежели от вас, как правило, можно ожидать, не могли бы вы чуть спокойнее и рациональнее прояснить ваше кредо?

– Ну, смотрите, – средние века можно в расчет не брать – в те времена искусство было вопросом гильдий и, вообще говоря, ремесленничества – в наше время искусство создает буржуазия. И она же ему покровительствует. Рабочий класс еще ничего никогда не создал. Я еще никогда не видел ни одной рабоче-крестьянской пьесы, никогда не встречал пролетарского искусства. И так называемое пролетарское искусство первых лет русской революции было создано буржуазными отпрысками. Нет, презрения к буржуазии я не разделяю.

Буржуазия создала также и рабочих вождей. Мало или вовсе нет таких рабочих, которых волновала бы судьба трудящихся. Ленин был родом из мелких дворян, Маркс – из мещан, Энгельс – миллионер и так далее. И художник тоже буржуазен. Он вкладывает свои деньги в искусство. Рабочий – нет. Он совершенно не интересуется искусством, – вот разбить или разломать что-нибудь, это за милую душу. Рабочий желает низменной потехи. И жрать от пуза. И телерадиопрограммы – якобы предназначенные для трудящихся, с этими пошляками Дорусами[1] и куплетами из шести слов – идут навстречу желанию рабочего быть тупицей и по возможности стать идиотом.

– Существуют оптимистически настроенные люди, заявляющие, что это только фаза, которую рабочий класс должен пройти. Через несколько поколений за повышением материального уровня жизни наступит также и пора духовного возвышения.

---

1 Antoon (Tom) Manders (1921–1972) – нидерландский комик, кабаретье и художник, известный также как Dorus.

– Да, такие люди есть. Но образование нивелируется, становится бессвязным. Новое поколение ничему не учится. Они думают, что можно приобрести знания без труда. Но это нелепо, думать, что можно что-то усвоить, не напрягаясь и не отказываясь от удобства и удовольствий. Мне больше не попадаются люди младше двадцати пяти, владеющие иностранным языком, какое бы образование они не получили. Я больше не встречаю молодых людей, способных осилить книгу на французском, немецком или английском. И не получаю ни одного письма от людей моложе тридцати, которое не кишело бы стилистическими и грамматическими ошибками.

С одной стороны, в этом есть некое умиротворение. Ведь у меня, как у писателя, на нидерландском рынке два-три конкурента; в сущности, два. Оба совершенно исписались. Херманс заплутал в бессмысленной полемике, а Херри Мулис[1] пишет какую-то чушь. А молодежи мне страшиться нечего. Чтобы меня через десяток лет спихнул с дороги кто-то, кому сейчас двадцать-двадцать пять, – этому не бывать. Не подрастает больше таких, кто мог бы сравниться со мной в отношении эрудиции и стилистических изысков. Нет таких. Ни у кого больше хватает усидчивости и воли отказаться от чего-то: от граммофонных пластинок, от телевизора, не курить, запретить себе то и это, чтобы закончить работу. Такого больше не существует.

Впрочем, насчет моих конкурентов, вообще-то, это неправда. Литература неделима: когда такой-то и такой-то хорошо продается, я тоже хорошо продаюсь. Но это в сторону.

Моя слава и известность будут расти и расти – как и мое одиночество. В буквальном смысле и в том, что касается моей позиции в искусстве.

Мне также придется всё критичнее подходить к качеству собственных рукописей, прежде чем отдавать их в печать. Больше не осталось никого, кто мог бы их оценить. В сущности, и не было никого. Издатели рвут книги у тебя из рук. Это опасно.

«Я любил его» не есть крупное и непреходящее наследие западноевропейской культуры. Это славная публикация, обладающая определенной документальной ценностью. Она имеет свой шарм, но структуры в ней мало. Вторая половина, по сути дела, только сейчас завершена. Но я продал книгу еще до того, как издатель ее прочел.

---

1 Харри Мулиш.

Моя новая книга, «Циркач», вот она грандиозная. На уровне лучшего из «Ближе к тебе» и лучшего из «Милых мальчиков». Автобиографические фрагменты выдерживают планку лучшего из «Вертера Ниланда». Совершенно изумительная композиция, нарастающее напряжение, и никакой воды. Я сильно ошибусь, если она не будет иметь огромного успеха. В ней, вообще-то, два уровня. С одной стороны, амбициозно, а с другой – совершенно доступно для кухарок и домохозяек. Это смесь лучшего из «Милых мальчиков» и «Ближе к тебе» и… ну да, не сказать чтобы Курт-Малер[I]*, но я не знаю, читали ли вы Райдера Хаггарда*[II]*, «Копи царя Соломона» и «Она». Потрясающий писатель, я считаю, его сейчас заново открывают. Я у него многому научился.*

– Знакомы ли вам книги Ивлина Во?

– Нет, только “The Loved One”[III]*; я бы не сказал, что потрясающе. Раньше, в мой антипапистский период, я испытывал чудовищное отвращение к католическим прозелитам. Если ты католик, это еще понятно, считал я. Раз на большее ума не хватает. Но когда, черт побери, прилично образованный человек становится католиком… Фредерик-то ван Эден*[IV] *впал, разумеется, в маразм к тому времени, как принял католичество, но этот Ивлин Во, он же молод тогда еще был. Я, стало быть, подумал, зачем мне его читать, человека, который в середине жизненного пути уже головой поехал и обратился в католическую веру. И Грэма Грина я тоже не любитель. По другим причинам. У меня создавалось впечатление, что Грин размазывает по своим книгам некий католический взгляд на жизнь, литрами льет. Католическое искусство, я считаю… искусство есть искусство.*

А вот мою новую книгу – она, Deo Volente, выйдет ко дню Поминовения, 2 ноября будущего года – ждет огромный успех. Конечно, там будет полно благочестивого китча, паломничества и всякого

I Hedwig Courths-Mahler (1867–1950) – немецкая писательница.

II Henry Rider Haggard (1856–1925) – английский писатель, классик приключенческой литературы.

III «Незабвенная» *(англ.)*.

IV Frederik Willem van Eeden (1860–1932) – прозаик и поэт, врач-психиатр. Через три года после принятия католичества у него появились признаки психического расстройства.

такого. И повествование о моих юношеских годах, когда я еще был водителем грузовика[1], а не журналистом и писателем. И о первом любовном опыте с девушкой. На все вкусы. Эти три главы насыщены такой похотью, – директора «Элсевира» прямо залихорадило. Недурно, а?

– Вернемся еще раз к рабочим и капиталистам. Однако перейдем к этому с помощью литературы: когда читаешь «Вечера», складывается впечатление, что вы с самого начала были настолько аполитичным и, если верить левым, настолько «правым», что, с точки зрения темперамента, вы концентрируете внимание в первую очередь на трагизме жизни. И он, несмотря на улучшение экономических обстоятельств, не исчезает.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Но я сызмальства социалист и поборник социальной справедливости.

– Ну да, таковыми были ваши родители.

– И я тоже, и ничего не изменилось. Я настолько не пессимист, что верю: общество изменится в лучшую сторону, пусть не сегодня и не завтра. Оно уже за последние пятьдесят лет в огромной степени улучшилось. Эти мерзейшие условия, в которых жил рабочий класс – ютились в свинарниках, ежегодно гроб за дверь и всякое такое – к счастью, этого больше нет, и это ценное завоевание.

Другое дело, конечно, что фундаментальная проблема, заключающаяся в том, что человеческое существование есть трагическая драма, человек сам себя спасти не может, и в конце концов ему не от кого ждать спасения, кроме как от Господа – эта проблема неразрешима. Но я не разделяю точку зрения некоторых ортодоксов, утверждающих, мол как прекрасно, что люди питаются одной картошкой и всё же они так счастливы своей простой долей. Я считаю, что нет необходимости человеку жить в тяжкой нужде, тогда как можно жить иначе. Но то, что благосостояние вновь влечет за собой прискорбные последствия, что благодаря этому перед человеком внезапно встает вопрос: для чего я, в сущности, живу – это, я считаю, хорошо. Это – человеческое и в согласии с человеческим достоинством.

---

1 Водителем грузовика был не Реве, а герой романа «Циркач».

– Разумеется, существует другая проблема нашего времени – отпадение всевластвующей центральной мысли и морали, подобной той, что существовала в средние века, когда церковь распоряжалась жизнями. Пусть даже в действительности, возможно, и не в той мере, как принято думать.

– О да, я верю, что была центральная мысль. Существенное отличие нашего плюралистичного времени в том, что центральная мораль, которая говорит, что нехорошо воровать, нарушать слово и убивать – более не всевластна. Это просто прошло. Придет, скажем, журналист, наврет с три короба, чтобы заполучить фото или разъяснение, заранее зная, что слова своего не сдержит. И эти, с ВПРО, приезжают в Кортрейк; у организационного комитета поэтического фестиваля денег мало, и я говорю: мне самому не надо, но в кассе должна быть тысяча гульденов от ВПРО. И они бумагу подписывают, отлично при этом зная, что никакой тысячи гульденов они не заплатят, поскольку судиться с ними никто не будет.

Или я говорю в интервью: я хочу, чтобы там было то и это. «Да, сделаем», говорят они; ну да, ничего подобного. Меня посвящают в рыцари Оранских-Нассау, является ВПРО с репортером, и тот вопрошает: «Что вы имели в виду, когда в благодарственном слове сказали, что пять-десять лет назад подобное было бы невообразимо, и что, возможно, через пять-десять лет вновь будет невообразимо?» Я говорю: «Сегодня такой, как я, может получить рыцарскую степень, но когда марксисты придут к власти – если красные в самом деле захватят власть – тогда подобные мне рыцарскую степень получать более не будут. Ибо на Кубе нас, гомосексуалистов, искоренили, и в России тоже». И получается, что свое мнение через ВПРО высказать можно, но это мнение нельзя аргументировать фактически. Приведешь факт, они его вычеркнут. И это высказывание насчет Кубы тоже вычеркнули. И ведь клянутся, что всё это будет включено в интервью.

Да уж, я всегда терплю, а надо бы их аппарат за четыре тысячи гульденов из окна вышвырнуть, и этих следом, если не успеют ноги сделать. Ну что ж, посмотрим. Всё равно война будет.

– Будет война?

– Не знаю. Но если говорить об обществе… Можно таким образом обобщить: у большинства – или, в сущности, почти ни у кого – нет собственной морали; у них мораль общественная, которую им насаждает consensus omnium[1]. Лишь крошечное меньшинство имеет собственную мораль. Раздели общество на части – будет плюралистичное общество и никакой общественной морали, и человек останется беспомощен и лишен морали. И это – причина всего того, что сейчас происходит: гигантская подростковая преступность, насилие и тому подобное.

– Но, опять-таки, существуют оптимисты, которые говорят: всеобщей морали приходит конец, человеку наступает время повзрослеть и обрести собственную мораль. Хотя, разумеется, вопрос в том, переживем ли мы этот хаос.

– Разумеется, в эти смутные времена выкристаллизовывается новое единство. Но я боюсь, что это будет единством Святого Карла. Маркса. Одна радиопрограмма, одна газета, один святой ленинский мавзолей. Ну да ладно, всё равно не доживу. Мое дело – книги писать. Чем я и занимаюсь. Но если у меня спрашивают мнение, я его высказываю. Многие добросовестные, приличные люди из «левых», увы, этой опасности не замечают. Не видят, что марксисты готовятся устроить такой террор, по сравнению с которым гитлеровский режим был либеральным правительством.

Но опять-таки, я – за социальное законодательство и совершенно не против высоких и прогрессивных налогов, которые будут несколько нивелировать доходы. Это большое благо, это по-христиански. Но это не должно вылиться в пустые слова, как сейчас в Нидерландах, где промышленность и торговля медленно, но верно уничтожаются. Потому что это процесс необратимый. Этого еще не случилось, но это происходит. (…) По закону инерции заграница думает, что Нидерланды – экономически крепкая страна. Но если бы там узнали правду, весь интернациональный капитал в три месяца был бы из Нидерландов отозван. Если бы Америка в действительности знала, какая в Нидерландах заваривается каша, капитала бы только и видели, и Нидерландам, вероятно,

---

1 Единогласие *(лат.)*.

пришлось бы возводить вокруг него нечто вроде Берлинской стены – чем они, кстати, сейчас и заняты[1].

– Развал экономики будет только приветствоваться крайне-левыми с их пауперистскими настроениями.

– Да они все спятили. Посмотрите, что они вытворяют в слаборазвитых странах, эти движения: устраивают пожары и взрывают четыре сотни метров железнодорожной линии. Такой стране нужны две вещи: капитал и обучение, в глобальном смысле. Капитал нужно привлекать зарубежный и для этого предлагать интересные в налоговом отношении условия. И тогда через пару поколений можно сказать: послушайте, не всё, что вы в этой стране зарабатываете, можно из нее вывозить. Мы требуем, чтобы вы, например, 25 процентов реинвестировали. Это было бы разумным поступком со стороны д-ра Альенде в Чили. Ибо кто осуществил возможность разработки медных копей? Не чилийцы, а американцы со своей кучей бабла. И если заявить: я экспроприирую это без возмещения, – каждый вывезет свои деньги из страны, и страна будет обречена на гибель. Но если сказать: послушайте, мы находим, что вы несоразмерно много вывозите из страны по сравнению с тем, сколько в нее вкладываете, и мы требуем, чтобы вы реинвестировали значительную часть этих денег, – тогда страна не потеряет привлекательности для заграницы. Но что делает этот придурок Альенде? Всё экспроприирует, всё.

А что касается обучения, слаборазвитые страны нуждаются в технической подготовке. Но что они получают на деле: красные брошюрки, Фридриха Энгельса, «Антидюринг» и тому подобное. Что им с этого проку.

Ах, всё это так ужасно неразумно. Взрывать мосты, изгонять капитал…

– Может ли быть такое, что эти левые часто действуют из склонности к широким героическим жестам?

– Да, это сама по себе отдельная глава, – их мотивы. И не докажешь, что это клиника, нечто из области психиатрии. Недоказуемо. Разумеется, за этими человекоспасительными движениями

1 Последняя крупная реконструкция Берлинской стены производилась в 1975 г.

стоят совершенно иные, скрытые побуждения. Недостаточность творческого начала, например. Вот смотрите, очень многих людей искусства притягивает коммунизм. Отчего? Оттого, что тому, кто не способен писать или рисовать, тоталитарная власть, запрещающая писать и рисовать и оказывающая предпочтение скверному, дешевому запрограммированному искусству, разумеется, гораздо милее. Почему Харри Мулиш за коммунизм? Потому что ему нечего сказать, потому, что он исписался. Почему Ян Волкерс за коммунизм? Потому что в его таланте отсутствует глубина, потому что он может писать только об удовлетворении инстинкта, член-пизда-ебаться. Для массы, которая настоящую книгу осилить не может и потому покупает эту. Понятно, что парень – коммунист. Но если ты истинный художник, которому есть что сказать, если ты действительно талант – каковым я смею себя считать – ты не можешь быть коммунистом, не можешь быть атеистом. Тогда видишь, что мир гораздо огромнее и необъятнее.

А знаете, было бы славно, если бы это интервью как-то совпало с появлением моей новой книги. Я же вроде говорил, что она Deo Volente ко дню Поминовения выйдет, 2 ноября будущего года? Это в самом деле выдающаяся книга; мне даже страшно, что такого уровня я больше никогда не достигну. Она делает излишним существование всех других книг, кроме Писания и телефонного справочника. Хорошее ведь название, «Циркач»? Название очень важно. Надеюсь, что заработаю на ней огромную сумму, что смогу немного подождать. А потом быстро-быстро вывезти из Нидерландов все свои деньги и пожитки. Пока не поздно. Sauve qui peut[1]*. Лучше уже всё с собой уволочь, чем в Нидерландах оставлять. Лучше уж во Франции в Почтовый Сбербанк положить. Или вложить во французские облигации. Если вкладывать в нидерландские, их через десять лет отнимут. Просто скажут: каждый обязан сдать три четверти от стоимости бумаг. Здесь трудно представить себе подобное. Я имею в виду, в Нидерландах говорят: отключи свое старое отопление на жидком топливе, перейди на газ, это дешевле. Лимерики на каждой станции, афиши и так далее. Народ переходит на газовое отопление, и тут нидерландское правительство вздувает цены в три-четыре раза. У них там свои люди, они знают, что дело вспять не повернешь. Понимаешь, да? Просто надувательство. То, чего ни один приличный частный предприниматель никогда бы сде-*

1 Спасайся, кто может *(фр.)*.

лать не осмелился. А нидерландское правительство делает.

Это социалистическое, атеистическое правительство. Однако они признают святость Дня Седьмого[1]. Только длится для них воскресенье – с вечера пятницы до полудня понедельника. Почта закрыта, телеграф закрыт. Сто тысяч человек безработной молодежи, но никто из этих безработных не будет посылать телеграммы в субботу или воскресенье.

Слава Богу, что я уехал из Нидерландов. Кабы от меня зависело, ноги моей там больше не было бы. Я связан с ними лингвистически, то есть там издаются мои книги, и это такой же язык, как и любой другой. Но лучше помереть, чем быть нидерландцем. По крайней мере, быть нидерландцем не так уж страшно, но при этом еще и жить в Нидерландах…

На Нидерландах лежит проклятие… что ничего не может быть хорошо, ничего путного не выходит. Нидерландское законодательство целиком составлено так, чтобы чинить неприятности людям, чтобы превратить их жизнь в вечный кавардак.

Я после войны женился на еврейке, Ханни Михаэлис, – она родилась в Нидерландах; отец ее был немецкий еврей, мать – голландская еврейка. Но по нидерландским законам после войны Ханни, как «субъект враждебного государства», нидерландского гражданства путем брака со мной не получила. Нидерландское правительство выдало ей иностранный паспорт. Когда мы с ней ездили отдыхать, я должен был представлять свидетельство о том, что у нее имеется приглашение из-за рубежа. А заявление типа: «Это моя жена, и она едет со мной отдыхать» силы не имело. Я всё еще сожалею, что тому субчику в амстердамской ратуше башку не оторвал. А нынче в Амстердаме красное правительство.

Вот так я об этом думаю. И ведь я не реакционер, считающий, что должны вернуться старые времена. Я буду платить налоги, я буду платить большие налоги, я буду платить прогрессивные налоги. Но это совсем другое, нежели отнимать у человека последние гроши путем умышленно вызванной инфляции. Это не социальная справедливость; это – воровство. Крупных капиталистов она не задевает – те умеют манипулировать своими деньгами и переправлять их за границу. Нет, жертвами становятся рабочие и мелкие лавочники, которые всю жизнь копили на старость, и вот

---

1 См.: «И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал». (Быт. 263).

один прекрасный день они видят, что все их деньги из-за инфляции вылетели в трубу. Это не имеет ничего общего с социализмом, это чистый террор. Что касается меня, кесарево кесарю я отдам, но от некесарева руки прочь. От моих кровных, в любом случае.

Да, если бы моя мать дожила до этого. Еще до того, как в «Элсевире» прочли мою книгу «Я любил его», я уже сподобился получить 50 000 гульденов задатка. «О да, хорошо, г-н Реве». И если бы, черт побери, гульдены еще что-то значили, если бы у нас оставалась Индия, когда деньги еще были деньгами, черт возьми, неплохо было бы, а? У меня тогда были бы верховые лошади, и огненно-красные спортивные машины, и кокотки, и белые рабыни, всё что хочешь. Кальяны, гаремы. Роскошные нелетающие птицы, сады с прекрасными статуями. Мать честная. Каждый день – воскресенье, именины сердца и суп с золотыми фрикадельками. Этого уже не вернуть. Хорошо всё записалось, как вы думаете? Вернемся еще разок к религии?

– Превосходно. Но могу ли я попросить что-нибудь выпить?

– Чуть позже, сначала покончим с интервью.

– А сами вы совсем больше не пьете?

– Практически нет, бросил. Общими усилиями Матери Божией и таблеток «Рефьюзал»[I]. В 1966 я совершил паломничество в Хейло[II], к святилищу Богородицы, и сказал тогда: «Если Ты сможешь свершить то, что не под силу было ни врачу, ни другу, ни психиатру, никому, если Ты сможешь отвадить меня от бутылки – Ты, как бы то ни было, на что-то годишься». С того дня я больше к крепкому не прикасался. Никогда ничего крепче 10 процентов. Это было славное начало. Потом я разок съездил в Лурд, и там сказал… разумеется, я долго думал, что пообещать, потому что придется держать слово, в противном случае лучше сразу повеситься. Я сказал: «Владычица, я буду соблюдать чрезвычайнейшую умеренность». Слава Богу, я не пообещал полнейшего воздержания. Чрезвычайнейшая

I Disulfiram — лекарственный препарат, применяемый при лечении алкоголизма, известный в продаже под названием Refusal или Antabus.

II Heiloo — город и община в провинции Северная Голландия, к северо-западу от Амстердама.

умеренность – это всё же понятие растяжимое, оно дает определенную католическую свободу. И вот я больше не пью. Месяца два назад я время от времени выпивал бутылку-другую вина вечером, чтобы забыться. Но постепенно стал замечать, что мне от него становится хуже. Плохо становится. Головная боль, сыпь, зуд. Я отвык от вкуса, вот что. Но давайте еще поговорим о религии.

– Вы где-то писали, что в вашей семье нельзя обнаружить ни одного католика. Но ведь вы происходите из католической твентской[I] семьи.

– Да, мои предки еще были католиками. Но дедушка Реве, старый Реве, так сказать, тот порвал с церковью и сделался социалистом, последователем Домелы Ньивенхауса[II]. В те времена это было смелым шагом для бедного текстильщика. Тем самым ведь отказываешься от поддержки церкви – я имею в виду: деревянные башмаки, уголь и картофель, которыми снабжала церковь. Это весьма достойный шаг. Так же, как и мое вступление в церковь было актом веры – благодаря чему я навлек на себя издевки и поношения со стороны моего прежнего окружения – так и выход из церкви моего деда был актом веры. Я считаю: если у тебя на эти вещи другой взгляд, то попросту глаза у тебя говенные; глядишь, так не смотришь, а смотришь, так не видишь.

Но сам я, по сути дела, всегда был католиком. Существуют различные католические догмы, которые я сформулировал еще до того, как где-то их вычитал.

Когда я вступил в контакт с церковью, я узнал себя в различных вещах и заметил, что они плодотворно и целительно влияют на мое писательство. Я тогда подумал: надо вступать, иначе ты только извлекаешь выгоду, это не честно. Ведь тогда скажут: этот человек не с нами, что у нас с ним общего? Хотя это, в сущности, неправда, потому что в католической церкви новообращенного можно по стенке размазать, а человек внецерковный – тот куда интереснее. Я имею в виду: все католические газеты предпочитают иметь в штате некатолических журналистов.

I Twente – историко-географический район на востоке Нидерландов.

II Ferdinand Jacobus Domela Nieuwenhuis (1846–1919) – первый выдающийся нидерландский социалист. Лютеранский священник, потерявший веру, он начал политическую борьбу за права рабочих. Первый социалист в парламенте Нидерландов.

Нет, ей-богу, мир перевернулся.

Непрерывный зуммер извещает о том, что пленка закончилась, и почти одновременно с этим появляется белокурый голландский юноша, знакомый Реве. В то время как Реве и я, как было условлено днем, собираемся перекусить где-нибудь на свежем воздухе, юноше позволено остаться – при условии, что он ничего не будет трогать. Кроме того, ему поручают всё хорошенько запереть, если ему вздумается выйти: *«Не забудь, потому что иначе набегут туристы, пилигримы и еще бог знает кто. Притащится Симон Винкеног и весь дом на голову поставит»*.

Мы поднимаемся в гору с баулом для пикника, в котором бутерброды и – для меня – бутылка вина. Внезапно Реве, чертыхаясь, припускается обратно: еще что-то забыл запереть. Или проворно приколоть к хаки орденский знак рыцаря Оранских-Нассау? Как бы то ни было, сначала мне этот знак в глаза не бросился. Реве привлекает мое внимание к ордену и сообщает: *«Я его и на джинсовке ношу»*.

Во время пикника мы беседуем на тему облысения, упоминаемую в «Вечерах».

– *Я не помню книги, я никогда ее не перечитывал, не решаюсь. А облысение это мне теперь до лампочки.*

– Обычно в этом ничего приятного нет, даже когда лысеешь постепенно.

– *Ах,* – говорит Герард Реве, – *нужно вот о чем думать: там, в вечной жизни, у тебя будут великолепные ангельские власа.*

Герард Реве

РЕЧЬ ПРИ ВРУЧЕНИИ ПРЕМИИ П.С. ХОФТА

Ваше Превосходительство, Члены Жюри Премии П.С. Хофта 1968, многоуважаемые присутствующие!

Подводя общий итог своей взрослой жизни и писательского пути, теперь, когда я далеко перешагнул эту точку и приблизился к той, с которой уже видна Смерть, я вижу, что развитие моей карьеры художника отмечено яростной борьбой. Борьбой с хаосом в себе самом и вокруг меня, за порядок; борьбой с бессознательным в себе самом и вокруг меня, за сознательное; борьбой с собственным и чужим непониманием, за понимание, и в первой и последней инстанции: борьбой с собственным и чужим отказом в признании, за признание.

На непризнание другими сегодня жаловаться не могу. Благодарю вас, члены жюри, за дань уважения к моей работе, и вас, ваше превосходительство, за решение выразить это уважение в присуждении мне Государственной награды.

Об упомянутой яростной борьбе, по сей день сопровождающей развитие моего мастерства, я много раздумывал и постепенно пришел к выводу, что причину этому следует искать не в моей личности и не в определенных группировках и персонах, на которые можно указать пальцем и назвать по именам, но в некоем обстоятельстве неизменного и общего характера, который я поясню.

С ранней юности я чувствовал свое предназначение стать романтически-декадентским прозаиком и поэтом в стране, где ни Романтика, ни Декадентство никогда не процветали, не говоря уже о том, чтобы в ней можно было сформировать какую-либо традицию. Конечно, в нидерландской литературе есть романтики-декаденты, и даже крупные, такие как Луи Куперус и Ян Слауэрхоф, но они по большей части забыты, и не случайно, что бо́льшую часть жизни они провели за пределами нашей страны. Романтическо-декадентскому писателю – стало быть, тому, кто чувствует свою причастность к по меньшей мере двухвековой западноевропейской традиции – пришлось бы жить и работать в вакууме: здесь нет

течения, которое подхватывает его, дабы пронести на своих волнах через стагнацию и мертвые точки; не существует группы, которой он может руководить или от которой получает руководство; нет русла, в котором он мог бы наслаждаться соответствующей безопасностью артистического микроклимата. Романтическо-декадентский писатель в Нидерландах – всё еще магическая тварь, монстр, аномалия: как еще можно объяснить грызню в 1947 вокруг моей первой книги «Вечера», о которой, в сущности, всё еще не вынесено внятного литературного суждения, но вокруг которой тотчас же – такое может быть только в Нидерландах – выстроились в боевом порядке ее противники и защитники; как еще найти объяснение ребяческому и ненужному удержанию стипендии на путешествие, которая уже была мне назначена в 1952 г.; как еще объяснить политический гвалт, сначала по поводу моей книги «По дороге к концу» в 1963 г. и затем вновь о книге «Ближе к Тебе» в 1966; как еще объяснить ужас по поводу моего вступления, также в 1966 г., в лоно Римско-Католической церкви, – в то время как подобное вступление всё же для романтически-декадентского писателя с мистически-религиозной тенденцией в европейской традиции называют скорее обычным нежели странным явлением; и какое еще найти объяснение для несколько глупого и, в сущности, недостойного для нашего правового государства моего преследования из-за так называемого богохульства?

Я – и это не суждение о художественной ценности моей работы, но констатация очевидного факта – одинок в современной нидерландской литературе. Я – и опять же это не мнение, в котором заключается какое-либо суждение об уровне – не могу указать ни на одного современника в Нидерландах, с которым ощущал бы какое-либо сродство.

На вопрос, является ли одиночество преимуществом или недостатком, ответить нелегко, хотя подозреваю, что недостаток перевешивает. Однако важнее вопрос, готов ли я принять непонимание, касающееся того, что выражается в моей работе и проистекающие из этого непонимания уединение и одиночество, или же я буду до бесконечности продолжать пытаться ликвидировать недоразумение.

Согласно древней традиции, изложенной также в Священном писании, человеку отмерено 70 лет жизни. Я уже далеко перешагнул за половину этого срока. Итак: если бы мне за почти четверть

века писательской карьеры не удалось, невзирая на все бесконечные дебаты, полемики, интервью и «встречные» беседы, прояснить недоразумения с моим Возлюбленным Народом, который лелеет собственные убеждения, касающиеся моего ощущения мира, моих религиозных воззрений, моих взглядов на человеческое существование и на обе великие мистерии – Любовь и Смерть, удастся ли мне это в течение скудных 25 последующих лет, которые мне в благоприятном случае еще отмерены?

Ваше превосходительство, дамы и господа, день короток. «Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать»[I].

Нет, я не думаю, что хотя бы день могу потратить на споры до хрипоты, в которые меня втягивали годами. Я знаю, что моя работа обладает определенным достоинством и законностью, но также и то, что это достоинство и законность ни из чего не явствуют столь убедительно, сколь из самой работы. Это всегдашнее недоразумение, и оно неискоренимо. До сих пор я предоставлял текст и объяснение; надеюсь, что в будущем будет только текст. Таким образом я заканчиваю это слово текстом и только текстом, но сначала хочу сказать вам, как хотел бы воспринять присуждение мне премии П. С. Хофта 1968. Нередко эту премию рассматривают как более-менее окончательное признание и увенчание короной или одобрением закругленной, и в значительной степени завершенной работы всей жизни. Я не хотел бы рассматривать присуждение мне премии в данном ограниченном смысле, ибо для венца или короны я еще слишком молод и, по моим собственным меркам, еще недостаточно осуществил. Но если мне будет позволено рассматривать это высокое награждение как безусловное признание таланта, зарожденного во мне, который, возможно, в будущем раскроется в полной мере; если я, кроме того, могу воспринимать ее как выражение веры в мою художественную неподкупность; и если я, наконец, могу полагать ее поощрением в предположительно решающей фазе моей литературной карьеры, тогда, ваше превосходительство, члены жюри, я приму ее от всего сердца и с благодарностью.

Я закончу стихотворением из «Ближе к Тебе», которое мне особенно дорого. Открытка с этим текстом была в своё время, как некоторые из вас, вероятно помнят, по приказу прокурора изъята

I Иоанн 9:4.

с полки одного книжного магазина. Я упоминаю об этой подробности не как об анекдотической веселой ноте – что, конечно, тоже справедливо, – и не для инсинуации, – некоторые недоумки наверняка подумали, что зиждущаяся на конституции свобода моего творчества в этой благословенной стране некогда находилась под угрозой, – но для подтверждения и иллюстрации к тому, что я только что говорил о Романтике и Декадентстве: никоим образом не случайно, что мало в каких других пассажах моей работы мое романтико-декадентское миросозерцание, мое религиозное кредо и мое кредо Любви выражалось бы столь интенсивно и столь полно, как в этих строках.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ НАШИ МОРЯКИ

В поезде по дороге домой я ищу забвения в пиве,
но то, что должно случиться, неминуемо:
уже через две остановки входит он, стройный матрос
с дерзкими ягодицами,
застенчивый, но грубый. Ушки. Темно-русый.
Когда я стану богат, он будет ходить
со мной в город и пить что хочет:
«это кровь моя».
И за любую красивую шлюху,
какую он захочет, я заплачу:
«это тело мое».
Я бы охотно поприсутствовал, милый, но если ты стесняешься:
тогда не надо, и я никогда не увижу твою наготу,
упрятанную в свитер и брюки, возвышенный рыцарь,
боготворимый Зверь, мой милый Братишка.

Это, ваше превосходительство, дамы и господа, всё, что я хотел сказать. Да смилуется Господь над всеми нами. Благодарю вас.

Герард Реве

ТОРЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ ДЛЯ ИМЕНУЮЩЕЙ СЕБЯ ПИСАТЕЛЯМИ ЧЕРНИ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 1 НОЯБРЯ 1972 ГОДА[I]

Друзья, коллеги, почтеннейшие присутствующие,

В настоящее время, похоже, от искусства и в особенности от литературы, требуется, чтобы они преобразовывали общество. Я бы в первую очередь хотел знать, что понимается под оным преобразованием, а во-вторых, как литература может этому способствовать. Я опасаюсь, что, если к этому безумию и впрямь отнесутся всерьез, то от того, что уже по большей части представляет собой бессильное, халтурное нытье, именуемое «нидерландской литературой», совершенно ничего не останется.

Всё, обладающее талантом, образованностью и интеллектом, отвергает любую социальную подчиненность искусства как по определению кальвинистское, иными словами теократическое и тоталитаристское требование. Искусство, в глубочайшей его сути, никак не связано с обществом. Там, где распоряжаются иначе, всякому созидательному искусству приходит конец, – как в гитлеровской Германии, в России Сталина и Брежнева, на Кубе Фиделя Кастро, – где, кроме писателей, преследованиям подвергаются также и гомосексуалисты, – или в Китае Великого Кормчего Мао, сочинителя наичудовищнейших банальностей, которые когда-либо рождало человеческое воображение, или как в стране заведующего организованной нищетой и социальным банкротством, вечно витийствующей карпатской рожи Тито, упакованного в интернациональную униформу самодовольного зверства и тупости, которую покойный Ян Гресхоф столь метко охарактеризовал как «маршальский мундир, в котором лишь ходить в сортир».

Искусство бесполезно, стоит особняком от общества и, так же как его сестра-близнец, религия, в социальном аспекте аморально.

Присуща ли искусству вообще какая-либо мораль? Искусство обладает собственной моралью, не имеющей ничего общего с уголовным кодексом или господствующими предубеждениями общества. Какое бы примерное и, прежде всего, приспособленческое

I См. примечание IV на стр. 188.

существование ни влачил художник – и на мой взгляд, он поступает совершенно разумно, стремясь к такому внешнему приспосабливанию – в своей мастерской или за своим письменным столом он придерживается лишь той морали, что подчиняется самому Искусству, одобряющей всё то, что содействует созданию зрелого произведения искусства, и презирающей всё ведущее к произведению недоношенному, неудавшемуся.

Если искусство обладает собственной моралью, и если мои книги есть искусство – а это собрание может произвести такое впечатление, – то что и где тут собственная мораль?

Какими бы огромными ни были различия в качестве и силе, я полагаю, что практически всё, что я написал, проникнуто одной-единственной моралью, не беспокоящейся о, например, распределении национальных доходов, и в столь же малой мере озабоченной «местом художника в процессе производства». При всех, кстати, мало различающихся мотивах, которые содержат мои книги, в ней заключается одна-единственная тема, одна идея, одна мораль: Освобождение. Освобождение от того, что удобства ради и, надо думать, ошибочно, имеют привычку именовать «реальностью».

Я живу в эпоху, которая не относится к моим суждениям с большим пониманием. Посему я должен подавать их, искусно запрятав в авантюру, интригу или анекдот. Больше и чаще, нежели кто-то, чьи идеи в моде, я должен в высшей степени рисковать своим мастерством и профессионализмом, потому что то, что я хочу высказать, я должен выносить на обсуждение в той форме, которая, так сказать, ввозит содержание контрабандой для читателя.

Через двадцать пять лет после написания «Вечеров», 16 июня 1972, я завершил свой новый любовный сенсационный роман «Милые мальчики», который, Deo Volente, выйдет из печати весной 1973 г. Если эта книга – «Милые мальчики» – как в переплете, так и в мягкой обложке, привлечет внимание и станет успешной – и я вправе надеяться на то, что она несомненно привлечет огромное внимание и даже будет иметь намного больший успех, нежели «Вечера» двадцать пять лет назад – она получит известность не как книга о Вечном Материнстве Божием, но как книга о «свинстве с мальчиком в церкви» или как книга о «бздёхе в винном бокале».

Всё истолковывается совершенно иначе, чем предполагаешь. Так же, как Дарвин не говорил, что человек произошел от обезьяны, я никогда не заявлял, что Бог есть осел – хотя, разумеется,

стоит лишь заглянуть в зеркало или оглядеться, чтобы убедиться, что, возможно, именно так оно и есть. Я в первой и последней инстанции – писатель набожный, и религиозная, по сути дела, тематика проходит красной нитью через все мои книги, но получается, что меня приняли за богохульника и осудили за это. Банальное, незначительное и поверхностное всегда одерживает верх над существенным, вечным и наиглубочайшим любого художественного произведения, если речь идет о том, что завоевывает внимание и оседает в памяти. Именно так и получится с моей новой книгой «Милые мальчики», которая через несколько месяцев выйдет из печати, и из седьмой главы я сейчас, для поднятия праздничного настроения, прочту отрывок. Тигра и я сидим в комнате с неким восемнадцатилетним Фредди Л., в которого я влюбился до умопомешательства, и с его 29-летним, глуховатым и весьма ревнивым другом Альбертом С., коего я удобства ради именую «стариком». Мы выпиваем.

(За этим следует глава 7, «Тяжелее воздуха» *со слов «Из-за необузданной моей похоти...» до конца)*.

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ СЛОВО

произнесенное Герардом Реве при произведении его в рыцари ордена Оранских-Нассау в ратуше г. Верта 29 апреля 1974 года

384 Господин Бургомистр,

К первому объявшему меня чувству – огромной благодарности Ее Величеству Королеве, коей угодно было на столь ранней ступени моей карьеры пожаловать мне это высокое отличие – прибавляются некоторые умозрительные соображения, которые я хочу кратчайшим образом изложить.

Порой почести выпадают на долю тех, кто их заслуживает; порой – тем, кому, согласно нашему честному крестьянскому пониманию, они причитаются не вполне по праву; и все мы знаем, что существует значительное количество людей, имеющих выдающиеся заслуги, но остающихся в тени и никогда никакими знаками отличия не отмеченных.

Вопрос: заслуживаю ли я это отличие в полной мере, или же весьма отчасти, или, возможно даже, лишь в малейшей степени или вовсе не заслуживаю, – удобства и покойного сна ради я оставляю для наивысшей и Конечной Инстанции, которая будет «судити живым и мертвым». Имеются и другие соображения, которые я полагаю исполненными гораздо большей важности. Помимо того, что сей день является для меня днем благодарности, это также и день удовлетворения и осуществления желаний. Ибо, полностью отстранившись от моих заслуг в искусстве, я полагаю чрезвычайно важным, что некто вроде меня – исповедующий веру, столь яростно оспариваемую в отношении обеих истинных ценностей человеческого существования: Бога и Любви, – может быть выделен из числа других и представлен к награде. Десять, возможно даже пять лет назад получить такое отличие было бы делом немыслимым, и я порой в робком сомнении спрашиваю себя, будет ли это возможно через пять или десять лет, в том случае, если одержат верх новые слепые приверженцы людоедского, материалистического учения о спасении[I], отрицающего тайну любви.

I Имеется в виду сотериология, богословское учение об искуплении и спасении человека.

Что касается моих воззрений о столь великом и, возможно, единственном Божественном атрибуте – Любви, в этом благодарственном слове мне хотелось бы упомянуть полмиллиона, возможно, и миллион и даже больше моих сограждан, рожденных и сформированных подобно мне, чьи голоса никогда столь отчетливо, столь звучно – возможно, даже немного пронзительно – не звучали, как мой. Я желал бы от их имени выразить мою благодарность Ее Величеству.

Боже, храни Королеву!

Симон Кармиггелт

ПИСЬМО ГЕРАРДА РЕВЕ[I]

Я получил от писателя Герарда Корнелиса ван хет Реве письмо, предназначенное для газеты, в которой я веду ежедневную рубрику. Составляя эту книжку, я спросил его: «Ты будешь с ним что-нибудь делать?» «Нет», ответил он. Поэтому я помещаю его в этот сборник, поскольку будет очень жаль, если такое прекрасное письмо будет заживо погребено на газетном кладбище. Вот оно.

Дорогой собрат по перу! Я всё еще влачусь по Земле в поисках Фонтана с Водой Жизни, на дне коего лежит Философский Камень, старый, замшелый и выщербленный. Я видел много городов и много Горя перетерпел на море. Я всё больше и больше прихожу к заключению, что в чужих странах некоторые вещи хотя и очень разные, но в большинстве своем в точности такие же. Возьмем Францию, где я сейчас пребываю. Вот например, французский флаг – в точности как наш, только они его неправильно подвешивают на древко, вертикально, я хочу сказать, и начинают с другой стороны, с неправильного цвета, значит, с синего вместо красного. И они всё едят отдельно, по очереди, то есть сначала салат, потом вареные овощи, потом картошку, потом колбаски и так далее: а всё вместе вилкой ковырять – ни-ни. Тут много разводят пчел, – это называется «апикультура», хотя невооруженным глазом видно, что такое трудолюбивое насекомое зовется «медоносная пчела». И тут действует правило: со своим уставом в чужой монастырь не лезь. У них, как и у нас, имеется масса превосходных животных, но также и такие, от которых нет ни малейшей пользы. Ну вот, например: коза наших соседей не давала ни капли молока, и к тому же всякий раз днем внезапно убегала, коза эта, уносилась в холмы и пропадала часами. Никто не мог за ней угнаться, но в конце концов одному мальчонке удалось ее выследить, и что же оказалось? Эта коза прибегала в пещеру, где жил огромный старый змей, и этот змей высасывал ее до последней капли, так что сосцы кровоточили! В долине неподалеку от нас жил один машинист, который вышел на пенсию и решил построить собственный дом. Он нес на плече брус, а на брусе сидела жаба, и жаба эта плюнула ему прямо в ухо! И маши-

I Симон Кармиггелт: «Просто продолжать», из рассказа «Два дня жизни».

нист тут же умер, прямо на месте! И всё же такое животное нельзя назвать вредным: это у него просто инстинкт. Я очень люблю животных, в точности как и ты, кстати. И вот поэтому у меня возникла проблема. Как ты, наверно, знаешь, мы уезжаем из Фрисландии. Этот дом – восхитительное место для выходных и каникул, но жить там круглый год невозможно – мы постепенно начали ощущать себя слишком одинокими и отрезанными от мира. Стало быть, дом «Трава» теперь выставлен на продажу. Мы подыскиваем хороший приют для Хрюшки, Панды и Кинки, потому что в нашем французском поместье любая кошка очень скоро становится жертвой лисицы или Беркута. А умертвить животных – рука у нас не поднимется. Панда уже умеет немножко читать. Число мое – по-прежнему 666, но адрес в Нидерландах теперь Бослан 34, Венендал, по которому я охотно уделю внимание любому благонадежному человеку, который будет готов с любовью приютить Панду, или Кинки, или Хрюшку, или всех троих. Они чистоплотные, что снаружи, что изнутри, на выбор.

Я сейчас читаю много по древней истории. Римский император Нерон пригласил неких ненавистных ему супругов на обед и расправился с ними, погребя их в обеденной зале под грудами цветов. Вот уж на славу погуляли! Я очень люблю цветы, в точности как и ты, кстати, но даже самых лучших и самых прекрасных может оказаться слишком много, правда? Существуют животные, которые поедают цветы, хотя этого делать нельзя. И все же такое животное нельзя назвать вредным, потому что оно, в отличие от нас, не одарено разумом. Я в последнее время ем мало цветов. Я очень стараюсь их есть, дело не в моем нежелании, но я просто не могу протолкнуть их через глотку, со всеми этими жилками: это как гороховые стручки. Всякая птичка поет, как умеет. Тут каждую ночь поет соловей, вплоть до утреннего кофе в половине одиннадцатого. Тогда наш сладкогласный певец вновь засовывает головку в перья. Кошка может этого соловья слопать, ей только дай возможность. И всё же такое животное нельзя назвать вредным, поскольку любовь к музыке нужно прививать с детства. Я всё еще играю на hobo d'amore так, что небу жарко, но песнь моя уже походит на треск и дрожь: как быстро надвигается Вечная ночь! Сын Божий, смилуйся над нами! Нам, наконец, нужно бросить пить. Обнимаю тебя, и рыдаю, и остаюсь неизменно преданный тебе Герард Корнелис ван хет Реве.

РЕЧЬ ГЕРАРДА РЕВЕ ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТИЯ ВЫСТАВКИ КАРМИГГЕЛТА

11 февраля 1975 года

Глубокоуважаемые присутствующие,

В очень скором времени исполнится тридцать лет со дня первой встречи всё молодеющего сочинителя историй и комика жизни Симона Кармиггелта и боготворимого неисчислимым количеством женщин и девушек певца любви Герарда Реве.

Мы были тогда еще весьма молоды и хороши собой, но в то же время отличались исключительной худобой. Я весил ровно на 25 кг. меньше, чем сейчас.

Шли последние недели войны и немецкой оккупации, и мы, – Кармиггелт и я, в сотрудничестве с некоторыми другими героями сопротивления – честность повелевает мне присовокупить этот факт – трудились над выпуском последнего подпольного номера сопротивленческой газеты «Пароль»; основал ее в июне 1940 и в одиночку начал работать над ней Франс Гудхарт (подпольная кличка «Питер ‘т Хун») в те времена, когда и антиреволюционная, и коммунистическая партия призывали к лояльному сотрудничеству с немецко-фашистскими захватчиками: честность повелевает мне упомянуть и об этом.

«Пароль» оставил на поле битвы много, очень много павших, среди которых был и брат Кармиггелта Йохан. Насколько я знаю, это была единственная газета Сопротивления, которой от начала до конца оккупации удавалось выходить в *печатном* виде – то есть не размноженной на ротаторе, и это требовало неслыханного мужества и огромной изобретательности.

Осенью 1944, когда падение Германии близилось и, казалось, было вопросом всего нескольких недель, оккупанты продолжали расстреливать наобум и без всякого суда и следствия, и ни один типограф не осмеливался рисковать жизнью. По крайней мере, такое было впечатление. Кармиггелту дали задание: всё же разыскать такого печатника. Героическая заслуга принадлежит владельцу одной коммерческой типографии в центре Амстердама, Яну Йессе, светлая

ему память: он решился вновь подвергнуться смертельному риску.

Типография Йессе находилась – и находится – в сердце Амстердама, где в те времена, из которых я черпаю свои воспоминания, уже несколько месяцев не было ни газа, ни электричества, ни угля, ни продовольствия, и где примерно тридцать тысяч человек умерли от голода. На некоторых командных постах, в казармах и конторах немцев электричество еще было, и двумя из этих опорных пунктов на другой стороне улицы, напротив типографии Йессе, являлись редакции «Телеграфа» и “Deutsche Zeitung in den Niederlanden”[1]. Мы получали энергию от оккупантов и предателей родины с той стороны улицы, не побеспокоившись поставить их в известность; ребята из Муниципальной Электрокомпании тайком протянули подземный кабель, который подводил ток к большому старому цилиндрическому прессу семейства Йессе; пресс этот выдавал 800 экземпляров газеты в час.

Я говорю *семейства,* поскольку в работе участвовали все члены семьи, среди которых – старая милая матушка печатника, чей дух определенно витал в давнем прошлом и которая уже мало что сознавала, но старыми худыми руками преданно расправляла и складывала в стопки выбрасываемые прессом газеты.

Была безжалостная, лютая зима, стоял немилосердный мороз и валил снег. Как всегда, и от тех времен в моей памяти засел в основном всякий вздор. Помнится, однажды утром старая г-жа Йессе, приветствуя Кармиггелта, сказала: «Вот так снег, г-н Питерсе. – (Все подпольщики звались «Питерсе», или «дядя Пит», или «тетя Ал», по принципу того, что из человека нельзя пытками извлечь то, о чем он не знает). – Столько намело, г-н Питерсе. Это хорошо для безработных, занятие им найдется: снег разгребать».

Как это всё могло закончиться благополучно, для меня по сей день остается загадкой. Кармиггелт в самый последний момент умудрился попасть в немецкую облаву, причем у него был с собой портфель, набитый отягчающими материалами; но ему хватило безумной дерзости всячески от этого портфеля открещиваться. Возможно, немцы устали от расстрелов, а может быть, Господь решил, что достаточно одного погибшего брата, хотя честность повелевает мне сказать, что, когда Господу представился случай уничтожить всех братьев в Сопротивлении, он затронул только одну семью. Как бы то ни было, в один прекрасный момент Кармиггелт

---

1 «Немецкая газета в Нидерландах» *(нем.)*.

вновь появился в типографии, дымя сигаретой из пачки, которой вознаградил себя по освобождении и которая обошлась ему в сто тридцать гульденов.

А что же нынче, братья и сестры, дорогие верующие, ликующие христиане? Прошло тридцать лет, мы всё еще живы и, как вы знаете, оба мы, комик жизни Кармиггелт и певец любви Реве, тем временем сделались весьма знамениты, один почти столь же знаменит, как и другой.

То, что пишет Кармиггелт, совершенно прекрасно, однако честность повелевает мне сказать, что мои книги тоже недурны. Но каждый должен выяснить это для себя, ибо мы живем в свободной стране – пока еще свободной.

О чем я сегодня не могу рассказывать взахлеб, это о присущем нам обоим «трагическом ощущении жизни», о нашем юморе, который может проявляться столь радостно, и нашей борьбе со Змием Древним, Королем Алкоголем, который «должен быть скован и на тысячу лет в бездну извергнут», хотя, к счастью, затем ему вновь «должно быть освобожденным на малое время»[I], как выразительно сообщает нам слово Божие: нельзя вечно лук натягивать.

Теперь у нас, комика жизни и певца любви, имеются весьма противоречивые суждения о различных и схожих вещах, но о том немногом, о чем я сейчас скажу и в чем мы были единодушны в то время, мы по-прежнему одного мнения. Мы называем убийц убийцами, а концлагеря – концлагерями, неважно, говорим ли мы о *тогдашних* лагерях в Германии и Польше или о *сегодняшних* – разумеется, созданных с благими намерениями – в России, Чехословакии, на Кубе или в Китае. И мы говорим о коммунистическом расизме и коммунистическом антисемитизме, неважно, возник ли этот антисемитизм из благих намерений и неважно, желает ли он скромненько именоваться «антисионизмом» – мы называем коммунистический антисемитизм его истинным и единственным именем: антисемитизм.

Многое изменилось с тех времен, однако многое же ужасающе похоже на прошлое. Орды новых, красных фашистов, которые – по пророческому предсказанию профессора Прессера – именуют себя антифашистами, ходят строем и творят убийства, террор и истязания, служащие созданию, поддержанию и расширению их власти.

I Откр. 20:2-4.

Маниакальный социализм марксистов не знаком с этикой, даже если это – тоталитарный вариант старого девиза иезуитов: «Цель оправдывает *все* средства».

Я хочу закончить мою речь благочестивой просьбой. Как вам известно, я – личность несколько старомодная, исповедующая культ религии и церкви. Тем, кто чересчур трепетно относится к этому вопросу, я хотел бы заметить, что смерть кардинала в борделе, в сущности, не такое уж страшное дело по сравнению со смертью писателя в концентрационном лагере. И я, кроме того, хотел бы указать на то, что великий массовый убийца Ленин, намеревавшийся навсегда покончить со всеми церквями, вероисповеданиями, религиозными культами и суевериями, основал церковь, которой – с одной маленькой поправкой – угодно именовать себя не нашей Матерью, но «повивальной бабкой истории», за двадцать лет уничтожившей по меньшей мере в двадцать раз больше невиновных нежели старая, с прописной буквы, Церковь за двадцать веков существования.

А теперь моя благочестивая просьба.

Боже, храни нас от тех, кто желает сделать счастливым ближнего своего!

Боже, храни нашу свободу!

Выставка считается открытой.

Берт Буларс

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОДАРОК СИМОНА КАРМИГГЕЛТА ГЕРАРДУ РЕВЕ

Восемь литографий 1891 г., полученных Герардом Реве в подарок в 1975 г. на праздновании его 50-летия и 25-летия с начала писательской карьеры были обнаружены совершенно случайно. Литографии представляют собой оттиски с гравюр Джоржа Крукшенка[I]: «Последствия злоупотребления алкоголем».

Каспер де Гоу и Герард Ван ден Утелар[II] совершили это открытие во время визита к Хюсу ван Бладелу[III] в Малакку. Де Гоу и Ван ден Утелар по-прежнему живут на набережной того канала в Верте, где в семидесятых познакомились с Герардом Реве и Хюсом ван Бладелом. С последним они поддерживали постоянный контакт.

Де Гоу рассказывает, что произошло во время их последней встречи с ван Бладелом в Малайзии: «Мы собирались навести порядок в рабочей комнатке Хюса и случайно наткнулись на старый черный портфель, какие были популярны в 70-х. На вес он казался легким, но был заперт. Мы потрясли его, чтобы проверить, есть ли в нем что-нибудь, но ничего не услышали. Взломав его, мы заглянули в «потайной карман» и увидели там нечто похожее на старые газеты. Хюс немедленно узнал литографии, которые многие годы назад запрятал в портфель. Загадка теперь была для Хюса разрешена.

Невзирая на то, что литографии целых сорок лет находились в тропиках, они, на наш взгляд, совершенно не пострадали от погодных условий. Особенность этих восьми литографий в том, что

I George Cruikshank (1792–1878) – английский мастер книжной иллюстрации и сатирико-политической карикатуры.

II Kasper de Gouw – скульптор. Gerard van den Oetelaar – художник.

III Guus van Bladel (1931) – познакомился с Реве 28 ноября 1967, будучи председателем Нидерландского обществава гомофилов (СОС) (отд. Эйндховен). Ван Бладел написал Реве личное письмо в связи с Ослиным процессом, что и послужило поводом для знакомства. В декабре 1971 г. Реве регулярно останавливался у ван Бладела, а потом и окончательно переселился в нему в Верт.

они подписаны: «Voor Gerard Hartg Simon Carmiggelt»[I].

Литографии были подарком Симона Кармиггелта Герарду Реве на его 50-летие, отмечаемое в Пюлхри Студио в Гааге. По дороге домой, в Верт, Реве, восхищенный тем, как Хюс организовал этот праздник в Гааге, отдал ему литографии. Герард добавил: «Пока Кармиггелт жив, никому об этом не рассказывай». Сразу же по прибытии домой Хюс запрятал их в черный портфель, который только теперь нашелся.

Хюс ван Бладел, которому сейчас 82, уже давно живет в Малакке. Де Гоу и Ван ден Утелар навестили его по случаю выставки картин Ван ден Утелара в музее Токо в Джохор Бару[II]. Подарок Кармиггелта теперь перешел в руки его друзей из Верта.

9 февраля 2013

I Герарду (неразб., по-видимому «Сердечно» Симон Кармиггелт).

II Johor Bahru – столица султаната Джохор на юге Малайского полуострова.

СОДЕРЖАНИЕ

Фриц Абрахамс
Симон Кармиггелт и Герард Реве – история дружбы 5

Герард Реве
От автора 15

Герард Реве
Письма Симону К. 19

Симон Кармиггелт
Письма Герарду Реве 265

Макс ван Рой
Интервью с Герардом Реве и Симоном Кармиггелтом 295

Йоке Мюлдер
«Я должен работать, иначе свихнусь» 334

Харри Мулиш
Ироническое в иронии..... 351

Герард Реве
Отвращение 352

Лео Рейкенс
«Слава Богу, что я уехал из Нидерландов» 353

Герард Реве
Речь при вручении премии П.С. Хофта 377

Герард Реве
Торжественная речь для именующей себя писателями черни ... 381

Герард Реве
Благодарственное слово 384

Симон Кармиггелт
Письмо Герарда Реве 386

Герард Реве
Речь по случаю открытия выставки Кармиггелта 388

Берт Буларс
Неизвестный подарок Симона Кармиггелта Герарду Реве 392

Издательство «Kolonna Publications/Митин журнал» представляет книги Герарда Реве

Милые мальчики

Герард Реве родился в 1923 году, его первый роман «Вечера», вышедший, когда автору было 23 года, признан вершиной послевоенной голландской литературы. Дилогия о Милых Мальчиках была написана 30 лет спустя, когда Реве сменил манеру письма, обратившись к солипсическому монологу, исповеди, которую можно только слушать, но нельзя перебить.

По дороге к концу

Перед выходом первой книги, «По дороге к концу» (1963) Реве публично признался в своей гомосексуальности. Второй роман в письмах, «Ближе к Тебе», сделал Реве знаменитым. За пассаж, в котором он описывает пришествие Иисуса Христа в виде серого Осла, с которым автор хотел бы совокупиться, Реве был обвинен в богохульстве. На «Ослином процессе» Реве защищался сам, написав блестящую речь, и все обвинения с него были сняты.

Издательство «Kolonna Publications/Митин журнал» представляет книги Герарда Реве

Мать и сын

Мать – это Святая Дева Мария, а сын – сам Реве. Писатель рассказывает о своем зародившемся в юности интересе к католической церкви и, в конечном итоге, о принятии крещения. По словам Реве, такой исход был неизбежен, хотя и шел вразрез с коммунистическим воспитанием и его открытой гомосексуальностью. Единственным препятствием, которое Реве пришлось преодолеть для того, чтобы быть принятым в лоно церкви, являлось его отвращение к католикам. На страницах книги Реве ищет не только духовного единения с Девой Марией, но и плотского союза с идеальным партнером – юным вокзальным носильщиком, которого он окрестил Матросом. Мечтая о новой встрече с Матросом, автор не забывает и о других «милых мальчиках».

Меланхолия

Повесть «Меланхолия» – первый английский текст Герарда Реве – вызвала недовольство министерства культуры Нидерландов. Чиновники сочли непристойной сцену мастурбации и отказали Реве в стипендии для заграничной поездки. В знак протеста писатель объявил о своем решении эмигрировать. Несколько лет он провел в Лондоне. В сборнике «Меланхолия» собраны произведения Реве, написанные в Англии.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в Москве:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Dodo», Таганская ул., д. 31/22

в Санкт-Петербурге:
«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор

через Интернет:
«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Чакона» chaconne.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на Украине:
«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ООО «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44

Все книги нашего издательства можно заказать наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Герард Реве
ПИСЬМА СИМОНУ К.

Kolonna Publications
Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301
Подписано в печать 22.05.2014.
Тираж 500 экз. Объем 22,5 п.л.
Изготовлено в печатной лаборатории российских изысканий степени родства американских приполярных племен «Русские Родственники» ,
98100, Россия, АР Крым, Феодосия, Советская, 15, телефон 06562-9-37-22,
заказ № 023